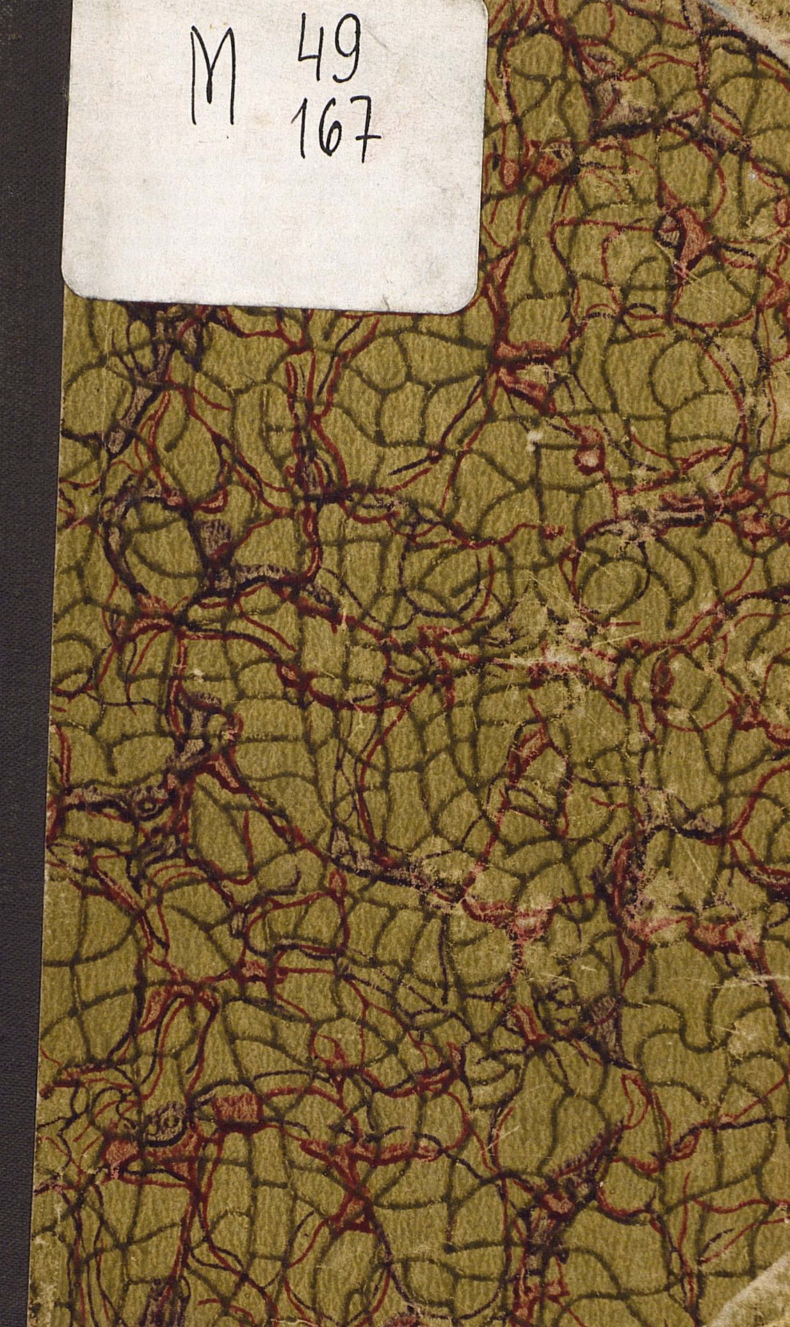

НЕ КОПИРОВАТЬ

2301

РУССКІЕ
САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ
1769—1774 ГОДОВЪ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОШЛАГО ВѢКА.

Сочиненіе

А. АѲАНАСЬЕВА.

(Цѣна 1 руб. 50 коп. сер.)

МОСКВА.

1859.

Кузьмѣ Терентьевичу

Солдатенкову

отъ автора.

РУССКІЕ САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ.

РУССКІЕ
САТИРИЧЕСКІЕ ЖУРНАЛЫ
1769—1774 ГОДОВЪ.

ЭПИЗОДЪ ИЗЪ ИСТОРІИ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПРОШЛАГО ВѢКА.

Сочиненіе

А. АѲАНАСЬЕВА.

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФІИ Э. БАРФКНЕХТА И КОМП.

1859.

ПЕЧАТАТЬ ДОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Москва, 16 окт. 1858 г.

Ценсоръ *Н. Фонъ-Крузе.*

I.

Блистательное царствованіе императрицы Екатерины II, столько замѣчательное во всѣхъ отношеніяхъ, извѣстно и своимъ благотворнымъ вліяніемъ на развитіе отечественной литературы и журналистики. Успѣхи общественной жизни отразились и на серьёзномъ содержаніи многихъ литературныхъ произведеній, и на благородномъ ихъ направленіи. Защита просвѣщенія, борьба съ невѣжествомъ и предразсудками, открытая и мѣткая насмѣшка надъ нравственными общественными недугами и глубокое чувство истиннаго патріотизма — вотъ тѣ существенныя стремленія, которымъ служило перо лучшихъ сочинителей того времени.

Ограничиваясь періодическими изданіями 1769—1774 годовъ, замѣтимъ, что главнымъ характеристическимъ выраженіемъ журналовъ избраннаго нами времени была *сатира;* этимъ они болѣе или менѣе отличаются отъ журналовъ предъидущаго и послѣдующаго времени. Конечно, еще въ «Трудолюбивой Пчелѣ» Сумарокова (1759 г.) замѣчается стихія сатирическая; но здѣсь она далеко не получила той многосторонности, какую встрѣчаемъ въ послѣдующихъ журналахъ, обзоръ которыхъ рѣшаемся представить въ этомъ сочиненіи. Справедливѣе сказать что Сумароковъ вообще своими сочи-

неніями, а не одною «Трудолюбивою Пчелою», положилъ основаніе той остроумной и бойкой сатирѣ, которою такъ удачно и мастерски воспользовались послѣ періодическія изданія. Время съ 1769 по 1775-й годъ въ исторіи нашей литературы — время сатиры попреимуществу, сатиры, строго-обличающей пороки и затрогивающей темныя стороны вседневной жизни. Сатира эта состоитъ въ тѣсной связи съ тѣми преобразованіями, какія задумывала и совершала Великая Екатерина: она бросала на воспріимчивую почву русской народности живительное сѣмя и вмѣстѣ съ тѣмъ сохранила для насъ много богатыхъ и любопытныхъ свидѣтельствъ о внутренней жизни нашего общества, о разнообразныхъ условіяхъ его быта, о духѣ современныхъ той эпохѣ убѣжденій и взглядовъ. Вотъ почему лучшіе сатирическіе журналы даннаго времени отличаются такою же яркою изобразительностью и такимъ же живымъ интересомъ, какими была проникнута самая общественная жизнь семидесятыхъ годовъ; въ нихъ заключены превосходные матеріалы для комическаго и драматическаго воспроизведенія нравовъ прошлаго столѣтія. Рядомъ съ этими обличительными статьями появлялись и листы, наполненные различными разсужденіями, стихами и разсказами, писанными, какъ выражались тогда, для одного *увеселенія*, то есть для простаго удовлетворенія эстетическихъ потребностей современнаго общества. Періодическія изданія Рубана даже вовсе ограничивались такою скромною цѣлью; только къ статьямъ, писаннымъ для увеселенія, они присоединяли историческіе матеріалы; а въ журналѣ: «Полезное съ Пріятнымъ» печатались, сверхъ сатирическихъ писемъ, теоретическія разсужденія о воспитаніи и житейскомъ обхожденіи*).

*) Сатирическое направленіе продолжалось и послѣ въ разныхъ журналахъ. См. мою замѣтку въ «Моков. Вѣдомостяхъ» 1856 г. № 55: «Два слова о журнальной сатирѣ прошлаго вѣка».

Такое значеніе періодическихъ изданій 1769 — 1774 годовъ было главною причиною, почему мы рѣшились обратить на нихъ вниманіе читателей, тѣмъ болѣе, что изданія эти въ настоящее время весьма рѣдки, а нѣкоторыя и вовсе недоступны*). Къ этому не мѣшаетъ прибавить, что вообще мы очень мало знакомы съ старинными журналами, хотя безъ этого знакомства исторія литературы рѣшительно-невозможна.

1769-ый годъ былъ особенно-счастливъ на журналы, которыхъ выходило тогда восемь. Съ начала года Козицкій вздумалъ издавать еженедѣльникъ, подъ названіемъ «Всякой Всячины», а Чулковъ — еженедѣльникъ «И то и сё»; вслѣдъ затѣмъ появились: съ 21-го февраля «Ни то ни сё» Рубана, продолжавшееся только по 12-е іюля; съ 1-го марта по 5-е апрѣля выходила «Поденьшина» Тузова; съ 1-го апрѣля стала выходить «Смѣсь», съ мая — «Трутень» Новикова, а съ іюля — «Адская Почта» Эмина. Кромѣ того, полгода выдаваемо было «Полезное съ Пріятнымъ». Всѣ эти изданія, согласно тогдашнему обыкновенію, окончились вмѣстѣ съ концомъ года; нѣкоторыя еще раньше. Въ новый 1770 годъ перешли только «Всякая Всячина» и «Трутень», которые нѣсколько времени продолжали выдавать статьи, оставшіяся отъ прошлогодняго запаса; первая — подъ названіемъ: «Барышокъ Всякія Всячины», а второй подъ старымъ именемъ. Названные нами журналы выходили въ Петербургѣ; въ Москвѣ не было тогда періодическихъ изданій. «Извѣстно, говоритъ на «смѣшливый «Трутень», что почтенная наша старушка-Москва «и со своими жителями во нравахъ весьма непонятна: ей «всегда нравилися новыя моды, и она всегда перенимала ихъ у

*) Это и побудило меня самые рѣдкіе изъ этихъ журналовъ перепечатать вновь: *Кошелекъ*, *Пустомелю* и *Поденьшину* (въ Москвѣ, 1858 г., въ 16 д. л., въ типограф. С. Селивановскаго).

«петербургскихъ жителей... Въ нынѣшнемъ 1769 году лишь «показалася въ свѣтъ «Всякая Всячина» со своимъ племе-«немъ, то жители нашего города заключили, что и это — но-«вая мода, и какъ Москва писателями сихъ мелкихъ сочине-«ній весьма изобильна, то надѣялись, что тамъ сіи листки «выходить будутъ не десятками, а сотнями... но всѣ обма-«нулись: въ Москвѣ и по сіе время ни одного такого изъ ти-«пографіи не вышло листочка, да и печатанные въ Петербургѣ «журналы читаютъ немногіе. Старой, но весьма разумной «нашъ мѣщанинъ Правдинъ о семъ заключаетъ, что Москва ко «украшенію тѣла служащія моды перенимаетъ гораздо скорѣе «украшающихъ разумъ, и что Москва также, какъ и преста-«рѣлая кокетка, сатиръ на свои нравы читать не любитъ»*).

Объ издателяхъ періодическихъ листовъ 1769-го года извѣстно намъ весьма-мало. Это были люди, по своему времени, болѣе или менѣе образованные и талантливые. Издатель «Всячины», Григорій Васильевичъ Козицкій, воспитывался въ кіевской академіи, путешествовалъ по Европѣ, а по возвращеніи изъ-за границы (въ 1758 г.) опредѣленъ лекторомъ словесности при санктпетербургской академіи наукъ, впослѣдствіи былъ статсъ-секретаремъ при императрицѣ Екатеринѣ II. Въ обществѣ его знали за человѣка умнаго, знатока тогдашняго тона и свѣта. Новиковъ отзывается о немъ съ большою похвалою: «Сей искусный и ученый мужъ пріо-«брѣлъ бы не послѣднее мѣсто между славными россійскими «писателями, ежели бы имѣлъ достаточное время для упраж-«ненія въ словесныхъ наукахъ. Совершенное его искусство «во славянскомъ, греческомъ, латинскомъ, французскомъ и «нѣмецкомъ языкахъ, и великое его просвѣщеніе со здравымъ «разсудкомъ въ томъ удостовѣряютъ. Слогъ его чистъ, ва-

---

*) Стр. 44—45.

«женъ, плодовитъ и пріятенъ». Сумароковъ, скупой на похвалы писателямъ, отзывался о Козицкомъ, какъ о талантливомъ сочинителѣ, и въ спорахъ о чистотѣ языка часто ссылался на его авторитетъ. Козицкій былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ Сумароковымъ; въ послѣднее время обнародована часть ихъ переписки*); онъ участвовалъ въ «Трудолюбивой Пчелѣ», на листахъ которой напечатано его разсужденіе «О пользѣ миѳологіи»; онъ много переводилъ и, между прочимъ, перевелъ на латинскій языкъ «Наказъ коммиссіи».

Приступая къ изданію «Всячины», Козицкій сдѣлалъ такое обращеніе къ публикѣ: «Любезный читатель, предпріялъ я сообщить вамъ все то, что мнѣ заблагоразсудится безъ всякого «порядка; иногда дамъ вамъ полезныя наставленія, иногда будете смѣяться». При окончаніи года издатель еще яснѣе указалъ на задачу своего журнала: «Я хотѣлъ (говоритъ онъ) показать — первое, что люди иногда могутъ быть приведены къ «тому, чтобы смѣяться самимъ себѣ; второе — открыть дорогу «тѣмъ, кои умнѣе меня, давать людямъ наставленія, забавляя «ихъ, и третіе — говорить русскимъ о русскихъ, а не представлять имъ умоначертаній, кои они не знаютъ». Образцомъ для «Всячины» послужилъ знаменитый англійскій журналъ, издававшійся въ 1711—2 годахъ Аддисономъ, подъ названіемъ «Зрителя» (The Spectator) и послѣ долгое время пользовавшійся большимъ успѣхомъ. «Въ англинскомъ «Смотрителѣ», замѣчаетъ одинъ изъ сотрудниковъ Козицкаго, немало соли, а «Всякая Всячина» на него походитъ»; въ другомъ мѣстѣ находимъ сближеніе «Всячины» съ французскими и англійскими періодическими изданіями: «Зрителемъ», «Новымъ Менторомъ», «Мизантропомъ» и «Пустомелею». Это вліяніе иностранныхъ сатирическихъ изданій на наши журналы мы до-

*) «Библ. Записки», № 14 и 15 (1858); «Отеч. Зап.» 1858 г., № 2.

пускаемъ только въ той мѣрѣ, по скольку оно касается формы и тона статей; а содержаніе наши сатирическіе журналы брали изъ своей собственной жизни. Картины, ими представленныя, и самый языкъ отличаются неподдѣльными чертами народности. Не смотря на желаніе, высказанное Козицкимъ въ спорѣ съ издателемъ «Трутня», чтобъ сатира имѣла поболѣе мягкости, онъ не щадилъ ничего, что̀ заслуживало насмѣшки, и справедливо замѣтилъ, что потомство произнесетъ надъ нимъ такой судъ: «его разсужденія, не смотря на состарѣв-«шійся языкъ и темныя выраженія вѣка, мы довольно разу-«мѣемъ, чтобы видѣть, какія были забавы и нравы у россій-«скаго народа». Для наполненія «Всячины» сатирическими описаніями, издатель, по собственному его свидѣтельству, старался имѣть наблюдательные глаза и уши на всѣхъ гульбищахъ, празднествахъ и собраніяхъ въ обѣихъ столицахъ *).

«Мнѣ (говоритъ Козицкій въ объявленіи о своемъ журналѣ) «сказали мама и няня, какъ я былъ шести лѣтъ, что я уменъ; «у меня есть ласкатели, кои тоже нынѣ подтверждаютъ; ибо «не у однихъ князей и бар, да у двора найти сихъ животныхъ «можно. Сверхъ ума моего, я заподлинно изъ опытовъ увѣ-«ренъ, что у меня сердце доброе. Итакъ надѣйтеся, госпо-«динъ читатель, что, купя мой трудъ, вы не вовсе потеряете «свои деньги. Не вздумайте же впрямъ, что мнѣ нужда въ ва-«шихъ деньгахъ: я, право, дважды въ день сытъ, и еще оста-«ется столько, что и васъ накормить можно. Я знаю, что все «сіе отправляется на чужой счетъ, ибо доходъ мой есть дань, «наложенная на людей, кои болѣе меня работаютъ въ потѣ «лица своего, а я то проживаю безъ толикаго труда и часто «безъ благодарности къ нимъ . . .» Обрисовавъ свое положеніе, издатель такимъ же насмѣшливымъ тономъ представляетъ

*) Стр. 53, 103, 249, 399, 551—552.

портреты четырехъ своихъ сотрудниковъ и обѣщаетъ современемъ открыть публикѣ ихъ имена. Онъ приглашаетъ и посторонниxъ участвовать въ своемъ журналѣ, но прибавляетъ при этомъ: «мы обѣщаемъ вносити въ наши листы все то, что насъ не введетъ въ тяжбу съ благочиніемъ»[1]). Впрочемъ, имена сотрудниковъ «Всячины» скрыты подъ загадочными и затѣйливыми псевдонимами, каковы: *Аришлай Шуши*, *Ибрагимъ Курмаметъ*, *Остроперовъ*, *Топтоногова*, *Торабаровъ*, *Самъ себѣ лѣкарь*, *Сами отгадайте кто? Имя мое съ аза, а прозвищемъ проказа*, и другіе. Статьи, помѣщенныя во «Всячинѣ», сентенціями озаглавлены краткими нравственными сентенціями въ родѣ слѣдующихъ: «Дѣлайте по моимъ словамъ, а не по моимъ дѣламъ», «Неблагодарность вреднѣйшій есть порокъ», «Упрямство есть порокъ слабаго ума», «Привычка есть второе естество», и такъ далѣе. Подъ этими заглавіями находимъ нѣсколько интересныхъ сценъ, ярко-рисующихъ нравы частнаго, домашняго быта того времени. Успѣхъ «Всячины» былъ полный; съ самаго появленія своего она встрѣчена съ такимъ участіемъ, что перваго и втораго листовъ не достало на всѣхъ желающихъ[2]).

Издатель журнала «И то и сё», Михайло Дмитріевичъ Чулковъ, извѣстенъ, какъ авторъ комедіи: «Какъ хочешь назови» и какъ составитель многихъ весьма полезныхъ книгъ[3]). Онъ слушалъ въ московскомъ университетѣ лекціи русской словесности, и первый обратилъ вниманіе на уцѣлѣвшіе въ народѣ памятники старинныхъ суевѣрій. Цѣль и направленіе своего журнала онъ опредѣлилъ слѣдующими словами: «Я

---

[1]) Стр. 1 — 2, 9, 16, 23, 116, 119.

[2]) Стр. 170.

[3]) «Русскія сказки»; «Юридическій словарь», «Историческое описаніе россійской торговли», «Словарь учрежденныхъ въ Россіи ярмарокъ» и др.

«самъ себя больше знаю, нежели кто другой, и обѣщаюсь, «ежели не солгу, въ семъ сочиненіи описать большую половину моей жизни. Только опять сказываю и это, что не все «то будетъ правда, что̀ я буду говорить о самомъ себѣ; иногда «именемъ моимъ буду я кликать другаго, который хотя и не «отзовется. По той причинѣ, можетъ, онъ на меня и подосадуетъ, однако въ необходимой путь ступить мнѣ должно какъ-«нибудь; впрочемъ, зеркало не виновато, коли рожа крива»[1]). Журналу своему Чулковъ старался придать легкій тонъ народности; всѣ нумера его изданія пересыпаны пословицами и поговорками; въ статьяхъ своихъ онъ касается народныхъ повѣрій и гульбищъ и упоминаетъ о лубочныхъ сказкахъ. Заканчивая свое изданіе эпитафіею «И тому и сему», Чулковъ прибавляетъ, что при изданіи его трудился онъ одинъ, безъ всякой помощи, исключая весьма малаго, «которое и по слогу «читатель узнаетъ, что оно не мое, а принесено ко мнѣ ро-«комъ»[2]). Въ этомъ *маломъ* встрѣчаемъ статьи Сумарокова: «Противурѣчіе г. Примѣчаеву», «О всегдашней равности въ продажѣ товаровъ», его же эпиграммы[3]), и стихотворенія Михайла Попова, воспитанника кадетскаго корпуса и актёра[4]).

При журналѣ «И то и сё» продавалась сочиненная Чулковымъ сатирическая поэма: «Плачевное паденіе стихотворцевъ» (въ трехъ пѣсняхъ), потомъ вновь-изданная въ 1775 году съ прибавленіемъ къ ней стиховъ на гулянье подъ качелями и на семикъ, которые первоначально были напечатаны въ текстѣ журнала «И то и сё». Поэма эта, вмѣстѣ съ прибавочными къ ней стихами, была впослѣдствіи по ошибкѣ перепечатана

---

[1]) Недѣля III.

[2]) Недѣля LII.

[3]) Недѣля VI. «Опытъ истор. словаря» Новикова, стр. 234.

[4]) Карабановъ: «Основаніе русск. театра», стр. 23 и 34.

между сочиненіями Василія Майкова [1]), не смотря на то, что въ стихахъ на качели и въ самой поэмѣ заключается много насмѣшекъ надъ Майковымъ и его литературными трудами. Майковъ извѣстенъ, какъ авторъ сатирической поэмы: «Елисей или раздраженный Вакхъ», наполненной нѣсколько пошлыми картинами, но написанной забавно-торжественнымъ тономъ и не безъ остроумія [2]), какъ сочинитель другой сатирической поэмы: «Игрокъ ломбера» и эклогъ, и какъ перелагатель въ стихи прозаическаго перевода «Овидіевыхъ Превращеній». Надо всѣми этими произведеніями музы Майкова Чулковъ равно посмѣялся. Пародируя поэму «Елисей», въ которой авторъ вмѣтѣ съ своимъ героемъ-ямщикомъ завелъ въ питейный домъ и Бахуса и Силена, Аполлона заставилъ рубить дрова, Цереру работать на гумнѣ [3]), Чулковъ говоритъ:

Потомъ я затащилъ въ харчевню весь Парнасъ;
Минервинъ на гумнѣ послышался мнѣ гласъ,
Церера на грядахъ крапиву во щи полетъ,
Юпитеръ на дворѣ дрова изъ платы колетъ...
Въ *ямщичьей* шапкѣ Марсъ на одноколкѣ рыщетъ,
Буянитъ онъ, кричитъ и по бурлацки свищетъ;
Торгуетъ выжигой на площади Плутонъ,
Въ волынку на мосту играетъ Аполлонъ,

и такъ далѣе. Намекая на стихотворное переложеніе Овидія, Чулковъ продолжаетъ:

---

[1]) Смотри «Сочиненія Василія Майкова, или собраніе остроумныхъ сатирическихъ забавныхъ поэмъ, нравственныхъ басенъ и сказокъ, театральныхъ и другихъ его лирическихъ твореній.» Спб. 1809 г. Означенная поэма принадлежитъ Чулкову по прямому указанію изданія 1775 г. и по свидѣтельству Новикова (см. Опытъ историч. словаря, стр. 243).

[2]) Годъ перваго изданія намъ неизвѣстенъ; въ каталогахъ показанія ошибочны. Поэма въ свое время имѣла значительный успѣхъ.

[3]) Стр. 4, 9, 15—16, 18.

Овидія себѣ наставникомъ избралъ,
Который никогда такъ, думаю, не вралъ;
Писалъ онъ хорошо, остро, замысловато,
А я переводилъ гораздо плоховато,
И такъ нехорошо, что сей великій мужъ
Толико сдѣлался по русски неуклюжъ,
Колико въ собственномъ нарѣчіи прелестенъ.
Латинскій мнѣ языкъ и русской неизвѣстенъ,
Другихъ не знаю я, а прочихъ не училъ;

однако лишь перо омочилъ въ чернила, то вздумалъ о себѣ не вѣсть-что, надулся хомякомъ и пошелъ не дорогою, а цѣликомъ:

Учиться не хотѣлъ, какъ выступить мнѣ въ люди,
И бубны принималъ не вѣдая за жлуди [1]).

Въ поясненіе выписанныхъ нами стиховъ приведемъ отзывъ Новикова о Майковѣ: онъ «почитается въ числѣ лучшихъ нашихъ стихотворцевъ, и тѣмъ паче достоинъ похвалы, что ничего не заимствовалъ, *ибо онъ никакихъ чужестранныхъ языковъ не знаетъ*» [2]). Другіе намёки, которыми такъ богато «Плачевное паденіе стихотворцевъ», разгадать весьма трудно.

Издателемъ журнала «Ни то, ни сё» былъ Василій Григорьевичъ Рубанъ, получившій воспитаніе въ кіевской академіи и московскомъ университетѣ; онъ служилъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ, считался въ свое время однимъ изъ лучшихъ переводчиковъ и лирическихъ стихотворцевъ; онъ написалъ множество надписей къ портретамъ разныхъ лицъ, на дни рожденія, тезоименитства, пожалованія наградами и проч.; надписями этими наполнилъ и свой журналъ. Особенно же извѣстенъ Рубанъ въ нашей литературѣ надписью къ монументу Петра Великаго:

---

[1]) Намёкъ на «Игрока ломбера». Въ этой поэмѣ Леандръ ошибкою принялъ во время игры бубны за черви.

[2]) «Опытъ истор. словаря», стр. 135.

Колосъ Родосскій! днесь смири прегордый видъ....

Рубанъ оставилъ нѣсколько полезныхъ книгъ по русской исторіи и географіи. Журналъ свой началъ онъ издавать, увлеченный примѣромъ Козицкаго и Чулкова; однако «Ни то, ни сё», какъ и другія періодическія изданія Рубана, чужды того сатирическаго духа, какой замѣчаемъ во «Всячинѣ» и въ журналѣ «И то и сё»: здѣсь печатались стихотворенія и переводныя прозаическія статьи для «увеселенія». Причиной изданія перваго своего журнала Рубанъ прежде всего полагаетъ свойственное людямъ самолюбіе. «Эта страсть (говоритъ онъ), «будучи сопровождаема еще охотою показаться грамотными и «желаніемъ услужить публикѣ, сдѣлала изданіе сихъ листковъ необходимымъ. Итакъ три только обстоятельства остались, о которыхъ намъ нѣсколько позаботиться надобно, а «именно: сочиненіе наше покажется читателямъ или полезно, «или безполезно, или ни то, ни другое. Что до перваго принадлежитъ, то мы обѣщаемся понести великодушно, если кто «наше *Ни то, ни сё* захочетъ превратить въ *Нѣчто*. Чтожъ касается до втораго, то мы не обязуемся отвѣтствовать за тѣхъ «читателей, которые изъ сего нашего затору произведутъ непріятную чувствамъ кислоту; а если случится третіе, то мы «уже будемъ не первые отягощать свѣтъ безполезными сочиненіями: между множествомъословъ и мы вислоухими быть «не покраснѣемъ. Вить мы не вдвое противъ другихъ человѣки... Насъ въ семъ случаѣ будетъ веселить лишь то, «что мы чрезъ сіе окажемся честными и справедливыми «людьми, сдержавъ свое слово предъ публикою, то есть, что «выйдетъ изъ сего настоящее и безпримѣсное *Ни то, ни сё*» *). Таково остроуміе Рубана. Слогъ его вялый, по мѣстамъ обезображенный тяжелыми и неправильными оборотами. Разсуж-

*) Стр. 3—5.

дая о томъ, что нужно для періодическаго изданія, онъ говоритъ, что «надежнѣе всего мѣшать поученія съ увеселеніями «и угрюмость строгихъ правилъ умягчать какими-нибудь пріятностьми или закрывать прелестными цвѣтами, но съ соблюденіемъ надлежащей мѣры единообразія, чтобъ слишкомъ не «перепестрить» [1]). Но, вопреки своему намѣренію, онъ напечаталъ въ своемъ журналѣ въ плохомъ переводѣ разсужденіе Сенеки о смерти. Одинъ острякъ прислалъ по этому поводу въ редакцію стихи:

Безспорно, что̀ весьма полезно
О смерти въ жизни разсуждать;
Но въ свѣтѣ не для всѣхъ любезно
Толь страшную мораль читать...
Ввязались не въ свое вы дѣло;
Ни то, ни сё, а загремѣло
Сенекой, какъ Перунъ, у насъ, и проч.

На это издатель отвѣчалъ стихами о разнородности человѣческихъ вкусовъ: что если одни склонны къ забавному, за то другіе охотники до морали. Вскорѣ послѣ того было въ журналѣ Рубана напечатано письмо Старожилова, который защищаетъ переводъ Сенеки [2]): «всѣ говорятъ, что имъ наскучили важности и въ большихъ книгахъ; жалуются и на «самыхъ проповѣдниковъ, что будто они имъ своею моралью «уши прожжужали; но я вамъ порукою, что они первыхъ и въ «руки не бирали, а вторыхъ не слыхивали. Вить извѣстно, что «такіе *порхуны* столь же боятся долгой обѣдни, какъ большой «и разумной книги». Между сотрудниками Рубана должно упомянуть Василія Петрова, который помѣстилъ на листахъ его журнала переведенную имъ оду: «Должности общежитія».

«Ни то, ни сё» не удовлетворяло вкусу и желаніямъ публики и потому не имѣло успѣха; оно существовало около пяти мѣ-

[1]) Стр. 75—76.
[2]) Стр. 31—32, 77—79.

сяцевъ. Недовольный публикою и замѣчаніями другихъ журналистовъ, Рубанъ, при окончаніи своего изданія, разразился такимъ обращеніемъ къ читателямъ:

«Господа читатели! Съ нынѣшняго года извѣстно стало, «что марать бумагу прозою есть столь же прилипчивая бо-«лѣзнь, какъ и плести стихи; а мы по собственному опыту «нашли на нее и лѣкарство. Оно называется многодѣліемъ, «котораго если дать добрый пріемъ больному, то сколь бы въ «немъ болѣзнь сія ни застарѣлась, только онъ, если не на-«всегда, то по крайней мѣрѣ на нѣсколько времени изцѣлит-«ся... Примѣчено еще то, что въ сей болѣзни люди бываютъ «неодинаковы: иные веселы, пріятны и въ полномъ умѣ, а «иные совсѣмъ шалѣютъ, взъѣдаются, не будучи ни кѣмъ «дразнимы, и много безтолковаго бредятъ. Что касается до «насъ, то мы, хотя и не надѣемся, чтобы насъ здоровые чи-«татели включили въ число первыхъ, такъ по крайней мѣрѣ «не боимся быть поставлены между послѣдними; а если такъ, «то по всѣмъ выкладкамъ причтется нашей болѣзни назваться «чистымъ *Ни тѣмъ, ни сѣмъ*. Правду сказать, мы не угодили «ни петиметрамъ, ни степеннымъ людямъ: первымъ, потому «что не грезили ни объ нарядахъ, ни объ модахъ, но о томъ жа-«лѣть нечего; вить они и сами больны головою, однако не ло-«момъ, но пустотою въ головѣ. А вторымъ, потому что мы пи-«сали на лоскуткахъ, которыхъ они и въ руки не берутъ; они «охотники до увѣсистыхъ книгъ, но по несчастію прекратив-«шаяся скоропостижно наша болѣзнь не дала намъ времени сгро-«моздить ничего такого, что-бъ имъ руки обломить могло... «Итакъ осталось намъ ожидать себѣ похвалъ отъ однихъ «здоровыхъ людей, но по несчастію ихъ очень мало... Про-«щайте, господа читатели, мы съ вами разговаривать не бу-«демъ: здоровымъ изъ васъ желаемъ быть здоровыми и впредь, «а больнымъ скораго выздоровленія... Впрочемъ, вы чрезъ

«наше излѣченіе не лишитеся удовольствія забавляться раз-«ными нелѣпостями, отъ больныхъ содѣваемыми»[1]). Этими послѣдними строками Рубанъ мѣтилъ на другія періодическія изданія, продолжавшія выходить въ свѣтъ въ то время.

Если Чулковъ, оканчивая свое изданіе, самъ пропѣлъ ему эпитафію, то журналу: «Ни то, ни сё» потрудилась пропѣть эпитафію «Смѣсь». Вотъ это стихотвореніе:

Немного времени «Ни то, ни сё» трудилось,
Въ исходѣ февраля родившися на свѣтъ:
Вся жизнь его была единый только бредъ,
И въ *блоху*[2]) наконецъ въ іюлѣ преродилось.
А сею тварею презрѣнно бывъ вездѣ,
Исчезло во своемъ убогонькомъ гнѣздѣ.

Приведемъ здѣсь и другую эпиграмму, напечатанную въ «Смѣси» на Рубана:

Не будетъ тотъ столяръ, кто *рубитъ* лишь дрова,
Не будетъ тотъ піитъ, кто русскія слова
Разрубитъ на стихи и рифмами окончитъ...
Такъ для чего-жъ у насъ та вольность всѣмъ дана,
Что можетъ и *Рубачъ* піитомъ называться?
За имя же сіе *Рубачъ* готовъ хоть драться,
И *нарубивъ* стиховъ, онъ мнитъ, что славенъ ввѣкъ;
Такъ славенъ посему и всякой дровосѣкъ![3])

Н. И. Новиковъ извѣстенъ, какъ издатель цѣлаго ряда журналовъ, обратившихъ на себя справедливое вниманіе современниковъ. Въ 1769 году онъ явился съ «Трутнемъ», направленіе котораго было исключительно сатирическое. На виньеткѣ, приложенной къ заглавному листу втораго изданія «Трутня», изображенъ оселъ, придавленный сатиромъ. «Трутень» окончился 53-мъ листомъ, въ которомъ издатель про-

---

[1]) Стр. 157—160.

[2]) Намёкъ на стихотвореніе «Блоха» (изъ Овидіевыхъ фрагментовъ), помѣщенное въ послѣднемъ листѣ журнала: «Ни то, ни сё».

[3]) Стр. 96, 136.

щается съ публикою легкой и умно-составленной статьею подъ заглавіемъ: «Разставаніе или послѣднее прощаніе съ читателями»[1]). Сотрудники этого журнала скрыли свои имена подъ псевдонимами: Чистосердова, Правдолюбова, Правомыслова и т. п. Намъ извѣстны только Василій Майковъ и Михаилъ Поповъ, помѣщавшіе въ «Трутнѣ» свои стихотворенія, и Аблесимовъ, напечатавшій здѣсь нѣсколько своихъ «Былей» и два или три письма. Макаровъ догадывается, что и подъ псевдонимомъ *Азазель Азизезовъ* скрывается имя Александра Аблесимова, и указываетъ на княгиню Е. Р. Дашкову и графа М. Л. Воронцова, какъ на сотрудниковъ «Трутня»[2]). Въ журналѣ Новикова напечатана надпись къ памятнику Ломоносова, воздвигнутому графомъ Воронцовымъ; кромѣ того, имя графа не упоминается въ «Трутнѣ» и прямыхъ указаній на участіе его и княгини Дашковой въ означенномъ изданіи мы не находимъ.

О другихъ сатирическихъ журналахъ Новикова скажемъ въ своемъ мѣстѣ. Ему приписываютъ и періодическое изданіе 1769 года: «Смѣсь»; но сомнительно, чтобъ онъ могъ въ одно и то же время предпринять и вести два отдѣльные журнала. Если станемъ пристальнѣе вглядываться въ текстъ «Смѣси» и «Трутня», то, не смотря на все сходство ихъ цѣлей и направленій, нельзя не замѣтить различія въ обоихъ журналахъ относительно тона сатиры и слога; прибавимъ еще, что ни одна статья «Смѣси» не была перепечатана Новиковымъ въ послѣдующемъ изданіи «Живописца», куда «Трутень» принесъ обильную дань. Названіе «Смѣсь» было избрано издателемъ этого журнала потому, что на листахъ его онъ же-

---

[1]) «*Всякая Всячина*, говоритъ одинъ изъ сотрудниковъ Новикова, «простилась; *И то и сё* превратилось въ ничто; *Адская Почта* оста«новилась, а *Трутню* также пора летѣть на огонекъ въ кухню» («Трутень» 1770 г., стр. 127).

[2]) «Отечеств. Зап.» 1839 г., № 8, стр. 31, смѣсь.

лалъ представить «смѣсь полезнаго съ пріятнымъ»[1]), то есть соединить статьи сатирическія съ сочиненіями, писанными «для увеселенія». Первыя, однакожъ, составляютъ главное, существенное содержаніе «Смѣси». Въ разговорѣ между Меркуріемъ и издателемъ «Смѣси» высказано намѣреніе исправлять пороки и заблужденія жосткимъ орудіемъ сатиры, на что Меркурій дѣлаетъ такое замѣчаніе: «Худо же ты знаешь «людей! Они давно изгнали правду и всего скорѣе можно имъ «понравиться, писавъ ложь и бездѣлки... а по всѣмъ тво- «имъ словамъ вижу, что скоро твоихъ листовъ не станутъ «читать; не вылѣчить людей, зараженныхъ предразсужде- «ніемъ!»[2]) Преслѣдуя невѣжество и грубость, «Смѣсь» выставляетъ въ то же время высокія нравственныя идеи, во имя которыхъ и произноситъ свой судъ.

Въ одно время съ Козицкимъ, Чулковымъ, Рубаномъ и Новиковымъ явились на журнальномъ поприщѣ Василій Тузовъ, оберъ-офицеръ полевыхъ полковъ, авторъ «шуточныхъ» стиховъ и пѣсенъ, непопавшихъ въ печать, и Ѳедоръ Александровичъ Эминъ, кабинетный переводчикъ. Первый выступилъ съ «Поденьшиною», заключающею въ себѣ нѣсколько разсужденій объ искусствахъ и писемъ, въ которыхъ, не смотря на желаніе автора, элементъ сатирическій почти незамѣтенъ. «Поденьшина» явилась только изъ желанія ея издателя подражать другимъ періодическимъ листамъ, и не имѣла успѣха. Эминъ выступилъ съ «Адскою Почтою», въ которой помѣщались адскія вѣдомости и переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ. На эту мысль онъ наведенъ былъ извѣстнымъ романомъ Лесажа. Обращаясь къ читателю, Эминъ разсказываетъ, какъ оба бѣса, и хромоногой, и кривой, долгое время служившіе адской республикѣ, были наконецъ отправлены въ здѣшній свѣтъ;

---

[1]) Стр. 31.

[2]) Стр. 167.

они должны были жить въ различныхъ мѣстностяхъ и вели между собой переписку. Изданіе этой переписки онъ, по порученію бѣсовъ, принялъ на себя*). Содержаніе «Адской Почты» составляютъ остроумныя, но нѣсколько-грубыя и двусмысленныя нападки на частные случаи безнравственности, на волокитъ, женщинъ легкаго поведенія, іезуитовъ и отчасти на судей. Сатира Эмина отзывается общими мѣстами; слогъ отличается многословіемъ и отсутствіемъ той энергіи, какою дышетъ языкъ новиковскихъ изданій. Въ «Почтѣ» замѣтны слѣды явнаго подражанія иностраннымъ изданіямъ, и вообще она лишена одного изъ главныхъ достоинствъ хорошаго журнала — духа народности. О сатирическомъ направленіи своего журнала Эминъ говоритъ самъ на разныхъ страницахъ «Адской Почты». Такъ на страницахъ 22—23 онъ прямо высказалъ желаніе описывать погрѣшности, требующія исправленія, по примѣру «Всячины», «Трутня» и «Смѣси», однако не затрогивая никого въ лицо. «Многіе го-«ворятъ (замѣчалъ впослѣдствіи Эминъ), что бѣсы мои цѣлятъ «на многихъ... но сколько мнѣ понятно, они описываютъ во-«обще пороки и разныя злоупотребленія; если же кто себя въ «оныхъ сыщетъ, то виноватъ порочный, а не бѣсы; и ежели «онъ на нихъ негодуетъ, то самъ себя выводитъ наружу, а не «издатель». Въ другомъ мѣстѣ «Почты» читаемъ: «Знатныхъ «и въ правленіи великія мѣста имѣющихъ людей мы никогда «въ лицо не трогали нашими критическими разсужденіями, но «мы сіе дѣлали не для ласкательства, но для того, чтобъ, пе-«реправляя такіе столбы, на которыхъ огромное опирается «строеніе, цѣлому зданію не причинить вреда. Главное наше «намѣреніе было имѣть дѣло съ пороками; оные мы часто въ «разныхъ особахъ анатомили, чтобы показать другимъ, съ ко-

---

*) Стр. 5—6.

«торой стороны и въ какомъ составѣ можетъ нечаянно явиться «такой припадокъ, который цѣлое тѣло повредить можетъ....» Сатирическимъ сочиненіямъ, по замѣчанію Эмина, остается та надежда, что ежели они и не удостоятся безсмертія, за-то по крайней мѣрѣ не будутъ «подвержены обыкновенной мерт-«выхъ тѣлъ порчѣ: множество находящейся въ нихъ *соли* отъ «такого несчастія ихъ сохранить можетъ»*).

Біографическія свѣдѣнія объ Эминѣ, жизнь котораго представляетъ много романическихъ приключеній, запутаны и исполнены противорѣчій. Гдѣ онъ родился — положительно нельзя сказать: по одному извѣстію, родился онъ въ 1735 году въ Польшѣ, или въ одномъ изъ пограничныхъ съ Польшею русскихъ городовъ, отъ небогатыхъ родителей; по другому извѣстію, родился онъ въ небольшомъ венгерскомъ городкѣ, на турецкой границѣ, отецъ его былъ венгръ, а мать полька; а по третьему извѣстію, дѣдъ его, родомъ полякъ, находясь въ цесарской службѣ, перебѣжалъ въ Турцію, гдѣ родился и Ѳедоръ Эминъ. Онъ воспитывался у іезуитовъ (а по другому указанію, въ кіевской академіи), и съ однимъ изъ нихъ путешествовалъ по разнымъ землямъ европейскимъ и азіатскимъ. Въ Турціи было съ нимъ какое-то непріятное приключеніе, вслѣдствіе котораго онъ былъ взятъ подъ стражу. Чтобъ избѣжать неволи, онъ принялъ магометанство и вступилъ въ янычары. Отсюда Эминъ тайно уѣхалъ на англійскомъ кораблѣ въ Лондонъ, явился (въ 1758 г.) къ россійскому министру при тамошнемъ дворѣ князю Голицыну и, по собственному желанію, окрещенъ въ грекороссійскую вѣру, которую нашелъ онъ справедливѣе прочихъ исповѣданій. Въ 1761 году Эминъ пріѣхалъ въ Санктпетербургъ и опредѣлился учителемъ въ сухопутный шляхетный корпусъ, а послѣ былъ перевод-

*) Стр. 78, 335, 381—384.

чикомъ въ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и въ кабинетѣ. По отзыву Новикова, «онъ былъ человѣкъ остраго и проницатель-«наго разума; чтеніемъ наилучшихъ древнихъ и новыхъ авто-«ровъ на разныхъ языкахъ пріобрѣлъ великое просвѣщеніе; «имѣлъ отъ природы критическій духъ и веселый нравъ»; во время путешествій своихъ, онъ изучилъ много языковъ европейскихъ и восточныхъ: французскій, англійскій, итальянскій, испанскій, португальскій, польскій, литовскій, турецкій и татарскій. Сверхъ того, онъ зналъ древніе языки: греческій и латинскій, а по пріѣздѣ въ Россію выучился и русскому. Онъ издалъ болѣе двадцати-пяти книгъ на русскомъ языкѣ; между ними: «Путь ко спасенію», романъ: «Непостоянная фортуна или похожденія Мирамонда» и «Россійскую исторію» въ трехъ томахъ, которая впрочемъ исполнена самыхъ странныхъ, ошибочныхъ мнѣній и непростительныхъ промаховъ. «Адскую Почту» Эминъ наполнялъ статьями, имъ самимъ составленными, почему въ «Смѣси» было замѣчено, что «бѣсы сами собою хотятъ наполнить свое изданіе до конца года, безъ участія постороннихъ»*); исключеніе, можетъ быть, составляетъ одно письмо Правдолюбова (псевдонимъ).

Наконецъ въ 1769 году при сухопутномъ кадетскомъ корпусѣ издавалось «Полезное съ Пріятнымъ, полумѣсячное упражненіе». Въ объявленіи объ этомъ журналѣ было сказано: «Видя, съ какою жадностью пріемлетъ общество изда-«ваемыя еженедѣльныя сочиненія, для увеселенія онаго, не «можно не возчувствовать истинной радости. Съ какимъ бы «намѣреніемъ кто не желалъ имѣть оныя; однако то неоспо-«римо, что тамъ найдетъ и такое, которое напослѣдокъ и по-«рочное сердце устыдитъ и къ нѣкоторому исправленію побу-«дить можетъ: а сіе самое и есть предметомъ трудящихся въ

---

*) Стр. 129. Смотри также «Адскую Почту», стр. 383.

«таковыхъ изданіяхъ. Что касается до предлагаемаго при семъ «полумѣсячнаго упражненія («Полезнаго съ Пріятнымъ»), то «главныя матеріи въ оное взяты изъ книги, называемой: Юно«шеская Библіотека, сочиненной однимъ славнымъ англійскимъ «писателемъ . . . въ дополненіе (же) найдетъ благосклонный «читатель разныя сочиненія или переводы, согласные съ опи«суемою матеріею». Въ самомъ текстѣ журнала находятся частыя ссылки на англійскаго «Спектатора»[1]), одна статья заимствована изъ французскаго «Зрителя»; двѣ переведены изъ книги «Le philosophe ignorant» (MDCCLXVI, стр. 105), а нѣкоторыя взяты изъ книги, называемой «Улей»[2]), но для насъ болѣе важны статьи оригинальныя, хотя ихъ и немного. «Полезное съ Пріятнымъ» былъ единственный журналъ того времени съ теоретическимъ направленіемъ; онъ преимущественно содержитъ въ себѣ разсужденія о разныхъ житейскихъ добродѣтеляхъ, порокахъ и требованіяхъ истиннаго образованія, напримѣръ, въ немъ находимъ статьи: о зависти, злословіи, скупости, роскоши, праздности и притворствѣ, о познаніи свѣта, выборѣ друзей, и другія; кромѣ того, есть нѣсколько стихотвореній и любопытныхъ сатирическихъ писемъ.

Въ третьемъ выпускѣ своего журнала редакція «Полезнаго съ Пріятнымъ» дѣлаетъ такое признаніе:

«Полезное съ Пріятнымъ, вышедъ въ свѣтъ, опытомъ позна«ло, что оно не всѣмъ нравится, и многіе не нашли въ немъ по «мнѣнію своему ни полезнаго, ни пріятнаго. Обыкновенно при«чиняетъ намъ болѣе удовольствія, что̀ съ мыслями нашими со«гласно: можетъ ли наше полумѣсячное упражненіе показаться «полезнымъ и пріятнымъ для такихъ людей, которые и сами ни «полезны, ни пріятны? Иные изъ нихъ, не разумѣя въ немъ

---

[1]) № 4, стр. 18, 30. № 5, стр. 14. № IX, стр. 19.

[2]) № 7, стр. 8, 13. № 8, стр. 9. № 9, стр. 13. № 12, стр. 1, 4.

«написаннаго, хулятъ, что *азъ* напечатанъ криво, а *глаголь* «косо, и потому почитаютъ оное безполезнымъ. Люди же «здраваго разсужденія и всему знающіе цѣну не только такъ «не толкуютъ, но, ободряя насъ во упражненіи нашемъ, бла-«говоленіемъ своимъ оное удостоиваютъ; а можетъ быть «только то имъ неугодно, что оно, будучи довольно простран-«но, занимаетъ у нихъ немало времени. Почему, раздѣляя «полумѣсячное упражненіе еще пополамъ, станемъ выдавать «каждую недѣлю по одному листу. Совсѣмъ тѣмъ «Полезное «съ Пріятнымъ» отъ слова *полумѣсяцъ* не отречется... Об-«щество проститъ, конечно, что сіе наше еженедѣльное изда-«ніе будетъ называться полумѣсячнымъ: вить много и людей «такихъ, которые совсѣмъ другую должность отправляютъ, «нежели какой чинъ на себѣ носятъ»[1]).

Итакъ большинство журналовъ 1769 года, и притомъ лучшихъ, имѣло сатирическое направленіе; статьи, въ нихъ напечатанныя, сравнивались съ сочиненіями Буало и Рабенера[2]). Это общее направленіе, однако, различалось по нѣкоторымъ оттѣнкамъ во взглядахъ того или другаго журнала на значеніе и условія сатиры. Различіе во взглядахъ на сатиру довольно-рѣзко высказалось въ тѣхъ полемическихъ спорахъ, которыми такъ обильны журналы означеннаго года. Впрочемъ, надо замѣтить и то, что полемика журнальная не всегда вызывалась однимъ различіемъ въ убѣжденіяхъ, но примѣшивалось сюда и чувство затронутаго самолюбія.

Послѣдуя благому примѣру «Всячины», стали выходить, какъ мы видѣли, и другія періодическія изданія, нарождаясь почти съ каждымъ новымъ мѣсяцемъ: по выраженію «Всячины», едва она явилась въ свѣтъ, какъ уже «продираетъ глаза

---

[1]) Стр. 3—4.

[2]) «Живописецъ» изд. 3, ч. 2, стр. 47.

То и сё; одно только *Кое-что* спитъ безъ просыпа»[1]). «Всякая Всячина» поспѣшила объявить себя родоначальницею этой семьи журналовъ. Вотъ что̀ писалъ издатель этого журнала по выходѣ первыхъ листовъ еженедѣльника «Ни то, ни сё»: «Многіе родители не столько любятъ и милуютъ дѣтей род-«ныхъ, какъ своихъ внучатъ. Изъ опыта теперь знаю, каковы «милы *внучата*. Лишь «Ни то, ни сё» узрѣло свѣтъ, я *взялъ* «оное во свои не объятія, но руки, и радовался надъ нимъ, при-«говаривая по обыкновенію барскихъ барынь: дитя умное, дитя «милое, разумное дитя, и проч. Господинъ читатель, радость «не знаетъ мѣры... Обращаюся къ любезному своему внуч-«ку: «Ни то, ни сё». Больше онъ мнѣ, можетъ статься, по-«тому былъ милъ, что *перворожденный сынъ* (журналъ «И то «и сё») такъ мало благодаренъ родительницѣ своей, что онъ «её называетъ безо всякого почтенія бо̀льшею сестрицею[2]), «не упоминая о прочихъ многихъ его поступкахъ противъ ма-«тери. Но о сей семейной ссорѣ нечего здѣсь упоминать. Од-«нимъ словомъ кончить тѣмъ, что съ молода онъ не обѣщалъ «много соотвѣтствовать надеждѣ объ немъ родительской. Вну-«чекъ же, напротивъ того, со дня рожденія показался почти-«теленъ и ласковъ, и тѣмъ утвердилъ искреннюю къ нему «любовь прародительницы, коя взираетъ на него, какъ на под-«пору рода ея и утѣшеніе въ старости. Бабушкѣ вить жить «одинъ годъ... Но какъ бы то ни было, обыкновенно послѣ

---

[1]) Стр. 153.

[2]) На третьемъ листѣ «И то и сё» сказано: «Государыня моя гос-«пожа Всякая Всячина! Не погнѣвайся на меня, что наименую тебя «родною моею сестрою и сестрою еще большею и старшею, для того, «что прежде ты вышла на свѣтъ изъ природныя утробы, и прошу въ «томъ извиненія, что я причитаюся къ тебѣ родною. Ты родилась «на Парнасѣ, да и я не подалеку оттуда; тебя производила муза, да «и меня, я думаю, тоже».

«радости бываетъ печаль. Слѣдующія два письма поразили «печалію чувствительное сердце бабушкино». Въ этихъ письмахъ сотрудники «Всячины» подъ псевдонимами Ибрагима Курмамета и Ѳалалея жалуются ей на внучка въ такихъ выраженіяхъ: «читая помѣщенные въ «Ни то, ни сё» стихи, отъ ча«стаго произношенія однихъ рѣчей зачала у меня побаливать «голова. Надобно бы мнѣ перестать, но я поупрямился... А «какъ дочиталъ, то отъ частыхъ, да еще и на другихъ язы«кахъ: *ни то, ни сё; ни то, ни сё*... съ русскимъ *что*, *что*, «*что*, — сдѣлался обморокъ, который такъ силенъ былъ, что «и теперь не могу въ натуральный прійдти порядокъ»... Совсѣмъ было выздоровѣлъ, какъ «вдругъ опять занемогъ отъ «нововышедшаго сочиненія. Господа сочинители «Ни того, ни «сего», какъ видно, не будучи достаточны въ хорошихъ мате«ріяхъ, и наполняя враньемъ свой листокъ, находилися въ за«трудненіи, какъ бы окончить оный, но не нашедъ болѣе ни«чего, вранье свое окончили повтореніемъ на разныхъ язы«кахъ названій своего вздора»*).

---

*) Стр. 73—79. Намёки на слѣдующіе стихи, напечатанные въ журналѣ «Ни то, ни сё»:

Скажите, отъ чего родилось «То и сё»?
Что «Всяку Всячину» произвело и все,
Что есть на свѣтѣ семъ предъ нашими глазами
И смертными понять возможно *что* умами?
Какъ «Всякой Всячины», такъ и «Того-сего»
Начало сдѣлалось *обѣихъ* изъ *ничего*. .
Имѣвъ отъ должности свободное мы время,
И сѣемъ и садимъ *нулей* въ сихъ нивахъ сѣмя...
Но для «Ни то, ни сё» назначимъ день субботу;
Пусть по субботнимъ днямъ всѣ чтутъ *нулей* работу,
И въ прозѣ оная пусть будетъ и въ стихахъ,
И весь сей трудъ основанъ на *нуляхъ*;
Нули хоть суть ничто, науку-жъ числъ кто знаетъ —
Тотъ пользу и *нулей* довольно понимаетъ.
0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0 0

Въ отвѣтъ на эти нападенія Рубанъ напечаталъ въ своемъ журналѣ письмо *Неспускалова*, въ которомъ читаемъ: «по «моему мнѣнію и бабушка ваша не очень права, а виноватѣе «всѣхъ вы сами (сочинители «Ни того, ни сего»). Скажите, «для чего бы и вамъ не имѣть осторожности: въ издаваніи «получаемыхъ будто вами писемъ, плесть себѣ такія же по-«хвалы, какими бабушка ваша всѣмъ уши прожужжала? не «имѣетъ ли она права быть вами недовольною, что вы отъ «нея ума не набираетесь и ея примѣру не слѣдуете? *) Развѣ «вы не знаете, сколь зорки тогда бываютъ читатели, когда «имъ пущено будетъ въ глаза нѣсколько горстей такой пыли? «Имъ тогда и на грязи цвѣты покажутся... Чтожъ до ба-«бушки принадлежитъ, то она извинительна, потому что вы-«жила уже изъ лѣтъ и много забывается: сіе вы можете ви-«дѣть изъ того, что она, пишучи къ вамъ поученіе въ лицѣ «бабушки, сказала *взялъ*, а не *взяля* себѣ на руки внучка. А «когда она и роду и полу своего не помнитъ, то можноль пѣ-«нять, что она не умѣла отличить въ своихъ корреспонден-«тахъ критики отъ ругательства?» Сказавъ нѣсколько словъ о ненадежности корреспондентовъ «Всячины», Неспускаловъ обращается къ Өалалею съ такимъ возваніемъ: «ахъ, Боже «мой, какъ вы хитры!... Обширности вашего разума, съ ка-«кою вы изъ двухъ словъ провидѣли вздорность всего сочине-«нія, котораго, можетъ быть, еще ни сотая часть на свѣтъ не «вышла, я скудоумный и мѣры положить не могу; однако «смѣло поручусь, что когда вамъ, по такой своей проница-«тельности въ прошедшемъ, можно прослыть неошибочнымъ

«Ни то, ни сё» на другихъ языкахъ:

У Грековъ *что οὐδὲν*, у Римлянъ nihil *что*,

У Галловъ то rien, у насъ *Ни сё, ни то* (стр. 6—8).

*) На стран. 73—74 «Ни то, ни сё» исправилось и напечатало себѣ похвалу, слѣдуя обычаю тогдашнихъ журналовъ.

«и въ прорицаніи будущаго; то вѣроятно, что и кроты сдѣ-«лаются когда-нибудь славными въ свѣтѣ астрономами. Вотъ «еще какіе между людьми водятся удальцы! Однако, гг. со-«чинители («Ни того, ни сего»), я не совѣтую вамъ тру-«сить... Пусть наводятъ читателямъ скуку своею *несмач-«ною* критикою; вить всякъ знаетъ, что язвительность про-«изходить не можетъ отъ добраго сердца. Продолжайте, какъ «начали; не бранитесь съ бабушкою, которая, миловавши «васъ, хотя и укусила, но по старости зубовъ не больно; да «она жъ и рану зализала». Затѣмъ слѣдовала эпиграмма къ Курмамету, въ которой высказано сожалѣніе, что, упавъ въ обморокъ, онъ не скончался вовсе; при этомъ издатель отъ себя прибавляетъ: «мы, бабушка, тебѣ хотя и внучки, однако уже на возрастѣ»! [1]).

По поводу разсказаннаго нами спора во «Всякой Всячинѣ» было напечатано письмо *Аристарха Примирителева*, который совѣтуетъ прекратить безполезную журнальную войну, отвращающую читателей отъ періодическихъ изданій, и установить между журналами ненарушимое согласіе; подобные совѣты высказывались и на страницахъ другихъ журналовъ. «Всячина», повидимому убѣжденная письмомъ Примирителева, объявила своимъ корреспондентамъ, что она не дастъ болѣе мѣста ни одной статьѣ, отъ которой могутъ родиться брань и ссоры [2]). Но идеальнаго состоянія дружбы и согласія тогдашніе журналы такъ-же не достигли, какъ не достигаютъ и теперешніе.

На слѣдующемъ же листѣ «Всячины» появилась такая замѣтка: «мимоходомъ дадимъ примѣтить, что со времени размноженія у насъ земляныхъ яблокъ еще не было ничего такъ

---

[1]) Стр. 33—37.

[2]) Стр. 96—98. «Трутень» 1769 г., стр. 175.

плодовитаго, какъ потомство «Всякія Всячины»[1]). По поводу этой замѣтки, издатель «Смѣси», отказываясь за свой журналъ отъ родства со «Всячиною», прибавилъ: «справедливѣе на-«звать «Смѣсь» дочерью тѣхъ сочиненій, которыхъ видны въ «ней переводы, нежели включить въ племя такого изданія, «которое ее старѣе нѣсколько недѣль и коему, вѣрно, не «можно такъ въ Россіи размножить журналы, какъ развелись «земляныя яблоки»[2]).

Отрекаясь отъ всего, что̀ можетъ затронуть чужое самолюбіе, «Всячина» слишкомъ-далеко простерла свою ревность; съ той же смиренной точки зрѣнія стала она смотрѣть и на смѣлую, обличительную сатиру, въ которой почудились ей какіе-то злые намёки на лица. Она съ гордостью объявила, что приняла за правило: «не цѣлить на особъ, но единственно на пороки»[3]). Правило совершенно-законное, по видимому. Но дѣло въ томъ, что едва-ли возможно нападать на порочныя страсти и суевѣрныя убѣжденія и не подѣйствовать въ то же время непріятно (хотя и безъ всякого умысла) на лица, подверженныя этимъ страстямъ и убѣжденіямъ. Съ другой стороны, если станешь, во что бы ни было, избѣгать всего, что̀ способно пробудить духъ мелочной раздражительности въ людяхъ, чувствующихъ на своемъ рыльцѣ пушокъ, то сатира обратится въ пустословіе объ отвлеченныхъ идеяхъ добра и зла, безъ малѣйшаго примѣненія къ дѣйствительной жизни. На страницахъ 139—140 «Всячина», объявляя, почему она не напечатала письма господина А., говоритъ: мы совѣтуемъ ему беречь свое письмо до той поры, когда будетъ составляться лексиконъ всѣхъ человѣческихъ слабостей и

---

[1]) Стр. 105.
[2]) Стр. 32.
[3]) Стр. 100—101, 200

недостатковъ; «тогда это письмо можетъ послужить реэстромъ «ко вспоможенію памяти сочинителю; а до тѣхъ поръ просимъ «г. А., сколько возможно, упражняться въ чтеніи книгъ та- «кихъ, посредствомъ которыхъ могъ бы онъ человѣколюбіе и «кротость присовокупить къ прочимъ своимъ знаніямъ; по- «тому что намъ кажется, что любовь его къ ближнему болѣе «простирается на исправленіе, нежели на снисхожденіе и че- «ловѣколюбіе; а кто только видитъ пороки, не имѣвъ любви, «тотъ не способенъ подавать наставленія другому... Боль- «шая часть матерій, въ его длинномъ письмѣ включенныхъ, «не есть нашего департамента; сверхъ того, мы не любимъ «меланхоличныхъ писемъ». Затѣмъ «Всячина» рисуетъ пор- третъ человѣка, который, думая о себѣ болѣе прочихъ, воз- мечталъ, что свѣтъ стоитъ не такъ; онъ увидѣлъ тамъ поро- ки, гдѣ другіе на-силу могли разглядѣть весьма обыкновенныя человѣчеству слабости, ибо смертные никогда безъ слабо- стей не были и не будутъ. Не раздѣляя подобной строгости, «Всячина» приняла слѣдующія основанія: a) не называть сла- бостей пороками, b) хранить во всякомъ случаѣ человѣколю- біе, и c) не думать, чтобъ кто могъ быть совершеннымъ *). Статья эта мѣтила на другіе сатирическіе журналы, хотя ихъ нисколько нельзя было упрекать въ отсутствіи любви къ ближ- нему—и вотъ въ защиту послышался голосъ умнаго и пря- маго «Трутня». Въ этомъ изданіи появилось письмо *Правдо- любова* такого содержанія:

«Я того мнѣнія, что слабости человѣческія сожалѣнія достой- «ны, однакожъ не похвалъ, и никогда того не подумаю, чтобъ «на сей разъ не покривила своею мыслею и душею госпожа «ваша прабабка («Всячина»), давъ знать, что похвальнѣе снис- «ходить порокамъ, нежели исправлять оные. Многіе слабой

*) Стр. 141—142.

«совѣсти люди никогда не упоминаютъ имя порока, не при-«бавивъ къ оному человѣколюбія. Они говорятъ, что слабо-«сти человѣкамъ обыкновенны и что должно оныя прикрывать «человѣколюбіемъ, слѣдовательно они порокамъ сшили изъ «человѣколюбія кафтанъ; то такихъ людей человѣколюбіе при-«личнѣе назвать пороколюбіемъ. По моему мнѣнію, больше «человѣколюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, «который онымъ снисходитъ или (сказать по русски) потака-«етъ... Еще не понравилось мнѣ первое правило упомяну-«той госпожи, то есть чтобъ отнюдь не называть слабости «порокомъ, будто *Іоаннъ* и *Иванъ* не все одно. О слабости «тѣла человѣческаго мы разсуждать не станемъ, ибо я не лѣ-«карь, а она не повивальная бабушка; но душа слабая и гиб-«кая въ каждую сторону покривиться можетъ. Да я и не знаю, «что по мнѣнію сей госпожи значитъ слабость. Нынѣ обык-«новенно слабостію называется въ кого-нибудь по уши влю-«биться, то есть въ чужую жену или дочь, а изъ сей мнимой «слабости выходитъ: обезчестить домъ, въ который мы хо-«димъ, и поссорить мужа съ женою или отца съ дѣтьми; и это «будто не порокъ?... Любить деньги есть также слабость, «почему слабому человѣку простительно брать взятки и набо-«гащаться грабежами. Пьянствовать также слабость, или еще «привычка; однако пьяному можно жену и дѣтей прибить до «полусмерти и подраться съ вѣрнымъ другомъ... Не хочу «васъ (издателя «Трутня») побуждать къ продолженію труда, «ниже васъ хвалить: звѣрокъ по кохтямъ видѣнъ»[7]). «Вся-«кая Всячина» не оставила эти возраженія безъ отвѣта, но, въ пылу спора, она придала словамъ «Трутня» тотъ жосткій смыслъ, котораго они не имѣли. «На ругательства (?), напе-«чатанныя въ «Трутнѣ», говоритъ она, мы отвѣтствовать не хо-

[7]) Стр. 33—35 (1769 года).

«тимъ; а только наскоро дадимъ примѣтить, что г. Правдолю-«бовъ насъ называетъ криводушниками и потачниками пороковъ «для того, что мы сказали, что имѣемъ человѣколюбіе и снис-«хожденіе къ человѣческимъ слабостямъ и что есть разница «между пороками и слабостями. Г. Правдолюбовъ не догадал-«ся, что, исключая снисхожденіе, онъ истребляетъ милосер-«діе... Думать надобно, что ему бы хотѣлось за все да про «все кнутомъ сѣчь (?). Какъ бы то ни было, отдавая его пуб-«ликѣ на судъ, мы совѣтуемъ ему лѣчиться, дабы чорные пары «и желчь не оказывалися даже и на бумагѣ, до коей онъ до-«трогивается»*). Несовсѣмъ-покойнымъ тономъ возражаетъ на это Правдолюбовъ:

«Госпожа «Всякая Всячина» на насъ прогнѣвалась, и наши «нравоучительныя разсужденія называетъ ругательствами. Но «теперь вижу, что она меньше виновата, нежели я думалъ. «Вся ея вина состоитъ въ томъ, что на русскомъ языкѣ изъ-«ясняться не умѣетъ и русскихъ писаній обстоятельно разу-«мѣть не можетъ... Ежели я написалъ, что больше человѣ-«колюбивъ тотъ, кто исправляетъ пороки, нежели тотъ, кто «онымъ потакаетъ; то не знаю, какъ такимъ изъясненіемъ я «могъ тронуть милосердіе? Видно, что госпожа «Всякая Вся-«чина» такъ похвалами избалована, что теперь и то почитаетъ «за преступленіе, если кто ее не похвалитъ. Не знаю, по-«чему она мое письмо называетъ ругательствомъ? Ругатель-«ство есть брань, *гнусными* словами выраженная; но въ «моемъ прежнемъ письмѣ, которое заскребло по сердцу сей «пожилой дамы, нѣтъ ни кнутовъ, ни висѣлицъ, ни прочихъ «слуху противныхъ рѣчей, которыя въ изданіи ея находят-«ся... Совѣтъ ея, чтобы мнѣ лѣчиться — не знаю: мнѣ ли «больше приличенъ, или сей госпожѣ. Она, сказавъ, что не

---

*) Стр. 174—175.

«хочетъ отвѣчать «Трутню», отвѣчала (ему) всѣмъ своимъ «сердцемъ и умомъ, и вся ея желчь въономъ письмѣ сдѣ«лалась видна. Когда жъ она забывается и такъ мокротлива, «что часто не туда плюетъ, куда надлежитъ; то кажется, для «очищенія ея мыслей и внутренности, небезполезно ей и по«лѣчиться»[1]).

«Всячина» и послѣ продолжала отстаивать себя и свои мысли; она помѣстила на своихъ листахъ письмо *Добросовѣтова*, въ которомъ сказано, что *добросердечный* сочинитель изрѣдка касается пороковъ, чтобы не оскорбить чрезъ то человѣчества, но любитъ приводить въ примѣръ людей, украшенныхъ различными совершенствами: твердаго блюстителя вѣры и законовъ, миролюбиваго гражданина, искренняго друга; *злонравный* же изо всего составляетъ поношеніе и услаждается, уязвляя другихъ. Въ томъ же журналѣ было напечатано письмо къ издателю такого содержанія: «Напишите что-нибудь въ на«ставленіе тѣмъ матерямъ и бабкамъ, кои дѣтей и внучатъ, «начинающихъ только говорить, учатъ, чтобъ отцовъ и дру«гихъ людей бранили... Изъ листовъ вашихъ я не примѣ«тилъ, чтобъ вы нисходящему своему роду такое преподали гдѣ«либо ученіе; однако нѣкоторые изъ пишущихъ и издающихъ «недѣльныя сочиненія показываютъ въ семъ ремеслѣ удиви«тельные успѣхи и насъ оными забавляти стараются, не вѣ«дая того, что благоразумный человѣкъ... негодовать дол«женъ на сочинителей, въ храмъ вѣчности и славы продираю«щихся, видя вмѣсто полезныхъ поученій разсѣваемые ими и «примѣромъ ихъ одобряемые такіе плевелы»[2]).

Въ эту журнальную войну вмѣшались и другія періодическія изданія. «Смѣсь« и «Адская Почта» стали за «Трутня», а жур-

---

[1]) «Трутень» 1769 г., стр. 57—59.
[2]) Стр. 213—214, 224.

налъ «И то, и сё» за «Всячину». «Смѣсь» выступила противъ «Всякой Всячины» съ нѣсколькими довольно-мѣткими статьями: «Объявите мнѣ (читаемъ въ этомъ журналѣ), отчего произ-«ходитъ желаніе причитаться въ родню? затѣмъ, что я вижу «въ городѣ такую *бабушку*, которая всѣхъ писателей журна-«ловъ включаетъ въ свое племя и всегда на нихъ ворчитъ «сквозь зубы: изъ чего заключаю, что они не отъ нея произхо-«дятъ, а она сама на нихъ клеплетъ. Но почто же называться «роднею? Или она уже выжила изъ ума? Сомнѣніе мое часъ «отъ часу умножается: я разсматривалъ ея труды и послѣ «сличалъ съ ея потомствомъ, однако не находилъ ни малыхъ «слѣдовъ, чтобъ она была способна къ такому дѣторожденію; «ибо послѣдніе ея внучата поразумнѣе бабушки; въ нихъ я не «вижу такихъ противорѣчій, въ какихъ она запуталась. Ба-«бушка въ добрый часъ намѣряется исправлять пороки, а въ «блажной даетъ имъ послабленіе. Она говоритъ, что подья-«чихъ искушаютъ и для того они берутъ взятки; а это такъ «на правду походитъ, какъ то, что чортъ искушаетъ людей и «велитъ имъ дѣлать злое. Сія же старушка совѣтуетъ: чтобы «не таскаться по приказнымъ крючкамъ, то должно мириться «и раздѣлываться добровольно; всякой сіе знаетъ, и конечно «по пустому тягаться не сыщется охотниковъ. Вѣрно, еслибъ «всѣ были совѣстны и наблюдали законы, то не надобно бы «было и судовъ и приказовъ, и подьячимъ бы не шло госу-«дарево жалованье. Но когда сіе необходимо, то для чего ей «защищать подьячихъ? Знать, что они-то истинное ея поко-«лѣніе». Въ заключеніе «Смѣсь» отказывается отъ *бабушки*, которая будто и печатаетъ только то, что̀ ей изъ милости пришлютъ (замѣчаніе несовсѣмъ правдивое), и осмѣиваетъ мнѣніе, въ силу котораго мѣткая сатира и критика называют-ся бранью, а Горацій, Ювеналъ, Буало — ругателями и за-біяками: «имъ бы надлежало быть скромными въ разсужденіи

людскихъ пороковъ!»[1]). Отрекаясь отъ родства со «Всячиною», «Смѣсь» дѣлаетъ такое обращеніе къ другимъ современнымъ журналамъ:

«Пора вамъ, господа внучата и племянники извѣстной здѣсь «старушки, попросить вашу бабушку, чтобъ она въ листкахъ «своихъ получше наблюдала постоянство, старости ея лѣтъ «приличное; а то она нынѣ, какъ молодое пиво, бродитъ и на «одномъ основаніи мыслей остановить не можетъ. Прежде «божилась она, что только будетъ исправлять пороки, и ни«какого автора не тронетъ; но послѣ, будучи въ томъ крѣпко «увѣрена, что мертвые на критики не отвѣчаютъ, такъ было «привязалась къ «Телемахидѣ», что едва сію ворчливую ста«рушку отъ «Телемахиды» отогналъ кто-то такой, ей письмомъ «своимъ доказавшій, что авторъ сей книги древнюю и всю «огромную Римскую исторію и много иныхъ обществу полез«ныхъ книгъ перевелъ, и листками «Всякой Всячины» повреж«денъ быть не можетъ. Послѣ завела она ссоры между своими «внучатами... Знаете ли, почему она увѣнчана толикими по«хвалами, въ листкахъ ея видными? Я вамъ скажу. Во пер«выхъ скажу, потому что многія похвалы сама себѣ спле«таетъ; потомъ по причинѣ той, что разгласила, будто въ ея «собраніи многіе знатные господа находятся; итакъ нѣкото«рые, можетъ статься, думая хваленіемъ ихъ сочиненій войти «въ ихъ милость, засыпали похвалами «Всякую Всячину»[2]).

Эти обвиненія, сдѣланныя «Смѣсью», требуютъ нѣкоторыхъ поясненій. Одно обвиненіе заключалось въ томъ, что «Всячина», давая слишкомъ тѣсныя границы сатирѣ, противорѣчитъ сама себѣ; прежде она обѣщала исправить дурные нравы (вотъ ея подлинныя слова: «мы не сомнѣваемся о скоромъ ис-

---

[1]) Стр. 85—87, 114—115.

[2]) Стр. 81—82, 94—95.

правленіи нравовъ и ожидаемъ немедленно искорененія всѣхъ пороковъ, ибо уже начали твердить наизусть «Всякую Всячину») [1]; а потомъ появилась на ея листахъ статья въ защиту подьячихъ и неправдивыхъ судей, которыхъ мѣтко и остроумно преслѣдовала современная сатира. «Нѣкоторые дурные шмели, говоритъ «Всячина», нажужжали мнѣ въ уши о мнимомъ неправосудіи; но нигдѣ нѣтъ больше несправедливости, какъ въ насъ самихъ; перестанемъ быть злыми, перестанемъ тягаться — и не будетъ причинъ жаловаться на судей» [2]. Статья эта, впрочемъ, составляетъ исключеніе; ибо «Всячина» весьма обильна рѣзкими и злыми нападками на взяточничество и ябеду; вообще надо замѣтить, это былъ одинъ изъ лучшихъ сатирическихъ журналовъ своего времени, не смотря на несовсѣмъ выгодную для него полемику съ другими изданіями. По поводу спора о неправосудіи, «Адская Почта» напечатала такую статью: «На сихъ «дняхъ былъ я въ домѣ Г..., гдѣ случились два спорщика. «Одинъ изъ нихъ говорилъ, что многіе страждутъ отъ неправосудія; а другой утверждалъ, что судьи виноваты быть не «могутъ, поелику во всемъ свѣтѣ много такихъ, какъ здѣсь, «судей, и что больше виноваты истцы, нежели судьи... «Весьма маловажная будетъ такимъ судьямъ защита, ежели «кто скажетъ, что во всемъ свѣтѣ несправедливые есть судьи, «слѣдовательно и наши извиненія достойны. Поэтому, ежели «вездѣ есть воры, то и здѣсь ихъ ловить и наказывать не «должно? Я на то согласенъ, что въ нынѣшнее счастливое «время больше есть справедливыхъ судей, нежели несправедливыхъ; но не могу подумать, чтобъ отъ злаго состава часто добрый не заражался. Слѣдовательно должно отрѣзывать

---

[1]) Стр. 123.
[2]) Стр. 276—280.

«отъ тѣла злой составъ, чтобъ сохранить добрый. Не могу «также винить и истца обиженнаго, разореннаго и въ горести «погибающаго, если онъ ищетъ справедливости и, не сыскавъ, «на оную жалуется. Разсуждая по человѣчеству, думаю, что «нельзя не застонатъ и за то мѣсто не хватиться рукою, гдѣ «крѣпко болитъ... Прекрасно нѣкто написалъ, что будьте не-«злобивы, судьи не будутъ виноваты. Рѣчь его весьма хо-«роша, и видно, что произошла отъ добраго сердца; но дѣло «невозможное: никто, думаю, не захочетъ быть обиженнымъ «и разореннымъ единственно для того, чтобъ идти въ судъ. «Весьма бы было хорошо, если бы весь свѣтъ всегда пребы-«валъ въ предѣлахъ добродѣтели; но когда родилось въ свѣтѣ «зло, и много въ немъ есть обидчиковъ, то что осталось дѣ-«лать обиженнымъ, когда нѣкоторые нравоучители имъ не «велятъ жалобами своими безпокоить судей и искать спра-«ведливости?»[1]).

Другое обвиненіе состояло въ томъ, что «Всячина» напрасно позволила себѣ нападки на Тредьяковскаго, совѣтуя одной дамѣ, страдающей безсонницею, прочитывать на ночь по шести страницъ «Телемахиды» и по нѣскольку стиховъ изъ переведенной Тредьяковскимъ «Аргениды». Въ защиту памяти трудолюбиваго Тредьяковскаго написалъ кто-то письмо, которое тогда же было напечатано во «Всякой Всячинѣ»[2]). Объ этихъ насмѣшкахъ надъ авторомъ «Телемахиды» «Трутень» говоритъ, что весь городъ хохоталъ цѣлую недѣлю насчетъ насмѣшника[3]).

Третье обвиненіе, что «Всячина» сама себѣ печатаетъ похвалы[4]); обвиненіе это было высказано и въ журналѣ Рубана. Печатать такія дѣйствительныя или мнимыя похвалы, выражае-

---

[1]) Стр. 278—281, въ «Курьерѣ» стр. 238—242.

[2]) Стр. 15, 31, 109—110.

[3]) Стр. 156 (1769 года).

[4]) См. «Всячины» стр. 86 и другія.

мыя въ письмахъ отъ неизвѣстныхъ лицъ къ редактору журнала, было весьма обыкновеннымъ явленіемъ въ тогдашнихъ періодическихъ изданіяхъ. «Слѣдуя такому (нецеремонному) пра«вилу, вздумалось и мнѣ, говоритъ насмѣшливо «И то и сё», «похвалить себя подъ именемъ присланнаго ко мнѣ письма; «а оное письмо сдѣлаю я, и буду писать самъ къ себѣ, какъ «многіе то дѣлаютъ подъ разными видами: Господинъ сочини«тель И того и сего! Сочиненіе ваше похваляется во вся«комъ углу столичнаго города С. Петербурга; слава его но«сится по многимъ домамъ и по рынку. Всѣ незнающіе другихъ «языковъ люди благодарятъ васъ отъ искренняго сердца, вы«ключая нѣкоторыхъ полуученыхъ господъ, стиховъ и прозы «писателей... Сердце мое наполняется сладостію, когда пре«красная Аврора показываетъ свой носъ на нашемъ горизонтѣ «и крылатое время, шествуя передъ нею, пишетъ надъ нами: «*вторникъ* *). Я открываю мои глаза и устремляю мои мысли «единственно только къ вашему сочиненію, называемому «И «тѣмъ и сѣмъ». Въ началѣ любуюся цвѣтками, поставлен«ными въ заглавіи; во вторыхъ — «И то и сё» проговариваю въ «великомъ восхищеніи и повторяю оное разъ съ полдесятка; «потомъ увеселяюся линейкой, которая подъ названіемъ не«дѣльнымъ протянута весьма прямо; наконецъ теряю мое по«нятіе и удивляюся остротѣ вашего разума въ томъ, что въ «вашемъ сочиненіи всѣ строки поставлены такъ прямо, что «одна другой ни мало препятствія не учинятъ. Ужасъ меня »тогда объемлетъ, когда увижу я двѣ или три типографскія «погрѣшности, безъ которыхъ ни одинъ листокъ вашъ не бы«ваетъ. Далѣе собравшися со всѣмъ моимъ духомъ... начи«наю читать сочиненіе ваше по порядку; но и тутъ по окон«чаніи каждой строчки отдыхаю. Великость вашего духа, важ-

---

*) «И то и сё» выходило по вторникамъ.

«ные замыслы, красота въ велерѣчіи, искусство въ изъясне-«ніяхъ, стройное и порядочное расположеніе — накопятся въ «моихъ устахъ, заслоняютъ дорогу дыханію... О великій че-«ловѣкъ и сочинитель «И того и сего»! ежели бы мы не имѣ-«ли счастія видѣть твой еженедѣльникъ, то бы и донынѣ си-«дѣли въ безднѣ заблужденія, были бы грубыми невѣждами и «не умѣли бы отличить худое отъ хорошаго»... и проч.[1]). Въ 1770 году «Парнасскій Щепетильникъ», объявляя о своемъ изданіи, обѣщалъ не хвалить себя «подъ видомъ присылаемыхъ къ редактору писемъ»[2]).

Возражая «Всякой Всячинѣ» и нападая на ея слабыя стороны, «Смѣсь» напечатала на своихъ страницахъ письмо, подписанное буквами Д. К., въ которомъ сказано, что въ сатирахъ «Трутня» нѣтъ ни злонравія, ни невѣжества, какъ думаютъ нѣкоторые злонравные невѣжи, а есть ѣдкая соль; что въ сатирахъ этихъ выводятся пороки безъ околичностей и осмѣиваются испорченные нравы. «Пускай, говоритъ Д. К., «злоязычники проповѣдуютъ, что вы (издатель «Трутня») объя-«вили себя непріятелемъ всего человѣческаго рода, что злость «вашего сердца видна въ вашихъ сочиненіяхъ, что вы пишете «только наглую брань: это не умаляетъ достойную вамъ по-«хвалу, но умножаетъ[3]). «Адская Почта» выразила свое сочувствіе направленію «Трутня» слѣдующею статьею, въ которой подъ вымышленнымъ именемъ Эрнеста, вѣроятно, разумѣлась фамилія Новикова: «Вчера за ужиномъ разсуждали о Эрнестѣ; «нѣкоторые его сочиненія хвалили, а другіе утверждали, что «пишетъ весьма колко и что такія ругательства, какими на-«полнены его сочиненія, должны быть наказаны; напротивъ «того, онъ ничего ругательству подобнаго не печаталъ, а

[1]) Недѣля 46.

[2]) Стр. 11.

[3]) Стр. 154.

«только что пишетъ правду и никому ласкательствовать не хо-
«четъ. Теперь же всѣ почти привыкли къ нѣжнымъ словамъ.
«Лучше каждый снесетъ, если ему скажешь: *изволишь быть*
«*дуракъ*, нежели: *ты мало смыслишь*... Ругательства нигдѣ
«не годятся; но прямо описывать пороки и называть вора—во-
«ромъ, разбойника—разбойникомъ, кажется, дѣло справедли-
«вое *)». Кромѣ того, «Почта» возражала и на вышеупомянутое письмо Добросовѣтова, помѣщенное во «Всячинѣ». Возраженіе это высказано рѣзко и прямо. Сатира, по мнѣнію «Почты», всѣмъ просвѣщеннымъ свѣтомъ уполномочена на осмѣяніе пороковъ и порочныхъ; вымыслы, далекіе отъ дѣйствительности, и отвлеченная мораль ни къ чему не поведутъ; ибо кому какое дѣло до подобныхъ *граненыхъ* нравоученій? Разсуждающіе по модѣ увѣряютъ, что сатира рождается отъ злобы писателей и достойна презрѣнія; но пусть они посовѣтуются прежде съ древними классическими писателями. Еслибъ они когда-нибудь потрудились прочитать ихъ, то скоро бы предали мысль свою должному забвенію. Развѣ имъ не извѣстно, что нравоучительная философія не разъ объявляла себя гонительницею пороковъ и порочныхъ? Лукіанъ и Сенека многократно упрекали любимцевъ Нерона, однако сочиненія ихъ признаны за достойныя вѣчнаго уваженія. Пожалуй ты, г. Добросовѣтовъ, отважишься сказать, что Ювеналъ былъ злонравенъ, а Горацій злобенъ, потому что писали сатиры; а Цицерона, укоряющаго въ глаза Катилину, назовешь безпокойнымъ человѣкомъ. Сожалѣя о твоей слабости, я скажу, что ты разсуждаешь криво; «когда всѣ славнѣйшіе и великіе люди дозволяютъ
«и государямъ прямо говорить истину, то для чегожъ оную не
«представлять нашимъ согражданамъ? Вижу, Добросовѣтовъ,
«что ты такимъ своимъ нравоученіемъ всѣмъ нравиться хо-

*) Стр. 288; въ «Курьерѣ» стр. 251—252.

«чешь; но повѣрь мнѣ, что придетъ время, въ которое будешь «подобенъ безобразному лицу, бѣлилами и румянами не кстати «раскрашенному. Знай, что отъ всеснѣдающаго времени ничто «укрыться не можетъ. Оно когда-нибудь пожретъ и твою сла-«бую политику. Когда твои политическія бѣлила и румяна «сойдутъ, тогда настоящее бытіе твоихъ мыслей виднымъ сдѣ-«лается»*). Противъ того мнѣнія «Всячины», что сатира мѣшаетъ человѣколюбію, «Почта» возражала: «Знаю я, что мно-«гіе нынѣшняго вѣка люди все то почитаютъ либо за ложь, «или за брань, что̀ не въ ихъ похвалу сказано; вѣдаю и то, «что родилось вь свѣтѣ такое человѣколюбіе, которое не «только о паденіи пороковъ обильныя проливаетъ слезы, но и «еще о участникахъ оныхъ черезчуръ соболѣзнуетъ. Слав-«ный у многихъ авторъ, написавшій: *должно ненавидѣть по-«роки, а сожалѣть о порочныхъ* — есть толь великій упо-«мянутаго человѣколюбія подкрѣпитель, что множество людей и «довольно просвѣщенныхъ на свою обратилъ сторону. Но я «сказать отважусь, что сіе странное человѣколюбіе произвела «на свѣтъ привычка видѣть часто людей порочныхъ, о нихъ «нерѣдко слышать, а иногда съ ними и обращаться; а воспи-«тало оное нѣжное (не хочу сказать: слабое) сложеніе че-«ловѣческихъ сердецъ, которыя и самой справедливости ужа-«саются... Если правосудіе, ненавидя убійство, строго нака-«зываетъ убійцу, то не знаю, какъ можно любителямъ право-«судія, ненавидя пороки, любить порочнаго, оными преиспол-«неннаго. Вся нашего сердца нѣжность и человѣколюбіе мо-

---

*) Стр. 73—78; также стр. 375 и далѣе: «Что жъ нѣкоторые писцы «(писатели), точнаго понятія о вещахъ не имѣющіе, сатиру произ-«водятъ отъ злобы сердца авторовой, (то) происходитъ отъ ихъ невѣ-«жества. Горацій, Ювеналъ, Персей и Буало у людей просвѣщенныхъ «всегда въ вѣчномъ пребудутъ почтеніи, а въ посмѣяніи тѣ, кои ихъ «не разумѣя критикуютъ».

«гутъ ли на то согласиться, чтобъ порочному въ противныхъ «человѣчеству дѣлахъ чинить потачку, или еще и одобреніе? «Не должно ли намъ стараться, чтобъ какимъ-либо образомъ «совратить его съ такого пути, которымъ онъ къ собствен-«ной своей спѣшитъ погибели? Если слѣпаго, ко рву прибли-«жающагося, отъ онаго человѣколюбіе отвести повелѣваетъ; «но какъ можетъ тожъ самое человѣколюбіе запрещать: пороч-«наго отвращати отъ пороковъ?»[1]).

Въ этихъ спорахъ противники нерѣдко слишкомъ увлекались и забывали о свѣтскихъ приличіяхъ; критика ихъ была исполнена страсти и личныхъ намековъ. Эминъ жаловался, что одинъ изъ современныхъ ему стихотворцевъ назвалъ его *янычаромъ*; другой критикъ увѣрялъ, что Эминъ, спознавшись съ бѣсами, труды свои больше употреблялъ на услуги *аду*, нежели обществу[2]).

Въ спорѣ за значеніе сатиры, журналъ «И то и сё» раздѣлялъ мнѣнія «Всячины», хотя и съ этою послѣднею не жилъ въ согласіи. «И то и сё» держало себя враждебно относительно почти всѣхъ современныхъ ему журналовъ, не оставивъ въ покоѣ даже «Поденьшину». На листахъ, выпущенныхъ въ 24-ю и 25-ю недѣли, издатель журнала «И то и сё» жалуется, зачѣмъ появилось столько еженедѣльныхъ изданій, въ которыхъ будто бы повторяется одно и то-же; по его мнѣнію, «Трудолюбивая Пчела» Сумарокова и изданія академическія были ведены несравненно лучше. «Невозможно, прибавляетъ онъ, чтобъ публика имѣла одинаковое вниманіе ко всѣмъ журналамъ; ибо и родители, страстно привязанные къ единственному ребенку, охладѣваютъ къ дѣтямъ, когда ихъ родится нѣсколько; излишество во всемъ худо!» Эта странная жалоба

---

[1]) Стр. 329—336.

[2]) Стр. 324—325, 334, 371.

заслужила насмѣшку, съ которой выступилъ «Трутень»: «Въ «нѣкоторомъ журналѣ кто-то сердится, что много журналовъ «печатается. Видно, что соки ума его уже высохли... Гнѣ«ваться онъ имѣетъ немалую причину: (другіе) журналы сдѣ«лали то, что его листочковъ теперь почти никто не покупа«етъ, а ему на новый разживъ деньги надобны. Въ упомяну«томъ журналѣ еще при досугѣ нѣкто бредитъ слѣдующее: «отецъ многихъ имѣетъ дѣтей, однако не всѣхъ равно любитъ, «и что подобнымъ образомъ и журналы публикою равно люби«мы быть не могутъ. Онъ отчасти сказалъ правду, узнавъ «оную изъ опытовъ на свой счетъ; однако изъ того заклю«чить не надлежитъ, что когда его и матери его («Всячины») «журналы явились въ свѣтъ, то другимъ оныхъ издавать не «надлежало. Я увѣренъ, что онъ самъ своему нравоученію не «послѣдуетъ, и если будетъ имѣть отъ жены своей одного «или двухъ любезныхъ сынковъ, то вѣрно тѣмъ не будетъ до«воленъ, но станетъ стараться и о сочиненіи другихъ *)». Задѣтое за-живо «И то и сё» выступило разомъ противъ трехъ журналовъ. Здѣсь въ формѣ письма отъ Д. П. къ издателю напечатано было такое разсужденіе: «Нѣсколько дней разсуж«далъ я, у котораго бы изъ сочинителей испросить позволеніе «къ перепискѣ? Древность почитать всѣмъ намъ свойственно, «почему «Всякая Всячина», какъ праматерь, овладѣла было «моимъ желаніемъ: но забылъ, что старость имѣетъ свои сла«бости, и что съ уменьшеніемъ тѣлесныхъ силъ ослабѣваютъ «вмѣстѣ и душевныя дарованія. Приведя сіе на мысль, раз«судилъ я прежде прочесть послѣдній листокъ ея сочиненій. «Но какъ я удивился, увидя ее начинающею учиться *лягушачья* «*языка*». Это намекъ на одну сатирическую статью «Всячины», въ которой сочинитель передаетъ будто бы подслушанный имъ

---

*) 1769 года, стр. 95—96.

разговоръ лягушекъ[1]). Далѣе читаемъ: «Съ крайнимъ сожа-
«лѣніемъ сердца познавъ сіе ея состояніе, Боже мой! сказалъ
«я тогда съ внутреннимъ соболѣзнованіемъ: вотъ каковъ че-
«ловѣкъ на свѣтѣ! Чрезъ нѣсколько лѣтъ и я «Всякой Вся-
«чинѣ» подобенъ буду, потерявши то, что украшаетъ человѣче-
«ство... Потомъ попалось мнѣ въ руки сочиненіе «Трутня».
«Сей человѣкъ показался мнѣ, что онъ объявилъ себя непрія-
«телемъ всего рода человѣческаго. Тутъ, кромѣ язвитель-
«ныхъ браней и ругательства, я не нашелъ ничего добраго...
«тутъ грубость и злонравіе въ наивысочайшемъ блистали со-
«вершенствѣ; его вѣдомости сплетены были изъ ругатель-
«ства и поношенія ближнимъ, и еслибъ ему вѣрить, то бы над-
«лежало возъимѣть совершенное ото всѣхъ людей отвращеніе;
«но я подумалъ, что и онъ человѣкъ же, и что, можетъ быть,
«пороки, которыми язвитъ другихъ, ему еще болѣе всѣхъ свой-
«ственны» и т. д... «Адская Почта», хотя наименованіемъ
«своимъ меня и не устрашаетъ; но какъ она весьма нова и
«имѣетъ еще нѣкоторыя невразумительныя намѣренія, почему
«о ней и никакого заключенія сдѣлать невозможно; притомъ
«же я съ самаго младенчества къ духамъ адскимъ толикое по-
«лучилъ омерзеніе, что не токмо переписки съ ними, но и по-
«лученіе писемъ чрезъ курьера сего рода мнѣ не нравится. На-
«конецъ, читая изданіе ваше («И то и се»), удовольствовалъ
«мое желаніе. Оно показалось мнѣ невиннымъ упражненіемъ,
«приносящимъ иногда пользу, иногда увеселеніе; а не примѣ-
«тилъ въ немъ ни грубости, ни невѣжества, ни также язвитель-
«ной критики[2])». Такимъ образомъ Чулковъ, который такъ лов-
ко осмѣивалъ журнальное самохвальство, спокойно допускалъ
его въ своемъ собственномъ изданіи и притомъ рядомъ съ до-

[1]) Стр. 203—207.

[2]) Недѣля 28. «И то и сё» нападаетъ на «Трутень» еще на листкѣ 52-й недѣли.

вольно грубыми и несправедливыми обвиненіями другихъ журналистовъ. Вслѣдъ за приведеннымъ нами письмомъ, «И то и сё» напечатало стихотвореніе, направленное на Новикова и Эмина, какъ сочинителя «Россійской исторіи» и нѣсколькихъ романовъ:

Кто праотцевъ своихъ сатирами поноситъ
И похвалы себѣ отъ всѣхъ за это проситъ —
Дуракъ.
Кто взялся написать исторію безъ смысла
И ставитъ тутъ Неву, гдѣ протекаетъ Висла —
Дуракъ.
Кто въ запуски писать примается съ Волтеромъ
И думаетъ тому въ письмѣ онъ быть примѣромъ —
Дуракъ.
Кто думаетъ себя хвалой превознести
За то, что онъ умѣлъ романа съ три сплести —
Дуракъ.
Кто всѣхъ безъ выбору сограждановъ ругаетъ
И только одного себя лишь почитаетъ —
Дуракъ...

и такъ далѣе. Надъ исторіею, сочиненною Эминымъ, «И то и сё» посмѣялось еще слѣдующею выходкою: «На нѣсколько «томовъ нѣкоторой исторіи (объявлено здѣсь) потребно толку «пудовъ до пяти и болѣе — для того, что исторія сія невра-«зумительна и непонятна. Желающіе поставить оный толкъ «водою или сухимъ путемъ, только на своихъ подводахъ и «своимъ коштомъ, могутъ явиться во всякомъ мѣстѣ, а за «поставленной товаръ получатъ со многихъ по низкому по-«клону»*).

Въ сатирической поэмѣ: «Плачевное паденіе стихотворцевъ», сочиненной Чулковымъ, слѣдующіе стихи, кажется, задѣваютъ Эмина, намекая на его путешествія и происшествіе, случившееся съ нимъ въ Турціи:

---

*) Недѣля 29.

Еще и прозою прелестною сказалъ,
Что въ Римѣ часто былъ и папу тамъ видалъ,
Въ Ерусалимѣ жилъ, Египетъ точно знаетъ,
О коемъ завсегда въ простыхъ людяхъ болтаетъ;
Пекинъ ему знакомъ, извѣстенъ Испагань,
Видалъ онъ городъ Крымъ, видалъ и Астрахань;
Въ Царьградѣ продавалъ подовые на рынкѣ,
Которы нашивалъ въ лукошкѣ онъ и въ кринкѣ,
Турецкимъ языкомъ «горячіе» кричалъ,
И каждой онъ пирогъ по левку продавалъ.
Паши и визири подовые ѣдали
И тутъ-то всѣ его придворные узнали;
Имамамъ по утрамъ горячіе носилъ,
У нихъ и алкоранъ на память заучилъ.
Константинополь весь въ то время ужаснулся,
Какъ онъ, съ лукошкомъ шедъ, на камень спотыкнулся,
Разсыпалъ пироги, разбилъ тогда горшокъ,
Понеже въ спину онъ почувствовалъ толчокъ,
А какъ озрѣлся въ задъ, совмѣстника увидѣлъ,
Котораго предъ симъ недавно онъ обидѣлъ;
Супружницу его въ любовь къ себѣ склонилъ
И пару пироговъ за то ей подарилъ.
Онъ въ судъ его водилъ, а тамо присудили,
Чтобъ ноги по землѣ его ужь не ходили,
Хотѣли сжечь огнемъ, но дервиши ягня
Пришедши вырвали изъ самаго огня
И заперли въ чуланъ, въ которомъ онъ спасался,
И тако живъ и цѣлъ на свѣтѣ семъ остался...

Въ стихахъ Чулкова «На качели» находимъ намёкъ на переведенный Эминымъ романъ, подъ заглавіемъ: «Любовный вертоградъ или непреоборимое постоянство Камбера и Арисены. Спб. 1763 г.» Авторъ на ряду съ Бовою-королевичемъ, Усынею-богатыремъ и другими подобными произведеніями ставитъ *и сплетенные виршами любовны вертограды,*

Которы строены безъ вѣдома Паллады.

«Трутень» не оставилъ безъ отвѣта ни прозы, ни стиховъ Чулкова. Эминъ, скрывшій свое имя подъ буквами Б. К. (бѣсъ

кривой?), помѣстилъ въ этомъ журналѣ такое письмо къ издателю:

«Пламя войны и между сочинителями возгорѣлось. Вооружились колкими своими перьями гг. писатели; вашему «Трутню» немалое было бомбардированіе; «Всякая Всячина» «добрый вытерпѣла залпъ; «Адскую Почту» атаковала какая-«то неизвѣстная партія. Что касается до *моихъ бѣсовъ*, то я «на оныхъ наступающаго увѣрить могу, что ему ихъ бояться «никакой причины нѣтъ, когда онъ человѣкъ честный, ибо «добродѣтельнаго человѣка *мои бѣсы* добродѣтели лишить не «могутъ. Я бы сему ихъ непріятелю совѣтывалъ истребить «то предубѣжденіе, которое, какъ онъ самъ пишетъ, при немъ «обитаетъ, и когда онъ о дѣлахъ, по свойству ихъ, а не по на-«званію разсуждать захочетъ, то можетъ статься имя моихъ «бѣсовъ не столько будетъ ему противно *). — Что касается «до пасквиля, который былъ присланъ нѣкоторымъ писате-«лемъ для напечатанія, который ему назадъ отосланъ и кото-«рый носится по многимъ рукамъ; то я оный, если когда-«нибудь явится въ свѣтъ, съ прочими сего рода сочиненіями, «предаю на судъ публики, которую я считаю за судью спра-«ведливаго... Я не только имена сихъ извѣстныхъ мнѣ моихъ «клеветниковъ здѣсь умалчиваю, но и ниже какими-либо око-«личностями публикѣ ихъ лица означивать буду; ибо я намѣ-«ренъ только доказать мою справедливость, а не бранить пуб-«лично другихъ». Къ этимъ замѣчаніямъ Эмина Новиковъ присоединилъ свои: «Бомбардированіе, сдѣланное моему «Трутню», «мнѣ не страшно, да уповаю, что и «Всякой Всячинѣ» сдѣ-«ланный залпъ никакого вреда не причинитъ; ибо въ сію про-

*) Еще въ началѣ своего изданія Эминъ писалъ: «Нынѣ обыкновенно женщины, ежели кого хитраго или передъ ними вертящагося захотятъ понѣжить, говорятъ: *Какой ты бѣсъ!* и такъ имя сіе не будетъ имъ ни ужасомъ, ни рѣдкостію» («Адск. Почта», стр. 3).

«тивъ насъ войну ополчилося невѣжество. Въ письмѣ господина Д. П. написано, что «Всякая Всячина» выжила изъ «ума. Хотя бы это было и подлинно, то я бы и тогда сказалъ, «что гораздо славнѣе дожившему съ пользою и съ разсудкомъ «до глубокой старости лишиться ума, нежели родиться безъ «ума. Но сей глубокой древности во «Всякой Всячинѣ» никто «не примѣтилъ. Что-жъ касается до моего «Трутня», въ ко«торомъ (по мнѣнію господина Д. П.) ничего нѣтъ, кромѣ яз«вительныхъ браней, что въономъ въ наивысочайшей степени «блистаетъ невѣжество; на то скажу: пусть «И то и сё» по«хваляется господиномъ Д. П. и подобными ему; меня это не «прельщаетъ, потому что желаніе мое стремится заслужить «вниманіе безпристрастныхъ и разумныхъ читателей»[1]). Кромѣ того, въ отвѣтъ на бранчивые стихи, напечатанные Чулковымъ, Новиковъ помѣстилъ въ «Трутнѣ» стихотвореніе *Задача:*

Читатели! прошу рѣшить сію задачу:
Кто дара не имѣвъ, а пишетъ на удачу —
Уменъ или дуракъ?
Кто, отъ роду не бывъ со музами знакомъ,
Дерзаетъ воспѣвать *качели съ семикомъ*[2]) —
Уменъ или дуракъ?
Кто въ прозѣ и въ стихахъ наставилъ столько словъ,
Которыхъ не свезутъ и тысяча ословъ —
Уменъ или дуракъ?
Кто хвалитъ самъ себя, а прочихъ всѣхъ ругаетъ
И въ семъ одномъ свое искусство пологаетъ —
Уменъ или дуракъ?.. и проч.[3]).

Такова была полемика въ 1769 году. Никакъ нельзя сказать, чтобъ она отличалась мягкостью и соблюденіемъ приличій.

---

[1]) 1769 года, стр. 110—111.

[2]) Намёкъ на стихотворенія Чулкова о гуляньѣ подъ качелями во время семика, напечатанныя въ журналѣ: «И то и сё».

[3]) 1769 г., стр. 111—112.

Если взглядъ «Всячины», а еще болѣе взглядъ журнала «И то и сё», далеко не былъ безукоризненъ, то и Правдолюбовъ, ратовавшій въ «Трутнѣ» за сатиру, перешелъ въ крайность; въ одномъ изъ писемъ своихъ онъ слишкомъ расширяетъ значеніе сатиры и вмѣсто изображенія общихъ типическихъ недостатковъ разныхъ классовъ общества требовалъ, чтобъ въ сатирическихъ изображеніяхъ были допускаемы и намёки на отдѣльныя личности. Онъ утверждалъ, что должно «критиковать» порочнаго *на лицо*, а не вообще порокъ; надобно только, чтобъ сатира не совсѣмъ была открыта, потому что въ такомъ случаѣ она, вмѣсто раскаянія, произведетъ въ порочномъ злобу. Но «критика на лицо — безъ имени, удаленная сколько возможно и потребно, производитъ въ порочномъ раскаяніе»*). Такой взглядъ, конечно, ошибоченъ; литература не должна допускать ни личностей, ни брани.

Толки ли, указанные нами, или недостатокъ матеріаловъ были тому причиною, но «Трутень» 1770 года былъ менѣе откровененъ и менѣе занимателенъ, нежели «Трутень» предъидущаго года. То-же случилось и со «Всячиною»: «Барышекъ» ея гораздо-слабѣе прежде изданныхъ листовъ. Публика не могла не замѣтить этой перемѣны; издатель «Трутня» получилъ по этому случаю нѣсколько писемъ, которыя и напечатаны имъ въ собственномъ же изданіи. Изъ этихъ писемъ любопытны слѣдующія два:

«Господинъ «Трутень»! кой чортъ! что тебѣ сдѣлалося? «ты совсѣмъ сталъ не тотъ; развѣ тебѣ наскучило, что мы «тебя хвалили, и захотѣлося послушать, какъ станемъ бра«нить?.. Пожалуй, скажи, для какой причины перемѣнилъ «ты прошлогодній свой планъ, чтобы издавать свои сатиріче«скія сочиненія? Ежели для того, какъ ты самъ жаловался,

---

*) Тамъ-же, стр. 193—196.

«что тебя бранили; такъ знай, что ты превеликую сдѣлалъ «ошибку. Послушай, нынѣ тебя не бранятъ, но говорятъ, что «нынѣшній «Трутень» прошлогоднему не годится и въ слуги, и «что ты нынѣ также бредишь, какъ и другіе. Надобно знать, «что хулы есть разныя: одни происходятъ отъ зависти, а дру- «гія отъ истины; итакъ я совѣтую лучше терпѣть первыя, не- «жели послѣднія... Послушай, г. новый «Трутень», преобра- «зись въ стараго ... ты увидишь, что и тебѣ отъ того больше «будетъ пользы; а то вѣть, я чаю, ты бѣдненькой останешься «въ накладѣ. Мнѣ сказывалъ твой книгопродавецъ, что ны- «нѣшняго года листовъ не покупаютъ и въ десятую долю про- «тивъ прежняго». Другое письмо начинается такъ: «Мнѣ ка- «жется, что тебя избаловали похвалами, почему ты и взду- «малъ, что всякой вздоръ, да лишь бы напечатанъ былъ подъ «заглавіемъ «Трутня», то примется читателями, равно какъ и «хорошія сочиненія, въ немъ напечатанныя. Ежели ты такъ «думаешь, такъ повѣрь, что ты много ошибаешься»...*). Новиковъ жаловался, что изданіемъ его недовольны, хотя онъ и старается избѣгать того, въ чемъ прошлаго года видѣли брань, и предпологалъ, что «Трутень» 1769 года имѣлъ успѣхъ болѣе по своей новости. Но несправедливость такого заключенія засвидѣтельствована успѣхомъ послѣдующихъ сатирическихъ изданій. Истина, высказанная въ колкихъ и мѣткихъ изображеніяхъ, хотя и можетъ раздражить нѣкоторыхъ отдѣльныхъ лицъ, но цѣлою публикою всегда встрѣчается съ благороднымъ сочувствіемъ; а картины, далекія отъ дѣйствительности, не могутъ заинтересовать большинства, которое болѣе или менѣе всегда надѣлено вѣрнымъ тактомъ различать правду отъ лжи.

Въ журналѣ «И то и сё» встрѣчаемъ еще полемику, напра-

*) 1770 г., стр. 102, 113—115, 118.

вленную противъ «Поденьшины», которая въ первомъ своемъ выпускѣ имѣла неосторожность затронуть это изданіе. Разъ, говоритъ издатель «Поденьшины», я встрѣтился съ мальчикомъ, который, кривляясь и махая руками, поднесъ ко мнѣ печатные листы: «дядюшка! не хочешь ли купить листочки?» Я посмотрѣлъ и увидѣлъ въ началѣ крупными буквами написано: «И то и сё». «Почемъ они продаются?» — «По алтыну». — «Мнѣ надо на полушку, отрѣжь мнѣ». — Это не гороховой кисель, этого на полушку не рѣжутъ». «Послѣ за однѣ латинскія строчки давалъ я ему денежку — не взялъ. Случилось мнѣ спросить нѣкогда у ученаго человѣка, для чего бы ставились въ русскихъ книгахъ латинскіе рѣчи въ заглавіяхъ[1]) . . . Причина тому та, отвѣчалъ онъ мнѣ, что если иного сочинителя вся книга ничего не будетъ значить, то, по крайней мѣрѣ, хотя бы тѣ стишки, которые обыкновенно берутся изъ хорошихъ авторовъ, со смысломъ остаться могли»[2]). Надо, однако, замѣтить, что полемическія статьи журнала «И то и сё» лишены остроумія и касаются только наружнаго вида «Поденьшины», которая сначала выходила на листкахъ нѣсколько бо́льшаго формата, чѣмъ послѣ. Приведемъ выписку, какъ образчикъ тогдашней критики. Нѣкто изъ моихъ «пріятелей (говоритъ «И то и сё») принесъ мнѣ нѣсколько «бумажекъ, на которыхъ напечатана «Поденьшина»... Со«чинялъ ее *маляръ*[3]), такъ я разсудилъ за благо переплести «ее въ разноцвѣтную мраморную кожу. Пріятель мой и пере«плетчикъ принуждены были цѣлые сутки ни ѣсть, ни спать;

---

[1]) «И то и сё» имѣло эпиграфъ: «Concordia res parvae crescunt, discordia magnae dilabuntur». (Отъ согласія малыя вещи возрастаютъ, а отъ несогласія и великія разрушаются.)

[2]) Стр. 17—18.

[3]) Издатель «Поденьшины» выдаетъ себя на первыхъ листахъ своего журнала за живописца.

«я приказалъ запереть вороты и не пускать никого, чтобъ не «помѣшали намъ приладить страницу къ страницѣ, потому что «первые нумера «Поденьшины» были напечатаны на осьмуш-«кахъ, а остальные на «лоскуточкахъ»; сіи-то лоскуточки «помѣшали нашъ разумъ . . . Переплетчикъ прикладывалъ тѣ «лоскуточки къ первымъ осьмушкамъ и къ верху, и къ низу, «и въ головы, и въ ноги, и сзади, и спереди, и по бокамъ, и «наконецъ къ каждому углу; однако никуда не приставали. «Отчего помѣшался мозгъ во всей его столицѣ, ошибъ его об-«морокъ, и былъ я принужденъ пустить ему два раза кровь». Далѣе слѣдуетъ разсказъ о томъ, какъ однажды критикъ ошибкою принялъ «Поденьшину» за поминальникъ. «Кстатиль это, прибавляетъ онъ, вмѣсто поминанья посылать въ церковь такую *пустошь* и *вораки?*» Признаваясь въ желаніи *нѣсколько разсердить* издателя «Поденьшины», «И то и сё» не задумалось прибавить, что только «критика со вкусомъ» приноситъ пользу.

«Поденьшина» не оставалась безотвѣтною противъ *хуленій* Чулкова: «Не прискорбно-бъ мнѣ было (говоритъ она), еслибъ «хуленія эти были написаны въ другомъ изданіи; но госпо-«динъ «И то и сё» — нѣтъ господиномъ нельзя назвать; го-«спожа — и госпожею нельзя, хотя нѣсколько и ближе. «И «то и сё» рода средняго, а къ вещамъ средняго рода господ-«ства въ русскомъ языкѣ не придаютъ; ибо не можно сказать: «ни *господинъ дерево*, ни *госпожа безуміе*, а можно сказать: «*господинъ дуракъ*, и то не всегда. Итакъ скажу я просто: «И «то и сё», *какъ нѣчто сумасшедшее*, не стоило бы и отвѣта, «да не отвѣчать нельзя: назовутъ трусомъ». Отвѣтъ свой «По-деньшина» скрѣпляетъ словами, что ея противнику *законъ неписанъ**). Чулковъ съ своей стороны просилъ «Поденьшину»

*) Стр. 71—73.

уняться и не отягощать читателей несносною вздорливостію, а дать ему время продолжать начатое предпріятіе [1]).

Кромѣ «Барышка Всячины» и «Трутня» въ 1770 году появились два новые журнала: «Парнасской Щепетильникъ» (съ мая) и «Пустомеля» (съ іюня). «Щепетильникъ» заступилъ мѣсто періодическаго изданія: «И то и сё». Чулковъ объявилъ, что въ новомъ своемъ журналѣ онъ постарается избѣгать всего, что̀ можетъ быть непріятно для нѣжнаго слуха и способно показаться кому-либо подозрительнымъ; что перо его будетъ справедливо, ибо оно ни льститъ, ни потворствовать не умѣетъ [2]). Онъ напечаталъ здѣсь нѣсколько статей, касающихся отечественной исторіи; но главная цѣль, при изданіи въ свѣтъ «Парнасскаго Щепетильника», была осмѣять непризванныхъ и бездарныхъ стихотворцевъ, которыхъ расплодилось тогда слишкомъ-много: всѣ, умѣющіе писать, бросились за сочиненіе одъ торжественныхъ и громкихъ. На плохихъ стихотворцевъ нападали Сумароковъ, Нахимовъ, Петровъ; журналы 1769 года также не пощадили ихъ. «Всячина» смѣется, что люди, познакомившіеся съ риторикою и піитикою, дѣлаются заносчивыми: они и за могилой готовы браниться и читать всякому что-то такое, отъ чего непремѣнно зазѣваешься [3]). «Адская Почта» увѣряла, что Парнасъ осѣлъ глубоко въ землю и сдѣлался доступенъ всякому; что Мильціадъ и Аннибалъ не были столько смѣлы, какъ наши стихотворцы, которые льютъ чернила потоками на бѣлое поле бумаги и называютъ сами себя питомцами Минервы: такова-то ихъ licentia poëtica [4]). «Трутень» утверждалъ: «Здѣшній воз-«духъ весьма противенъ англійскому. Тамъ умные люди съ

---

[1]) Недѣли 9, 10 и 11-ая.

[2]) Стр. 10—11.

[3]) Стр. 177—178.

[4]) Стр. 174, 346—347.

«ума сходятъ, а здѣсь разсудка неимѣющіе разумными предста-«вляются. Кто можетъ на рифмахъ сказать: *байка, лайка, фу-«файка*, тотъ ужь печатаетъ оды, трагедіи, элегіи и проч., «которыя... полезно читать развѣ тому, кто принималъ рвот-«ное, и оно не подѣйствовало». По словамъ этого журнала, стихомаратели въ тогдашнее время расплодились, какъ крапива въ пустомъ саду, почему не однихъ подьячихъ, но и стихомарателей надо бы называть *крапивнымъ сѣменемъ*. Такое размноженіе стихотворцевъ заставило наконецъ Пегаса подать Аполлону челобитную объ отставкѣ [1]). Тоже свидѣтельствуетъ и журналъ «И то и сё». Болѣзнь стихоманіи, по его мнѣнію, весьма прилипчива и до того распространилась въ Петербургѣ, что всякій, кто только умѣетъ держать въ рукахъ перо, уже спѣшитъ отдавать свое маранье въ печать. Оттого на Парнасѣ сдѣлалась великая тѣснота, и скоро дойдетъ до того, что рифмачи начнутъ спихивать другъ друга съ этой крутой горы: тогда-то будетъ плачъ неутѣшный и драка неописанная! [2]).

Еще сильнѣе нападалъ на плохихъ стихотворцевъ Чулковъ въ «Парнасскомъ Щепетильникѣ». Вотъ что онъ говоритъ о цѣли этого изданія: «Нѣкоторымъ сочинителямъ не знаніе и «науки, но одно слѣпое счастіе доставило титло людей разум-«ныхъ и ученыхъ. Всякое ихъ сочиненіе и выдумка похвалены «бывали всѣмъ городомъ публично, а мы, убогая братія, со «страхомъ и трепетомъ взирали на дѣла сихъ *преузорочныхъ* и «высокосмысленныхъ особъ, и не токмо, что всенародно не

---

[1]) 1769 года, стр. 95, 137, 139, 151. 1770 года, стр. 91.

[2]) Недѣли 18, 29, 41, 49. Насмѣхаясь надъ стихотворцами, «И то и сё» говоритъ, что они такъ опредѣляютъ *любовь*: «любовь есть пчела, которая за маленькую крошку взятаго у нея меду весьма больно жалитъ; любовь есть тайно-жгучій огонь, пріятная язва, сладостный ядъ и весьма вкусная горечь; любовь есть милая болѣзнь, забавная мука и веселая смерть».

«осмѣливалися находить въ нихъ погрѣшности, но ужасалися «и наединѣ имѣть о нихъ толь злое помышленіе. Отъ сея ро«бости и раболѣпствія нашего набилось ихъ столько на Пар«насъ, что по послѣдней ревизіи оказалося болѣе 100,000 «человѣкъ. Толикое множество жадныхъ писателей ипокрен«скій и кастальскій источники и рѣка Пермессъ не могли «удовольствовать врачебными своими водами, и начали ужь «изсыхать: чего ради покровитель и богъ наукъ великій Апол«лонъ, предупреждая толикое зло, по общему съ музами со«гласію, опредѣлилъ нѣкоторыхъ изъ нихъ послать въ дальные «города въ рангахъ переводчиковъ и сочинителей рацей и дру«гихъ духовныхъ кантовъ, которые весьма часто припѣваются «въ подьяческихъ бесѣдахъ; нѣкоторыхъ для сочиненія элегій «и любовныхъ пѣсенъ; другихъ по селамъ дьячками, третьихъ «по деревнямъ старостами и выборными, и такъ далѣе; а остав«шееся число на Парнасѣ, сдѣлавъ (меня) аукціонистомъ и «нарекши *щепетильникомъ*[1]), а негодныхъ стихотворцевъ наи«меновавъ *парнасскою ветошью*, приказалъ распродать здѣсь «съ молотка, и собранную за нихъ сумму велѣно мнѣ упо«требить на пропитаніе такихъ людей, которые, весьма мно«гому учася, ничего не разумѣютъ». Приступая къ аукціонной продажѣ, «Щепетильникъ» объявилъ, что стихотворцы эти, кромѣ производства стиховъ, ни къ чему другому неспособны[2]), и потомъ сталъ выкрикивать:

«ПРОДАЕТСЯ СТИХОТВОРЕЦЪ ДРАМАТИЧЕСКІЙ: «сей человѣкъ живетъ въ такомъ домѣ, который наполненъ «безграмотными профессорами и тунеядцами, а изъ принужде«нія носитъ и онъ на себѣ всѣ сіи достоинства.. Сочиняетъ «стихи изъ однихъ односложныхъ словъ, а многосложныя не-

[1]) Щепетильникъ—продавецъ мелкихъ товаровъ.

[2]) Стр. 8.

«навидитъ, и отъ того-то стихи его ни остры, ни замыслова-«ты, и таковы точно, какъ итальянскія ноты, проигрываемыя «на россійскомъ гудкѣ. Впрочемъ не соглашается онъ вѣрить, «что труды его негодны; удобнѣе принудить его проплясать «на площади, нежели что-нибудь въ стихахъ его поправить, «и кто ему о томъ выговоритъ, того почитаетъ онъ такимъ «злодѣемъ, съ которымъ не должно и на дорогѣ встрѣчаться. «Сколько онъ малосмысленъ, столько, или еще больше, же-«лаетъ казаться людямъ ученымъ... Часто шатается по ули-«цамъ единственно только для того, что поправляетъ грамма-«тическія погрѣшности въ мужицкихъ разговорахъ... За всѣ «его книги и за него самого возьму я рубль восемь гривенъ».

«ПРОДАЕТСЯ СТИХОТВОРЕЦЪ ЛИРИЧЕСКІЙ: онъ, «какъ древній законникъ, ожидаетъ отъ народа въ честь себѣ «статуи, не изъ дикаго камня, но изъ найденнаго здѣсь на озе-«рахъ мрамора, и желаетъ, чтобъ сохраняли стихи его въ на-«рочно сдѣланныхъ къ тому золотыхъ сосудахъ. Съ тѣхъ са-«мыхъ поръ, какъ узналъ онъ премудрость и могъ очинить «перо, страдаетъ парнасскою горячкою и, будучи въ великомъ «жару, такъ высоко бредитъ, что нерѣдко карабкается на об-«лака... Судьба одѣваетъ его теперь въ новую одежду, а ку-«печеская рука насыпаетъ полные карманы денегъ. Многимъ «покажется удивительно, что стихотворецъ имѣетъ участіе «въ богатствѣ, но надобно каждому разумѣть, что не стихи «его питаютъ, а обогащаютъ крестьяне, которыхъ онъ одного за «другимъ, хотя и безъ очереди, однако каждый день продаетъ. «Сего стихотворца, господа, извольте оцѣнить сами, или возь-«мите его безъ денегъ; я васъ охотно онымъ подарю»*).

Затѣмъ выставлены были «Щепетильникомъ» и другіе про-дажные стихотворцы; изъ нихъ вотъ:

---

*) 12—17.

Сочинитель нѣжныхъ, любовныхъ стиховъ; «онъ влюбленъ «въ одну дѣвушку. Въ началѣ его страсти приступалъ онъ къ «сердцу ея стихами и сочинялъ посредственно-хорошія пѣс«ни, клалъ ихъ на ноты и пропѣвалъ передъ нею; но, по не«счастію его, былъ хуже музыкантъ, нежели стихотворецъ, «и такъ пѣніемъ своимъ отнималъ у нихъ и послѣднюю красо«ту; слѣдовательно симъ родомъ стихотворства не могъ онъ «понравиться такой красавицѣ, которая ни одной минуты не «хочетъ потратить на безполезные вздохи; да и на что оно, «когда и безъ вздоховъ вершится нынѣ любовное дѣло и вся«кая пріятность получается въ непродолжительномъ времени». Любовные же стихи годятся развѣ на подвивку волосъ или на подстилку подъ пироги [1]). Очень вѣроятно, что въ этихъ портретахъ были намеки на современныхъ писателей, но разгадать ихъ едва ли возможно въ настоящее время.

Всѣ эти бездарные стихотворцы, по словамъ «Щепетильника» народъ ужасно гордый и самолюбивый; разсуждая печатно о томъ, въ чемъ *не смыслятъ ни уха, ни рыла*, они требуютъ, чтобъ публика была ко всему безчувственна, кромѣ ихъ рифмосплетеній. Тотъ-же самый стихотворецъ, который терпѣливо снесетъ названіе неряхи и не совсѣмъ честнаго человѣка, взбѣсится, если (чего Боже сохрани!) кто-нибудь назоветъ его безмозглымъ рифмачемъ [2]). Точно также опасно при одномъ стихотворцѣ похвалить другаго: тутъ подымется буря злословія, достанется и роду и племени, и произнесется строгій судъ, если окажется хоть одна ошибка въ падежѣ или строчномъ препинаніи [3]). Не терпя чужихъ сочиненій, парнасскіе витязи любили восхищаться своими собственными, и

---

[1]) Стр. 26—27, 106.

[2]) Стр. 99, 107.

[3]) «Вечера», ч. I, стр. 99—100.

готовы были во всякое время и всякому читать ихъ «со всѣми украшеніями и возвышеніями голоса»*).

Сатира на расплодившихся непризванныхъ «піитовъ», не безполезная по своему вліянію на литературу и вкусъ публики, нашла сочувствіе въ господинѣ И. Л., который писалъ къ Чулкову: «Хвалю васъ, господинъ сочинитель! что предъ «пріяли вы исправлять произходящія отъ самолюбія пороки «стихоплетущихъ рифмачей; приложившихся по писанію скотамъ несмысленнымъ. Я напередъ предъузналъ, что это «сочиненіе («Щепетильникъ») обсѣчетъ крылья многимъ и у «насъ (близь Днѣпра) проявившимся недавно стихобродамъ, «которые, скажу по просту съ вами, *не смысля ни уха, ни рыла* «и намаравши нѣсколько стиховъ, стремятся вскарабкаться «на Парнасъ и самовластно обладать онымъ, называя всѣ правила совершеннаго стихотворства ученымъ вздоромъ, пустотою и враками, причиняющими излишнее лишь и совсѣмъ ненадобное затрудненіе... Твердо надѣюсь я, что если не престанете вы продолженіемъ вашего «Щепетильника» обличать «ихъ, по крайней мѣрѣ хотя наши стихомаратели, какъ твари, не совсѣмъ еще въ разсужденіи вашихъ упившіяся безуміемъ, современемъ перестанутъ проявлять и сблевывать «скаредные плоды онаго. И больше скажу, я съ восхищеніемъ вижу въ нѣкоторыхъ головахъ цѣлительное дѣйствіе; «ибо многіе, донынѣ присматриваясь пристально къ описаннымъ весьма худыми красками лицамъ и находя въ нихъ не «знаю какое-то съ собою подобіе, совершенно бросили юродствовать и принялись за разумъ». При этомъ письмѣ И. Л. прислалъ «Похвальные стихи полустихотворцамъ», которые и были напечатаны въ «Щепетильникѣ». Содержаніе стиховъ таково: скажите, спрашиваетъ авторъ, отчего хлѣбъ родится

*) «Щепетильникъ», стр. 28—29.

плохо? и небо не посылаетъ дождя? — Небеса прогнѣваны; потому что къ ихъ высотамъ отовсюду возносятся несносныя и нестерпимыя враки въ безчисленныхъ поэмахъ, одахъ, стансахъ, сонетахъ и пѣсняхъ. Плохіе піиты размножились; для нихъ Ипокрена впадаетъ въ Неглинную, а спартанская Елена живетъ въ Валдаѣ, словомъ, сонную мечту они принимаютъ за восторгъ [1]).

И послѣ «Щепетильника» долго слышались въ нашей литературѣ жалобы на плохихъ стихотворцевъ, такъ зло осмѣянныхъ впослѣдствіи въ «Чужомъ толкѣ» Дмитріева. Въ «Вечерахъ» было напечатано стихотвореніе, подъ заглавіемъ *Мысли:*

Воззри, усмотришь ты здѣсь многіе примѣры:
Здѣсь школьники уже считаются Гомеры;
Кто нѣсколько стиховъ негодныхъ издалъ въ свѣтъ,
Уже межъ многими Виргиліемъ слыветъ;
Кто портитъ только слогъ пѣвцовъ преславныхъ россовъ,
Уже считается второй здѣсь Ломоносовъ...
А если хочешь ты плѣнить умы людскіе,
Старайся только въ стихъ сбирать слова такія,
Которыхъ бы никто совсѣмъ не разумѣлъ,
Чтобъ стихъ твой у тебя безъ разума *гремѣлъ*.
Такіе-то у насъ писцы въ великой модѣ,
Которые совсѣмъ впреки идутъ природѣ!...
Пиши поэмы ты и оды *пухлымъ* слогомъ,
То будешь возглашенъ межъ всѣхъ парнасскимъ богомъ.
Чѣмъ будетъ болѣе затмѣнныхъ мыслей въ ней,
Тѣмъ болѣе хвалы услышишь отъ людей.
Лишь только подражать Хераскову блюдися,
А Майкову во слѣдъ совсѣмъ идти стыдися:
Не въ модѣ между всѣхъ невѣждъ писатель сей —
Какой превздорный имъ въ свѣтъ изданъ *Елисей* [2])!

Судьба стихотворцевъ въ эпоху 1770-хъ годовъ была несовсѣмъ блистательная. Многіе изъ нихъ пѣли торжествен-

---

[1]) Стр. 275—277, 280—286.

[2]) Ч. I, стр. 19; ч. 2, стр. 27—41.

ные гимны и оды по заказу на общественныя и семейныя празднества и торговали своими поздравительными виршами. «Вечера», говоря о пiитахъ, которые пишутъ стихи по подряду и свой бездѣльный трудъ продаютъ, будто лапти, приводятъ разсказъ о томъ, какъ одинъ богатый человѣкъ нанялъ стихотворца сочинить оду на его свадебное торжество:

Уже вспѣвака мой тащится на Парнасъ,
Варитъ для жениха стихи онъ, какъ ушное,
Кладетъ въ уху сiю чеснокъ и ананасъ,
И подлинно сварилъ онъ кушанье смѣшное...
Помчался мой пѣвецъ въ селенiя небесны,
Венеру съ облаковъ на свадьбу притащилъ;
Не думавъ жениху содѣлать тѣмъ обиды,
Не пожалѣлъ стащить оттолѣ и купиды...[1]).

Въ журналѣ «И то и сё» есть разсказъ о барынѣ, которая приглашала стихотворца воспѣть въ плачевной элегiи смерть ея постельной собачки[2]).

«Парнасской Щепетильникъ», однако, не имѣлъ большаго успѣха. Еще въ октябрскомъ выпускѣ издатель жаловался, что общество потеряло охоту къ повременнымъ изданiямъ[3]), а въ декабрскомъ онъ объявилъ: «Сочиненiе сiе («Щепетиль-«никъ») продолжалось до конца сего года по обѣщанiю издате-«леву, хотя и съ великимъ ему убыткомъ; онъ хотѣлъ лучше «устоять въ своемъ словѣ, нежели солгать передъ всею пуб-«ликою... Не хотѣлъ онъ послѣдовать тѣмъ премудрымъ ав-«торамъ, кои, напечатавъ первый листъ, роздали билеты и «обобрали съ желающихъ деньги, а на второмъ листѣ пре-«рвали свое сочиненiе». Въ «Щепетильникѣ» участвовалъ знакомый намъ Рубанъ.

«Пустомеля» издавалась помѣсячно и продолжалась недол-

---

[1]) Ч. I, стр. 77—78.

[2]) Недѣля 42.

[3]) Стр. 264.

го: іюнь и іюль. Имя издателя ея неизвѣстно. Обращаясь къ читателю, онъ самъ говоритъ: «Можетъ быть, захочешь ты «прежде всего узнать мое имя, однакожъ не жди, чтобы я «тебя объ ономъ увѣдомилъ. Сколько хочешь думай, отгады-«вай, развѣдывай и трудись, мнѣ до того нужды нѣтъ... «Вы часто о сочиненіяхъ судите по сочинителямъ, а нѣко-«торые изъ васъ и не читавши, но по одному только слу-«ху, дѣлаютъ неправильныя заключенія. Итакъ польза моя «требуетъ, чтобы я имя свое утаилъ. Не знавши онаго, «какъ скоро прочтешь ты десять строкъ моего сочиненія, «то навѣрно заключишь, что я писатель не третьей статьи; «можетъ быть подумаешь, что я человѣкъ знатный; слѣдо-«вательно критиковать не осмѣлишься»[1]). Названіе «Пустомели», вѣроятно, дано въ подражаніе англійскому періодическому изданію «The Tattler» (Болтунъ), которое съ 1709 до 1711 года выходило подъ редакціею Стиля. Въ «Пустомелѣ» напечатано, между прочимъ, фонъ-Визиново «Посланіе къ слугамъ моимъ: Шумилову, Ванькѣ и Петрушкѣ» и, судя по тону замѣтки, сдѣланной при этомъ отъ редакціи, напечатано здѣсь впервые[2]). Кромѣ этого посланія, въ «Пустомелѣ» нѣтъ статей сатирическаго содержанія, но за то въ ней есть интересныя свидѣтельства о современной литературѣ и театрѣ, на которыя укажемъ въ своемъ мѣстѣ. «Я боюсь обѣщать море, чтобъ не вылилась лужа», говоритъ въ предисловіи осторожный издатель, и потому, умалчивая о направ

---

[1]) Стр. 11—12.

[2]) Показаніе митрополита Евгенія, что «Посланіе къ слугамъ» явилось въ первый разъ въ Москвѣ, во время публичнаго маскарада въ 1763 году, едва ли вѣрно (Слов. св. пис. т. I, стр. 80, или въ «Другѣ Просвѣщен.» ч. III, стр. 252), тѣмъ болѣе, что всѣ старанія удостовѣриться въ существованіи тѣхъ литературныхъ сатурналій, о которыхъ говоритъ митрополитъ Евгеній, оставались доселѣ безъуспѣшными («Фонвизинъ», соч. кн. Вяземскаго, стр. 47).

леніи и цѣли своего журнала, онъ высказываетъ только свой взглядъ на литературныя требованія и по этому поводу дѣлаетъ нѣсколько критическихъ замѣчаній о современныхъ писателяхъ; между этими замѣчаніями нельзя не примѣтить нападенія на «Парнасской Щепетильникъ» Чулкова.

«Пустаго (говоритъ издатель «Пустомели») писать не хочет-«ся, а хорошее скоро ли придумаешь? Мнѣ и самому не-«сносны тѣ авторы, которые сочиненія свои начинаютъ вздо-«ромъ, вздоромъ наполняютъ и оканчиваютъ вздоромъ, пишутъ «все, что ни попадется, спорятъ, критикуютъ, рѣшатъ, а за-«путавшись въ мысляхъ изъясняются весьма не ясно: тутъ «слѣдуютъ у нихъ сухія шутки, будто оставляютъ темныя мѣ-«ста на догадку читателя; но ежели сочинитель по чистой со-«вѣсти захочетъ признаться, то скажетъ, что и самъ онъ того «не понимаетъ... Многіе нынѣ принимаются писать, думая, что «хорошо сочинять также легко, какъ продавать шнурки, серьги, «запонки, наперстки, иголки и прочіе мелочные товары, коими «*щепетильники* торгуютъ въ деревняхъ и мѣняютъ оные на «лапти и яйцы; но они обманываются. Чтобы хорошо писать, «надо образованіе, острота, здравый умъ, хорошій вкусъ, зна-«ніе языка и понятіе о вещахъ; иначе будешь не писателемъ, «а бумагомарателемъ. По несчастію у насъ много такихъ со-«чинителей, которые пишутъ все, что съ ними ни повстрѣ-«чается, хватаются за все, начинаютъ и никогда не оканчи-«ваютъ»*). Вѣроятно, Чулковъ не оставилъ этотъ вызовъ безъ отвѣта; но трудно отгадать, какая изъ его сатирическихъ выходокъ направлена противъ «Пустомели».

Затѣмъ издатель «Пустомели», обращаясь къ самому себѣ, продолжаетъ: «Пускай бѣдные писатели со слезами просятъ, «чтобы ихъ изъ милосердія не критиковали и пусть испраши-

---

*) Стр. 5—8.

«вают они у читателей благосклоннаго принятія трудовъ «своихъ; тебя не такая ожидаетъ участь, и для того поступай съ читателями отмѣнно. Прими на себя важный видъ, «подобно тѣмъ авторамъ, которые, не больше десяти строкъ «написавъ, отнимаютъ первенство у всѣхъ прежде ихъ про-«славившихся творцовъ». Съ первыхъ строкъ изуми своихъ читателей и, не давая имъ опомниться, заставь гоняться за летучими мыслями твоего парящаго разума. Если же ты самъ устанешь, то осѣдлай Пегаса, мучь его сколько угодно: онъ будетъ тебѣ покоренъ. «Но если паче чаянія онъ попротивится и тебя не пуститъ сѣсть, то... но этому быть не «можно. Когда всѣ несмысленные рифмотворцы сего бѣдняка «мучатъ, то какъ онъ осмѣлится противиться тебѣ?... Забудь, что не умѣешь ты ни одного сплесть стишка; что «нужды, что не знаешь ты правилъ стихотворства? Пиши «прозу и научись только прибирать рифмы, ты и тѣмъ себя про-«славить можешь. Многіе въ стихотворствѣ не больше твоего «знанія имѣютъ, но совсѣмъ тѣмъ пишутъ трагедіи, оды, эле-«гіи, поэмы и все, что имъ вздумается»[1]). Короче сказать, поймай Пегаса за гриву, оборви ему крылья, сядь насильно и поѣзжай прямо на Парнасъ; Аполлона за худое правленіе накажи, сдѣлай его парнасскимъ коммиссаромъ для пріема новыхъ стихотвореній, а самъ садись на его мѣсто и греми на лирѣ, складно или нѣтъ — все равно, только погромче — и тебѣ станутъ удивляться. Музамъ издатель «Пустомели» назначаетъ столь же характеристичныя должности, какъ и Аполлону[2]), но объ этомъ будетъ сказано ниже.

Кромѣ статей чисто-литературныхъ, въ «Пустомелѣ» печа-

[1]) На стран. 84 «Пустомели» читаемъ: «ежели посмотрѣть на молодыхъ нынѣшнихъ писцовъ (писателей), то можно подумать, что труднѣе быть посредственнымъ сапожникомъ, нежели авторомъ».

[2]) Стр. 9—22.

тались еще статьи политическаго содержанія, проникнутыя легкой ироніей и для насъ любопытныя, какъ отголосокъ тогдашняго общественнаго мнѣнія. Подобныя статьи встрѣчались и въ «Адской Почтѣ»; но въ «Пустомелѣ» онѣ отличаются бо́льшей живостью. Здѣсь находимъ насмѣшливые отзывы о туркахъ и французахъ, по поводу современной войны Россіи съ Портою. Отзывы эти печатались подъ особеннымъ заглавіемъ: «Вѣдомостей изъ Константинополя». Интересны — «Тайныя серальскія извѣстія»: «На мѣсто стараго выбранъ «новый муфти, который меньше прежняго къ войнѣ имѣетъ «склонности. Онъ, собравши всѣхъ толкователей Алкорана, «предложилъ имъ для рѣшенія самую трудную задачу, а именно: отчего русскіе солдаты несравненно превосходятъ храбростію турокъ? Толкователи пришли отъ сего вопроса въ «недоумѣніе; они очень долго потѣли, пріискивая приличное «сему въ алкоранѣ; наконецъ заключили, что храбрость сія «и неустрашимость происходятъ отъ завиванія и пудренія во«лосовъ. Муфти предложилъ сіе султану, и давалъ свое раз«рѣшеніе, чтобы всѣмъ янычарамъ обрить бороды и завивать «волосы. Султанъ приказалъ немедленно требовать у ми«нистра нѣкоторой доброжелательной намъ державы (Франціи), «чтобы онъ для турецкой арміи выписалъ парикмахеровъ, пуд«ры и помады... сіе почитаютъ вдохновеніемъ пророка Ма«гомета, почему и великую на сіе полагаютъ надежду». Къ этой статьѣ присоединено извѣстіе изъ «нѣкотораго европейскаго города» (Парижа): «Дружелюбіе нашего двора съ Отто«манскою Портою всему свѣту извѣстно... по требованію «Порты набираются у насъ по всѣмъ мѣстамъ парикмахеры и «заготовляется безчисленное множество пудры и помады, что̀ «въ скоромъ времени къ блистательной Портѣ и отправится. «Вспоможеніе сіе немалой важности; ибо всѣ жители нашего «города не безпричинно опасаются, чтобы не ходить имъ съ не-

«завитыми и непудренными волосами до того времени, пока «заведутся новые парикмахеры... Поговаривають, что министерство наше вознамѣрилось къ Портѣ отправить нѣсколько «тысячъ книгъ о парикмахерскомъ искусствѣ»[1]). Въ новомъ выпускѣ «Пустомели», въ извѣстіяхъ изъ Константинополя объявлено: «Почти никакого не видимъ мы средства къ нашему «избавленію; ужь и парикмахеры намъ не помогаютъ!... «Повседневно приходящія къ намъ извѣстія о успѣхахъ непріятельскаго противъ насъ оружія умножаютъ народное смятеніе. До какого несчастія Порта дошла! Ужь и греки подъ «предводительствомъ россіянъ насъ побѣждаютъ... повсюду «въ турецкихъ областяхъ россійскій летаетъ орелъ, неся съ «собою ужасъ и смерть... Нѣкто на сихъ дняхъ подалъ султану выдумку о наборѣ войскъ въ сераляхъ, которая, какъ «сказываютъ, и утверждена»[2]).

Рубанъ, который въ 1769 году издавалъ «Ни то, ни сё», не смотря на свои увѣренія, не излѣчился отъ болѣзни сочинительства, и въ 1771 году выступилъ съ новымъ еженедѣльникомъ, названнымъ «Трудолюбивый Муравей». Журналъ этотъ издавался по образцу «Трудолюбивой Пчелы» Сумарокова, о чемъ было замѣчено въ самомъ «Муравьѣ»[3]). Объявляя о своемъ изданіи на 1771 годъ, Рубанъ говоритъ:

«Минувшій 1769-й годъ весьма изобиленъ былъ еженедѣльными листами, такъ что и самые жадные охотники едва «успѣвали ихъ всѣхъ за великимъ множествомъ прочитывать. «Прошлаго 1770 года начали было показываться понедѣльно «Трутень» и помѣсячно «Пустомеля», но оба, не окончивъ

---

[1]) Стр. 43—49.

[2]) Стр. 106—108. Въ «Вечерахъ» (ч. I, стр. 41—47) было помѣщено письмо съ Сатурна, въ которомъ аллегорически говорится о современныхъ отношеніяхъ Россіи, Турціи и Франціи.

[3]) Стр. 91.

«года, пресѣклись. Одинъ только «Щепетильникъ», начав-
«шись съ мая, совершалъ теченіе свое постоянно до оконча-
«нія года, не выдерживая въ типографіяхъ, по примѣру про-
«чихъ, карантина; но, будучи одержимъ подагрою, немного
«расхаживалъ по свѣту, и теперь еще отдыхаетъ на одрѣ у
«книгопродавцевъ. Сею болѣзнію и многіе третьегоднишные
«недѣльные листочки страждутъ; а многіе отъ долговремен-
«наго недуга и бока себѣ до самыхъ реберъ уже пролежали;
«нѣкоторые же, будучи взаперти, совсѣмъ исчахли, и бы-
«тіе свое въ небытіе премѣнили. О семъ неизбѣжномъ всѣмъ
«жребіи сожалѣя, выходящій нынѣ на свѣтъ «Муравей», желая
«(етъ) выходомъ своимъ оживотворить и кости успшихъ своихъ
«собратій, и произвесть вновь съ собою бумажныхъ современ-
«никовъ, и *увеселить* публику, въ скукѣ доселѣ безъ ежене-
«дѣльныхъ новостей сидящую, а тѣмъ для себя и читателей
«доставить сугубое удовольствіе. Къ поспѣшествованію же
«трудовъ своихъ приглашаетъ онъ каждаго и всѣхъ къ періо-
«дическимъ сочиненіямъ охотниковъ, и обнадеживаетъ ихъ въ
«изданіе свое вмѣщать всѣ присылаемыя къ нему сочиненныя
«или переведенныя въ прозѣ и стихахъ піесы, которыя здра-
«вому разсудку и благопристойности противны не будутъ».
Какъ-бы оправдывая названіе своего журнала, Рубанъ въ пер-
вомъ же нумерѣ его помѣстилъ разсужденіе о природныхъ
свойствахъ и склонностяхъ муравьевъ. «Трудолюбивый Му-
равей» почти вовсе не содержитъ въ себѣ указаній на харак-
теръ современнаго ему быта; главною цѣлью его было печа-
тать статьи, касающіяся русской исторіи и географіи, стихи
и небольшіе разсказы, далекіе отъ русской дѣйствительности
и ея интересовъ. Въ письмѣ, напечатанномъ въ этомъ жур-
налѣ, неизвѣстный корреспондентъ говоритъ: «Въ вашемъ
«журналѣ не увидишь ни брани, ничего такого, что называютъ
«господа авторы въ свое оправданіе *сатирами;* а мнѣ какая

«нужда — сатира или другое что, да коли меня выбранятъ, «хотя бы то было и правильно, такъ мнѣ право досадно, и я «такого автора самъ до послѣдняго издыханія бранить не пе- «рестану... Ваше изданіе, право, карантиновъ въ типогра- «фіяхъ выдерживать не будетъ, а для насъ то-то и хорошо»[1]). При концѣ года, обращаясь къ публикѣ, издатель говоритъ, что листы его журнала пользовались большимъ расходомъ. Во сколько справедливо это показаніе — сказать трудно; но извѣстно, что только сатирическіе журналы выдерживали по нѣскольку изданій, и что въ доброе старое время журналисты позволяли себѣ печатать похвалы своимъ собственнымъ трудамъ. Рубанъ въ своемъ журналѣ помѣстилъ слѣдующее похвальное себѣ стихотвореніе, подписанное буквами *Т. М.* (то есть «Трудолюбивый Муравей»):

От сладка сна влечетъ насъ райской соловей,
Къ трудамъ примѣръ есть всѣмъ прилежный Муравей:
Почтутъ его труды и поздни наши чады
И воздадутъ ему хвалы всѣ росски грады![2])

Въ 1772—3 годахъ появился литературный и историческій сборникъ «Старина и Новизна», издававшійся Рубаномъ; кромѣ того, тогда же выходили два журнала: «Вечера» и «Живописецъ», изъ которыхъ первый выдержалъ два изданія, а послѣдній въ теченіе двадцати лѣтъ имѣлъ пять изданій (второе было въ 1773 году, третье въ 1775, четвертое въ 1781, а пятое въ 1793 г.). Въ 1773 году, сверхъ продолженія «Вечеровъ» и «Живописца», стала выходить «Мѣшанина». На страницахъ этихъ изданій встрѣчаемъ три знаменитыя въ нашей литературѣ имени: во второй части «Старины и Новизны» была помѣщена прозаическая героида: «Вивлида къ Кавну»,

[1]) Стр. 92.
[2]) Стр. 89.

переведенная съ нѣмецкаго, по свидѣтельству митрополита Евгенія, *Державинымъ*[1]); въ «Вечерахъ» напечатана ода Вольтера къ императрицѣ Екатеринѣ Великой, въ переводѣ *Богдановича*[2]); въ «Живописцѣ» выступилъ *фонъ-Визинъ* съ своимъ «Словомъ на выздоровленіе государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича». Можетъ быть, ему принадлежатъ и нѣкоторыя сатирическія письма, напечатанныя въ «Живописцѣ» и живо напоминающія слогъ и манеру автора «Бригадира» и «Недоросля».

Изданіе «Вечеровъ» приписываютъ Новикову; но есть обстоятельства, которыя заставляютъ сомнѣваться въ томъ. Мы знаемъ, что съ именемъ Новикова связывали даже изданіе «Парнасскаго Щепетильника», издателемъ котораго онъ никогда не былъ; слѣдовательно показаніями словарей и каталоговъ надобно пользоваться осторожно. Приписывать «Вечера» Новикову могли на томъ основаніи, что второе изданіе этого журнала вышло отъ типографской компаніи. Но, судя по указаніямъ, которыя встрѣчаемъ въ предисловіи къ «Вечерамъ», и по взгляду этого изданія на сатиру, взгляду, который нисколько не соотвѣтствуетъ убѣжденіямъ Новикова, трудно повѣрить, чтобъ «Вечера» издавались именно имъ, тѣмъ болѣе, что въ то-же самое время Новиковъ уже издавалъ «Живописца».

Въ объявленіи объ изданіи «Вечеровъ» сказано: «Мы, благодаря Бога, насущный хлѣбъ имѣемъ, и пишемъ для того, «что намъ писать очень захотѣлось. Тутъ нѣтъ ни корысто«любія, ни худаго намѣренія, а меньше всего авторскаго вы«сокомѣрія. Мы всѣ составляемъ небольшое общество. Сіе «общество вознамѣрилось испытать, можетъ ли благородный

---

1) «Словарь свѣтск. писат.» т. 1, стр. 171.

2) «Вечера», изд. 2, ч. I, стр. 206. Ссылки сдѣланы вездѣ на второе изданіе «Вечеровъ».

«одинъ вечеръ въ недѣлѣ не играть ни въ вистъ, ни въ ломъ«беръ, и сряду пять часовъ въ словесныхъ наукахъ упраж«няться? Многіе изъ насъ о томъ уже начали сомнѣваться. «И какъ таковыя мнѣнія въ свѣтскихъ бесѣдахъ весьма при«липчивы, такъ опасно, чтобъ и всѣ мы сею мыслею не за«разились, и тѣмъ бы наши труды не пресѣклись. Читатели! «ежели вамъ полюбятся наши сочиненія, желайте, чтобы не «совершились наши подозрѣнія и чтобы вподлинну всему че«ловѣческому роду въ томъ не утвердиться, что благорожден«ный человѣкъ цѣлый вечеръ безъ игры пробыть не можетъ»[1]). Сатирическихъ статей въ «Вечерахъ», сравнительно съ несатирическими, мало; одинъ изъ корреспондентовъ этого журнала называетъ его издателей людьми *смирными* и *скромными*[2]). Сами издатели, соглашаясь, что оба рода сочиненій: и сатирическія и любовныя — похвальны, признаются, что въ ихъ журнальныхъ листахъ сатиръ встрѣтишь меньше, нежели другихъ сочиненій, и «сіе не для того (продолжаютъ они), чтобъ мы писать сатиръ не умѣли; пороки осмѣивать не весьма трудно, но исправить ихъ мудрено»[3]).

Вотъ еще любопытный отзывъ одного изъ корреспондентовъ «Вечеровъ»: «Знаете ли (говоритъ онъ), что я всегда «заводилъ чернильное знакомство съ господами издателями «журналовъ? Повѣрьте мнѣ, что это правда; много моихъ «писемъ во «Всякой Всячинѣ»... Однимъ словомъ, сколько «въ Россіи ни выходило журналовъ, то во всѣхъ есть что«нибудь мое, хотя не сочиненія, то по крайней мѣрѣ мысли «мои были писаны не знаю кѣмъ. Вообразите же, какъ я об«радовался, будучи страстнымъ охотникомъ до журналовъ, что «вдругъ принесли ко мнѣ цѣлую кучу листовъ. . Отгадайте,

---

[1]) Ч. I, стр. 6—7.
[2]) Ч. II, стр. 126.
[3]) Ч. II, стр. 130.

«за какіе листы я прежде всѣхъ принялся? За ваши «Вече-«ра», затѣмъ что изображеніе сатира въ заглавіи вашего «журнала мнѣ много обѣщало. Итакъ я «Вечера» началъ чи-«тать прежде, нежели «Живописца»; но если вы любите прав-«ду, то могу сказать, что сатиръ вашъ только что смѣется и «осмѣхаетъ, а не кусаетъ и не язвитъ, какъ въ нынѣшнее «или, не помню, въ которое-то время многіе вздумали, что «пасквили суть сатиры высокаго слога и достойны удивленія «и похвалы. Однако критиковать никого я не намѣренъ»*). Письмо это было отголоскомъ старыхъ журнальныхъ споровъ о значеніи сатиры и, очевидно, было направлено противъ мнѣній, высказанныхъ въ «Трутнѣ».

Если сатиръ «Вечеровъ» не больно кусался, то нельзя было пожаловаться въ этомъ отношеніи на «Живописца». Это былъ лучшій журналъ екатерининскаго времени; его обличительная сатира высказывалась съ неослабною энергіею и облекалась иногда въ формы истинно-художественныя; отъ многихъ ея изображеній вѣетъ дѣйствительною жизнью. Успѣхъ «Живописца» былъ полный, что̀ доказывается многими его изданіями; просвѣщенные люди встрѣтили его съ сильнымъ участіемъ.

Въ первой части «Живописца» напечатано слѣдующее пись-«мо: «Господинъ сочинитель «Живописца»! Сочиненія твои «мнѣ весьма нравятся; но не тѣмъ, чѣмъ они нравятся дру-«гимъ, т. е. не слогомъ, а содержаніемъ. Какая мнѣ нужда «въ красотѣ слога? Провались краснорѣчіе, ядомъ лести на-«поенное! Я ненавижу тѣхъ краснорѣчивыхъ разскащиковъ, «которые, обольщая слухъ, обманываютъ насъ, а люблю въ «писателѣ лучше всего доброе сердце и истинную любовь къ «отечеству... Сказать ли тебѣ? Читая твой листокъ, я пла-»калъ отъ радости, что нашелся человѣкъ, который противъ

---

*) Ч. II, стр. 235—6.

«господствующаго ложнаго мнѣнія осмѣлился говорить въ пе-«чатныхъ листахъ. Великій Боже! Услыши моленіе осьмиде-«сятилѣтняго старика, къ счастію нашему продли дни прему-«дрыя государыни... Куда бы ты попалъ, бѣдняжка, еслибъ «эту пѣсню запѣлъ въ то время, когда я былъ помоложе! Но «сказать ли тебѣ, другъ мой, ты многихъ вооружилъ противъ «себя, тебя злословятъ: такъ-то воздаютъ тѣмъ людямъ, ко-«торые говорятъ правду!... Не сердись за то, что люди «испорченныхъ нравовъ тебя поносятъ; другъ мой! тебѣ это «такую же честь дѣлаетъ, какъ и то, что честные люди бла-«годарятъ тебя». Подъ письмомъ этимъ подпись: «Осьмиде-«сятилѣтній старикъ»*).

Особенно-замѣчательно, что статьи «Живописца» пришлись по народному вкусу и расходились въ разныхъ слояхъ русскаго общества; вотъ какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ предисловіе къ пятому изданію «Живописца»:

«Благосклонное принятіе первымъ четыремъ изданіямъ этого «труда моего ободрило меня приступить къ пятому. Еслибъ я «былъ самолюбивъ, то скорый сей расходъ «Живописцу» не-«отмѣнно поставилъ бы на счетъ достоинства моего сочине-«нія; но, будучи о дарованіяхъ своихъ весьма умѣреннаго мнѣ-«нія, лучше соглашаюсь вѣрить тому, что это сочиненіе по-«пало на вкусъ мѣщанъ нашихъ; ибо у насъ тѣ только книги «третьими, четвертыми и пятыми изданіями печатаются, ко-«торыя симъ простосердечнымъ людямъ, по незнанію ихъ чу-«жестранныхъ языковъ, нравятся. Люди же, разумы свои «знаніемъ французскаго языка просвѣтившіе, полагая книги «въ число головныхъ украшеній, довольствуются всѣми голов-«ными уборами, привозимыми изъ Франціи, какъ-то: пудрою, «помадою, книгами и проч. Въ подтвержденіе сего моего мнѣ-

---

*) Ч. I, стр. 51—53. (1-го издан.)

«нія служатъ тѣ книги, кои отъ просвѣщенныхъ людей никакого уваженія не заслуживаютъ и читаются одними только «мѣщанами; сіи книги суть: *Троянская исторія, Синопсисъ*, «*Юности честное зерцало, Совершенное воспитаніе дѣтей*, «*Азовская исторія* и другія нѣкоторыя. Напротивъ того, «книги, на вкусъ нашихъ мѣщанъ не попавшія, весьма спо«койно лежатъ въ хранилищахъ, почти вѣчною для нихъ тем«ницею назначенныхъ»*).

О направленіи «Живописца» издатель откровенно высказался на второмъ листѣ этого журнала, въ статьѣ подъ заглавіемъ: «Авторъ къ самому себѣ», гдѣ остроумно осмѣяны тѣ современныя литературныя мнѣнія, которыя враждовали противъ комедіи и сатиры и увлекались поэзіею пастушескою. Обращаясь къ самому себѣ, издатель говоритъ: «ты дѣлаешься «авторомъ, ты принимаешь званіе *Живописца*, но не такого, «который пишетъ кистью, а живописца, перомъ изображаю«щаго наисокровеннѣйшіе въ сердцахъ человѣческихъ пороки. «Знаешь ли, мой другъ, какой ты участи себя подвергаешь? «Вѣдаешь ли совершенно, какой предлежитъ тебѣ трудъ? Из«вѣстны ли тебѣ твои свойства и твои читатели? Надѣешься «ли всѣмъ имъ сдѣлать угожденіе?... Бѣдный авторъ! тутъ «увидишь ты *нравоучителя*, порицающаго всѣхъ критиковъ и «утверждающаго, что сатиры ожесточаютъ только нравы, а «исправляютъ (ихъ) нравоученія. Но читатель ему отвѣтству«етъ: ты пишешь такъ сухо, что я не имѣю терпѣнія никогда «читать твои сочиненія. Тамъ *сатирикъ* описываетъ пороки, «язвитъ порочныхъ, забавляетъ разумъ остротою своего сочи«ненія и приноситъ удовольствіе. Нѣкоторые читатели гово«рятъ ему: ты забавенъ, я читалъ тебя съ пріятностью, но

*) То-же предисловіе находимъ и при третьемъ и четвертомъ изданіяхъ.

«ты ѣдокъ; я тебя опасаюсь. А прочіе кричатъ: онъ все-«свѣтный ругатель! О бѣдный авторъ! Встрѣчается со мною «*трагическій писатель;* онъ сочиняетъ трагедію и говоритъ: «комедія развращаетъ только нравы и научаетъ порокамъ, а «не исправляетъ оныхъ; такія сочиненія не только что без-«полезны, но и вредны. Одна трагедія имѣетъ своею цѣлью «добродѣтель и научаетъ оной самихъ царей. Какая завидная «участь! Но читатель ему отвѣтствуетъ: ежели твоя трагедія «хороша, то тогда услаждаетъ она мои чувства и питаетъ ра-«зумъ; но однакожъ вѣдай, что до сея пищи охотниковъ не-«много. *Писатель комедій* говоритъ: трагедія показываетъ «слѣды нравоученія тѣмъ людямъ, которые въ ономъ не имѣ-«ютъ нужды; обучать такихъ людей, кои или уже добродѣ-«тельны, или не слушаютъ нравоученія, есть трудъ безполез-«ный. Напротивъ того, комедія пріятнымъ нравоученіемъ и «забавною критикою исправляетъ нравы частныхъ людей, яз-«витъ пороки, не даетъ имъ усиливаться, искореняетъ ихъ; «словомъ, изъ всѣхъ театральныхъ сочиненій одна комедія «полезна. Но читатель ему говоритъ: знай, когда ты меня «осмѣиваешь, тогда я тебя пересмѣхаю... Но мнѣ еще встрѣ-«чается писатель: онъ сочиняетъ *пастушескія сочиненія* и «на нѣжной своей лирѣ воспѣваетъ златый вѣкъ, говоритъ, «что у городскихъ жителей нравы развращены, пороки цар-«ствуютъ, все отравлено ядомъ; что добродѣтель и блаженство «бѣгаютъ отъ городовъ и живутъ въ прекрасныхъ долинахъ, «насажденныхъ благоуханными деревами, испещренныхъ раз-«личными наилучшими цвѣтами, орошенныхъ источниками, про-«текающими кристалловидными водами, которыя, тихо перели-«ваяся по мелкимъ прозрачнымъ камешкамъ, восхитительный «производятъ шумъ. *Блаженство* въ видѣ пастуха сидитъ при «источникѣ, прикрытомъ отъ солнечныхъ лучей густою тѣнью «того дуба, который слишкомъ три тысячи лѣтъ зеленымъ

«одѣвается листвіемъ. Пастухъ на нѣжной свирѣли воспѣва-
«етъ свою любовь; вокругъ его летаютъ зефиры и тихимъ
«дыханіемъ пріятное производятъ ему прохлажденіе. ***Невин-
«ность*** въ видѣ поднебесныхъ птицъ совокупляетъ пріятное свое
«пѣніе съ пастушескою свирѣлью, и вся природа въ успокое-
«ніи сему пріятному внимаетъ согласію. Сама *Добродѣтель* въ
«видѣ прелестныя пастушки, одѣтая въ бѣлое платье и увѣн-
«чанная цвѣтами, тихонько прокрадывается, (и) вдругъ предъ
«нимъ показывается. Пастухъ кидаетъ свирѣль, бросается
«во объятія своея любовницы и говоритъ: цари всего свѣта,
«вы завидуете нашему блаженству! Г. авторъ восхищается,
«что двумъ смертнымъ такое могъ дать блаженство, и какъ
«хотя мысленнымъ не восхищаться блаженствомъ! Жаль толь-
«ко, что оно никогда не существовало въ природѣ! Творецъ
«сего блаженства, хотя знаетъ всю цѣну завидныя сея жизни,
«однакожъ живетъ въ городѣ, въ суетахъ сего міра; а сіе,
«какъ сказываютъ, дѣлаетъ онъ ради двухъ причинъ: первое,
«что въ нашихъ долинахъ зимою много бываетъ снѣга, а вто-
«рое, что ежели бы онъ туда переселился, то городскіе жи-
«тели совсѣмъ позабыли бы блаженство сея жизни. Читатель
«ему отвѣтствуетъ старинною пословицею: чужую душу въ
«рай, а самъ ни ногою. Бѣдный авторъ! ты другихъ и себя
«обманываешь». Увѣрившись, что уже пора въ настоящій
просвѣщенный вѣкъ снимать личину съ людей порочныхъ,
издатель «Живописца» вознамѣрился быть изобразителемъ
«наисокровеннѣйшихъ человѣческихъ пороковъ», и предъ на-
чаломъ такого труднаго дѣла самъ себѣ даетъ слѣдующій со-
вѣтъ: «требуютъ отъ тебя, чтобъ ты въ сей дорогѣ никогда
«не разлучался съ тою прекрасною женщиною, съ которою
«иногда тебя видалъ; ты отгадать можешь, что она называет-
«ся *Осторожность*» *).

---

*) Ч. I, стр. 9—16, 129. (1-го изд.)

Сотрудники «Живописца» скрылись подъ вымышленными именами: *Пустяковтоптатель, Любопытный зритель, Дворянинъ съ одною душею, Доброхотное сердечко* и др. Въ этомъ изданіи встрѣчаемъ, между прочимъ, стихотворенія неутомимаго В. Рубана, который означалъ свое имя и фамилію только начальными буквами.

Довольный успѣхомъ своихъ періодическихъ изданій, Новиковъ въ 1774 году задумалъ издавать новый журналъ: «Кошелекъ». Въ предисловіи къ этому журналу онъ говоритъ: «Двѣ причины побудили меня издавать въ свѣтъ сіе слабое «твореніе и посвятить оное отечеству моему: первая, что я, «будучи рожденъ и воспитанъ въ нѣдрахъ отечества, обязанъ «оному за сіе служить посильными своими трудами и любить «оное, какъ я и люблю его... Я никогда не слѣдовалъ пра-«виламъ тѣхъ людей, кои безо всякого изслѣдованія внутрен-«нихъ, обольщены будучи нѣкоторыми снаружи блестящими да-«рованіями иноземцевъ, не только что чужія земли предпочи-«таютъ своему отечеству, но еще, ко стыду цѣлой Россіи, и «гнушаются своими соотечественниками, и думаютъ, что рос-«сіянинъ долженъ заимствовать у иностранныхъ все, даже и «до характера, какъ будто бы природа, устроившая всѣ вещи «съ такою премудростію и надѣлившая всѣ области свойствен-«ными климатамъ ихъ дарованіями и обычаями, столько была «несправедлива, что одной Россіи, не давъ свойственнаго на-«роду ея характера, опредѣлила скитаться по всѣмъ областямъ «и занимать клочками разныхъ народовъ разные обычаи, чтобъ «изъ сей смѣси составить новый, никакому народу не свой-«ственный характеръ, а еще наипаче россіянину, выключая «только тѣхъ, кои добровольно изъ разумнаго человѣка пере-«дѣлываются въ несмысленныхъ обезьянъ, и представляютъ «себя на посмѣшище всея Европы. Таковые не только что не «видятъ добродѣтелей, россіянамъ природныхъ, но если бы гдѣ

«оныя съ ними ненарочно и повстрѣчались, то безъ сомнѣ-«нія отвратили бы зрѣніе свое, именуя оныя грубостію и «невѣжествомъ». Другой причины издатель не объясняетъ, чтобъ при первомъ знакомствѣ съ читателями «обойтись сколько возможно миролюбивѣе»; но по духу статей, напечатанныхъ въ «Кошелькѣ», видно, что Новиковъ, вооружась колкою сатирою, выступилъ съ этимъ изданіемъ на защиту русской народности противъ крайнихъ иноземныхъ вліяній. И въ другихъ журналахъ слышался по временамъ подобный же протестъ; но «Кошелекъ» избралъ эту задачу исключительною своею цѣлью. Самое названіе журнала уже указываетъ на такое его направленіе. «Долженъ бы я (говоритъ издатель) «объяснить читателю моему причину избранія заглавія сего «журнала, но сіе теперь оставляю, а впредь усмотритъ онъ «сіе изъ *Превращенія русскаго кошелька во французской*, «которое сочиненьице здѣсь помѣщено будетъ». Такого сочиненія не встрѣчаемъ въ настоящемъ журналѣ; но приведенная сейчасъ замѣтка намекала на введеніе *кошельковъ*, которые привязывались къ парикамъ, и другихъ французскихъ модъ, за что̀ дорогою цѣною расплачивались *кошельки* русскихъ петиметровъ. Негодуя на превращеніе нѣкоторыхъ русскихъ *молодчиковъ* во «французскихъ обезьянъ», журналъ Новикова съ горькой ироніей высказываетъ: «О когда бы силы «человѣческія возмогли, дабы ко просвѣщенію россіянъ воз-«вратить и прежніе ихъ нравы, погубленные введеніемъ *ко-«шельковъ* въ употребленіе!» *)

Послѣ общихъ замѣчаній, сдѣланныхъ нами о направленіи журналовъ 1769—1774 годовъ, необходимо указать ихъ критическіе взгляды на современную литературу и искусство сценическое. Отзывы журнальной критики того времени лю-

---

*) Стр. 47.

бопытны, какъ выраженіе тогдашнихъ эстетическихъ убѣжденій и потребностей. Съ этой точки зрѣнія не лишены занимательности и споры между журналистами 1769—1770 годовъ; но послѣ, когда число періодическихъ изданій ограничивалось однимъ или двумя, сама-собою исчезла и журнальная полемика.

Имя Вольтера занимало первое мѣсто во всѣхъ европейскихъ литературахъ того времени. Въ журналахъ избранной нами эпохи довольно часто попадаются переводы изъ Вольтера; такъ, напримѣръ, здѣсь встрѣчаемъ: «Мемнонъ или премудрость человѣческая», «Скарментадовы путешествія» и другіе небольшіе разсказы и статьи. Любопытны неблагосклонные отзывы о Вольтерѣ «Адской Почты», которая на страницахъ 187—190 и 273—4 возвышаетъ противъ него обвинительный голосъ. Послѣ Вольтера, самымъ обычнымъ источникомъ для журнальныхъ переводовъ служили элегіи и «Превращенія» Овидія и сочиненія другихъ классическихъ писателей (Тита Ливія, Сенеки, Горація, Анакреона и Ѳеофраста). Изъ новѣйшей литературы, между прочимъ, встрѣчаемъ переводы сатиръ Буало, «Юнговыхъ Ночей», идиллій Геснера и мадамъ Дезульеръ и героидъ («Письмо Константіи къ Ѳеодосію» въ «Трудолюбивомъ Муравьѣ»; «Электра къ Оресту»; письмо «Габріеллы де-Вержи къ графинѣ де-Рауль» въ «Вечерахъ»; «Вивлида къ Кавну» въ «Старинѣ и Новизнѣ», и друг.). Пастушеская поэзія была въ большой модѣ въ искусственной литературѣ XVIII-го вѣка; но у насъ, въ эпоху сатирическихъ журналовъ, отличавшихся довольно-строгимъ взглядомъ на жизнь, поэзія эта не возбуждала къ себѣ особеннаго сочувствія. Выше мы видѣли, какъ ловко и остроумно посмѣялся надъ нею «Живописецъ». На ряду съ яркими описаніями современныхъ нравовъ какъ-то странно читать подобныя *наивныя* стихотворенія, какъ, напримѣръ, это идиллическое обращеніе мадамъ Дезульеръ къ овечкамъ:

Овечки! ни наукъ, ни правилъ вы не зная,
Паситесь въ тишинѣ: не нужно то для васъ;
Хотя мечта намъ льститъ, всѣ мысли восхищая,
Но вы счастливѣе и вы умнѣе насъ, и проч.[1])

Такое ложное настроеніе тогда же заслужило справедливое осмѣяніе. Вотъ нѣсколько стиховъ изъ помѣщенной въ первой части «Вечеровъ» — *эклоги*:

Гдѣ снѣги вѣчные и стужи гдѣ несносны,
Терновые кусты растутъ, высоки сосны,
Стояла хижина . . . .
Пастушка тамъ сидитъ, сжавъ руки, на пенёчкѣ,
Въ печальномъ рубищѣ, въ замаранной сорочкѣ.
Пастушка къ высотѣ простерла очи неба,
Вѣщая: «нѣтъ у насъ куска къ обѣду хлѣба;
А ты, невѣрный мой и лютой пастушокъ,
На рынокъ потащилъ съ болванками мѣшокъ,
Пошелъ и въ хижину ко мнѣ не возвратился:
Конечно, на шинкѣ, невѣрный, очутился
Иль пьяный гдѣ сидишь» . . . .
(Возвратясь) Пастухъ красавицу, по рожѣ гладя, нѣжитъ,
Разсказываетъ все, краюшку хлѣба рѣжетъ, —
Очистили они и ложки и горшки:
Такъ весело живутъ российски пастушки! [2])

Въ области русской литературы прославлялись тогда два славныхъ имени: Ломоносовъ и Сумароковъ. Оба талантливые, хотя и не въ равной степени, оба замѣчательные по своему вліянію на общество, по благородству своихъ убѣжденій и энергіи своей дѣятельности, но непримиримые личные враги между собою, они пользовались общимъ уваженіемъ. Журналы съ большими похвалами (иногда преувеличенными) отзываются о сочиненіяхъ Ломоносова и Сумарокова. «Всякая всячина» называетъ ихъ свѣтильниками россійскаго Парнаса[3]);

---

[1]) «Вечера», ч. II, стр. 100.

[2]) Стр. 169—171.

[3]) Стр. 75.

«Трутень» говоритъ, что сочиненіямъ того и другаго будетъ удивляться отдаленное потомство, что Сумароковъ въ басняхъ сравнялся съ Лафонтеномъ, въ эклогахъ — съ Виргиліемъ, въ трагедіяхъ — съ Расиномъ и Вольтеромъ, что притчи его останутся навсегда неподражаемымъ образцомъ.

Почесть терновникомъ нельзя прекрасну розу —
Такъ Сумарокова хулить стихи и прозу:
Все плавно, хорошо; онъ первый здѣсь у насъ;
Извѣстна лишь ему дорога на Парнасъ *).

Публика, которая обыкновенно любитъ разсуждать и спорить о превосходствѣ писателей, сравнивая Ломоносова и Сумарокова, раздѣлилась на двѣ партіи: одна стояла за лирика, другая за драматическаго писателя. На сторонѣ послѣдней былъ Эминъ. Одинъ изъ бѣсовъ «Адской Почты» разсказываетъ: «Вчерашняго дня обѣдалъ я у нѣкотораго человѣка, «любящаго словесныя науки... Дошло дѣло до россійскихъ «лучшихъ стихотворцевъ. Перечесть ихъ всѣхъ немного труда «стоило, ибо между хорошими стихотворцами понынѣ были «два, которыхъ сочиненія украшаютъ славу Россіи. Одинъ «изъ нихъ обожалъ Клію, а другой Мельпомену. Оба сіи стихотворцы имѣютъ свои партіи, безъ которыхъ нынѣ въ свѣтѣ «разумнымъ быть не можно. Теперь и учоность требуетъ «разнощиковъ. Ежели по домамъ о ней кричать не будутъ, то «она въ храминѣ своей сгніетъ. Большая часть гостей прославляла сочиненія лирическія, которыхъ многіе изъ нихъ «не разумѣютъ; а меньшая, но лучшаго вкуса, отдавала первенство *нѣжностямъ*. Одного и другаго стихотворца обожатели такой подняли шумъ, что и я принужденъ былъ длинныя свои уши заткнуть. Наконецъ нѣкоторый человѣкъ, въ «наукахъ упражняющійся, который видѣлъ и знаетъ свѣтъ,

---

*) 1769 г., стр. 132, 183, 284.

«рѣшилъ ихъ споръ. Онъ такъ говорилъ, когда его спросили, «кто лучшій стихотворецъ: тотъ ли, кто обожаетъ Клію, или «тотъ, который чтитъ Мельпомену? — Я вамъ, отвѣчалъ «М., скажу свою мысль... Рѣшить, кто изъ нихъ писалъ «лучше, весьма трудно, ибо между двумя вещьми хорошими «совершенное нужно понятіе объ оныхъ, чтобъ опредѣлить «преимущество одной передъ другою... Кліинъ обожатель «служилъ съ великою славою одной только музѣ, и то въ од-«номъ родѣ *одическомъ*, а въ историческомъ хотя и упраж-«нялся, но съ весьма малою удачею. Напротивъ того, траги-«ческій стихотворецъ служилъ многимъ музамъ съ немалымъ «успѣхомъ. Одинъ изъ нихъ имѣетъ славу отъ однихъ только «одъ, которыми онъ несравненно превосходитъ оды другаго; «но сей вмѣсто того несравненно лучше его писалъ трагедіи; «эклоги его лучше собственныхъ его трагедій, а басни совер-«шеннѣе всего разсказаны; слѣдовательно одинъ изъ нихъ въ «одномъ родѣ стихотворства весьма хорошъ, а другой въ двухъ «родахъ съ нимъ въ *хорошествѣ* равенъ, а въ третьемъ пре-«восходитъ и самаго де-Лафонтена, въ которомъ есть весьма «много ошибокъ въ плавности слога, сему роду весьма нуж-«наго, примѣченныхъ г. Волтеромъ; а въ басняхъ нашего сти-«хотворца весьма мало ихъ найти можно... Не хочу я под-«тверждать написаннаго г. Волтеромъ, что гораздо славнѣе «быть хорошимъ трагикомъ, нежели лирикомъ, чтобы такимъ «размышленіемъ не причинить противной сторонѣ досадъ; но «сколько мнѣ дозволено, буду разсуждать самъ для себя о «родѣ одъ и трагедій. *Одистъ* на своей лирѣ говоритъ обык-«новенно съ одними героями, а трагикъ со всѣми человѣками. «Одинъ наполняетъ свое сочиненіе вымыслами, а другой истин-«ными разсужденіями; тотъ летаетъ по воздуху, по небесамъ, «по аду и по всѣмъ горамъ и долинамъ, а сей въ кругѣ сво-«емъ идетъ прямо; ежели оглянется назадъ, то только для то-

«го, чтобъ путь его былъ прямъ и отъ средоточія не удаленъ. «Одинъ, философію ненавидя, летаетъ почти за атмосферу, а «другой оную на землѣ обожаетъ; тотъ выдумываетъ, чего «нѣтъ и чему иногда быть не можно, а сей и то, что есть, «тонкостію своею разбираетъ; и ежели теперь больше въ «свѣтѣ людей, нежели героевъ, то смѣю сказать, что трагедія «полезнѣе оды... Слѣдовательно такому трагику, такому са- «тирику и такому прекрасному нравоучителю, какъ г. С. (Су- «мароковъ), можно скорѣе и больше сдѣлать людей хорошо мы- «слящихъ, нежели г. Л. (Ломоносову) героевъ; а изъ сего и «большинство пользы видно». Затѣмъ «Адская Почта» увѣ- ряетъ, что ода и посредственная можетъ сойти за хорошую, но трагедія посредственности не терпитъ, почему и великіе пи- сатели, принимаясь за этотъ родъ сочиненій, часто испыты- вали неудачи. Такъ «Шекспиръ, англичанами обожаемый «трагикъ, весьма былъ высокомысленъ, остроуменъ и учонъ, «*но упрямъ и нехорошаго вкуса*. Въ его трагедіяхъ харак- «теры людей *безъ разбору* описаны и перемѣшаны; въ его «Юліи Кесарѣ шутки, римскимъ грубымъ художникамъ при- «личныя, введены въ важнѣйшую сцену Брута и Кассія... «Г. С. (Сумароковъ) въ семъ своемъ пути странствовалъ «счастливо, и если находятся въ его трагедіи пороки, то та- «кіе, какихъ и въ Корнелѣ и Расинѣ есть довольно. Любовь «есть общая зараза театра, безъ которой и славнѣйшіе писа- «тели въ трагическихъ своихъ сочиненіяхъ почти обойтись не «могли. Расинъ не могъ того миновать, чтобъ Митридата, «Александра и Пора не представить щеголями любовными, и «въ Корнелѣ рѣдко можно сыскать трагедію безъ такой люб- «ви, которая во многихъ мѣстахъ весьма нехорошо описана, «потому что положена не у мѣста, и ежели что-нибудь сему «подобное сыщется въ трагедіяхъ г. С. (Сумарокова), тому «причиною больше обыкновеніе нынѣшняго театра, нежели

«онъ... Многіе и то г. С. (Сумарокову) причитываютъ въ «порокъ, что онъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ подражалъ Расину. «*Подражаніе есть лучшая стихотворства добродѣтель:* «Расинъ самъ очень много подражалъ Еврипиду, а г. Л. (Ло«моносовъ) Гинтеру, котораго никакъ съ Расиномъ ни въ хо«рошемъ вкусѣ, ни въ возвышеніи мыслей, ни въ твердости «разсужденій сравнять не можно. Я теперь сказать долженъ, «что оды одного, трагедіи, эклоги, а особливо притчи другаго «вѣчнаго почтенія достойны; однако одинъ, сдѣлавъ больше «другаго, у людей безпристрастныхъ имѣетъ нѣкоторую от«личность... Что-же вышло изъ рѣчей М.? То, что всѣ го«ворили: виватъ лирикъ; онъ лучшій всѣхъ въ свѣтѣ стихо«творцевъ, а С. (Сумароковъ) человѣкъ посредственнаго зна«нія; но я почелъ рѣчь М. за справедливую, а особливо по«тому, что *выхваляемый имъ стихотворецъ великій ему не«пріятель, вездѣ его ругалъ и ругаетъ, и мало ему не«справедливымъ своимъ доношеніемъ жесточайшаго не при«чинилъ злоключенія*. М., о всемъ томъ зная и толь много «отъ него претерпя, когда его хвалитъ, кажется, что въ та«кой похвалѣ пристрастія быть не можетъ»*).

Мы нарочно привели такую длинную выписку. Не смотря на тѣ односторонныя основы, какими тогда, подъ вліяніемъ произведеній французской псевдоклассической школы, руководствовались въ литературномъ судѣ, для насъ важенъ и поучителенъ въ этихъ уже отжившихъ мнѣніяхъ отголосокъ прошлой жизни.

Журнальные отзывы о Тредьяковскомъ мы привели выше. Не столь благосклонны были журналы къ Хераскову. Въ 1769 году издалъ онъ книжку своихъ стихотвореній подъ на-

---

*) «Адск. Почта», стр. 265—276. «Курьеръ», стр. 221—238. Въ другомъ письмѣ «Адская Почта» увѣряетъ, что М. выхваляетъ непріязненнаго ему стихотворца не изъ трусости, ибо «М. всегда *дѣло съ нимъ выигрывалъ*» (стр. 277).

званіемъ: «Философическія оды, или пѣсни Михайла Хераскова» (печатаны при императорскомъ московскомъ университетѣ, въ 8-ю д. л.), на заглавномъ листѣ которой былъ изображенъ летящій Пегасъ. По поводу этихъ стихотвореній, въ «Смѣси» былъ напечатанъ слѣдующій разговоръ Меркурія съ издателемъ «Смѣси»: «я право не знаю, говоритъ Меркурій, «для чего Аполлонъ скупится давать Пегаса; онъ нашъ братъ «безсмертной, и никакой стихотворецъ его не изъѣздитъ; од- «нако Аполлонъ очень рѣдкихъ на него сажаетъ. Да кстати «пришло, не хочешь ли посмотрѣть новыхъ пѣсень съ изобра- «женіемъ Пегаса?» Издатель: «Я видѣлъ эту книжку, но не знаю, для чего тутъ приплетенъ Пегасъ?» Мерк: «Ты видишь, что Пегасъ сердитъ и сшибъ съ себя сего писателя» [1]).

Журналы 1769 года болѣе всего вооружались противъ дурныхъ переводовъ, искажавшихъ не только красоту формы, но часто и смыслъ подлинника. Одинъ (говоритъ «Смѣсь»), переломавъ Виргиліеву Энеиду и испортя прекрасный слогъ сего писателя, думаетъ, что заслужилъ безсмертную славу; другой изъ нѣжнаго Овидія сдѣлалъ несноснаго враля; третій превратилъ Анакреона въ глупаго украинца [2]). Говоря объ Овидіи и Виргиліевой Энеидѣ, «Смѣсь», кажется, намекала на переложеніе Майкова и на переводъ Энеиды (Василья Санковскаго), первая часть котораго вышла въ 1769 году [3]). Из-

---

[1]) Стр. 163—4.

[2]) Стр. 189. Смотри также «И то и сё», недѣля 49-ая. Противъ этого замѣчанія «Смѣси» Чулковъ (въ поэмѣ: «Плачевное паденіе стихотворцевъ») говоритъ, что критикъ не можетъ никому повредить, хотя и желаетъ:

Испорчены, кричитъ, на русскомъ Энеиды
И нынѣ Анакреонтъ — украинецъ, не грекъ,
Но сей премудрый мужъ, учоный человѣкъ
Не только Энеидъ, не смыслитъ и Эвдона,
Понеже онъ у насъ похуже и Прадона.

[3]) «Опытъ историч. словаря Новикова», стр. 201.

датель «Пустомели» также не оставилъ безъ вниманія этого перевода. Распредѣляя музамъ новыя занятія, онъ насмѣшливо совѣтуетъ самому себѣ: «Калліопу сдѣлай приворотникомъ; «украшенія всѣ съ нея оборви, она ихъ нынѣ недостойна; эпи-«ческіе стихи вырви изъ рукъ ея и брось, вмѣсто трубы дай «ей рожокъ *и прикажи наигрывать повѣсти о троянскихъ «витязяхъ*. Если жъ захочешь ты отвратить посѣщенія, кото-«рыя тебѣ, какъ новому воеводѣ (Парнаса) непремѣнно прочими «богами сдѣлаются, то *прикажи ей читать одну изъ новыхъ «пiесъ*; она конечно всѣхъ гостей *рыганьемъ* своимъ отгонитъ, «ибо съ нѣкотораго времени Калліопа стала весьма обжорли-«ва . . . Славныхъ авторовъ сдѣлай разнощиками, прикажи имъ «по всѣмъ мѣстамъ продавать свои сочиненія и выхвалять ихъ, «сколько возможно больше: имъ къ этому не привыкать . . . «*Виргилію, наклавши полной мѣшокъ нелѣпыхъ изрѣченій*, «прикажи ходить по рынку и продавать ихъ повольною цѣ-«ною»*). Кто-то прислалъ въ «Трутень» эпиграмму на переводчика Энеиды, и она была напечатана:

Въ смущеніи творецъ труды свои читаетъ,
И, зря, что самъ писалъ, того не понимаетъ,
Блѣднѣетъ, сердится, судьбу свою клянетъ
И, губы окусавъ, сивуху съ горя пьетъ;
Потомъ, какъ злой Зевесъ беретъ гремящи стрѣлы,
Онъ въ гнѣвѣ, взявъ перо, разрушитъ всѣ предѣлы,
Начавъ съ россійскимъ здѣсь Виргиліемъ «рыгать».
Издатель! вотъ все то, что могъ тебѣ сказать.

Переводчикъ, по словамъ «Трутня», раздраженный этими нападеніями, пожелалъ отмстить свою обиду. «По несчастію «общему всѣхъ читателей, это случилося въ то самое время, «когда онъ издавалъ въ печать книжку своего перевода. Тутъ-«то онъ себя удовлетворилъ; ибо къ «книжкѣ, состоящей ме-

*) Стр. 17—19.

«нѣе трехъ листовъ, написалъ на четырехъ листахъ преди-«словіе, въ которомъ пространно утверждалъ, что критикую-«щіе люди злы... что онъ тѣ критики, яко *неистояробѣсную-«щихся молодичей, малыми своими душевными добротами «и слабоблещущими пылинками остраго разума воспроиз-«желавшихъ посверкать, соблаговоляетъ уничтожать и «презирать*, и что онъ на нихъ ни единаго не будетъ отвѣт-«ствовать слова: но забывшись исписалъ цѣлыя четыре стра-«ницы»*). «Смѣсь» смѣялась и надъ другими странными выра-женіями и неправильными оборотами, допущенными перевод-чикомъ Энеиды.

Она напечатала двѣ бранчивыя статьи, наполненныя раз-ными нелитературными намеками. На пятнадцатомъ листѣ этого изданія сказано: «Клеонъ, превознесенный хвалами, ду-«маетъ о себѣ, что онъ превосходитъ Пиндара за тѣмъ, что «обучался риторикѣ въ какомъ-то монастырѣ и вытвердилъ «наизустъ Виргилія. Но не подумай того, читатель, чтобъ «онъ писалъ согласно съ здравымъ разсудкомъ; онъ столько «гордъ, что и разсудокъ презираетъ; ему нѣтъ до него нуж-«ды, а надобны только стопы и рифмы, ибо въ его стихахъ: «*музыки ревъ бодритъ и нѣжитъ духъ; въ предсердіи ки-«питъ и кровь; герои всѣ локтьми сверкаютъ, челомъ ма-«хаютъ, и духъ его героямъ плещетъ; надъ мыслей дѣюща «понятность* и прочее сему подобное». Эти строки вызвали слѣдующее посланіе, подписанное буквами Н. Н.: «Госпо-«динъ сочинитель! Вашъ 15-й листъ заставилъ меня думать, «кто таковъ сей вами описуемый стихотворецъ, который ре-«ветъ на лирѣ, мычитъ на трубѣ, а гремитъ на свирѣли, у «котораго сердца есть прихожая комната, *предсердіе* называе-«мая, и который видѣлъ сверканіе локтей, можетъ быть, тогда, «когда получалъ оплеухи (!). Наконецъ я догадался, *куда вы*

*) 1770 г., стр. 103, 131—2.

«*цълите*. Знаете, почему онъ многими въ разумѣ похваляется? «Мнѣ кажется потому, что у насъ почти всѣ къ новостямъ «охотники. У него разумъ а-ла-грекъ... Нѣкоторый господинъ пуще всего избаловалъ извѣстнаго вамъ умника, что «онъ больше имѣетъ способностей, нежели славный нашъ лирикъ (Ломоносовъ?). Но я смѣло скажу, дай Боже, чтобъ «сей господинъ могъ порядочно разумѣть сего лирика, не «только опредѣлять цѣну его знанію и его атестовать; по «моему сходнѣе сказать, что муха ровна со слономъ, нежели «сравнять нескладныя и на удачу писанныя его сочиненія съ «одами славнаго нашего стихотворца. Теперь пошла мода на «кривой толкъ и на самолюбіе. Сей мнимый умникъ со всѣмъ «своимъ невѣжествомъ такъ гордъ, что, *не успѣвъ сѣсть на «скамейку, говоритъ, что ему давно бы уже надлежало «сидѣть на президентскихъ креслахъ;* но несчастіе въ томъ, «что свѣтъ не знаетъ цѣны его достоинствъ. Однакожъ, многіе толкуютъ, что онъ будетъ великій человѣкъ. Онъ и теперь великій, но къ сему прилагательному существительное «имя умалчиваю»[1]). Такъ безцеремонны были прежніе критики!

«Всячина», «Смѣсь», «Трутень», «Адская Почта» и «Пустомеля» единогласно возставали противъ переводовъ Владиміра Лукина[2]), который въ 1768 году напечаталъ двѣ комедіи, переведенныя имъ съ французскаго: *Тесть и зять* («Depuis et Deronnais» par Collé) и *Разумный вертопрахъ* («Le Sage étourdi», par Boissy). Обѣ пьесы были играны во время масляницы на театрѣ, но приняты публикою неблагосклонно, потому что неточность перевода и неправильное употребленіе нѣкоторыхъ безпрестанно-повторяемыхъ выраженій помѣшали хорошему исполненію ихъ на сценѣ. А. В. Храповицкій при-

---

[1]) Стр. 119—120, 131—3.

[2]) О Лукинѣ смотри интересную статью г. Пыпина въ «Отечеств. Записк.» 1853 г., № 8 и 9.

слалъ во «Всячину» отъ имени дѣвицы письмо [1]), въ которомъ, увѣряя, что Колле въ пьесѣ «Тесть и зять» также обезображенъ, какъ Фенелонъ въ Телемахидѣ Тредьяковскаго, онъ смѣется надъ интригою комедіи Лукина и разсказываетъ объ одной своей пріятельницѣ, заболѣвшей во время ея представленія. «Дама эта отъ природы была чрезвычайно чувствительна и нѣжна. Лишь открыли занавѣсу, она задумалась, и «по окончаніи нѣсколькихъ явленій спрашивала, по какимъ «театральнымъ правиламъ актеры часто кричатъ: *а! а!* и что «сіе значитъ? также для чего Исидоръ, называя за глаза любовницу свою Софьею Менандровною [2]), самой ей всегда говоритъ: *Софья! а, Софья! я тебя прямо обожаю.* Комедія передѣлана на наши нравы и дѣйствіе произходитъ въ «Петербургѣ; однако здѣсь любовники такъ не говорятъ. Потомъ она жаловалася, что безпрестанныя *а! а!* разломили «ей голову. Наконецъ увидя, что Софья Менандровна, представляющая двадцатипяти-лѣтнюю дѣвицу, пошла, заплакавъ «о томъ, что хотя вѣрно обѣщали выдать ее за́мужъ, но зачѣмъ не выдаютъ въ тотъ самый день, она столько сему «смѣялась, что подступило къ ней колотье, и послѣ комедіи «привезли ее домой больною. Теперь ей полегче, и она смѣется плачущему Менандру Васильевичу, который, назначивъ «свадьбу завтра, говоритъ, что въ исполненіи сего обѣщанія «не ручается, кое, по видимому, сдѣлалъ только для окончанія «комедіи. Впрочемъ, можно думать, что какъ Исидоръ *прямо* «*обожаетъ* Софью Менандровну, такъ Менандръ Васильевичъ «*прямо* до своей смерти ихъ не обвѣнчаетъ; почему же онъ «названъ *прямо* тесть, а Исидоръ *прямо* зять?» [3]) Дѣйстви-

---

[1]) «Сумароковъ и современ. ему критика», стр. 255.

[2]) Исидоръ, Софья Менандровна и Менандръ Васильевичъ — дѣйствующія лица въ комедіи: «Тесть и зять».

[3]) Стр. 44—45, 78.

тельно комедія «Тесть и зять» наполнена безпрерывными восклицаніями: *а! а!* и неумѣстнымъ потвореніемъ слова: «прямо». Критика того времени почти исключительно обращала вниманіе на языкъ и ограничивалась замѣчаніями о неправильности оборотовъ и выраженій; болѣе-серьёзной цѣли она еще не сознавала, или сознавала ее весьма слабо. Въ «Трутнѣ» напечатано было письмо, въ которомъ ловко пародированы манера и слогъ Лукина[1]); въ этомъ же изданіи появились противъ Лукина и Ѳедора Козельскаго слѣдующіе стихи:

Издатель! многіе глупцы тебя ругаютъ,
Затѣмъ, что твари тѣ и разумъ отвергаютъ;
Ты долженъ сонмище вралей всѣхъ презирать.
Никто не запретитъ бумагу имъ марать.
Разумный вертопрахъ съ *Пантеею* [2]) свидѣтель,
Какой имъ даръ писать парнасскій далъ владѣтель;
Но думаютъ они, что всѣхъ тѣмъ веселятъ,
И забываютъ то, что музы не велятъ
Несмысленнымъ творцамъ врать мерзкими стихами...
Л* (Лукинъ) съ своимъ худымъ ты слогомъ и невольнымъ
Читателя зови хоть сто разъ благосклоннымъ
И въ предисловіи хоть въ ноги поклонись [3]),
Иль за сіи слова со мною побранись,
Что худо пишешь ты — всегда скажу я смѣло,
Что *а!* на мѣсто *ахъ!* успѣха не имѣло,
Что *какъ-ли-ни* [4]) твоихъ нигдѣ не напишу
И противъ истины во вѣкъ не погрѣшу [5]).

«Смѣсь» съ насмѣшливою откровенностью увѣряетъ, что въ обѣихъ комедіяхъ Лукина много пустыхъ словъ и въ награду за то очень мало смысла, что «sage étourdi» обратился у него

---

[1]) 1769 г. стр. 18—27.

[2]) Пантея, трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, Ѳ. Козельскаго. Спб. 1769 г. Новиковъ отзывается объ этой пьесѣ неблагосклонно.

[3]) Намёкъ на длинныя предисловія къ комедіямъ, изданнымъ Лукинымъ.

[4]) Выраженіе, часто встрѣчаемое въ комедіяхъ Лукина.

[5]) 1769 г. стр. 132—3.

изъ разумнаго повѣсы въ несноснаго враля, что трагедія Козельскаго «самая несчастная», что въ ней нельзя похвалить ни единаго стиха и что, наконецъ, самъ авторъ едва-ли ѣзжалъ на Пегасѣ[1]).

«Адская Почта» напечатала такой разсказъ объ одномъ сочинителѣ комедій, въ которомъ видно намѣреніе представить Лукина. «Онъ (говоритъ «Почта») бранитъ всѣхъ комедіан-«товъ, утверждая, что они портятъ комедіи, не представляя «оныя такъ, какъ надобно. Ему съ нимъ разговаривающій «сказалъ, что наши комедіанты въ томъ невиноваты, что имъ «дурнаго сочиненія хорошимъ представить не можно, что «здѣшніе нѣкоторые актеры и актрисы дѣлаютъ честь нашему «театру и что, конечно, онъ за то ихъ возненавидѣлъ, что «здѣшній весьма хорошій актеръ (Дмитревскій), съѣздивъ въ «Парижъ, пріѣхалъ еще лучшимъ, а онъ, будучи неудачли-«вымъ сочинителемъ, *возвратился изъ Парижа*[2]) худшимъ «авторомъ, нежели какъ былъ прежде. Ты лжешь, съ гнѣ-«вомъ отвѣчалъ сей авторъ, у меня есть піеса, которую и «Мольеръ бы похвалилъ, или бы еще оной позавидовалъ, если «бы былъ живъ... Потомъ, вынувъ изъ кармана свое сочи-«неніе, съ такимъ восхищеніемъ, шумомъ, крикомъ, бѣшен-«ствомъ, воздыханіемъ и хохотаніемъ оное читалъ, что, если «бы то было въ Англіи, то посадили бы его въ шальной домъ. «Прочетши нѣсколько явленій, привелъ въ великій смѣхъ съ «нимъ спорящаго. Тогда сей авторъ сказалъ смѣющемуся: ты «глупъ, ничего не смыслишь, вкуса въ театрѣ не знаешь, со-«чинять не умѣешь, театральныя правила тебѣ неизвѣстны. «Соперникъ его, видя, что такой чрезвычайный жаръ требу-«етъ охлажденія, вылилъ ему въ глаза стаканъ воды... Не-

---

[1]) Стр. 69, 163—4.

[2]) См. статью Пыпина въ «Отеч. Зап.» 1853 г., № 8, стр. 65—66.

«давно нѣкоторый сочинитель мало не покритиковалъ его доб-«рою великороссійскою пощечиною за то, что бранилъ при лю-«дяхъ того, у котораго сей сочинитель въ повелѣніи» [1]). Трудно повѣрить въ наше время возможности подобныхъ сценъ; но если въ литературѣ допускались брань и личности, нарушавшія всѣ приличія, то до чего могло довести раздраженное самолюбіе писателей, при ихъ враждебныхъ встрѣчахъ въ обществѣ?

Въ защиту Лукина «Всячина» стала, вопреки Храповицкому, утверждать, что при тогдашнемъ состояніи просвѣщенія гораздо полезнѣе поощрять литераторовъ и переводчиковъ, нежели строго критиковать ихъ, и что ради двухъ или трехъ непривычныхъ выраженій нельзя признать весь переводъ дурнымъ [2]). Эта апологія вызвала возраженіе Сумарокова (въ журналѣ «И то и сё»), который, какъ извѣстно, сильно не ладилъ съ Лукинымъ; онъ настаивалъ на той мысли, что труднѣе критиковать со вкусомъ, нежели сочинять безъ всякого вкуса, и что просвѣщеніе у насъ вовсе не въ такомъ печальномъ положеніи, какъ думаетъ господинъ защитникъ; ибо Ѳеофановы проповѣди, похвальное слово императрицѣ Елизаветѣ и нѣкоторыя строфы Ломоносова, проповѣди псковскаго и тверскаго архіереевъ и троицкаго архимандрита не показываютъ «парнасскаго младенчества въ Россіи», и одобреніе худымъ писателямъ, хотя бы и молодымъ, не нужно; въ комедіяхъ же Лукина погрѣшности не мелкія, а самыя крупныя и непростительныя.

Но этимъ не кончились литературныя истязанія Лукина; насмѣшки надъ нимъ продолжались и въ 1770 году. Издатель «Пустомели», осмѣивая современныя трагедіи и комедіи

---

[1]) Стр. 155—7.

[2]) «Всякая Всячина», стр. 46.

Лукина, совѣтуетъ такъ распорядиться съ музами: «Плакси-«вую Мельпомену одѣнь въ платье изъ трагическихъ листовъ; «въ одну руку дай ей чернилицу съ перомъ вмѣсто кинжа-«ла, а другою прикажи чаще размахиваться, бить себя по «лицу и безпрестанно кричать: *ахъ, увы, погибло все!*... «Талію — о! эту насмѣшницу надобно хорошенько помучить; «до сего времени она всѣхъ осмѣивала, но ты сдѣлай такъ, «чтобы всѣ на нее глядя смѣялись. Платье сшей ей гаерское, «въ руку вмѣсто маски дай ей вызолоченный пузырь съ горо-«хомъ и *заставь читать Л*** (Лукина) *комедіи*, которыхъ «она терпѣть не можетъ и которыя ее, конечно, измучатъ». Въ другомъ мѣстѣ издатель «Пустомели» дѣлаетъ такой отзывъ о произведеніяхъ Лукина: «Если когда-нибудь тебѣ, чи-«татель, случилося быть въ бесѣдѣ съ пустомелею, который «безпрестанно болтаетъ, а самъ никого не слушаетъ, или... «наконецъ, со стихотворцемъ, который ровняетъ себя со слав-«ными россійскими писателями и говоритъ только о чищеніи «россійскаго языка, похвалу себѣ и хулу другимъ, и которое «чищеніе разумные люди называютъ порчею россійскаго, безъ «порчи прекраснаго нарѣчія, итакъ если господинъ читатель «съ сими людьми когда-нибудь бывалъ, такъ ты знаешь: ка-«ковы они несносны. Таковъ-то несносенъ былъ я самъ себѣ «(задумавъ трудное предпріятіе издавать журналъ), или еще «столько, *сколько несносны Таліи Л*** (Лукина) *комедіи*»*).

Чулковъ, нападая на дурныхъ переводчиковъ, въ то-же время замѣчалъ, что появилась мода выдавать переводы за сочиненія оригинальныя; писатели болѣе думаютъ о минутномъ успѣхѣ, нежели о дѣйствительной славѣ; «они таскаютъ изъ «разныхъ сочиненій и, выдавая оныя подъ своимъ именемъ, ни

---

*) Стр. 13—17, 90—91.

«мало не страшатся быть уличены въ похищеніи чужаго «добра»[1]).

Въ избранную нами эпоху драматическія произведенія, составлявшія репертуаръ столичныхъ театровъ, бо́льшею частью были переводныя или передѣланныя съ французскаго языка; вездѣ было подражаніе произведеніямъ такъ-называемой псевдоклассической школы и весьма мало оригинальности: герои и героини трагедій сопровождались непремѣнными наперсниками и наперсницами; въ комедіяхъ пронырливые и бойкіе слуги и служанки разсуждали, острили и заправляли всѣмъ дѣйствіемъ съ истинно-французскою свободою; всѣ условные сценическіе пріемы соблюдались строго. Особенною славою въ это время пользовались драматическія сочиненія Сумарокова и сценическій талантъ актера Дмитревскаго, который игрою своею исторгалъ общую дань удивленія. «Смѣсь» говоритъ о немъ, какъ о первомъ русскомъ артистѣ, достойномъ соперникѣ Гарика и Лекеня; къ этому она присоединяетъ, что Дмитревскій въ трагедіяхъ не только равнялся по таланту своему съ Лекенемъ, но даже превосходилъ его силою любовной страсти, въ чемъ будто признавались и сами французы. Чтобъ сдѣлаться Дмитревскимъ, надо (по словамъ «Смѣси») родиться актеромъ; когда онъ являлся въ роли Мизантропа, то, глядя на его игру, ни о чемъ болѣе нельзя было думать, какъ только о Мизантропѣ. Въ честь Дмитревскаго въ этомъ журналѣ напечатано слѣдующее четверостишіе:

Dmitrewsky, des talens possédant l'avantage,
Eléve son théâtre dont il fait tout l'honneur:
Comme Garick ou Le-Kain, il charme et parle au coeur,
Et du français surpris enlève le suffrage[2]).

«Пустомеля» сообщаетъ любопытныя для насъ указанія объ

[1]) Недѣля 5, 41.
[2]) Стр. 23, 55—56.

игрѣ Дмитревскаго и Троепольской, которыя и передаемъ здѣсь вполнѣ:

Въ іюньскомъ выпускѣ: «*Изъ Москвы.* Г. Д***, актеръ «придворнаго россійскаго театра, пріѣхавъ къ намъ, столько «надѣлалъ шуму, что во всемъ городѣ только и разговоровъ «что о немъ; и подлинно московскіе жители увидѣли въ немъ «славнаго актера. Онъ игралъ въ *Семирѣ* — Оскольда и всѣхъ «зрителей плѣнилъ; въ *Евгеніи* комедіи — графа Кларандо«на: искусство, съ какимъ онъ сей роль представлялъ, при«нудило зрителей оную комедію просить еще три раза, въ «чемъ они были удовольствованы, и въ каждое представленіе «въ новое приходили восхищеніе; казалось, будто искусство «г. Д*** по степенямъ еще больше возрастало. Надобно от«дать справедливую похвалу и господину переводчику сей ко«медіи; ибо онъ всѣ красоты, находящіяся въ подлинникѣ, со«хранилъ и на россійскомъ языкѣ. Г. Д*** игралъ еще *Вы«шеслава* и *Ревниваго* съ равномѣрною же отъ всѣхъ похва«лою, а еще ожидаютъ представленія *Хорева* и *Беверлея*. «Зрители собиралися въ театръ въ такомъ множествѣ, что «многіе, по причинѣ великой тѣсноты, не могли получать «билетовъ, если хотя мало опаздывали. Наконецъ, должно «сіе заключить тѣмъ, что г. Д*** московскихъ жителей уди«вилъ, привелъ въ восхищеніе и заставилъ о себѣ говорить «по малой мѣрѣ два мѣсяца»*).

Въ іюльскомъ выпускѣ: «*Въ Санктпетербургѣ.* Недавно

---

*) Стр. 49—51. «Семира», «Вышеславъ» и «Хоревъ» трагедіи А. Сумарокова; «Ревнивый, изъ заблужденія выведенный», комедія Кампистрона, переведенная съ французскаго въ 1764 г. М. «Беверлей», трагедія, переведенная И. Дмитревскимъ; «Евгенія» (comedie или drame larmoyante), соч. Бомарше, перев. въ 1770 г. Ник. Пушниковымъ. Представленіе «Евгеніи» было причиной неудовольствій Сумарокова съ московскою публикою.

«здѣсь на придворномъ императорскомъ театрѣ представлена «была *Синавъ и Труворъ* — трагедія г. Сумарокова. Трагедія сія играна была по переправленному вновь господиномъ авторомъ подлиннику. Нѣтъ нужды выхвалять сего «почтеннаго автора сочиненій; они такъ хороши, что кто «только ихъ читалъ и кто имѣетъ разумъ, то всѣ ему, отдавая справедливую похвалу, удивляются... Чтожъ касается до актеровъ, представлявшихъ сію трагедію, то надлежитъ отдать справедливость, что г. *Дмитревскій* и г-жа «*Троепольская* привели зрителей въ удивленіе. Нынѣ ужь «въ Петербургѣ неудивительны ни Гарики, ни Лекены, ни «Госсенши. Пріѣзжающіе вновь французскіе актеры и актрисы то подтверждаютъ. Со всѣмъ тѣмъ нельзя пропустить, «чтобы не замѣтить слабость и пристрастіе къ французамъ *одного господина*, который во время представленія сей «трагедіи, когда г. Д. и г-жа Т. зрителей искусствомъ своимъ «восхищали, онъ воздыхаючи сказалъ: *жаль, что они не «французы; ихъ бы можно почесть совершенными и рѣдкими въ своемъ искусствѣ*. Черезъ нѣсколько дней, когда «представлена была французская піеса, то сей господинъ не «могъ выдержать ни чрезмѣрной радости и восхищенія, ни «также чрезмѣрнаго и смѣшнаго своего пристрастія, дѣлая «похвалу французскимъ актерамъ, и хотя комедія играна была «смѣшная, однакожъ онъ собою гораздо больше дѣлалъ смѣха»*).

По свидѣтельству повѣсти, помѣщенной въ «Пустомелѣ», на театрѣ чаще всего представляемы были: «Привидѣніе съ барабаномъ, или пророчествующій женатый» (переводъ съ французскаго А. Нартова); «Новопріѣзжіе» (соч. Леграна, переводъ А. Волкова, М. 1759 г.); комедіи Мольера: «Скапиновы обманы», «Лѣкарь по неволѣ», «Жоржъ Дандинъ», «Мнимый

*) Стр. 109—110.

рогоносецъ», «Принужденная женитьба» и *подобныя симъ смѣшныя* комедіи [1]). Такимъ образомъ театръ держался передѣлками съ французскаго, Мольеромъ и піесами Сумарокова.

Таковъ былъ взглядъ современниковъ на Дмитревскаго; но трудно сказать, на сколько было справедливо это увлеченіе и эти похвалы. XVIII-й вѣкъ вносилъ такъ много условнаго въ свои сужденія объ искусствѣ! Пѣвучая декламація и заучоныя торжественныя позы и жесты могли для зрителей того времени замѣнять живую и всегда простую природу. Сохранились преданія, что Дмитревскій, умный, вѣжливый и тонкій придворный, вовсе не былъ превосходнымъ актеромъ, не любилъ естественности и не обладалъ сильными чувствами [2]). Но тогда иначе смотрѣли и на драму, и на сценическое искусство, и на Дмитревскаго.

Публикою и поведеніемъ ея въ театрѣ, журналы вообще не совсѣмъ были довольны. «Всячина» печатно жаловалась на тѣхъ, которые, проповѣдуя о тишинѣ французскаго театра, мѣшаютъ слушать въ русскомъ и не даютъ внимательно слѣдить за превосходною игрою Дмитревскаго (въ трагедіи «Синавъ»). Наши дворяне, замѣчаетъ «Всячина», и большая часть молодыхъ людей обыкновенно увѣряютъ, что они великіе охотники до театральныхъ представленій, и почитаютъ себя знатоками въ этомъ дѣлѣ. «Едва услышат они о новой драмѣ, то уже толпами собираются въ театрѣ и съ нетерпѣливостію дожидаются «дѣйствія. Но какое имѣютъ они при томъ намѣреніе? Чтобы «примѣчать больше дѣйствующія лица, нежели характеры, «ими представляемые. Они болѣе берутъ участія въ неболь-

---

[1]) Стр. 32—33. О театрѣ и тогдашнихъ актерахъ: Дмитревскомъ, Шумскомъ, Поповѣ и Михайловой сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія Лукинымъ въ предисловіяхъ къ его комедіямъ.

[2]) «Москвитянинъ» 1853 г., № 3 (Дневн. студента), и «Комета», альманахъ 1851 г. (второй разсказъ г. Щепкина).

«шихъ спорахъ и несогласіяхъ актеровъ, нежели въ судьбѣ «тѣхъ славныхъ героевъ и героинь, въ видѣ коихъ они намъ «являются. Какъ Дмитревскій, ле-Сажъ, или Троепольская, «Мартеньша и проч. одѣты были, ихъ голоса, движенія, осан-«ка — составляютъ предметъ многочисленныхъ разговоровъ. «Но Синава жестокая страсть, погубившая брата его, любов-«ницу и его самого, Гарпагонова гнусная скупость, Магоме-«тово злодѣйство и ложью ослѣпленное суевѣріе, ополчающія «руки чадъ на родителя, исправленіе мота [1]), словомъ, всѣ сіи «живо изображенные характеры, вымышленные стихотворцами, «возбуждающіе въ насъ благородныя чувства, исправляющіе «наши нравы... предаются молчанію и столь мало внимаются, «будто бы никакого примѣчанія не заслуживаютъ. Иные при-«нуждаютъ себя казаться знающими въ драматическихъ сочине-«ніяхъ и любителями оныхъ и говорятъ, что балетъ только отъ «скуки смотрятъ; но со всѣмъ тѣмъ можно видѣть, что ничто «имъ больше онаго не нравится» [2]). Въ «Вечерахъ» было помѣ-«щено письмо такого содержанія: «Господа издатели! усерднѣй-«ше прошу васъ дать пристойно восчувствовать нашимъ сограж-«данамъ, въ чемъ состоитъ цѣль въ установленіи театровъ, и «что на таковыя позорища, какъ комедія и трагедія, ѣздятъ, «чтобъ слушать, а не только глядѣть, или себя казать и смот-«рѣть другихъ, и что благоразумное воспитаніе учитъ въ со-«браніяхъ, гдѣ чего-бы-то ни было и какое-либо сообщество со-

---

[1]) «Синавъ» трагедія Сумарокова; «Гарпагонъ» (Скупой), комед. Мольера; «Магометъ», траг. Вольтера; «Мотъ, любовью исправленный», комедія Лукина, имѣвшая значительный успѣхъ на сценѣ; ибо авторъ, по свидѣтельству Новикова («Опытъ истор. словаря», стр. 131), вывелъ «два смѣшные подлинника, которыхъ представлявшіе актеры весьма искуснымъ и живымъ подражаніемъ, выговоромъ, ужимками, тѣлодвиженіемъ, также и сходственнымъ къ тому платьемъ, зрителей весьма много смѣшили».

[2]) Стр. 120, 420—423.

«бралось слушать, если самъ слушать не хочешь, то другимъ не «мѣшать. Мнѣ случилось быть въ театрѣ, когда русскаго «Беверлея» представляли; истинно съ крайнею прискорбностью «слышала: во первыхъ, что не умолкали говорить; многія дамы «для прохлажденія медку изъ караульни посылали просить, «другія кушали, наконецъ въ театрѣ хохотали, на что̀, конечно, другой причины тѣмъ забавнымъ людямъ не было, какъ «только названіе комедіи, въ которую, по ихъ мнѣнію, надлежитъ смѣяться... Молчаніе и тихость не прежде возстановились, когда въ самомъ дѣлѣ только глазами, а не слу«хомъ вниманіе имѣть должно, то есть въ балетѣ. Размышляя о семъ, мнѣ пришла на умъ и та неутѣшная мысль, что «намъ предъ чужестранными и тѣмъ извиниться не можно, что «парадисъ, или въ другихъ мѣстахъ партеръ, всякого состоянія людьми въ вольныхъ позорищахъ наполняется, потому «что въ императорской театръ, кромѣ благородныхъ, положено «не впускать, почему титулованныя особы суть одни въ немъ «зрители»[1]). Сумароковъ жаловался на московскую публику, что она съѣзжается въ театръ грызть орѣхи и кричать[2]), а Лукинъ — на петербургскую, которая во время представленій (по его словамъ) сморкается, разговариваетъ и шумитъ.

Переводы и передѣлки французскихъ драматическихъ произведеній, выводившихъ на сцену болѣе или менѣе чуждые намъ нравы и обыкновенія, не могли удовлетворять людей съ сколько-нибудь вѣрнымъ эстетическимъ тактомъ. Лукинъ, извѣстный своими передѣлками съ французскаго, уже самъ чувствовалъ недостаточность подобныхъ подражаній; въ предисловіяхъ къ своимъ комедіямъ онъ высказываетъ мысль о необходимости дать комедіи болѣе самобытное, народное зна-

---

[1]) Ч. 2, стр. 67—68.

[2]) «Полн. собр. сочин. Сумарокова», ч. VII, стр. 352.

ченіе. «Мнѣ (говоритъ онъ) всегда несвойственно казалось «слышать чужестранныя рѣченія въ такихъ сочиненіяхъ, ко«торыя долженствуютъ изображеніемъ нашихъ нравовъ исправ«лять *не столько общіе всего свѣта, но болѣе участные «нашего народа пороки*... Многіе зрители отъ комедіи въ «чужихъ нравахъ не получаютъ никакого поправленія; они «мыслятъ, что не ихъ, а чужеземцевъ осмѣиваютъ». Лукинъ удивляется, что дѣйствующія лица драматическихъ пьесъ изъясняются не въ нашихъ нравахъ, одѣваются въ незнакомыя намъ одежды; что въ комедіяхъ являются нотаріусы для заключенія неизвѣстнаго у насъ брачнаго контракта; что слуги и служанки, выводимые на сцену, болѣе похожи на нашихъ петиметровъ и свѣтскихъ дамъ, нежели на слугъ [1]).

Потребность въ народномъ театрѣ живо ощущалась и открыто высказывалась въ тогдашнихъ журналахъ, выступившихъ на защиту русской національности противъ односторонности и крайностей французскаго вліянія. «Я думаю, замѣ«чаетъ «Всячина», что не въ однихъ книгахъ должно держать«ся правила, *чтобъ русскимъ представлять русскія умо«начертанія*, но и въ позорищахъ; ибо маркизъ на русскомъ «театрѣ уши деретъ, а къ свадебному контракту тетушка моя «и смысла не привязываетъ. Она хочетъ видѣть то, что ее «ежечасно окружаетъ и чѣмъ она привыкла забавляться; не«знакомые же гости не столь забавны, какъ знакомые» [2]). «Кошелекъ» убѣждалъ, что даваемыя на сценѣ де-Тушевы и другія комедіи мало принесутъ пользы и что на театрѣ народномъ необходимо должны быть представляемы такія пьесы, «которыя бы главною своею цѣлью имѣли *народную забаву*» [3]).

---

[1]) «Переводы и сочин. В. Лукина», ч. 2 (предисловіе къ «Награжд. постоянству»).

[2]) Стр. 552.

[3]) Стр. 81—82.

Трагедіи псевдоклассической школы также не могли постоянно и всѣмъ нравиться; видѣть человѣка, по выраженію одного журнала, въ старинномъ римскомъ кафтанѣ, во французской шляпѣ и въ русскихъ лаптяхъ на босую ногу — смѣшно, а не трогательно [1]).

При такомъ настроеніи образованнаго общества въ пользу народнаго театра, комедіи фонъ-Визина и императрицы Екатерины II-й должны были вызвать, и дѣйствительно вызвали большое сочувствіе и имѣли огромный успѣхъ. «Трутень», «Адская Почта» и «Пустомеля» встрѣтили единодушными похвальными отзывами литературные труды фонъ-Визина. «У насъ «теперь въ городѣ довольно хорошихъ сочиненій, сказано «въ Почтѣ». Читалъ я театральныя сочиненія Н. [2]) и В. (фонъ-«Визина); въ одномъ изъ нихъ больше интриги и нравоучитель-«ныхъ разсужденій, а въ другомъ — острыхъ словъ и пре-«красныхъ шутокъ; одинъ изъ нихъ писалъ больше на вкусъ «Дидеротовъ, а другой на Мольеровъ; въ обоихъ сихъ сочи-«неніяхъ рѣдкости (не хочу сказать невозможности) —у одного «въ добродѣтели, а у другаго въ порокахъ; однако обоихъ со-«чиненія немалой похвалы достойны... Немногіе здѣсь имѣ-«ютъ дарованіе такъ хорошо шутить, какъ В.» [3]). Въ «Трутнѣ» 1769 года находимъ такое извѣстіе: «Здѣсь (на Парнасѣ) все «въ великомъ замѣшательствѣ: славные стихотворцы, обез-«ображенные худыми переводами, чрезвычайно огорчились и «просили Аполлона о заступленіи. Всѣ музы, прославленныя «въ Россіи г. С. (Сумароковымъ), приходили къ своему отцу

---

[1]) «И то и сё», недѣля 49-ая

[2]) Не должно ли здѣсь разумѣть С. В. Нарышкина, который сочинилъ комедію: «Истинное дружество» во вкусѣ Дидеротовомъ? (Смотри «Опытъ историч. слов.», стр. 147.) Комедія эта въ свое время заслужила многія похвалы.

[3]) Стр. 277.

«и со слезами жаловалися на дерзновеніе молодыхъ писате-
«лей: Мельпомена и Талія проливали слезы и казались не-
«утѣшными. Великій Аполлонъ увѣрялъ ихъ, что сіе сдѣла-
«лось безъ его позволенія... и показалъ Таліи новую рус-
«скую комедію ***, сочиненную однимъ молодымъ писателемъ.
«(Рѣчь, вѣроятно, идетъ о «Бригадирѣ»). Талія, прочитавъ
«оную, приняла на себя обыкновенный свой веселой видъ, и
«сказала Аполлону, что она сего автора съ удовольствіемъ
«признаетъ законнымъ своимъ сыномъ. Она записала его имя
«въ памятную книжку, въ число своихъ любимцевъ»[1]).

Но особенно-любопытенъ отзывъ о фонъ-Визинѣ, напечатанный въ видѣ примѣчанія къ его *Посланію къ слугамъ*, въ іюльскомъ выпускѣ «Пустомели». Вотъ это интересное примѣчаніе:

«Кажется, что нѣтъ нужды читателя моего увѣдомлять о
«имени автора сего «Посланія»; перо, писавшее сіе, россій-
«скому учоному свѣту и всѣмъ любящимъ словесныя науки
«довольно извѣстно. Многія письменныя сего автора сочине-
«нія носятся по многимъ рукамъ, читаются съ превеликимъ
«удовольствіемъ и похваляются сколько за ясность и чистоту
«слога, столько за остроту и живость мыслей, легкость и
«пріятность изображенія; словомъ, если обстоятельства ав-
«тору сему позволятъ упражняться въ словесныхъ наукахъ,
«то не безъосновательно и справедливо многіе ожидаютъ уви-
«дѣть въ немъ россійскаго Буало. Его комедія *** столько
«по справедливости разумными и знающими людьми была по-
«хваляема, что лучшаго и Мольеръ во Франціи своимъ коме-
«діямъ не видалъ принятія и не желалъ; но я умолчу, дабы
«завистниковъ не возбудить отъ сна, послѣднимъ благоразу-
«міемъ на нихъ наложеннаго»[2]).

[1]) Стр. 138—9, 184.

[2]) Стр. 104—5. Этими свѣдѣніями, къ сожалѣнію, никто изъ писавшихъ о фонъ-Визинѣ не пользовался.

Еще полнѣе и откровеннѣе высказалъ издатель журнала «Трутень» свое теплое сочувствіе и благородное уваженіе къ прекрасной комедіи, сочиненной императрицею Екатериною Великою, подъ заглавіемъ: «О, время!» Посвящая своего «Живописца» *неизвѣстному сочинителю комедіи: «О, время!»* Новиковъ говоритъ:

«Государь мой! я не знаю кто вы; но вѣдаю только то, «что за сочиненіе ваше достойны почтенія и великія благо«дарности. Ваша комедія *О, время!* троекратно представлена «была на императорскомъ придворномъ театрѣ, и троекратно «постепенно умножала справедливую похвалу своему сочини«телю. И какъ не быть ей хвалимой? Вы первый сочинили «комедію точно въ нашихъ нравахъ; вы первый съ такимъ «искусствомъ и остротою заставили слушать ѣдкость сатиры «съ пріятностію и удовольствіемъ; вы первый съ такою бла«городною смѣлостію напали на пороки, въ Россіи господство«вавшіе, и вы первый достойны по справедливости великія «похвалы, въ представленіе вашей комедіи оказанныя. Про«должайте, государь мой, къ славѣ Россіи, къ чести своего «имени и къ великому удовольствію единоземцевъ вашихъ; «продолжайте, говорю, прославлять себя вашими сочиненіями: «перо ваше достойно равенства съ Мольеровымъ. Слѣдуй«те-жъ его примѣру: взгляните безпристрастнымъ окомъ на «пороки наши, закоренѣлые худые обычаи, злоупотребленія и «на всѣ развратные наши поступки; вы найдете толпы людей, «достойныхъ вашего осмѣянія, и вы увидите, какое еще про«странное поле къ прославленію вашему осталось. Истребите «изъ сердца своего всякое пристрастіе, не взирайте на лица; «порочный человѣкъ во всякомъ званіи равнаго достоинъ пре«зрѣнія. Низкостепенный порочный человѣкъ, видя осмѣи«ваема себя купно съ превосходительнымъ, не будетъ имѣть «причины роптать, что пороки въ бѣдности только единой пе-

«ромъ вашимъ угнѣтаются; а превосходительство, удрученное «пороками, въ первой разъ въ жизни своей восчувствуетъ ра- «венство съ низкостепенными. Вы первый достойны показать, «что дарованная вольность умамъ россійскимъ употребляется «въ пользу отечества. Но, государь мой, почто укрываете вы «свое имя, имя — всеобщія достойное благодарности? я ника- «кія не нахожу къ тому причины. Неужели, оскорбя тольже- «стоко пороки и вооружа противъ себя порочныхъ, опасаетесь «ихъ злословія? — Нѣтъ, такая слабость никогда не можетъ «имѣть мѣста въ вашемъ сердцѣ. И можетъ ли такая благо- «родная смѣлость опасаться угнѣтенія въ то время, когда, ко «счастію Россіи и ко благоденствію человѣческаго рода, вла- «дычествуетъ нами премудрая Екатерина?... Но можетъ «быть особенныя причины принуждаютъ васъ укрывать свое «имя; ежели такъ, то не тщусь проникать оныхъ. И хотя имя «ваше навсегда останется неизвѣстнымъ, однакожъ почтеніе «мое къ вамъ никогда не умалится. Оно единственнымъ было «побужденіемъ приписанію вамъ журнала, подъ названіемъ «Живописца». Примите, государь мой, сей знакъ благодарно- «сти отъ единоземца вашего»[1]).

Государыня отвѣчала слѣдующимъ посланіемъ, напечатаннымъ на листахъ «Живописца»:

«Государь мой! Никогда не думалъ я, чтобъ сочиненная «мною комедія: *О, время!* таковой имѣла успѣхъ, каковымъ «вы меня увѣряете; а тѣмъ паче не воображалъ себѣ той че- «сти, которую вы приписаніемъ еженедѣльныхъ вашихъ ли- «стовъ мнѣ сдѣлали. Комедію мою сочинилъ я, живучи въ «уединеніи[2]) во время свирѣпствовавшей язвы, и при сочине-

---

[1]) Ч. I, стр. 3—7 (1-го изд.)

[2]) Императрица Екатерина II написала въ бытность свою въ 1772 году въ Ярославлѣ три комедіи: «О, время!», «Имянины госпожи Ворчалкиной» и «Госпожа Вѣстникова съ семьею». «Живописецъ» (ibid.

«ніи оной не бралъ я находящихся въ ней умоначертаній ни «откуда, кромѣ собственной моей семьи; слѣдовательно, не «выходя изъ дому своего, нашелъ въ немъ одномъ къ состав«ленію забавнаго позорища[1]) довольно обширное поле для «искуснѣйшаго пера, а не для такого, каковымъ я свое почи«таю. Что до меня касается, я никакихъ ни требованій, ни «желаній не имѣю. Пишу для собственной своей забавы, и «если малыя сочиненія мои пріобрѣтутъ успѣхъ и принесутъ «удовольствіе разумнымъ людямъ, то я тѣмъ весьма награж«денъ буду. Напротивъ того, если услышу, что нѣтъ въ «нихъ никому увеселенія, то хотя тѣмъ, ненавидя праздность, «отъ писанія и не воздержуся, однакожъ выдавать ихъ болѣ «не стану. Имени своего я не скрываю, но и не напишу его, «дабы въ первый разъ не явилось оно въ свѣтѣ въ заглавіи ко«медій, что̀ для меня самого было бы комедіею; а прибыли въ «томъ никому нѣтъ — Карпомъ ли, или Сидоромъ меня зовутъ. «Итакъ, оставя сіе, позвольте мнѣ включить здѣсь нѣкоторое «примѣчаніе на недавно-сочиненную мною комедію, названную «*Имянины госпожи Ворчалкиной*. Дошло до меня, что нѣ«которые критики за непристойно поставляютъ, что г. *Фир«лифюшковъ* за безстыдное словонесдержаніе наказанъ пал«кою. Говорятъ они, что какъ дескать *дворянина* за безчест«ное дѣло бить палкою? Я не стану приводить здѣсь бывало ль «таковое гдѣ-нибудь дѣйствіе или нѣтъ, ниже хочу извинять «поступокъ *Геркулова*[2]). Онъ дѣйствительно въ обыкновен-

---

«стр. 45—46) напечаталъ извѣстіе изъ Ярославля: «Въ нашемъ городѣ «сочиненныя комедіи представляются въ С. Петербургѣ на придворномъ «россійскомъ театрѣ, принимаются съ превеликою похвалою и почи«таются лучшими комедіями въ россійскомъ театрѣ. И мы можемъ «хвалиться, что Ярославль первый изъ городовъ россійскихъ обогатилъ «русской театръ тремя комедіями въ нашихъ нравахъ».

[1]) Своею семьею Екатерина Великая называла всю Русь.

[2]) Фирлифюшковъ и Геркуловъ — дѣйствующія лица въ комедіи «Имя-

«номъ общежитіи жестокъ. Но себя я легко оправдать мо-«гу, сославшись на самое уложеніе. Въ немъ господа кри-«тики найдутъ, чему за несдержаніе слова и за бездѣльство «люди подвергаются.» Письмо это подписано такъ: «вашъ охотный слуга, сочинитель комедіи: О, время!»[1])

Такъ защищала Екатерина Великая свои произведенія отъ неудачныхъ критическихъ замѣчаній, какія позволяли себѣ высказывать близорукіе представители тогдашняго моднаго свѣта. Одностороннія мнѣнія современныхъ петиметровъ и щеголихъ, приверженцевъ французской литературы, ловко осмѣялъ «Живописецъ» въ своихъ сатирическихъ письмахъ. Въ одномъ письмѣ слышится такой голосъ: «всѣ похвалы давно уже истощены не знаю какому-то сочинителю комедій: *О время, Имянинъ, Вѣстниковой* — сносно ли это! Я бѣшусь и прихожу въ отчаяніе! вотъ до чего мы дожили, вотъ какой вкусъ въ комедіяхъ утверждается: русской, русской... Какая глупость! Французской театръ постарѣе нашего; такъ намъ ли принятое ими перемѣнять?»[2])

Требуя отъ драматическихъ произведеній народности, журналы 1769 — 1774 годовъ, вѣрные своему сатирическому направленію, желали, чтобъ комедія выставляла на общій смѣхъ дѣйствительные недостатки и пороки общества, чтобы она была вѣрною картиною современныхъ нравовъ и чтобъ нападала на все пошлое и лишенное нравственныхъ основъ, не щадя даже и тѣхъ людей, которые почтены чинами и которымъ нужда велитъ кланяться. Такая комедія должна была

нины г-жи Ворчалкиной». Фирлифюшковъ — пустой и легкомысленный франтъ, выросшій подъ вліяніемъ поверхностнаго французскаго воспитанія. Геркуловъ бьетъ палкою Фирлифюшкова на сценѣ за неплатежъ долга.

[1]) Ч. I, стр. 49—51 (1-го изд.)

[2]) Изд. 1-ое ч. I, стр. 167.

затронуть многихъ, сознававшихъ за собой различныя слабости. «Важный Менандръ, говоритъ «Смѣсь», презираетъ всѣ «театральныя зрѣлища, говоря, что они служатъ только къ «развращенію разума несмысленныхъ людей. Иной подумаетъ, «что онъ углубился въ высокія науки; напротивъ, онъ цѣлый «день сидитъ подъ окномъ, смотритъ на проѣзжихъ, ловитъ «мухъ и играетъ съ своею собакою» [1]).

Прежде, нежели представимъ содержаніе журнальной сатиры, скажемъ нѣсколько словъ о внѣшнихъ формахъ сатирическихъ статей, наполнявшихъ собою періодическія изданія. Формы эти были довольно однообразны. Самою обыкновенною и любимою формою было *письмо*. Отъ имени неизвѣстныхъ или вымышленныхъ лицъ печатались въ журналахъ къ ихъ издателямъ письма, въ которыхъ мнимые авторы, оправдывая свои одностороннія и достойныя осмѣянія мнѣнія или несправедливые и безнравственные поступки, какъ-будто ненарочно, но ярко обнаруживаютъ ихъ смѣшную и вредную стороны. Нѣкоторыя изъ этихъ писемъ написаны перомъ мастерскимъ, съ соблюденіемъ вѣрнаго художническаго такта; таковы помѣщенныя въ «Живописцѣ» и «Трутнѣ» письма къ Ѳалалею отъ его отца, матери и дяди, отписки крестьянъ къ помѣщику, и другія, живо напоминающія манеру и остроуміе фонъ-Визина въ его сатирическихъ письмахъ [2]). Здѣсь нѣтъ тѣхъ преувеличеній, которыми такъ легко могутъ увлекаться сатирики и которыя замѣтны въ другихъ журнальныхъ статьяхъ того времени; напротивъ, все дышетъ неподдѣльною естественностью. Невѣжество, суевѣріе и порокъ разоблачаютъ себя съ необыкновенною наивностью, сами того не подозрѣвая. Иногда неизвѣстные сочинители писемъ прибѣгали къ издателю жур-

---

[1]) Стр. 117—8.

[2]) Письмо Взяткина къ покойному его превосходительству, письма Дурыкина, и др.

нала за совѣтами, и тотъ, давая отвѣты, пользовался случаемъ посмѣяться и дать наставленіе. Въ «Вечерахъ» были напечатаны три сатирическія письма съ Сатурна; авторъ описываетъ однако землю и земныя страсти и увлеченія, хотя и прикрываетъ свои намёки именемъ другой планеты. Набрасывать такой кажущійся покровъ на свои сатирическія описанія было тогда въ модѣ. Рисуя темныя стороны дѣйствительной жизни, любили выставлять ихъ на-показъ подъ чуждыми именами лицъ и мѣстностей, или придавать имъ фантастической характеръ: появились *восточныя повѣсти, волшебныя сказки, разговоры въ царствѣ мертвыхъ, разсказы о видѣнномъ во снѣ;* Эминъ даже заставилъ переписываться бѣсовъ. Но всѣ знали, куда мѣтили эти восточныя повѣсти и волшебныя сказки; всѣ легко догадывались, что видѣнное во снѣ весьма часто случалось на-яву, въ обыкновенной жизни; а въ царствѣ мертвыхъ разговариваютъ о слабостяхъ, свойственныхъ живымъ людямъ; таковы разговоры: между рогоносцемъ и соблазнителемъ, скупымъ и должникомъ, и другіе.

Сатирическія *вѣдомости* также были одною изъ наиболѣе-употребительныхъ формъ въ нашихъ журналахъ. Въ этихъ вѣдомостяхъ, подъ рубриками извѣстій изъ разныхъ городовъ и мѣстъ, подрядовъ, поставокъ, объявленій о куплѣ и продажѣ, различныхъ вызововъ и проч. печатались злыя насмѣшки надъ взяточничествомъ приказныхъ и судей, волокитствомъ и мотовствомъ щеголихъ и франтовъ, жестокостью господъ, суевѣріемъ и невѣжествомъ противниковъ просвѣщенія. Въ формѣ этой однако замѣчается искусственность, условливаемая несбыточностью многихъ торговыхъ и другихъ сдѣлокъ, о которыхъ публикуютъ вѣдомости: здѣсь судья продаетъ за ненадобностью свою совѣсть, а тамъ какому-нибудь спѣсивцу понадобилось нѣсколько пудовъ здраваго смысла! Такая искусственность, которая отчасти лишала сатиру ея мѣткости,

неразлучна и съ другими формами журнальныхъ статей, съ такъ называемыми сатирическими *портретами* или *картинами*, изображающими разные порочные характеры, и сатирическимъ *лѣчебникомъ*, въ которомъ описывались нравственные недуги и цѣлебныя противъ нихъ лѣкарства, напримѣръ: «*Глупомыслъ* желаетъ невозможнаго и для него вреднаго. Сіе про«изошло отъ худыхъ мокротъ, усилившихся въ немъ при его вос«питаніи. Для очищенія его отъ сихъ мокротъ, надлежитъ ему «привить *благоразуміе*, такъ-какъ оно обыкновенно прививает«ся въ сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ»[1]).

Кромѣ указанныхъ формъ, въ журналахъ встрѣчаемъ еще: *вопросы и отвѣты* и сатирическій *словарь*. Вопросы и отвѣты — форма, замѣчательная въ нашей литературѣ, потому что ею воспользовался фонъ-Визинъ, обратившійся съ любопытными вопросами къ императрицѣ Екатеринѣ II.

Въ журналахъ «И то и сё» и «Трудолюбивая Пчела» были помѣщены извлеченія изъ сатирическаго словаря Рабенера. Словарь этотъ объясняетъ слова въ томъ переносномъ смыслѣ, какой скрытъ въ нихъ условными общественными мнѣніями и приличіями, напримѣръ: «*Радуюсь, что васъ вижу* — значитъ: мнѣ все равно, что вижу или нѣтъ»[2]).

Таковы были формы сатирическихъ статей, помѣщавшихся въ журналахъ XVIII-го столѣтія. Если формы эти и не давали творческой фантазіи того простора, какой возможенъ въ повѣсти и романѣ, тѣмъ не менѣе въ нихъ легко и свободно вкладывалось горячее слово сатиры, сохранившее для насъ яркія, характеристическія свидѣтельства о тогдашнемъ общественномъ бытѣ.

---

[1]) «Трутень» 1769 г., стр. 216.

[2]) «И то и сё», недѣля 10. Подобный же словарь смотри въ сочиненіяхъ Княжнина.

II.

Опредѣливъ общее направленіе журналовъ 1769—1774 годовъ, воспользуемся собранными въ нихъ матеріалами и представимъ, по скольку возможно, характеристику тогдашняго общества.

Журналы избраннаго нами времени являлись представителями образованія, водвореннаго на Руси Петромъ I и Екатериною II, и вмѣстѣ жаркими защитниками русской національности отъ всякихъ одностороннихъ чужеземныхъ вліяній: этимъ опредѣлилось отношеніе ихъ къ современности и тѣсная связь ихъ съ эпохою преобразованій Петра Великаго. Лучшіе, образованнѣйшіе умы того вѣка глубоко вѣрили и съ благодарнымъ сочувствіемъ повторяли:

Петръ далъ намъ *бытіе*, Екатерина — *душу*[1]).

Удивляясь заслугамъ преобразователя, великаго не только *въ геройствѣ, но еще болѣе въ человѣчествѣ*[2]), они въ императрицѣ Екатеринѣ II видѣли продолжательницу его славныхъ дѣлъ:

Петра Великаго ты (Россія) нынѣ
Въ премудрой зришь Екатеринѣ![3])

Императрица Екатерина, предъ геніемъ которой преклонялись знаменитые иностранцы, въ литературѣ нашей названа «Россійскою Минервою». Ея громкіе подвиги, заставившіе признать, «что слава была ея барабанъ, а исторія — записная книжка», блескъ и роскошь того вѣка, ея живой умъ, ги-

---

[1]) «Всячина», стр. 139. Сличи со словами Бецкаго, сказанными Екатеринѣ II: «Петръ Великій создалъ въ Россіи людей; ваше величество влагаете въ нихъ души».

[2]) «Адск. почта», стр. 55—56.

[3]) «Кошелекъ», стр. 147.

гантскія предпріятія, обходительность — все увлекало вслѣдъ за нею. «Ты судъ великихъ дѣлъ потомкамъ оставляешь» сказалъ Петровъ въ одѣ, обращенной къ императрицѣ (1767 года) [1]). Екатерина Великая съ справедливою гордостью могла отвѣчать на вопросъ фонъ-Визина: «чѣмъ возвысить упадшія души дворянства?» — этими словами: «Сравненіе прежнихъ временъ съ нынѣшними покажетъ несомнѣнно, колико души ободрены, либо упали. Самая наружность, походка и проч. то уже оказываютъ» [2]). Литература съ особеннымъ одушевленіемъ и участіемъ спѣшила записать въ свою лѣтопись великія дѣла великаго царствованія. Сколько торжественныхъ одъ! Сколько прямыхъ и задушевныхъ выраженій благодарнаго чувства! Державинъ и за нимъ всѣ другіе поэты громко славили «Фелицу»:

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты ни мало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда...
Еще же говорятъ неложно,
Что будто завсегда возможно
Тебѣ и правду говорить.
Неслыханное также дѣло,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смѣло
О всемъ, и въ-явь, и подъ рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себѣ не запрещаешь
И быль и небыль говорить [3]).

Фонъ-Визинъ прямо называетъ Екатерину Великую *честнымъ человѣкомъ* [4]). Журналы выразили то-же благоговѣйное

[1]) «Сочин. В. Петрова» (Спб. 1811), ч. III, стр. 9.

[2]) «Сочин. имп. Екатерины II», изд. Смирдина, ч. III, стр. 30.

[3]) «Сочин. Державина», изд. Смирд., ч. I, стр. 367—8.

[4]) 14-й вопросъ, предложенный фонъ-Визинымъ Екатеринѣ Великой, начинается такъ: «Имѣя монархиню честнаго человѣка...»

сочувствіе къ ея славнымъ подвигамъ. «Трутень» удивляется ея неусыпнымъ трудамъ и попеченіямъ о благѣ подданныхъ, ея учрежденіямъ о вкорененіи добрыхъ нравовъ и введеніи наукъ и художествъ, ея щедротамъ, изобильно на всѣхъ изливаемымъ, и ея прозорливому избранію правящихъ властей [1]). Тоже повторяетъ «Кошелекъ» [2]). «Живописецъ» поспѣшилъ передать на своихъ листахъ въ переводѣ: А) Письмо Доминика Діодати (изъ Неаполя) къ одному русскому, по случаю изданія «Наказа объ уложеніи». Въ этомъ письмѣ читаемъ: «хотя «же она (императрица Екатерина II) совершенную и полную «власть имѣетъ, однако законы постановляетъ... ищетъ въ «томъ не собственной, но общей пользы. Въ ономъ («Наказѣ») «отъ другихъ законовъ и то особливое примѣчается, что всѣ «установленія съ великимъ человѣколюбіемъ сопряжены. До«бродѣтели награждаетъ, и всѣхъ къ почитанію ихъ прераз«умно поощряетъ; исправляетъ погрѣшности и, дѣлая всѣхъ «добрыми, ту имъ собственно похвалу оставляетъ, что они «учинились такими безъ принужденія; печется о воспитаніи «юношества, старается о благонравіи и будущихъ гражданъ; «отъ преступленій удерживаетъ кротостію... Въ недостатокъ «жителей въ вашемъ государствѣ, какъ въ главнѣйшее дѣло, «остротою своего разума входитъ и разыскиваетъ оный фило«софскимъ окомъ, которое во внутренности проницая самыя «малѣйшія вещи подробно разсматриваетъ и, нашедъ толикаго «вреда истинныя причины, государство жителями, а жителей «изобиліемъ обогатить старается. Ко пріобрѣтенію же сего «предуготовляетъ нужное; на хлѣбопашество призираетъ ми«лостиво; искусства и художества всѣ, способствующія либо «къ спокойствію, либо къ пріятности жизни, возстановляетъ;

---

[1]) 1770 г., стр. 63.

[2]) Стр. 26 и 47.

«торговлю, какъ прямый богатства источникъ, облегчаетъ и «распространяетъ, и отвращаетъ все, оную стѣсняющее. Ни-«чего во всемъ не оставляетъ безъ своего разсмотрѣнія, ни-«чего не умалчиваетъ, все объявляя всенародно, для общаго «всѣхъ благополучія...»[1]). B) Письмо короля прусскаго къ императрицѣ (1767), который признается, что былъ восхищенъ не только правилами человѣчества и кротости, содержащимися въ «Наказѣ», но и порядкомъ соединенія понятій, ясностью, точностью и обширными свѣдѣніями, собранными въ этомъ твореніи; затѣмъ король прибавляетъ, что добрые законы, начертанные въ «Наказѣ», нуждаются для своего исполненія въ юрисконсультахъ, и совѣтуетъ основать «академію правъ, для наученія въ ней людей, опредѣленныхъ къ должности судейской и стряпческой»[2]). C) Отрывокъ изъ III-го тома «Энциклопедическихъ Записокъ». Выхваляя заботы Екатерины II о поддержаніи кредита въ торговлѣ русскихъ съ англичанами и голландцами, отрывокъ этотъ замѣчаетъ, что такія заботы служатъ «истиннымъ доказатель-«ствомъ тѣхъ чувствованій, кои она изъяснила въ письмѣ, «писанномъ въ берлинскую академію наукъ 1768 года. Наука «моя (такъ сказано ею) состоитъ въ прямомъ познаніи того, «что всѣ люди суть братія; а жизнь моя препровождена бу-«детъ такъ, чтобъ исполненіе дѣлъ соотвѣтствовало знанію «сему»[3]). «Вечера» представили переводъ похвальныхъ стиховъ Екатеринѣ Великой, сочиненныхъ Вольтеромъ: «она (говоритъ знаменитый писатель) водворила науки, для общаго покоя трудится день и ночь,

---

[1]) Ч. I (изд. 2), стр. 86—87.

[2]) Ibidem, стр. 158—160.

[3]) Ч. II-я (изд. 1-е), стр. 407. «Mon savoir se borne à connaître, que tous les hommes sont mes frères, et à ne point m'écarter de ce principe dans toutes les actions de ma vie».

И межъ трудовъ ко мнѣ писать находитъ время[1]).

Войны, веденныя императрицею съ такими блистательными успѣхами, постоянно вызывали въ журналахъ различныя стихотворенія, исполненныя патріотическаго одушевленія[2]). Въ 1769 году «Всякая Всячина» обращалась къ Екатеринѣ II съ такимъ поздравленіемъ:

«Всемилостивѣйшая государыня!

«Всякая Всячина исполняетъ долгъ свой, приноситъ ва-«шему императорскому величеству всеусерднѣйшее поздрав-«леніе съ побѣдой надъ врагомъ имени христіанскаго и им-«періи вашей и со взятіемъ Хотина. Яко таетъ воскъ отъ «лица огня, тако исчезаетъ басурманская сила отъ любящихъ «Бога, отъ благочестивой монархини и православнаго ея во-«инства. Успѣхи ваши, всемилостивѣйшая государыня, соот-«вѣтствуютъ вашему трудолюбію и попеченію. Пріобрѣтены «тебѣ, Россія, менѣе года три знаменитыя крѣпости: Азовъ, «Таганрогъ и Хотинъ, и восемь побѣдъ несравненными твоими «войсками одержаны»[3]).

Подобнымъ же поздравленіемъ начинается «Барышекъ Всячины»:

«Всемилостивѣйшая государыня!

«Пріймите всеподданнѣйшее отъ писателей «Всякія Вся-«чины» приносимое вамъ поздравленіе съ наступившимъ но-«вымъ 1770 годомъ. Оный намъ не можетъ не приводить на «память дѣлъ вашего императорскаго величества противу «врага христіанскаго имени, въ прошломъ годѣ благополучно «и преславно совершенныхъ... Россія, толиками успѣхами «въ одинъ годъ нечаянно увѣнчанная,... именуетъ ваше ве-

---

[1]) Ч. I, стр. 206—211.

[2]) См. торжественныя оды, помѣщенныя въ журналахъ 1769—1774 годовъ; также «Трутень» 1769 г., стр. 164, и «Всячину», стр. 106—7

[3]) Стр. 305.

«личество княгинею молдавскою и княгинею волоскою. Стра-«ны сіи покоятся теперь подъ тѣнію покрова вашего» [1]).

Въ предъидущей главѣ было приведено нами прекрасное посвященіе «Живописца» императрицѣ Екатеринѣ II, написанное Новиковымъ. Оно знакомитъ насъ съ тѣмъ отношеніемъ, въ какое поставила себя великая государыня къ современной литературѣ. Припомнимъ окончаніе этого посвященія: «хотя «имя ваше (сочинитель комедіи: «О, время!») останется неиз-«вѣстнымъ, однакожъ почтеніе къ вамъ мое никогда не ума-«лится. Оно единственнымъ было побужденіемъ приписанію «вамъ журнала, подъ названіемъ *Живописца*. Примите, госу-«дарь мой, сей знакъ благодарности за ваше преполезное со-«чиненіе (комедію: «О, время!») отъ единоземца вашего. Вы «открыли мнѣ дорогу, которой всегда я страшился; вы воз-«будили во мнѣ желаніе подражать вамъ въ похвальномъ под-«вигѣ — исправлять нравы своихъ единоземцевъ; вы поострили «меня испытать въ томъ свои силы: и дай Боже! чтобы чи-«татели въ листахъ моихъ находили хотя нѣкоторое подобіе «той соли и остроты, которыя оживляютъ ваше сочиненіе. «Если жъ буду имѣть успѣхъ въ моемъ предпріятіи, и если «принесутъ листы мои пользу и увеселеніе читателямъ, то за «сіе они не мнѣ, но вамъ будутъ одолжены; ибо безъ вашего «примѣра не отважился бы я напасть на пороки». Въ заключеніе Новиковъ проситъ сочинителя комедіи «О, время!» сдѣлать честь новому журналу сообщеніемъ какого-либо изъ мелкихъ его сочиненій [2]). Итакъ, по собственному признанію Новикова, изданіе «Живописца» было вызвано сатирическимъ направленіемъ литературныхъ произведеній самой императрицы. Екатерина Великая любила заниматься литературою и

[1]) Стр. 411—2.

[2]) Ч. I (изд. 2), стр. 5—6

оставила нѣсколько замѣчательныхъ комедій; она учредила собраніе для перевода иностранныхъ книгъ на русскій языкъ, назначивъ по 5,000 рублей ежегодно на уплату за труды переводчиковъ [1]); она участвовала своими статьями въ журналѣ: «Собесѣдникъ любителей россійскаго слова» (1783—1784 г.), и въ отвѣтъ на просьбу «Живописца» участвовать въ его изданіи писала: «вы хотите, чтобъ я присылалъ къ вамъ какія-«нибудь мои сочиненія; сіе съ охотою впредь я исполню, и со-«жалѣю о томъ только, что на сей случай никакихъ у меня »готовыхъ не случилось, ибо я цѣлые пять мѣсяцевъ занятъ «былъ сочиненіями комедій, коихъ пять готовыхъ имѣю, и нѣ-«которыя изъ нихъ отосланы на ѳеатръ, а прочія туда же въ «походъ собираются» [2]). Какія изъ сочиненій, напечатанныхъ въ «Живописцѣ», принадлежатъ перу императрицы, и участвовала ль она, сверхъ приведеннаго письма, въ этомъ журналѣ — неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ переданныя нами свидѣтельства заслуживаютъ глубокаго уваженія и благодарнаго воспоминанія.

По указанію Екатерины Великой періодическія изданія выступили съ своимъ обличительнымъ словомъ, и въ этомъ общемъ увлеченіи сатирическимъ направленіемъ нельзя не признать высокой нравственной стороны современной эпохи. Старинныя суевѣрія, предразсудки и ложь отживали свой вѣкъ; въ ихъ дикомъ воплѣ противъ сатиры и правительственныхъ мѣръ слышится уже близкое торжество всеобновляющей правды. Посмотрите, какъ наивно жалуется на свое время уѣздный дворянинъ екатерининскаго вѣка, ясно доказывая своими жалобами всю несостоятельность своихъ требованій: «Да пол-«но, ныньче и винцо-то въ сапогахъ ходитъ: экое времечко!

---

[1]) «Живопис.» (изд. 3), ч. I, стр. 74.

[2]) Тоже, ч. I (изд. 2), стр. 46.

«Вотъ до чего дожили: и своего вина нельзя привезть въ го-«родъ; пей-де вино государево съ кружала, да дѣлай прибыль «откупщикамъ. Вотъ какое разсужденіе! А говорятъ, что все «хорошо дѣлаютъ; поэтому скоро изъ своей муки нельзя бу-«детъ испечь пирога. Сказываютъ, что дворянамъ дана воль-«ность. Какая вольность? Дали вольность, а ничего неможно «своею волею сдѣлать: нельзя у сосѣда и земли отнять; въ «старину-то побольше было намъ вольности. Бывало отхва-«тишь у сосѣда земли цѣлое поле; такъ ходи же онъ да про-«си, такъ еще десять полей потеряетъ. А вина, бывало, кури «сколько хочешь, про себя сколько надобно, да и продать на «сотню мѣста. Коли воевода пріятель, такъ кури смѣло въ его «голову: то-то была воля-та! Нынъче и денегъ отдавать въ «процѣнты нельзя: больше шести рублей брать не велятъ; а «бывало, такъ бирали на сто и по двадцати по пяти рублей. «Нѣтъ-ста, кто что ни говори, а старая воля лучше новой. «Нынъче только и воли, что можно выйти изъ службы, да «поѣхать за море; а не слыхать, что тамъ дѣлать; хлѣбъ-атъ «мы и русской ѣдимъ, да таково-жъ живемъ. А изъ службы «тогда хоть и невольно было выйти, такъ были на это лѣка-«ри: отнесешь ему *барашка въ бумажкѣ* (то есть подарокъ), «да судьѣ другаго, такъ и оставятъ за болѣзнями. Да ужь бы-«вало, какъ пріѣдешь въ деревню-то, такъ это наверстаешь: «былъ бы только умъ, да зналъ бы приказныя дѣла, такъ со-«сѣди и не куркай. То-то было житье! Ты, Ѳалалеюшка, не «запомнишь этого»*).

Въ подобныхъ жалобахъ лучшая похвала екатерининскому вѣку, и съ этой точки зрѣнія получаютъ для насъ особенно-любопытное и поучительное значеніе сатирическія нападки журналовъ на разныя темныя стороны отживавшаго быта.

---

*) «Живопис.», ч. I (изд. 2), стр. 106—7.

Чтобъ противодѣйствовать застарѣлымъ предразсудкамъ и порокамъ, журналы полагали необходимымъ сокрушить невѣжество и водворить въ отечествѣ образованіе европейское, однако на основахъ національныхъ, съ сохраненіемъ своей самостоятельности и уваженія къ родной странѣ и ея исторіи. Осмѣивая разные невѣжественные толки о значеніи и пользѣ наукъ, «Живописецъ» прекрасно обрисовываетъ нѣкоторыя типическія черты, выхваченныя имъ изъ тогдашняго общества: эта умная и мѣткая статья живо напоминаетъ намъ первую сатиру Кантемира («Къ уму своему»). Вотъ она:

«О времена! блаженныя времена, въ которыя не учась грамотѣ становимся грамотѣями! Нѣкоторые ненавистники письмянъ новаго вкуса утверждаютъ, что ко всякому сочиненію потребенъ разумъ, ученіе, критика, разсужденіе, знаніе россійскаго языка и правилъ граматическихъ. Устыдитесь, государи мои строгіе судьи, устыдитесь своего мнѣнія; оставьте ваше заблужденіе... Вы то проповѣдуете, чего не было, или что вышло уже изъ моды: кто же будетъ вамъ слѣдовать?... Пропади знаніе россійскаго языка, ежели и безъ него можно жить въ большомъ свѣтѣ; а этотъ большой свѣтъ составляютъ почтенные и любезные наши *щеголи* и *щеголихи*. Исчезните правила граматическія! вы только пустое дѣлаете затрудненіе. А ученіе — о, эта ненужная тягость совсѣмъ брошена! Но что я слышу! строгіе, ученые и благоразумные люди негодуютъ, вооружаются противъ меня, хотятъ дѣлать опроверженіе моимъ правиламъ: я пропалъ! Но постойте, государи мои, есть у меня защитники; они за меня отвѣтствовать вамъ будутъ. Благородные невѣжды, вѣтренные щеголи, модныя вертопрашки, на васъ полагаю я надежду; вы держитесь моихъ правилъ, защищайте ихъ: острые ваши языки къ тому способны. И вы, *добрые старички*, вы думаете о наукахъ согласно со мною, но по другимъ только

«причинамъ. Вы разсуждаете такъ : дѣды наши и прадѣды ни-«чему не учились, да жили счастливо, богато и спокойно ; «науки да книги переводятъ только деньги : какая отъ нихъ «прибыль ? одно разоренье ! Дѣтямъ своимъ вы говорите : «рости только великъ да будь счастливъ, а умъ будетъ [1]) — «прекрасное нравоученіе ! неоспоримые доводы ! новая истина «открывается свѣту ! Премудрые воспитатели ! въ вашемъ не-«вѣжествѣ видно нѣкоторое подобіе славнѣйшія въ нашемъ вѣкѣ «человѣческія мудрости Жанъ Жака Руссо : онъ разумомъ, «а вы невѣжествомъ доказываете, что науки безполезны . . .

«Послушаемъ теперь, какъ молодые люди о наукахъ раз-«суждаютъ. Что въ наукахъ, говоритъ *Наркисъ:* астрономія «умножитъ ли красоту мою паче звѣздъ небесныхъ ? Нѣтъ ; «на что-жъ мнѣ она ? Маѳематика прибавитъ ли моихъ дохо-«довъ ? [2]) Нѣтъ; чортъ ли въ ней ! Физика изобрѣтетъ ли но-«выя таинства въ природѣ, служащія къ моему украшенію ? «Нѣтъ ; куда она годится ! Исторія покажетъ ли мнѣ челов-«ка, который бы былъ прекраснѣе меня ? Нѣтъ ; какая-жъ въ «ней нужда ? Географія сдѣлаетъ ли меня любезнѣе ? Нѣтъ ; «такъ она и недостойна моего вниманія. Прочія всѣ науки мо-«гутъ ли произвесть чудо, чтобы красавицы въ меня не влю-«бились ? Нѣтъ, это невозможность ; слѣдовательно для меня

---

[1]) «Соч. Кантемира» (изд. Смирдина), стр. 4:

Живали мы прежъ сего, не зная латынѣ,
Гораздо обильнѣе, чѣмъ живемъ нынѣ,
Гораздо въ невѣжествѣ больше хлѣба жали;
Перенявъ чужой языкъ, свой хлѣбъ потеряли.

Противъ односторонняго мнѣнія, что опытъ житейскій замѣняетъ всякое образованіе, журналъ «Смѣсь» замѣчаетъ: «всѣмъ извѣстно, что, проживъ 60 лѣтъ, не разсуждая ни о чемъ, узнаешь меньше того, кто два года прожилъ съ разсужденіемъ». (Сравни съ стихами Кантемира, сатир. VII, стр. 167—8).

[2]) «Сочин. Кантем.», стр 5 (сатир. I).

«всѣ онѣ безполезны. А о словесныхъ наукахъ и говорить «нечего. Одна только изъ нихъ заслуживаетъ нѣсколько мое «вниманіе: это — стихотворство, да и оно нужно мнѣ тогда «только, когда захочется написать пѣсенку. Я бы началъ обу«чаться оному, да та бѣда, что я не знаю русскаго языка. «Покойный батюшка его терпѣть не могъ; да и всю Россію «ненавидѣлъ, и сожалѣлъ, что онъ въ ней родился. Полно, «этому дивиться нечему; она и подлинно это заслуживаетъ: «человѣкъ съ моими достоинствами не можетъ найдти счастія! «То, что имѣю я, другой почелъ бы счастіемъ; но для меня «этого мало. О, Россія, Россія! когда научишься ты позна«вать достоинства людскія? Такъ разсуждаетъ Наркисъ; до«стоинства его слѣдующія: танцуетъ прелестно, одѣвается «щегольски, поетъ какъ ангелъ; красавицы почитаютъ его «*Адонидомъ*, а солюбовники *Мартомъ*, и всѣ его трепещутъ; «да и есть чего и страшиться, ибо онъ уже принялъ нѣсколько «уроковъ отъ французскаго *шпагобойца;* къ дополненію его «достоинствъ: играетъ онъ во всѣ карточныя игры совер«шенно, а притомъ разумѣетъ по французски. Не завидный ли «это молодецъ? не совершенный ли онъ человѣкъ? Читатель, «скажи мнѣ на ухо, каковы будутъ дѣти *Наркисовы?* *).

«*Худовоспитанникъ* говоритъ: науки никакой не могутъ мнѣ «принести пользы; я опредѣлилъ себя къ военной службѣ, и я «имѣю уже офицерскій чинъ. Науки сдѣлаютъ ли меня смѣ«лѣе? прибавятъ ли мнѣ храбрости? сдѣлаютъ ли исправнѣй«шимъ въ моей должности? Нѣтъ; такъ они для меня и не«годятся. Вся моя наука состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть кри«чать: пали! коли! руби!.. Науки да книги умягчаютъ серд«це, а отъ мягкосердечія до трусости одинъ только шагъ...

«*Кривосудъ*, получа судейскій чинъ, говоритъ: по наукамъ

---

*) См. «Сочин. Кантем.», стр. 9 (сатир. 1).

«ли чины раздаются? я ничему не учился, и не хочу учиться; «однакожъ я судья. Моя наука теперь въ томъ состоитъ, «чтобы знать наизустъ всѣ указы и, въ случаѣ нужды, умѣть «ихъ употреблять въ свою пользу. Науками ли получаютъ «деньги? науками ли наживаютъ деревни? науками ли пріо-«брѣтаютъ себѣ покровителей? науками ли доставляютъ себѣ «въ старости спокойную жизнь? науками ли дѣлаютъ дѣтей «своихъ счастливыми? Нѣтъ! такъ къ чему же онѣ годятся? «Будь учоный человѣкъ, хотя семи пядей во лбу, да попадись «къ намъ въ приказъ; то переучимъ мы его на свой салтыкъ, «буде не захочетъ ходить по міру. О науки! науки! безполез-«ная тяжесть. О учоные! учоные! вы-то прямые дураки.

«*Щеголиха* говоритъ: какъ глупы тѣ люди, которые въ «наукахъ самыя прекрасныя лѣта погубляютъ. *Ужесть* какъ «смѣшны учоные мущины; а наши сестры учоныя — о! онѣ-«то совершенныя дуры. *Безпримѣрно*, какъ онѣ смѣшны! Не «для географіи одарила насъ природа красотою лица; не для «маѳематики дано намъ острое и проницательное понятіе; не «для исторіи награждены мы плѣняющимъ голосомъ; не для «физики вложены въ насъ нѣжныя сердца. Для чего же ода-«рены мы сими преимуществами? — чтобъ были обожаемы. «Въ словѣ: *умѣть нравиться* — всѣ наши заключаются нау-«ки. За науки ли любятъ насъ до безумія; наукамъ ли въ «насъ удивляются? науки ли въ насъ обожаютъ? — Нѣтъ, «право нѣтъ. Пусть явится учоная женщина въ общество ще-«голихъ: никто съ нею и слова не промолвитъ; а если она «заговоритъ сама, то всѣ мущины зѣвать станутъ. И что-жъ «она тѣмъ выиграетъ? не больше какъ назовутъ ее учоною «женщиною, и то такіе люди, которыхъ самихъ называютъ «*педантами*. Прекрасная побѣда! безпримѣрно какъ слав-«на! Учоная женщина! учоная женщина! фуй! какъ это *не-«ловко*. Напротивъ того, ежели пріѣду я въ такое собраніе,

«то въ мигъ окружатъ меня всѣ мущины. Станутъ наперерывъ «хвалить меня: одинъ удивляется красотѣ моего лица, другой «хвалитъ руки, третій — станъ; иной походку, тотъ пріят-«ность моего голоса, иной превозноситъ нѣжность моего «вкуса въ нарядахъ; словомъ сказать, ни одна изъ бездѣлокъ «моихъ даже до булавки не останется, чтобы не была расхва-«лена. Всѣ кричатъ: вотъ прекрасная, пріятная и любезная «женщина; вотъ чудесное произведеніе природы! вотъ совер-«шенное ея сотвореніе: она мила какъ ангелъ! Разумѣется, «что всѣ такія слова безъ проводника идутъ къ сердцу. Не «успѣю я осмотрѣться, какъ уже тысячи найду обожателей. «Одинъ говоритъ, что онъ хотѣлъ бы быть вѣчно моимъ слу-«гою, лишь бы могъ имѣть счастіе всегда меня видѣть. Какъ «это много! *безпримѣрно* много! Изъ благороднаго человѣка «хочетъ сдѣлаться слугою для того только, чтобъ чаще на «меня смотрѣть и удивляться. Другой говоритъ, что онъ «оставилъ бы престолъ всего свѣта, лишь бы могъ быть мо-«имъ любимымъ невольникомъ. Ужасная мысль! годится хоть «въ трагедію; по счастію, что онъ еще не король, а то бы и «въ истину онъ такъ сдурачился... Слыша это, какъ не вос-«хищаться? Какъ за учтивости не платить ласкою? Я такъ и «поступаю: съ однимъ поговорю, другаго похвалю, на третьяго «брошу взглядъ, поражающій его сердце, и такъ далѣе. Я ни «одному ничего не обѣщаю, но однакожъ всѣхъ ихъ къ себѣ «привязываю. *Ужесть* какъ завидно состояніе красавицы, и «какъ *безпримѣрно* жалко — учоной женщины!

«*Молокососъ* говоритъ: я не хочу тратить времени для на-«укъ; онѣ мнѣ не нужны. Чины получаю я по милости моего «дядюшки, гораздо еще преимущественнѣе предъ тѣми, кото-«рые въ наукахъ погубили молодыя свои лѣта. Деньги на мое «содержаніе жалуетъ мнѣ батюшка, а когда не достаетъ «оныхъ, тогда забираю въ долгъ, и мнѣ вѣрятъ...

«*Волокита* разсуждаетъ такъ: какая польза мнѣ въ нау-
«кахъ? науками ли приходятъ въ любовь у прекраснаго пола?
«науками ли имъ нравятся? науками ли упорныя побѣждаютъ
«сердца? науками ли украшаютъ лобъ? науками ли торже-
«ствуютъ надъ солюбовниками? — Нѣтъ; такъ онѣ для меня
«и не годятся. Моя наука состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть
«одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ[1]), говорить
«всякія трогающія бездѣлки, воздыхать кстати, хохотать гром-
«ко, *сидѣть разбросану*, имѣть пріятный видъ, плѣняющую
«походку, быть *совсѣмъ развязану;* словомъ, дойти до того,
«чтобъ называли *шалуномъ* тѣ люди, которыхъ мы дураками
«называемъ. Когда можно до этого дойти, то это значитъ —
«дойти до совершенства въ моей наукѣ»[2]).

Невѣжество, проповѣдовавшее противъ образованія, по указанію нашихъ сатириковъ, было двоякое: одни смотрѣли на науку со стороны матеріальной пользы, и если познанія не вели къ непосредственному и для всѣхъ наглядному удовлетворенію первоначальныхъ житейскихъ нуждъ, то объявляли ихъ безплодными и ссылались при этомъ на примѣръ предковъ, которые и не учась жили не беднѣе нашего; другіе, подъ вліяніемъ французскихъ нравовъ, все значеніе воспитанія полагали въ усвоеніи внѣшняго лоска, въ умѣньи держаться въ обществѣ, въ ловкости пріемовъ и въ легкомъ изученіи тѣхъ искусствъ, какія признавались модою за необходимыя; знанія серьёзныя и основательныя считали они излишнимъ и вмѣстѣ скучнымъ бременемъ. Вооружаясь противъ подобныхъ предразсудковъ, журналы должны были и дѣйствительно обратили самое живое вниманіе на методу *воспитанія*, какъ на основу общественнаго блага и въ настоящемъ и въ будущемъ. «Пріятное съ Полезнымъ» воспользовалось съ этою цѣлью

---

[1]) См. «Сочин. Кантем.», стр. 7 (сатир. 1).

[2]) Ч. 1 (изд. 2), стр. 15—26.

англійскимъ изданіемъ «Юношеской библіотеки» и помѣстило на своихъ страницахъ теоретическія статьи: *о воспитаніи*, *о наукахъ*, *преимущественныя дарованія женщинъ для воспитанія дѣтей*, *о путешествіи* (для образованія) *въ чужіе краи*. Этими статьями «Пріятное съ Полезнымъ» думало установить болѣе-правильный взглядъ на вопросы о воспитаніи. Пренебрегать воспитаніемъ (говоритъ названный нами журналъ) есть явная несправедливость, отъ которой терпитъ цѣлое общество; съ самаго малолѣтства надобно вкоренять въ юное сердце понятія чести и справедливости; надобно внушать дѣтямъ наклонность къ труду, «ибо ничто такъ не оказываетъ благородства духа, какъ безпрестанное упражненіе»; надобно пріучать ихъ къ человѣколюбію, и для того обращаться съ ними кротко. «Если кто хочетъ сдѣлать своихъ дѣтей «честными людьми, тотъ долженъ быть имъ истиннымъ роди«телемъ, а не строгимъ и жестокосердымъ судьею. Надлежитъ «имъ доказать, что ихъ любишь; ибо когда они въ томъ удо«стовѣрятся, то и тебя взаимно любить будутъ. По сей къ «тебѣ любви они станутъ почитать твою надъ ними власть... «за дѣйствіе твоей къ нимъ горячности, и твои повелѣнія бу«дутъ принимать за совѣты, ведущіе ихъ къ благополучію. «Они тебя будутъ бояться не такъ, какъ властелина, но какъ «любезнаго друга, коего почитаютъ и опасаются оскор«бить»*).

Послѣ преобразованій, совершенныхъ Петромъ Великимъ, въ обществѣ нашемъ долгое время замѣчалась странная и пестрая смѣсь старины съ новизною. Пышныя моды, роскошь и свободные нравы, напоминавшіе Парижъ и Лондонъ, стояли рядомъ съ пристрастіемъ къ старымъ обычаямъ и суевѣріямъ

*) І-й полумѣс., стр. 5—6; VIII полумѣс., стр. 11—12; IX полумѣс., стр. 9.

и съ мелочною бережливостью, которая учитывала всякую кроху и упускала изъ виду самыя главныя требованія домашней экономіи; утонченная вѣжливость и внѣшній лоскъ французскаго общежитія встрѣчались съ самыми угловатыми и наивно-грубыми формами. Подъ вліяніемъ этихъ характеристическихъ особенностей, воспитаніе главнымъ образомъ представляло два совершенно-различныя явленія: оно или оставалось вѣрнымъ преданіямъ и правиламъ допетровской старины, или преклонялось предъ новостью и блескомъ чужеземныхъ идей, и въ этомъ послѣднемъ случаѣ по справедливости можетъ быть названо *французскимъ*. И та и другая методы воспитанія имѣли свои хорошія стороны, но еще болѣе недостатковъ. Сатира не могла и не хотѣла оставить эти недостатки безъ обличеній и укоризны.

Люди старинныхъ преданій вѣрили, что опытъ житейскій лучше всякого ученья, и большею частью предоставляли своихъ дѣтей матери-природѣ. О воспитаніи немного прилагалось заботъ или и вовсе о немъ не было рѣчи, по пословицѣ: «лишь бы здоровъ былъ Иванушка да счастливъ, а умъ будетъ — всему самъ научится»! [1]). У насъ, говорили старики, изстари положено: для дворянина — шпага, для стряпчаго — перо, *а грамота — для поповъ* [2]). Въ глуши деревень, среди грубой и недѣятельной жизни, выростали баричи, съ самыхъ нѣжныхъ лѣтъ привыкая къ скопидомству и праздности. Окруженные толпою мамъ, нянекъ, шутихъ [3]) и прочей дворни, они рано знакомились съ примѣрами несовсѣмъ поучительными, о чемъ еще Кантемиръ отзывался съ горькимъ

---

[1]) «Всяк. Всяч.», стр. 264.

[2]) «Живопис.», ч. I (изд. 2), стр. 181.

[3]) «Трут.» 1769, стр. 19. «Соч. Екатерины II», ч. II, стр. 33 (изд. Смирдина).

чувствомъ: «слуги суть язва дѣтей!»[1]). Учить грамотѣ начинали поздно, и вообще учили мало и плохо, такъ что, по отзыву «Трутня», во всей Руси немного было такихъ, которые умѣли бы правильно писать[2]). Учителями обыкновенно назначались пономарь, дьячокъ, иногда грамотный дворовый человѣкъ, и ученье ограничивалось чтенiемъ часослова, четiй-миней и библiи[3]). «Трутень» разсказываетъ о помѣщикѣ, владѣльцѣ 3000 душъ, который ѣздилъ въ Москву искать пятнадцатилѣтнему своему сыну учителя, но, не прiискавъ, возвратился домой и поручилъ воспитанiе недоросля приходскому дьячку, «человѣку весьма дородному»[4]). Если случалось, что сыновей начинали учить съ пятнадцати лѣтъ, то, конечно, и дочерей не ранѣе сажали за книгу. Въ письмѣ уѣзднаго дворянина къ сыну Ѳалалею читаемъ: «Сестра твоя «Варя посажена за грамоту; батько Иванъ самъ ей началъ «азбуку въ ея имянины; ей минуло пятнадцать лѣтъ! пора, «другъ мой, и объ этомъ подумать; вить ужь скоро и женихи «станутъ свататься, а безъ грамоты замужъ ее выдать не «годится: и указа самой прочесть нельзя»[5]). Впрочемъ, изъ «Недоросля» и другихъ комедiй мы узнаемъ, что существовало мнѣнiе, по которому и вовсе почиталось излишнимъ учить дѣвушекъ грамотѣ[6]).

---

[1]) «Сочин Кантем.», стр. 176 (изд. Смирд.).

[2]) «Трут.» 1769, стр. 50.

[3]) «Живопис.», ч. I (изд. 5), стр. 11. «Смѣсь», стр. 219: «вы «легко можете догадаться, что меня воспитывали такъ, какъ воспитывають подобныхъ мнѣ дворянъ. Вѣрной батюшкинъ слуга, котораго «я и теперь люблю, былъ моимъ учителемъ. Онъ меня выучилъ читать и писать». «Трут.» 1769, стр. 114.

[4]) 1769, стр. 125.

[5]) «Живопис.», ч. I (издан. 2), стр. 107—8.

[6]) *Простакова:* «Вотъ до чего дожили: къ дѣвушкамъ письма пишутъ! дѣвушки грамотѣ умѣютъ!» («Соч. фонъ-Визина», стр. 94.) Въ комедiи (въ 1 дѣйств. Москва, въ универс. тип. 1779 г.) «Подража-

Вотъ что̀ разсказываетъ о воспитаніи подобнаго рода «Всякая Всячина»:

«Мѣсто, въ которомъ я взросъ и провождалъ первыя лѣта «мои, недалеко лежитъ отъ Епифани, и хотя не болѣе тридцати верстъ, однако я никогда въ семъ городѣ не бывалъ... «Провождая дни свои въ деревнѣ, былъ воспитанъ бабушкою, «которая любила меня чрезвычайно. Первыя мои лѣта упраж-«нялся я, проигрывая съ крестьянскими робятами цѣлые дни «на гумнѣ; часто случалося, что бивалъ ихъ до крови, и когда «приходили они къ учителю моему (который былъ старый дья-«чекъ нашего прихода) жаловаться, то онъ отгонялъ ихъ. Ба-«бушка моя подъ жесточайшимъ гнѣвомъ запретила ему ниже «словомъ не огорчать меня. Итакъ неудивительно, что учи-«тель, не хотя потерять ея милости и навлечь на себя гнѣвъ «ея, точно ея приказу послѣдовалъ. Имѣя столь хорошаго по-«кровителя, не глядѣлъ я ни на кого. Когда отецъ мой отва-«живался меня бранить, то я, расплакавшись, бѣжалъ къ ба-«бушкѣ и матушкѣ на него жаловаться, и онѣ говорили мнѣ,

---

тель» *Скопидомова* говоритъ: «Вотъ, муженекъ что отъ проклятой грамоты вышло. Говорила я тебѣ: эй, не учи дѣвку читать да писать; эй, худо будетъ. А ты умничалъ: дурно де не умѣть дѣвкѣ грамотѣ; она де у меня счеты переписывать будетъ. Вотъ тебѣ и счеты!» (Стр. 37). Въ комедіи «О, время!» *Чудихина:* «Кабы у меня дочь была, «меньше бы и я имѣла заботы. На что дѣвку учить грамотѣ? имъ ни «къ чему грамота не надобна: меньше дѣвка знаетъ, такъ меньше «вретъ.. Да полно что! ныньче и дѣвокъ-то всему, сказываютъ, въ «Питерѣ учатъ... Быть добру!» («Сочин. Екатер. II», изд. Смирд., ч. II, стр. 51—52). Въ той-же комедіи Мавра разсказываетъ о Христинѣ, внучкѣ *Ханжахиной* (ibid., стр. 29): «Она ничему не учена, и «грамотѣ украдкою у меня училась, для того что бабушка ея всегда «боялась, чтобъ она, научась грамотѣ, не стала писать любовныхъ «писемъ. Никого она не видала, и до 12 лѣтъ и платья не знала, а «бѣгивала, для легкости, всегда въ одной сорочкѣ; когдажъ пріѣзжи-«вали посторонніе къ намъ люди, то прятали ее въ спальнѣ за «печкою».

«гладя по головѣ и утирая слезы: плюнь на него, другъ мой;
«не слушай его: эдакой отецъ! не стоишь ты имѣть такого сы-
«на! Такимъ образомъ достигъ я *тринадцатаго* года, и хотя
«учитель мой, дьячекъ, былъ у меня четыре года, однако съ
«нуждою могъ я разбирать букварь и марать дурныя буквы.
«Со всѣмъ тѣмъ бабушка дивилась разуму моему и не могла до-
«вольно приписать похвалъ моему понятію. Въ то время отецъ
«мой предложилъ ей, чтобъ взять для меня учителя *францу-*
«*за*... Предложеніе сіе ей не полюбилось, и она никогда не
«хотѣла согласиться отдать меня въ руки, какъ она сказыва-
«ла, басурману... Итакъ прошелъ еще годъ, которое время
«проводилъ я, рѣзвяся съ дѣвками и играя со слугами въ
«карты». Разными обѣщаніями упорство бабушки было ослаб-
лено, и наконецъ выписали изъ Москвы учителя-француза.
«Азбука стала мнѣ становиться скучна, онъ (учитель), видя
«то, прежде мнѣ выговаривалъ, а потомъ началъ и принуж-
«дать. Поступокъ сей мнѣ не полюбился, и въ одинъ день,
«какъ онъ, не могши стерпѣть больше моего упрямства, уда-
«рилъ линейкою по рукѣ, закричалъ я такъ, какъ будто бы меня
«рѣзали. На крикъ мой сбѣжались бабушка, матушка и всѣ ня-
«нюшки, и спрашивали меня, что за причина моему крику? Я
«сказалъ имъ, что учитель хотѣлъ меня убить до смерти и пе-
«реломилъ мнѣ линейкою руку. Желалъ бы я, чтобъ могъ из-
«образить ярость, овладѣвшую сими женщинами. Онѣ бранили
«бѣднаго учителя всѣми ругательствами, какія только злоба
«ихъ могла выдумать; наконецъ бросились на него, и еслибъ
«онъ не ускорилъ спрятаться у моего отца, то бъ, конечно,
«выцарапали ему глаза. — Ахъ, проклятой! кричала бабуш-
«ка, изувѣчилъ бѣдное дитя! Вонъ изъ моего дома!..»
Французъ былъ прогнанъ. «Послѣ сего учителя были у меня
«еще двое, которыхъ такимъ же образомъ согнали. Потомъ

«записалъ меня отецъ мой въ службу»[1]). Приведенный нами разсказъ живо напоминаетъ фонъ-Визинскаго «Недоросля» и особенно ту сцену, въ которой Еремеевна, защищая Митрофана, приготовилась показать Скотинину свои *зацѣпы*. Митрофанъ выросъ также среди дворни и также, не научившись ровно ничему, записанъ на службу; но что̀ могла выиграть служба отъ подобныхъ недорослей?

Вотъ другая картина воспитанія, нарисованная «Всячиною»: «Поѣхалъ я однажды ко другу моему, и не нашедъ его до-«ма, вошелъ къ женѣ... въ дѣтскую и увидѣлъ ее посреди «четырехъ дѣтей. Самый маленькій заплакалъ, и чтобъ его «растѣшить, мама заставила его платкомъ бить няню. Сія «притворилася, будто плачетъ, а мама приговаривала: хоро-«шенько, батюшка, хорошенько дуру бей; она, видишь, дитяти «досадила. Дитя же старалося крѣпко ударить няню, и чѣмъ «крѣпче било, тѣмъ няня болѣе притворно ревѣла, а дитя «тому смѣялося. Погодя, другое дитя упало: мать ему велѣла «плюнуть на полъ и топтать ногою то мѣсто, гдѣ онъ спотык-«нулся. Я подошелъ къ матери и сказалъ ей на ухо: Степа-«нида Богдановна, боишься ли Бога, что позволяешь мамѣ по-«важивать сына бить людей и смѣяться воплю, да лгать при-«томъ, будто няня досадила ему... Какое онъ можетъ полу-«чить воображеніе о справедливости?... Она мнѣ на то от-«вѣтствовала: ихъ, батька! ты всегда умничаешь; будто тоже «и съ тобою и со мною не было; какъ же инако съ робятами «быть?... Я оглянулся и увидѣлъ, что третье дитя щиплетъ «щенка, а возлѣ него большенькій пугаетъ канарейку, бивъ «рукою по клѣткѣ; птичка же бѣдненькая билася изъ угла въ «уголъ»[2]).

---

[1]) Стр. 241—4.

[2]) Стр. 451—3.

Такъ съ самыхъ раннихъ и нѣжныхъ лѣтъ дѣти, отданныя на руки глупыхъ мамъ и нянюшекъ, шутя и забавляясь, привыкали къ той грубости нравовъ, которая прежде всего обнаруживалась на животныхъ и игрушкахъ, а потомъ, въ болѣе взрослые годы, получала и болѣе широкое и болѣе вредное примѣненіе. Какъ только ребенокъ начиналъ подростать, его окружали роемъ дворовыхъ мальчишекъ и дѣвчонокъ, и конечно худые примѣры не могли не отозваться худыми послѣдствіями. Въ письмѣ уѣзднаго дворянина къ сыну Ѳалалею читаемъ: «мы съ дядею твоимъ поговорили довольно, сидя подъ «любимымъ твоимъ дубомъ, гдѣ, бывало, ты въ молодыхъ лѣ-«тахъ забавлялся: вѣшивалъ собакъ на сучьяхъ, которыя худо «гоняли за зайцами, и сѣкалъ охотниковъ за то, когда собаки «ихъ перегоняли твоихъ. Куда какой ты былъ проказникъ съ «молоду! Какъ, бывало, примешься пороть людей, такъ крикъ «такой и хлопанье, какъ будто за уголовье въ застѣнкѣ сѣ-«кутъ: таки, бывало, животики надорвешь со смѣха»*). Вотъ другое, неменѣе-любопытное указаніе, встрѣчаемое въ одномъ сатирическомъ письмѣ на страницахъ «Живописца»:

«Отецъ мой дворянинъ, живучи съ малыхъ лѣтъ въ дерев-«нѣ, былъ человѣкъ простаго нрава и сообразовался во всемъ «древнимъ обычаямъ; а жена его, моя мать, была сложенія «тому совсѣмъ противнаго, отъ чего нерѣдко происходили «между ними несогласія, и всегда другъ друга не только вся-«кими бранными словами, какія вздумать можно, ругали, но «не проходило почти того дня, чтобы они между собою не «дрались, или бы людей на конюшнѣ плетьми не сѣкли. Я, бу-«дучи въ домѣ ихъ воспитыванъ и имѣя вседневно въ глазахъ «таковые поступки моихъ родителей, чрезмѣрную возъимѣлъ

---

*) «Живопис.», ч. I (изд. 2), стр. 166. См. также «Всяк. Всячину», стр. 135.

«къ онымъ склонность, и положилъ за правило себѣ во всемъ «онымъ послѣдовать. Намѣреніе мое было гораздо удачно; «ибо я въ скорое время къ удивленію всѣхъ домашнихъ уже «совершенно выражалъ всѣ тѣ бранныя слова, которыя бы-«вало отъ родителей своихъ слышу; а что до тиранства при-«надлежало, то уже въ томъ и родителей своихъ превосхо-«дилъ, хотя и они въ семъ искусствѣ гораздо не плохи были: «ибо одинъ разъ батюшка за недоимку 35 душъ..... а «матушка еще и того болѣе безчеловѣчнымъ наказаніемъ «на......., какъ узнала, что нѣкто изъ крестьянъ пере-«шибъ ногу любезной ея собачкѣ. Отецъ мой хотя прав-«да былъ недалекаго разума, однако разбиралъ понемногу «четьи-минеи и другія церковныя книги; матушка же моя на «смерть тѣхъ книгъ не любила, потому что она дѣвицею вос-«питана въ городѣ; да рѣдко имѣла досугъ читать и француз-«скія, потому что вседневно ходила слушать очистки кресть-«янъ, во что ужь батюшка мой никогда и не мѣшался, а «только, бывало, по приговору матушки сѣчетъ крестьянъ. А «какъ я уже приходилъ лѣтъ подъ десятокъ, и батюшка мой «началъ преподавать мнѣ первыя начала россійскія грамоты, «то матушка, любя меня чрезмѣрно и опасаясь, чтобъ отъ «таковаго упражненія голова у меня не разломилась, или бы «по времени не повредился я умомъ, всегда меня отъ книги «отрывала, и не разъ за то бранивала батюшку, что онъ меня «къ тому неволилъ. Книга, если правду сказать, мнѣ и са-«мому въ то время гораздо несносною казалася, и я, не при-«мѣтя еще хорошо, почему различать *А* отъ *Д*, столько оную «вымаралъ, что батюшка мой и самъ почасту не распознавалъ «буквъ... Матушка моя, пришедши изъ конюшни, въ кото-«рой, по обыкновенію, ежедневно дѣлала расправу крестья-«намъ и крестьянкамъ, читаетъ, бывало, французскую любов-«ную книжку и мнѣ всѣ прелести любви и нѣжность любезнаго

«пола по-русски ясно пересказываетъ: отъ сего по тринадцатому году возраста моего родилась во мнѣ та сильная «страсть, о которой не только знать, но и говорить моихъ «лѣтъ ребятамъ за стыдъ и неприличное дѣло почитаютъ»[1]). Такая странная примѣсь свободныхъ французскихъ нравовъ, неудачно-вычитанныхъ изъ любовныхъ романовъ, и рядомъ съ этимъ грубое невѣжество стараго времени весьма ловко и характерно рисуютъ описываемую эпоху.

Приведенныя нами свидѣтельства сатирическихъ журналовъ прекрасно подтверждаются записками Данилова и Болотова[2]). Даниловъ разсказываетъ о своемъ ученьи у сельскаго пономаря Брудастаго: «приходилъ я учиться къ Брудастому очень «рано, въ началѣ дня, и безъ молитвы дверей отворить, по«куда мнѣ не скажетъ *аминь*, не смѣлъ. Памятно мнѣ мое «ученіе у Брудастаго и поднесь, по той, можетъ быть, при«чинѣ, что часто меня сѣкли лозою. Я не могу признаться «по справедливости, чтобъ во мнѣ была тогда лѣность или «упрямство, а учился я по моимъ лѣтамъ прилежно, и учитель «мой задавалъ мнѣ урокъ учить весьма умѣренный, по моей «силѣ, который я затверживалъ скоро; но какъ намъ, кромѣ «обѣда, никуда отъ Брудастаго отпуска ни на малѣйшее время «не было, а сидѣли на скамейкахъ безсходно и въ большіе «лѣтніе дни великое мученіе претерпѣвали, то я отъ таковаго «всегдашняго сидѣнія такъ ослабѣвалъ, что голова моя дѣла«лась безпамятна и все, что̀ выучилъ прежде наизустъ, при «слушаніи урока въ вечеру, и половины прочитать не могъ». Все образованіе Данилова ограничилось азбукою, часословомъ

---

[1]) Ч. I (изд. 2), стр. 128—130.

[2]) «Записки артиллеріи-майора М. В. Данилова», написанныя имъ въ 1771 году (М. 1842 г.), стр. 26, 38—44; Даниловъ родился въ 1722 году. «Записки Болотова» смотри въ «Отеч. Записк.» 1850 г., № 5.

и псалтырью. Болотовъ нарисовалъ вѣрную и яркую картину деревенской жизни (1753—4 годовъ), проведенной имъ въ нѣжные годы отрочества въ праздности, среди игръ съ крестьянскими ребятишками. Такое согласіе литературныхъ показаній съ разсказами современниковъ ручается за ихъ достовѣрность и даетъ разбираемымъ нами журналамъ все значеніе и занимательность матеріала историческаго.

Кромѣ вышеупомянутыхъ учителей, въ городахъ бывали еще такъ называемые *ма̀стеры*, изстари извѣстные на Руси; они учили у себя на дому чтенію и письму; метода ученія нисколько или весьма малымъ отличалась отъ методы Брудастаго. Журналы не оставили безъ вниманія и этихъ «мастеровъ»; на страницахъ журнала «И то и сё» находимъ слѣдующій любопытный разсказъ:

«Я взросъ въ томъ городѣ, въ которомъ родился... Училъ «меня русской грамотѣ *россійской мастеръ*, у котораго отъ «утра и до вечера каждой день пропѣвалъ я: азъ, буки, вѣди «и проч., какъ-будто-бы по нотамъ, и кричалъ съ робятами «во весь голосъ; ибо въ нашемъ городѣ такое обыкновеніе, «что крикъ отъ учениковъ можно услышать и въ другомъ при«ходѣ. Отчего въ вечеру выходили мы отъ мастера такъ«какъ шальные; раскричимъ себѣ головы, и кажемся добрымъ «людямъ такими, которые недавно освободились отъ сильнаго «угару. Однако сіе не мѣшало намъ препроводить остатокъ дня «въ рѣзвости и гуляньи, а домой приходили мы всегда вмѣстѣ «съ ночью. Имѣлъ я много у себя соучениковъ... (Одинъ «изъ нихъ) былъ богатаго купца сынъ, лѣтами не гораздо «старъ, и считали ему не болѣе, какъ 24 года отъ рожде«нія его. Училъ онъ въ то время азбуку и часословъ вмѣстѣ, «по причинѣ той, что если устремитъ онъ всѣ свои мысли къ «часослову, то, конечно, позабудетъ всю азбуку, и не узнаетъ «послѣ и аза въ глаза. Такимъ образомъ велитъ ему мастеръ

«отложить часословъ въ сторону и мѣсяца четыре протвер-
«живаетъ съ нимъ азбуку, а потомъ начинаетъ учить часо-
«словъ. До меня учился онъ три года, и слышалъ я, что онъ
«и нынѣ ни читать, ни писать не умѣетъ. Родители его лю-
«били несказанно горячо, и ни о чемъ больше мастера не
«упрашивали, какъ только о томъ, чтобы онъ не только что
«не билъ любезнаго ихъ сынка, но никогда и не стращалъ бы
«его; а сынокъ ихъ, сидя у мастера между нами... вырѣзы-
«валъ изъ бумаги уточекъ и жаворонковъ и чертилъ журавлей
«и зайчиковъ, дѣлалъ сидя хлопушки и изгибалъ перышки, ко-
«торые оттого припрыгивали сами, и между робятами назы-
«ваются *скакунами*, и не только что самъ не учился, но и
«намъ мѣшалъ много, и нѣкоторыхъ доводилъ и до побоевъ.
«Мастеръ нашъ былъ человѣкъ постоянной и экономію дома
«своего наблюдалъ строго, такъ-что всякой ученикъ долженъ
«былъ ему принести каждой дванадесятой праздникъ по нѣ-
«скольку денегъ, а сіе приносится сверхъ ряды, которая над-
«лежитъ за науку; впрочемъ, хотя онъ и не научитъ больше,
«какъ читать и писать безъ толку и безъ смыслу, но почи-
«тается мастеромъ и беретъ за науку весьма дорого»*).

Были, конечно, и между поклонниками старины люди, понимавшіе потребность болѣе-серьёзнаго образованія и, по примѣру высшаго круга общества, возлагавшіе всѣ свои надежды на иноземныхъ гувернёровъ; но чтобъ выбрать достойнаго наставника, имъ бо̀льшею частью не доставало ни нужныхъ свѣдѣній, ни средствъ. Но если и замѣтно было въ нѣкоторыхъ лицахъ это — хотя невольное и малосознанное — уваженіе къ образованію, за-то попадались и такіе отцы, которые прямо объявляли себя противниками всякаго образованія, почитая из-

*) Недѣля 42. Сличи съ разсказомъ М. С. Щепкина («Комета», альманахъ).

держки на воспитаніе дѣтей излишнею тратою и мотовствомъ; по какому-то странному убѣжденію они увѣряли, что «кто много знаетъ, тотъ уже отцу и матери не кормилецъ». Журналъ «И то и сё» разсказываетъ о такихъ отцахъ, которые сердились, когда дѣти просили нанять имъ учителя, и для вящщаго увѣщанія прибѣгали къ ременной плёткѣ*).

Какія послѣдствія могли быть плодомъ подобнаго воспитанія? Разумѣется, самыя печальныя. «Живописецъ» въ прекрасной статьѣ, подъ заглавіемъ: *Слѣдствія худаго воспитанія*, яркими красками обрисовываетъ тотъ общественный вредъ, какой порождается невниманіемъ къ дѣтямъ, поблажкою и распущенностью:

«Какъ я отъ рожденія моего не зналъ, что есть стыдъ, и «мнѣ про то никто не толковалъ, а меньше еще того разумѣлъ «о неприличности, то, устремя всѣ мысли свои къ любви... «влюбясь въ комнатную дома нашего дѣвку, обладающую «всѣми тѣми прелестями, которыя только могутъ плѣнить «нѣжное сердце несчастнаго любовника, и сдѣлался въ короткое время невольникомъ рабы своей. Отъ праздности, въ ко«торой я всѣ дорогіе своей жизни часы препроводилъ и ко«торая, по несмысленности, мнѣ пріятною казалась, произошли «всѣ мерзости исполненныя дѣла, а вольность сдѣлала меня «отважнымъ и наглымъ на всѣ предпріятія. Я спознался съ «сыномъ одного помѣщика, неподалеку отъ нашей деревни жи«вущаго, который воспитанъ былъ не лучше моего, и (былъ) «дѣтина на всѣ руки... Отъ частаго съ нимъ обхожденія на«учился я просиживать цѣлыя ночи, весьма скоро въ игрѣ, въ «пьянствѣ и въ другихъ непостоянныхъ забавахъ преходящія, «и былъ уже совершеннаго знанія во всѣхъ карточныхъ играхъ, «къ погибели своего дома. Отецъ мой, разгнѣвавшись на меня

---

*) Недѣля 2 и 4; см. также письма къ Ѳалалею.

«за таковые мои поступки, выгналъ меня изъ дома и лишилъ «законнаго наслѣдства, а я, не имѣя средства чѣмъ себя про«питать, вдался во всякія неприличныя моему роду дѣла, и «тѣмъ доставлялъ себѣ бѣдное пропитаніе»[1]). На подобные же плоды небрежнаго воспитанія указываютъ и другіе современные журналы[2]), преслѣдуя лѣнивыхъ недорослей, трутней и лежебоковъ, которые жили въ постоянной праздности: гоняли голубей, бѣгали по двору съ собаками и предавались различнымъ порочнымъ наклонностямъ.

Журналы 1769—1774 годовъ представляютъ нѣсколько любопытныхъ картинъ (tableaux de genre) изъ домашней жизни людей, остававшихся вѣрными стариннымъ предразсудкамъ и обыкновеніямъ. Приведемъ эти характеристическіе очерки, чтобы указать, съ одной стороны, въ какомъ кружку и въ какихъ понятіяхъ возрастали новыя поколѣнія, а съ другой — познакомить съ нравами, уже въ то время начинавшими отживать свой вѣкъ.

«Всячина» разсказываетъ объ одной семидесятилѣтней старушкѣ:

«На сихъ дняхъ, любезный читатель, съѣздилъ я къ теткѣ «своей, барынѣ лѣтъ семидесяти... Не успѣлъ я войти въ «двери и ей поклониться, какъ она закричала на меня: ба«сурманъ, какъ ты въ комнаты входишь, да не крестишься?... «Я старался подойти поближе къ кровати, на которой она сидѣ«ла, чтобъ поцаловать у нея руку, но почти непреоборимыя «препятствія между нами находились и лишали меня долго сего «удовольствія. У самой двери, направо, стоялъ превеликій «сундукъ, желѣзомъ окованный; налѣво множество ящиковъ, «ларчиковъ, коробочекъ и скамеечекъ барскихъ барынь. При

---

[1]) Ч. I (изд. 2), стр. 130—132.

[2]) «Всякая Всячина», стр. 231, 245. «И то и сё», недѣля 42.

«концѣ сего узкаго прохода сидѣли на землѣ рядомъ слѣпая, «между двумя карлицами, и двѣ богодѣльницы. Передъ ними «ближе къ кровати лежалъ мужикъ, который сказки сказы- «валъ; одна излишняя за штатомъ монахиня, двѣ внуки ея «родныя, дѣвушки-невѣсты, да дура. Монахиня да внуки отъ «прочихъ были тѣмъ отмѣнены, что онѣ лежали на перинахъ. «У кровати занавѣски были открыты, знатно отъ духоты, ибо «тетушка была одѣта очень тепло: сверхъ сорочки она имѣла «лисью шубу. Нѣсколько старухъ и дѣвокъ еще стояло у «стѣнъ для услугъ, подпирая рукою руку, а сею щеку. Ихъ «недосуги живо изображало растрепанное убранство ихъ головъ «и выпачканное платье. Я заключилъ, что тетка такъ живетъ, «дабы сказать можно было, что у нея въ комнатѣ нѣтъ мѣ- «ста, гдѣ бы не находился православный». Неловкой посѣти- тель не могъ пробраться къ старушкиной постели, не задѣвъ концомъ своей шпаги за тряпицу, которою была оберчена го- лова карлицы. Отъ этого поднялся крикъ и визгъ. «Я еще не «успѣлъ отцѣпить (шпаги), какъ услышалъ, что слѣпая во- «зопила велiимъ голосомъ: ахъ, проклятый! раздавилъ мои «пироги и весь карманъ мой замаслилъ. Тетушка очень осер- «дилася на меня, и сказала: «что ты, шалунъ, ко мнѣ прiѣ- «халъ моихъ домашнихъ передавить? Во Францiи у васъ, «что ли, такой манеръ? Безбожный! на слѣпую напалъ. «Бѣдная такъ радовалась давича пирогамъ, и сколько имъ «укладыванья было! а муракъ ихъ раздавилъ своимъ бѣшен- «ствомъ. Вѣкъ бы ты лучше, мой свѣтъ, ко мнѣ не прiѣз- «жалъ, если только для того ѣздить будешь, чтобы сдѣлать «развратъ въ моемъ домѣ; да и дѣтей перепугалъ: Лиса по- «блѣднѣла совсѣмъ, а Груша и такъ со вчерашняго послѣ- «обѣда не спала». Тутъ Лиса, ея большая внука, впала ей въ «рѣчь, и съ ужимкою молвила: *ужесть*, бабушка-сударыня, «какъ я испугалась! А сестрица чуть жива. Груша на то

«сказала: «ахъ, радость, мочи нѣтъ, умаришь; не магу вздумать, какъ онъ па всѣмъ, па всѣмъ; нѣтъ ушъ, сестрица, «какъ онъ *не важенъ;* права, *ужесть какъ не важенъ!* про- «симъ аставить въ пакоѣ». Я примѣтилъ, что во время сего «разговора обѣ дѣвушки головою вертѣли то на одну, то на «другую сторону, подергивая весьма часто рукою платокъ «шейный подъ бородкою, сидя притомъ очень прямо. Я все «еще не терялъ надежды приближиться къ кровати теткиной, «но стоя въ углу извинялся, какъ могъ... Тетушка прика- «зала поднести мнѣ водки. Я думалъ, что сія минута спо- «собна подойти къ ней; но какъ темно было со стороны кро- «вати, гдѣ я подошелъ, — наклонясь весьма низко, зацѣпилъ «локтемъ столикъ съ изломленною ножкою, на которомъ за- «куски стояли, и уронилъ оный теткѣ на кровать. Здѣсь «дѣвки прибѣжали: одна зацѣпила лампаду.. Тутъ монахиня «прогласила: аминь, аминь, аминь, разсыпься! Тетушка «вышла изъ терпѣнія, и закричала: подай плетей». Посѣтитель поспѣшилъ убраться*).

Обычай окружать себя большою дворнею, приживалками, барскими барынями, дураками и дурами, былъ сильно укорененъ еще въ XVII-мъ столѣтіи; эти приживалки, знакомцы, сказочники и дураки содержались, при всѣхъ богатыхъ домахъ, для развлеченія домохозяевъ и ихъ гостей, или, какъ тогда выражались, для *потѣшнаго дѣла*. «Когда гости пріѣ- «дутъ, то первое слово: позовите дураковъ. Сіе есть са- «мый ласковый пріемъ... Кой часъ дураки войдутъ, то «уцѣпятся другъ другу въ волосы, и кто которому болѣе «выдернетъ клочковъ волосовъ, тому поднесутъ чарку вод- «ки. Хозяинъ обыкновенно хохочетъ тому такъ, что въ «третьей комнатѣ слышно. Знатно, по привычкѣ уже сердо-

*) Стр. 69—72.

«болія нѣтъ; а того и на умъ не придетъ, что и дураки суть «люди. Когда же кто ихъ уйметъ, тогда иные говорятъ: нѣтъ «ничего, они привыкли... Дураки же бываютъ вымараны, «выпачканы, почти наги, а обыкновенно босы; рожи у нихъ «разбиты и пьяны. Если гости чуть станутъ ихъ унимати, «чтобы не дралися, то бросаются на гостей, и тогда бѣги «скорѣе вонъ»[1]). По преданію, въ прихожей Ромодановскаго (князя-цесаря) было завсегда забавно: много шутовъ находилось, и медвѣдица разносила передъ обѣдомъ водку[2]). Чтобъ разсѣять скуку, обыкновенно призывались дураки и дуры или сказочники; чтобъ прогнать у дѣтей безсонницу, заставляли разсказывать имъ на сонъ грядущій разныя сказки[3]).

Вотъ двѣ другія картины нравовъ, представляемыя «Всякою Всячиною»:

«Какъ нынѣ Святая недѣля, то и должно всякій день обскакивать цѣлую Москву. Я, будучи въ мѣстахъ пяти, и не «заставши никого дома, вздумала заѣхать ко праправнучатной «моего дѣдушки племянницѣ, которая хотя была и достаточ-«ный человѣкъ, но прожила весь свой вѣкъ въ деревнѣ. Сія «госпожа пріѣзжала только въ Москву по всякую зиму не-«дѣли на двѣ, для продажи суконъ, понитковъ, холстовъ, ве-«ревокъ, лаптей, кокошниковъ, сухихъ грибовъ и всякихъ «ягодъ, и также, какъ говорила она, чтобы дочери ея пере-«няли московскія моды. Я спросила у моего кучера, можетъ «ли онъ сыскати домъ сей моей родни? на что онъ сказалъ, «что его знаетъ, ибо де недавно купилъ въ семъ домѣ роднѣ

---

[1]) «Всякая Всячина», стр. 225—6. Сочин. Екатер. II, ч. II, стр. 186 (комедія: «Имянины г-жи Ворчалкиной»).

[2]) Сочин. Екатерины II, ч. II, стр. 310 (комедія: «Разстроенная семья»). Смотри также Словарь знаменитыхъ людей Бантышъ-Каменскаго.

[3]) «Смѣсь», стр. 169.

«своей въ деревню кокошникъ. Мы, проѣхавъ множество пе-
«реулковъ, остановились передъ одними воротами, которыя
«были съ обѣихъ сторонъ подперты подставками: въ которое
«время слуга, стоящій назади кареты, прибѣжалъ отворять
«дверцы у оной. Я спросила у него, для чего онъ отворяетъ?
«велѣлъ бы ѣхать прямо на дворъ. На что онъ мнѣ отвѣчалъ,
«что сего учинить никакимъ образомъ не можно; ибо де
«дворъ ихъ наполненъ пріѣхавшими для покупки сѣна роспу-
«сками, которое самъ мой высокопочтенный дядюшка изво-
«литъ вѣсить. Итакъ я принуждена была выйти изъ кареты и
«обмокнуть въ грязи свои башмаки... Когда вошла я на
«дворъ, то стоящій въ разодранномъ тулупѣ любезный мой
«дядюшка не удостоилъ меня, чтобы съ нимъ поцѣловаться,
«по той причинѣ, что не было у него краснаго яйца; а при-
«казалъ босому и въ одномъ пониточномъ камзолѣ проводить
«меня къ тетушкѣ. Двери у передней комнаты столь были
«низки, что я, зацѣпясь, принуждена была спихнуть весь го-
«ловной уборъ*). Тутъ сей босоногой просилъ меня садиться
«на скамейку, а самъ пошелъ докладывати къ тетушкѣ, по-
«чему я и осталась одна, кленя себя за сей проклятый
«пріѣздъ, и сидѣла цѣлый часъ, не дождавшись тетушки.
«Наконецъ изволила она выплыть, и похристосовавшись со
«мною красненькимъ яичкомъ, повела меня въ другую комна-
«ту, гдѣ находились двѣ дѣвки въ тѣлогрѣяхъ и въ связкахъ,
«а изъ нихъ одна домывала полъ, а другая оправливала по-
«стелю. Дородная моя тетушка посадила меня на скамью и
«велѣла кликнуть дочекъ своихъ. А какъ посланная за ними
«дѣвка сказала, что онѣ почиваютъ, то лѣпообразная моя те-
«тушка встала тотчасъ и пошла въ комнату (такъ называла

*) Мода требовала тогда носить чрезвычайно-высокіе головные уборы.

«она стоящій въ боку вымазанный хлѣвъ), въ коей раздавался «великій вопль. Дверь у ней не очень плотно была притво-«рена, а сродное женщинамъ любопытство и побудило меня «посмотрѣть, что̀ дѣлается въ семъ чертогѣ. Тамъ увидѣла «я, что большія изъ ея дочерей убирались, а маленькія дѣт-«ки, коимъ было лѣтъ по 10 и больше, производили играючи «въ куклы и въ кубари ужасный визгъ; на печи же сидѣлъ «слуга и плелъ для продажи лапти, а подъ печкою сидѣли на «яицахъ куры. Наконецъ вывела моя тетушка двухъ въ гре-«зетовыхъ робронтахъ и въ напудренныхъ мукою волосахъ до-«чекъ. Онѣ были чрезвычайно набѣлены, нарумянены и на-«сурмлены, имѣли волосы завитые по мужскому и назади при-«колотыя многочисленныя косы, а сверхъ всего того на голо-«вахъ изъ серебренаго флера лопасти». Всесильная мода прокрадывалась и въ семьи, привыкшія къ мелочной расчетливости и неряшеству деревенской жизни, но въ какомъ неопрятномъ видѣ появлялась она здѣсь! Дѣвицы «поцѣлова-«лись со мною также съ яицами, просили, чтобы я ихъ жа-«ловала. И когда, по разнообразнымъ комплементамъ, всѣ «мы усѣлися, то любезная моя тетушка приказала подать на «*харитончикъ* моченыхъ яблокъ и брусники. А какъ ска-«зала я, что ничего того не хочу, то примолвила она: такъ «не изволишь ли, племянушка, съ дочками моими покачаться «и поскакать на доскѣ? Я ей отвѣтствовала, что качаться «и скакать боюсь; а она сказала на то съ сердцемъ: «куда «какъ ты, свѣтъ мой, великатна, что тебѣ уже съ нашими «дочерьми *невмѣстно* и канпанью водить, а въ этомъ нѣтъ «никакого художества». Мнѣ надобно было извиниться, какъ «можно лучше, почему и сказала я, что не нѣжусь, а боюсь «очень сего упражненія. Радость, сестрица, сказала боль-«шая ея дочь, ты вся по модѣ, да у тебя же и *карасе* въ го-«ловѣ. Я спросила съ удивленіемъ: что-бы такое значило

«харитончикъ и карасе? А меньшая ея дочь на то и отвѣт-«ствовала мнѣ такимъ образомъ: «полно издѣваться, матуш-«ка! ты ужа французскую грамоту знаешь, а не разумѣешь, «что эта значитъ. Вотъ эта, сказала она, указавъ на мой «полумѣсяцъ, называется карасеемъ; а харитончикъ я тебѣ «тотчасъ покажу». Потомъ кликнула она своего босоногаго «лакея и велѣла принести харитончикъ. Почему я и думала, «что принесутъ какого-нибудь мальчика, называемаго Хари-«тономъ. Но разсудите о моемъ удивленіи, ибо въ то время «увидѣла я принесенный на одной ножкѣ круглый столъ, «на которомъ было около пальца толщиною грязи и пыли»... *)

«Пріѣхалъ ко мнѣ братъ мой, и какъ мы узнали, что со-«сѣдъ мой возвратился, пошли оба къ нему пѣшкомъ и взошли «по деревянной лѣстницѣ въ палаты. Но намъ сказали, что «палаты онъ отдаетъ въ наймы, а самъ живетъ въ хоромахъ «на дворѣ. Мы бы принуждены были брести по грязи, смѣ-«шенной съ навозомъ, черезъ весь немощеный дворъ, кото-«рый однако десятины полторы занималъ, если бы хозяинъ, «узнавъ, что мы къ нему идемъ, не выслалъ намъ на встрѣ-«чу на половинѣ пути, изъ учтивости, двухъ досокъ, изъ «которыхъ попеременно, одну послѣ другой, какъ скоро съ «сей на ту ступимъ, передъ нами постилали. Итакъ по мно-«готрудномъ проходѣ мы дошли до гнилаго крыльца. Онъ насъ «самъ встрѣтилъ въ замасленномъ тулупѣ, въ колпакѣ и безъ «обуви, у дверей, въ сѣняхъ величиною съ чуланъ, и ввелъ «насъ черезъ весьма закоптѣлую и ничѣмъ необитую перед-«нюю, которыя единственное украшеніе состояло въ нѣсколь-«кихъ скамьяхъ о трехъ ножкахъ, напослѣдокъ въ комнату, «обитую бумажками. Здѣсь онъ просилъ насъ сѣсть и клик-«нулъ: малый, малый! Сей вбѣжалъ въ епанчѣ; голова

---

*) Стр. 385—9.

«нечесанная, и въ грязныхъ сапогахъ. Но онъ на него закри-
«чалъ: дуракъ, скинь епанчу... и мы увидѣли на немъ сѣ-
«рый суконный изодранный и вымаранный бострокъ съ мѣд-
«ными пуговицами. Принесли намъ соломенные стулья: мнѣ
«достался цѣлый, но братъ мой чуть сквозь стулъ не прова-
«лился, и для того принужденъ былъ сидѣть все время на од-
«номъ краюшкѣ. Самъ хозяинъ сѣлъ поперегъ кровати, по-
«крытой простынями, кои болѣе имѣли видъ сѣрой тафты,
«нежели бѣлаго полотна, и говорилъ намъ: «не прогнѣвайтеся,
«я человѣкъ не молодой; у меня ноги болятъ, я и чулковъ на
«нихъ терпѣть не могу», и, въ доказательство, раскрылъ ту-
«лупъ и показалъ намъ голыя ноги... «Я очень радъ, что
«вы ко мнѣ пришли, чѣмъ-то мнѣ васъ подчивать? горѣлки вы
«не пьете, чаю, а у меня, окромѣ домашняго, ничего нѣтъ».
«Мы поблагодарили ему, и братъ мой началъ... говорить о
«своей нуждѣ. Онъ отвѣтствовалъ: ну, если такъ, прошу
«отобѣдать, и послѣ переговоримъ. Здѣсь онъ приказалъ на
«столъ набрать, а между тѣмъ у насъ спросилъ: чьи мы дѣ-
«ти? и вспомнилъ, что онъ съ молода знался съ нашимъ от-
«цомъ, говоря: вы вить гораздо неубоги; и я бы богатъ былъ,
«если бы всѣ пустоши мнѣ были отданы, о коихъ я дѣлъ имѣю
«съ двадцат разныхъ, а въ тридцати и болѣе я уже полу-
«чилъ отказъ; но я пошелъ въ третью апелляцію, авось-либо
«удастся!.. Послѣ того жаловался на дороговизну здѣшняго
«мѣста, и что домъ ему сталъ дорого. Потомъ пришли ска-
«зать, что кушанье поставлено. Мы сѣли за столъ, покры-
«тый скатертью съ дырами; салфетки же по-крайней мѣрѣ уже
«служили за осмью обѣдами, да за столько-же ужинами. На
«оловянной посудѣ счесть можно было, сквозь сколько рукъ
«она прошла; ибо всякого пальца знакъ напечатлѣнъ на ней
«остался. Я попросилъ пить: принесли мнѣ стаканъ, хотя
«стеклянный, но чистотою подобный посудѣ, съ тѣмъ еще

«прибавленіемъ, что рты, кои изъ него пили, тутъ-же означены были. Старикъ между тѣмъ кушалъ, не останавливаяся, грозя и браня за всякую бездѣлицу слугъ; отчасти и «насъ подчивалъ. Тутъ намъ случай былъ увѣриться, какова «велика есть привычка, ибо то, что намъ казалося гадко и дико, «ему и непримѣтно было... Пришедши домой, услышалъ я, что «онъ ко мнѣ же присылалъ во время обѣда просить соли, яицъ, «пива, уксуса и тому подобнаго, что къ нему по сосѣдству и «отпустили» [1]). «Смѣсь» упоминаетъ о подобномъ же скопидомѣ, который довольствовался одними деревенскими припасами, носилъ платье, доставшееся ему по смерти его предковъ, и даже не поправлялъ сгнившей кровли своихъ хоромъ [2]).

Но ближе и нагляднѣе всего съ людьми стариннаго покроя знакомятъ насъ любопытныя письма, писанныя къ Ѳалалею; конечно, знакомятъ они насъ только съ темными сторонами ихъ характеровъ и убѣжденій, но такова задача сатиры. Выписки, приводимыя нами изъ журналовъ семидесятыхъ годовъ, невполнѣ изображаютъ дѣйствительный бытъ; онѣ схватываютъ только тѣ черты, какія соотвѣтствовали ихъ сатирической цѣли. Свѣтлыхъ сторонъ жизни сатира не могла касаться; но, повторяемъ, ея живая и бойкая насмѣшка надъ недостатками общества не есть ли самое свѣтлое явленіе, которое лучше всякихъ похвалъ говоритъ за нравственное развитіе сатирической эпохи?

Письма къ Ѳалалею были напечатаны въ «Живописцѣ». Приведемъ эти образцовыя комическія произведенія, изобличающія опытное перо:

а) Письмо уѣзднаго дворянина къ его сыну:

Сыну моему Ѳалалею. Такъ-то ты почитаешь отца твоего, заслуженнаго и почтеннаго драгунскаго ротмистра? тому

---

[1]) Стр. 91—95.
[2]) Стр. 123—4.

ли я тебя училъ, и того ли отъ тебя надѣялся, чтобъ ты на старости отдалъ меня на посмѣшище цѣлому городу? Я писалъ къ тебѣ въ наставленіе, а ты это письмо отдай напечатать*). Погубилъ ты, супостатъ, мою головушку! пришло съ ума сойти. Слыханное ли это дѣло, чтобы дѣти надъ отцами такъ ругались! Да знаешь ли ты это, что я тебя за непочтеніе къ родителямъ, въ силу указовъ, велю высѣчь кнутомъ? меня Богъ и государь тѣмъ пожаловали; я воленъ и надъ животомъ твоимъ; видно, что ты это позабылъ! Кажется, я тебѣ много разъ толковалъ, что ежели отецъ или мать сына своего и до смерти убьетъ, такъ и за это положено только церковное покаяніе. Эй, сынокъ, спохватись! не сыграй надъ собою шутки... Петербургъ не за горами, я и самъ могу къ тебѣ пріѣхать. — Ну, сынъ, я теперь тебя въ послѣдній разъ прощаю, по просьбѣ твоей матери; а ежели бы не она, такъ ужь я бы далъ себя знать. Я бы и ее не послушалъ, ежели бы она не была больна при смерти. Только смотри, впредь берегись: вить ежели ты окажешь еще какое ко мнѣ непочтеніе, такъ ужь и не жди никакой пощады... у меня не одинъ мѣсяцъ проохаешь, лишь бы только мнѣ до тебя добраться. Слушай же, сынокъ, коли ты хочешь опять прійти ко мнѣ въ милость, такъ просись въ отставку, да пріѣзжай ко мнѣ въ деревню. Есть кому и безъ тебя служить: пускай кабы не было войны, такъ бы хоть и послужить можно было, это бы свое дѣло; а то вить ты знаешь, что нынѣче время военное; неровно какъ пошлютъ въ армію, такъ пропадешь ни за копѣйку. Есть пословица: Богу молись, а самъ не плошись; уберись-ка въ сторонку, такъ это здоровѣе будетъ. Поди въ отставку, да пріѣзжай домой: ѣшь до сыта, спи сколько хочешь, а дѣла за тобой никакого не будетъ. Чего тебѣ лучше

*) Намекъ на письмо къ Ѳалалею, еще прежде напечатанное въ «Живописцѣ» (ч. I., изд. 2, стр. 105).

этого? За честью, свѣтъ, не угоняешься; честь! честь! худая честь, коли нечего будетъ ѣсть. Пусть у тебя не будетъ Егорья, да будешь ты за то поздоровѣе всѣхъ егорьевскихъ кавалеровъ. Съ Егорьемъ-то и молодые люди частенько похиваютъ, а которые постарѣе, такъ тѣ чуть дышутъ: у кого руки перестрѣляны, у кого ноги, у иного голова; такъ радостно ли отцамъ смотрѣть на дѣтей изуродованныхъ? и невѣста ни одна не пойдетъ. А я тебѣ уже и пріискалъ было невѣсту. Дѣвушка не убогая, грамотѣ и писать горазда, а пуще всего великая экономка: у нее ни синей порохъ даромъ не пропадетъ; такую-то, сынокъ, я тебѣ невѣсту сыскалъ. Дай только Богъ вамъ совѣтъ да любовь, да чтобы тебя отпустили въ отставку. Пріѣзжай, другъ мой; тебѣ будетъ чѣмъ жить и опричь невѣстина приданаго; я накопилъ довольно. Я и позабылъ было тебѣ сказать, что нареченная твоя невѣста двоюродная племянница нашему воеводѣ; вить это, другъ мой, не шутка: всѣ наши спорныя дѣла будутъ рѣшены въ нашу пользу, и мы съ тобою у иныхъ сосѣдей землю обрѣжемъ по самыя гумны: то-то любо! и курицы некуда будетъ выпустить. Со всѣмъ будемъ ѣздить въ городъ: то-то, Ѳалалеюшка, будетъ намъ житье! никто не куркай! Да полно что тебя учить, ты вить не малой уже ребенокъ; пора своимъ умкомъ жить. Ты видишь, что я тебѣ не лиходѣй, учу всегда доброму, какъ бы тебѣ жить было попригоднѣе... Не испугайся, Ѳалалеюшка, у насъ нездорово; мать твоя, Акулина Сидоровна, лежитъ при смерти. Батько Иванъ исповѣдалъ ее и масломъ соборовалъ. А занемогла она, другъ мой, отъ твоей охоты: *Налетку* твою кто-то съѣздилъ полѣномъ и перешибъ крестецъ; такъ она, голубушка моя, какъ услышала, такъ и свѣту Божьего не взвидѣла; такъ и повалилась. А послѣ какъ опомнилась, то пошла это дѣло розыскивать, и такъ надсадила себя, что чуть жива

пришла, и повалилась на постелю; да къ тому же выпила студеной воды цѣлой жбанъ, такъ и присунулась къ ней огневица. Худа, другъ мой, мать твоя, очень худа! Я того и жду, какъ сошлетъ Богъ по душу. Знать что, Ѳалалеюшка, разставаться мнѣ съ женою, а тебѣ и съ матерью и съ Налеткою. Тебѣ, другъ мой, все-таки легче моего: налеткины щенята, слава Богу, живы; авось-таки который-нибудь удастся по матери, а мнѣ ужь эдакой жены не наживать. Охти мнѣ, пропала моя головушка! гдѣ мнѣ за всѣмъ одному усмотрѣть! Не сокруши ты меня, пріѣзжай да женись, такъ хоть бы тѣмъ я порадовался, что у меня была бы невѣстка. Тошно, Ѳалалеюшка, съ женою разставаться; я было уже къ ней привыкъ, тридцать лѣтъ жили вмѣстѣ: какъ у печки погрѣлся! Виноватъ я передъ нею: много побита она отъ меня на своемъ вѣку. Ну, да какъ безъ этого; живучи столько вмѣстѣ и горшокъ съ горшкомъ столкнется; какъ безъ того? Я крутъ больно, а она неуступчива, такъ бывало хоть маленько, такъ тотчасъ и дойдетъ до драки. Спасибо хоть за то, что она отходчива была*). Учись, сынокъ, какъ жить съ женою; мы хоть и дирались съ нею, да все-таки живемъ вмѣстѣ, и мнѣ ее теперь, право, жаль. Худо, другъ мой, и ворожеи не помогаютъ твоей матери; много ихъ приводили, да пути нѣтъ, лишь только деньги пропали. За симъ писавый кланяюсь, отецъ твой Трифонъ, благословеніе тебѣ посылаю.

b) Письмо отъ матери къ Ѳалалею:

Свѣтъ мой, Ѳалалей Трифоновичъ! Что ты это, другъ мой сердечной, накудесилъ? пропала бы твоя головушка; вить ты уже не теперь знаешь Панкратьевича: какъ ты себя не бережешь? Ну, кабы ты, бѣдненькой, попался ему въ ру-

---

*) Сличи съ показаніями «Всячины» (стр. 151) и «Полезнаго съ Пріятнымъ» (III-й полумѣсяцъ, стр. 3).

ки, такъ вить бы онъ тебя изуродовалъ пуще Божьего милосердія. Нечего, Ѳалалеюшка, норовокъ-атъ у него, прости Господи, чертовской; ужь я ль ему не угождаю, да и тутъ никогда не попаду въ ладъ. Какъ закуралеситъ, такъ и святыхъ вонъ понеси. А ты, батька мой, что это сдѣлалъ, отдай письмо его напечатать; вить ему всѣ сосѣди смѣются: экой-де у тебя сынокъ, что и надъ отцомъ ругается. Да полно вить, Ѳалалеюшка, всѣхъ рѣчей не переслушаешь; мало ли что лихіе люди говорятъ; Богъ съ ними! у нихъ свои дѣтки есть, Богъ имъ заплатитъ. Чужое-то робя всегда худо; наше лучше всѣхъ; а кабы оглянулись на своихъ дѣтокъ, такъ бы и не то еще увидѣли. Побереги ты, мой батько, самъ себя, не разсерди отца-то еще: съ нимъ и чортъ тогда уже не совладѣетъ. Отпиши къ нему поласковѣе, да хоть солги что-нибудь; вить это не какой грѣхъ, не чужаго будешь обманывать, своего роднаго; и всѣ дѣти не праведники, какъ передъ отцомъ не солгать. Отцамъ да матерямъ на дѣтей не насердиться: свой своему по неволѣ другъ. Дай Богъ тебѣ, другъ мой сердечный, здоровье; а я лежу на смертной постелѣ. Не умори ты меня безвременно; пріѣзжай къ намъ поскорѣе, хоть бы мнѣ на тебя насмотрѣться въ послѣдній разъ. Худо, другъ мой, мнѣ приходитъ: нечего, очень худо; обрадуй, свѣтъ мой, меня: ты вить у меня одинъ одинехонекъ, какъ синей порохъ въ глазѣ; какъ мнѣ тебя не любить? Кабы у меня было дѣтей много, то бы свое дѣло. Заставай, батька мой, меня живою; я тебя благословлю твоимъ ангеломъ, да отдамъ тебѣ всѣ мои деньжонки, которыя украдкою отъ Панкратьевича накопила, вить для тебя же, мой свѣтъ; отецъ-атъ тебѣ не сколько даетъ денегъ, а твое еще дѣло дѣтское, какъ не полакомиться, какъ не повеселиться; твои, другъ мой, такія еще лѣта, чтобъ забавляться; мы и сами съ молоду таковы же были. Веселись, мой батюшка,

веселись; прійдетъ такая пора, что и веселье на умъ не пойдетъ. Послала я къ тебѣ, Ѳалалеюшка, сто рублей денегъ; только ты объ нихъ къ отцу ничего не пиши. Я это сдѣлала украдкою; кабы онъ свѣдалъ про это, такъ бы меня, свѣтъ мой, забранилъ. Отцы-та всегда таковы: только что брюжжатъ на дѣтей, а никогда не потѣшатъ. Мое, другъ мой, не отцовское сердце, материнское: послѣднюю копѣйку изъ-за души отдамъ, лишь бы ты былъ веселъ и здоровъ. Батька ты мой, Ѳалалей Трифоновичъ, дитя мое умное, дитя разумное, дитя любезное, свѣтъ мой, умникъ, худо мнѣ приходитъ: какъ мнѣ съ тобою разставаться будетъ? на кого я тебя покину? Погубитъ онъ, супостатъ, мою головушку! Этотъ старый хрычъ когда-нибудь тебя изуродуетъ. Береги, мой свѣтъ, себя, какъ можно береги; плетью обуха не перебьешь...

c) Письмо дяди къ Ѳалалею:

Любезному племяннику моему Ѳалалею Трифоновичу отъ дяди твоего Ермолая Терентьевича низкой поклонъ и великое челобитье... Было бы тебѣ вѣстно, что мы по отпускѣ сего письма всѣ, слава Богу, живы и здоровы; такожъ и отецъ твой Трифонъ Панкратьевичъ здравствуетъ же; только Сидоровна, хозяйка его, а твоя мать больно трудна: что подымешь, то и есть, а сама ни на волосъ не поворохнется. Вчерась отнялись у нея и руки и ноги, а теперь, чай, ужь и не говоритъ; и при мнѣ-та такъ ужь черезъ мочь только намекала. Она заочно благословила тебя твоимъ ангеломъ да Фарсульской Богородицей, а меня Неопалимой. Ну, братъ племянникъ, мать-то твоя и передъ смертью не тороватѣе стала! Оставила на поминъ душѣ такой образъ, что и на полтора рубля окладу не наберется. Невидальщина какая! у меня образовъ-та и своихъ есть сотня мѣста, да не эдакихъ, какъ жаръ вызолочены; а эта, братъ, Неопалима подлинно что не обожжетъ; и окладишко весь почернѣлъ: Богъ съ нею! Спа-

сибо хоть за то, что она въ полномъ умѣ исповѣдалась и масломъ особоровалась; хоть и умретъ, такъ ужь по христіански. Дай Богъ всякому такую кончину! Да и тутъ, Ѳалалеюшка, кабы не я, такъ бы развѣ глухою исповѣдью исповѣдывать. Ужь я ей говорилъ: эй, Сидоровна, исповѣдайся; вить уже ты въ гробъ глядишь. Такъ нѣтъ-ста, на силу прибили. А какъ приспичило, такъ давай, давай попа, да ужь за то въ одинъ день трижды исповѣдалась. Знать что у нея многонько грѣшковъ-то скопилось. Приводили, правда, и ворожей: нечего, спасибо твоему отцу, не поскупился, да ничего не помогли; а послѣ привели было еще одного, да ужь и Сидоровна сама не захотѣла напрасно тратить деньги. Кому жить, Ѳалалеюшка, такъ будетъ притоманно живъ, а кому умереть, тому и ворожеи не пособятъ. Животомъ и смертью Богъ владѣетъ... Ну, Ѳалалеюшка! вить матушка твоя скончалась: поминай какъ звали. Я только теперь получилъ объ этомъ извѣстіе; отецъ твой, сказываютъ, воетъ какъ корова. У насъ такое повѣрье: которая корова умерла, такъ та и къ удою была добра. Какъ Сидоровна была жива, такъ отецъ твой бивалъ ее какъ свинью, а какъ умерла, такъ плачетъ будто по любимой лошади. Пріѣзжай, другъ мой Ѳалалеюшка, пріѣзжай Бога ради поскорѣе, хоть не надолго, а буде можно, такъ и вовсе. Ты самъ увидишь, что тебѣ дома жить будетъ веселѣе петербургскаго [1]).

Отецъ Ѳалалея настаивалъ, чтобъ сынокъ его выходилъ въ отставку [2]); многіе же изъ деревенскихъ недорослей сами

---

[1]) Ч. I (изд. 2), стр. 163—173.

[2]) «Всячина» упоминаетъ объ отцѣ, который говорилъ своему сыну: «ежели де я услышу, что ты пойдешь въ службу, то разсѣку тебя плетьми и собью со двора долой». При этомъ «Всячина» прибавляетъ: «было-бъ не худо, хотя бы въ *новомъ уложеніи* сдѣлать какой-нибудь законъ для отцовъ, которые имѣютъ дѣтей въ совершенныхъ лѣтахъ» (стр. 228—230).

спѣшили воспользоваться этимъ правомъ дворянской вольности. Но, покидая службу, они имѣли въ виду праздное и безплодное препровожденіе жизни. Сатирическіе журналы, защитники труда и общенародной пользы, не могли равнодушно смотрѣть на подобное явленіе; они указывали на государственную службу, какъ на главнѣйшую сферу, въ которой можно содѣйствовать народному развитію и общественному благу, и насмѣшливо отзывались о спѣшившихъ въ отставку трутняхъ:

«Съ тѣхъ поръ, какъ россійское дворянство подарено вольностію, многимъ захотѣлось отвѣдать сего пріятнаго подарка; такое лакомство завело нѣкоторыхъ въ неограниченную праздность, гдѣ они въ самомъ дѣлѣ доказываютъ, что они вольны. Свободное упражненіе таковыхъ людей достойно примѣчанія, и дабы сіи полезные мужи забвенію преданы не были, упомянемъ о нѣкоторыхъ не для примѣру, какъ жить дворянину должно, но какъ жить ему не должно: Господинъ *Отдыхаловъ* — сему дворянину не полюбилась служба, для того, что надобно служить, а ему захотѣлось воли. Взялъ отставку, уѣхалъ въ свое помѣстье, построилъ голубятню, накупилъ разнаго рода голубей, гоняетъ ихъ съ утра до вечера, приманиваетъ чужихъ въ свое стадо, машетъ, свиститъ, и по таковыхъ трудахъ спокойно засыпаетъ... Господинъ *Досужниковъ* — родъ сего дворянина столь давно начало свое возъимѣлъ, что никто не помнитъ, какъ они дворянами сдѣлались. Батюшка его слыхалъ отъ своего батюшки, а тотъ отъ своего дѣдушки, такъ какъ и дѣдушка отъ своего прадѣдушки, что они дѣйствительно дворяне. Остаточный ихъ потомокъ, вѣдая, что онъ отъ такой высокопочтенной крови родился, не дослужась далѣе, какъ до комисарскаго чина, не разсудилъ болѣе родъ свой безчестить малою степенью, пошелъ въ отставку, легъ спать: не разбудите его,

«читатели; это заслуженный офицеръ!... Не златой досугъ мы «оскорблять намѣрены; онъ драгоцѣненъ для тѣхъ людей, кото-«рые чувствуютъ долгъ прямаго гражданина и подлиннаго сына «отечества. Такіе люди умѣютъ обращать свободное время «своей жизни въ такую же пользу, какъ и во время службы «своей. Многіе то уже доказали, и многіе вседневно доказы-«ваютъ, стараясь или о воспитаніи дѣтей своихъ, или о пря-«момъ домостроительствѣ, или о изысканіи прямаго добра че-«ловѣческому роду; есть таковые, однако есть и подобные «тѣмъ, о которыхъ мы упоминали, и сіи конечно не могутъ «инако почитаться, какъ всеобщею тягостію»[1]). Фонъ-Визинъ зналъ многихъ, которые тотчасъ же выходили въ отставку, какъ добились права впрягать четверню.

Однимъ изъ самыхъ обычныхъ и любимыхъ развлеченій деревенской жизни была псовая охота, на которую тратилось много и денегъ и времени; другіе любили смотрѣть гусиные и пѣтушьи бои и гонять голубей, предавались этимъ занятіямъ со страстью и въ нихъ убивали скуку, порождаемую праздностью. «Всякая Всячина» насмѣхается надъ тѣми, которые, оставляя городъ, спѣшатъ въ деревни и въ сотоварществѣ стаи собакъ стараются время свое употребить на оборону куръ и коровъ отъ лисицъ и медвѣдей, или, что̀ бываетъ чаще, гоняются за зайцемъ, который никогда не бывалъ съ ними въ ссорѣ[2]). Сатирическіе журналы рисуютъ намъ нѣсколько любопытныхъ портретовъ такихъ господъ, съ которыми мы и

[1]) «Вечера» (изд. 2) ч. 1, стр. 55—60, 165; ч. 2, стр. 172—3. Комедія: «Воспитаніе», сочиненная въ 1774 году (печат. при московск. универс.): «благородный человѣкъ не для того называется сыномъ «отечества, чтобъ только получать наслѣдія, и не для того пользуется «имѣніями, чтобъ наслаждаться токмо оными, и не служить своему «отечеству, а наипаче въ такое время, когда отечество службы тре-«буетъ» (стр. 54; также стр. 67—68).

[2]) Стр. 320.

познакомимъ теперь нашихъ читателей. Вотъ господинъ лѣтъ сорока-пяти; будучи небогатъ, онъ живетъ у своего брата, который за женою взялъ хорошее приданое, и смотритъ у него за охотою; во всемъ государствѣ нѣтъ охотника, который бы съумѣлъ лучше его напустить собакъ и перескакать зайца. Сверхъ того, онъ умѣетъ дѣлать изъ щепокъ мельницы и бумажные корабли, и за такія добрыя качества вездѣ хорошо принятъ и со всѣми сосѣдями коротко знакомъ. Онъ вымѣниваетъ собакъ своихъ друзей, живущихъ на разныхъ краяхъ уѣзда, и особенно любимъ молодыми людьми, проживающими въ деревнѣ, которымъ онъ иногда даритъ сѣти или своры своей работы, а иногда лягавую собаку, которую самъ воспиталъ; «иногда же матерямъ или сестрамъ даритъ чул«ки и подвязки, имъ вязанныя, и забавляетъ ихъ вопросомъ «при всѣхъ случаяхъ свиданія: каково *нóски* его чулки?»[1]). Вотъ еще деревенскій трутень; онъ живетъ въ селѣ; «домъ «господской дѣдушка его построилъ было на время, но они «такъ въ немъ обжились, что новаго и по сіе время не по«строили; ибо батюшка сего дворянина отягощенъ былъ дѣ«лами, а именно: пилъ, ѣлъ и спалъ, а сынокъ къ строенію «не имѣетъ охоты, но вмѣсто того упражняется въ весьма по«лезныхъ дѣлахъ, ибо онъ изыскиваетъ: можетъ ли боецъ «гусь побѣдить на поединкѣ лебедя, ради чего выписываетъ «изъ Арзамаса самыхъ славныхъ гусей, и платитъ за нихъ «по двадцати, по тридцати и до пятидесяти рублей за кажда«го»; онъ имѣетъ также бойцовъ-пѣтуховъ и содержитъ огромную псовую охоту, и положенный на него сосѣдями за помятіе ихъ хлѣба оброкъ каждый годъ платитъ бездоимочно[2]). «Трутень» упоминаетъ еще о сынкѣ одного приказнаго, который лазилъ по голубятнямъ, гонялъ голубей, держалъ пѣту-

[1]) «Барышокъ Всяк. Всяч.», стр. 481—3.
[2]) «Трутень» 1769, стр. 124—5.

ховъ для бою и выкармливалъ разнаго рода собакъ[1]); а «Щепетильникъ» разсказываетъ объ одномъ *молодчикѣ*, который не могъ письма написать безъ помощи дядьки, но за-то знатокъ былъ и въ голубяхъ, и въ собакахъ; страсть къ нимъ простиралась у него до того, что однажды, парившись въ банѣ и увидя изъ окна стаю голубей, бросился благимъ матомъ на будку, схватилъ шестъ и нагой началъ гонять своихъ голубей[2]).

Особенною характерною чертою старинныхъ людей, выросшихъ въ глуши, было суевѣріе, наслѣдованное ими отъ глубокой древности. Суевѣріе это было естественно въ людяхъ, прожившихъ вѣкъ среди глубокаго невѣжества и мелочныхъ интересовъ; они плохо понимали требованія истинно-нравственныхъ побужденій. Подобныя явленія должны были дать обильную пищу современной сатирѣ и комедіи.

Въ самомъ дѣлѣ, въ эпоху разсматриваемыхъ нами журналовъ много еще попадалось въ обществѣ такихъ простаковъ, которые готовы были искать кладовъ, разрывъ-траву и косточку-невидимку[3]), серьёзно боялись колдуновъ и мертвецовъ, и были убѣждены, что по ночамъ домовые собираются въ погребахъ и конюшняхъ[4]), отъ души вѣрили, что старинныя примѣты, сны и ворожба на бобахъ, кофе и картахъ, непремѣнно сбываются, что бѣда отъ дурной встрѣчи неминуема, что просыпанная соль и тринадцать человѣкъ за столомъ предвѣщаютъ бѣду и смерть, что когда чешется ладонь — это значитъ: скоро считать деньги, и проч.[5]); были и такіе, которые въ болѣзняхъ, вмѣсто лѣкарей, обращались къ воро-

---

[1]) 1769, стр. 202.

[2]) Стр. 103—4. См. письма къ Ѳалалею и «Сочин. Екатер. II», ч. 2, стр. 247 («Имянины г-жи Ворчалкиной»).

[3]) «И то и сё», недѣл. 29, 30.

[4]) «Смѣсь», стр. 283.

[5]) «Всячина», стр. 240. «Вечера», ч. I (изд. 2), стр. 76.

жеямъ, какъ это свидѣтельствуютъ письма къ Ѳалалею. «И то и сё» разсказываетъ о такихъ родителяхъ, которые, видя, что сынокъ ихъ плохо учится грамотѣ, обращались къ колдунамъ, истратили много денегъ, но толку не добились, и неучъ остался по прежнему неучемъ*). Осуждая эти ходячіе предразсудки, журналы стараются въ своихъ небольшихъ, но мѣтко-направленныхъ разсказахъ представить всю смѣшную и вредную ихъ сторону:

«Ѣздилъ я недавно обѣдать за Москворѣчье къ одному зна«комому мнѣ человѣку. Съ неудовольствіемъ увидѣлъ я весь «домъ его въ великомъ уныніи. Я навѣдывался, что тому при«чиною, и получилъ на то отвѣтъ, что жена его видѣла дур«ной сонъ, который ему, ей, или дѣтямъ грозитъ какимъ-то «несчастьемъ. Она мнѣ казалася въ толь глубокой печали, «что она бы произвела во мнѣ много сожалѣнія, еслибъ я на«передъ не узналъ причины. Мы сѣли за столъ... Меньшій «ихъ маленькій сынъ, который сидѣлъ въ концѣ стола, началъ «говорить: матушка, въ понедѣльникъ зачну я склады. — Въ «понедѣльникъ? вскричала мать, сохрани Богъ! съ понедѣль«ника не начинаютъ. Скажи пономарю, чтобы со вторника на«чалъ. Пока я мысленно дивился, что нашелъ особу, коя же«лала установити правиломъ — потерять въ недѣлѣ одинъ «день, хозяйка просила меня подать ей соль. Я, спѣша сдѣ«лать ей сію угодность, отъ скорости и робости уронилъ на «половинѣ дороги солонку. Увидя сіе несчастіе, она затряс«лась и тотчасъ примѣтила, что соль просыпалася прямою до«рогою къ ней. Я самъ оробѣлъ и стыдился, что я у всѣхъ «произвелъ толикій страхъ. Хозяйка, немного опомнясь, взды«хая, мужу сказала: голубчикъ, одно несчастіе безъ другаго «не бываетъ; вспомни, что голубятня наша обвалилась въ тотъ

*) «И то и сё», недѣл. 42; «Живописецъ», ч. I (изд. 2), стр. 167.

«же день, какъ дѣвка просыпала соль на столѣ. Помню, от-
«вѣтствовалъ мужъ; а на другой день получили мы извѣстіе
«о цорндорфской баталіи... Читатель представить себѣ мо-
«жетъ мое трудное состояніе при сихъ разговорахъ. Я спѣ-
«шилъ наѣстьcя съ пасмурнымъ видомъ. При концѣ стола я
«положилъ на своей тарелкѣ ножъ и вилки ненарочно на-
«крестъ. Но хозяйка просила меня, чтобъ я оные положилъ
«рядомъ... Я скоро потомъ узналъ изъ обхожденія сея гос-
«пожи, что она меня принимала за человѣка страннаго и за
«предвѣстника несчастій. Итакъ, кой часъ отобѣдалъ, я про-
«стясь уѣхалъ домой и, запершись въ своей комнатѣ, размыш-
«лялъ: сколько безпокойства люди сами себѣ наносятъ глу-
«пыми выдумками, иногда обращая самыя простѣйшія приклю-
«ченія во вредныя себѣ примѣты, и страдая заподлинно отъ
«таковыхъ пустыхъ вымысловъ. Я зналъ человѣка, который
«ночь цѣлую не спалъ отъ того, что увидѣлъ сѣверное сія-
«ніе. Иногда крикъ вороны болѣе тревоги въ домѣ произво-
«дилъ, нежели смерть невѣстки. Послѣдняя бездѣлица бы-
«ваетъ страшилищемъ ужаснымъ сею болѣзнію зараженнымъ
«мыслямъ. И тогда старый заржавѣлый гвоздь и кривая бу-
«лавка принимаются за диво. Я помню, какъ былъ я одиNож-
«ды въ бесѣдѣ, гдѣ веселье и удовольствіе отовсюду блистало
«до тѣхъ поръ, пока одна старушка не примѣтила, что насъ
«сидѣло тринадцать за столомъ. Услыша сіе, многія женщины
«испугавшися вскочили изъ-за стола, и побѣжали вонъ изъ
«комнаты. Но одинъ изъ моихъ знакомыхъ далъ примѣтить,
«что тутъ же была его беременная сожительница, и что насъ
«не тринадцать, но четырнадцать, сказавъ притомъ, что не
«токмо нѣтъ никакія примѣты убыли чрезъ смерть, но явное
«еще предсказаніе прибыли будущимъ рожденіемъ его жены
«оказуется... Я знаю дѣвицу, коя имѣетъ припадки болѣз-
«ни... Она въ одномъ знатномъ домѣ *въ теткахъ живетъ*,

«предсказывая отъ начала года до конца. Она видитъ всегда «сны, она предвѣщаетъ смерть, войну и миръ. Нѣсколько «дней тому назадъ, какъ она было съ ума сошла отъ того, что «дворная собака лаяла, когда у нея зубы болѣли. Она выслала «дѣвку смотрѣть, лаетъ ли собака, подымая рыло, или опуская «голову въ землю. Дѣвка пришла съ отвѣтомъ, что собака со «двора ушла; и то было бѣда»*).

Приведемъ и другой разсказъ: «Жилъ нѣкогда со мною въ «одномъ домѣ отставной капитанъ, человѣкъ честной, но суе-«вѣръ большой; просилъ онъ не о чемъ (то есть о чемъ-то) «нѣкотораго знатнаго господина, которой приказалъ ему прійти «по утру къ себѣ и обѣщалъ тогда сдѣлать съ нимъ милость. «По разсвѣтаніи дня одѣлся онъ попорядочнѣе и пошелъ полу-«чить свое счастіе. Какъ только вышелъ за ворота, то по-«пался ему встрѣчу монахъ, отъ чего перемѣнился въ лицѣ и «воротился домой весьма съ безпокойными мыслями. Посидѣвъ «нѣсколько, пошелъ онъ опять, и какъ только появился на «улицѣ, то повстрѣчался съ нимъ попъ, отъ чего пришелъ «онъ въ пущее безпокойство, и воротившись домой не хотѣлъ «уже идти въ тотъ день... Нужда же его была больше, не-«жели примѣчаніе, и такъ принужденъ онъ былъ идти; тутъ «попалася ему дѣвка, которая несла на коромыслѣ полныя вед-«ра воды. Увидя сіе, онъ разсмѣялся и сказалъ съ радостію: «здраствуй, красавица! и та пожелала ему благополучнаго «пути, и это былъ добрый знакъ, что полныя ведра. Однако «за встрѣчами опоздалъ и не получилъ ни того, ни сего. Еще «случилось мнѣ видѣть: нѣкогда приказной служитель, кото-«рый чаще бывалъ въ кабакѣ, нежели въ приказѣ, слѣдова-«тельно всякую минуту ожидалъ правильнаго за то наказанія, «одѣвавшись застегнулъ камзолъ черезъ пуговицу, и когда

*) «Всячина», стр. 17—21.

«усмотрѣлъ оное, то сказалъ, что быть ему въ тотъ день или «пьяному или битому, что̀ и была дѣйствительная правда: по «утру его высѣкли, а къ вечеру, съ горя, напился онъ пьянъ» [1]). Суевѣрныя примѣты рождали много комическихъ положеній, которыми прекрасно воспользовалась императрица Екатерина Великая въ своей комедіи: «О, время!» [2]).

Такія насмѣшки, разумѣется, принимались стариками и старухами весьма-неблагосклонно и вызывали странныя обвиненія, падавшія на голову насмѣшниковъ. «Да онъ ни во что не «вѣруетъ! повторяли они о невѣрующемъ въ примѣты. Ни «предвѣщанія, ни 13 человѣкъ за столомъ, ниже найденныя «безъ ушковъ иголки и безъ головъ булавки ни во что не ста«витъ. Инако бы онъ говорилъ, если бы зналъ, какія предвѣ«щанія о нынѣшней войнѣ были. Помнишь ли ты, свѣтъ мой, «какъ поставецъ нашъ среди бѣлаго дня подломился и посуда «вся разбилась?.. Но ставятъ ли они то во что, и знаетъ «ли онъ полно еще, что есть лѣшій или домовой?» [3]).

Въ старой комедіи: «Добродѣтель, увѣнчанная вѣрностью» цѣлая сцена основана на суевѣріи:

Суевѣрова. Я всю ноченьку хоть бы на волосъ...

---

[1]) «И то и сё», недѣля 8.

[2]) «Сочин. Екатер. II», ч. II, стр. 22, 25, 47, 50 (изд. Смирдина).

[3]) «Всяк. Всячина», стр. 370—1. *Молокососовъ:* «Ханжихина раз«сказывала, что не токмо за годъ передъ кончиною покойнаго ея су«пруга пѣтухъ снесъ яйцо, но и дни за три кузнечикъ въ стѣнѣ безъ «умолка стучалъ; что она изъ того неизбѣжно заключить могла, что «супругъ ея умретъ, и потому, не упуская времени, къ смерти приго«товить его велѣла. Я, слыша эдакій вздоръ, не могъ удержаться, и «громко захохоталъ; господинъ Непустовъ также не преодолѣлъ се«бя... Старухи всѣ три разсердились; вдругъ стали креститься, пле«вать и одуваться, вдругъ и въ одинъ голосъ кричать и бранить насъ, «называя насмѣшниками, безбожниками, басурманами». («О, время!» — въ «Соч. Екат. II», ч. 2, стр. 35—36.) См. также комедію «Подражатель», стр. 12.

Благоразумова. Что? вы конечно занемогли?

Суевѣрова. Нѣтъ, матушка, домовой всю ночь не далъ спать, все продавилъ, и вотъ теперича такъ грудь... ну, вотъ вздохнуть не дастъ, и бока болятъ, а спина такъ не слышится; со мною это бывало и прежде, да все-таки не такъ, а нынче изъ рукъ вонъ!

Благоразумова. Полно-те, сударыня; какой домовой!... ихъ нѣтъ. Это у васъ остановленіе крови въ нѣкоторыхъ тонкихъ жилахъ; это со всѣми случается.

Суевѣрова. Полно, мой свѣтъ, какъ тебѣ не стыдно? грѣшишь, будто домовыхъ нѣтъ; безъ нихъ, сударыня, домъ стоять не можетъ, не только домъ, да и конюшня. Скажу тебѣ: у покойника батюшки была бурая лошадь. Сперва она была всѣхъ жирнѣе, такъ что этому, бывало, весь домъ не надивится. Потомъ вдругъ та-же лошадь стала хоть на дровни положи; стали думать, отъ чего бы, и наконецъ примѣтили, что ее проклятой домовой всякую ночь мучитъ, а послѣ, окаянной, и подъ ясли ее подобьетъ, такъ что насилу, бывало, бѣдная отдохнетъ... Да полно, что съ вами говорить, вы нонче ничему не вѣрите... Воля ваша, васъ испортили учителя; они въ васъ эту ересь вселили, чтобы ничему не вѣрить*).

Періодическое изданіе «Поденьшина» нѣсколько листковъ своихъ посвятила разсказамъ о ворожеяхъ (знахаряхъ), которые занимаются лѣченьемъ различныхъ недуговъ нашептываніемъ; отъ сглазу обливаютъ сквозь рѣшето холодною водою — средство, употребляемое ими и противъ лихорадки. Если лихорадка отъ того не проходила, тогда, чтобы прогнать

---

*) «Добродѣтель, увѣнчанная вѣрностью», комедія Михайлы Пракудина, лейб-гвардіи офицера и члена вольнаго россійскаго собранія. Печатана при московск. университ. 1774 года, стр. 9—11, 25—26.

болѣзнь, знахари привѣшивали на шею больнаго записку, въ которой означались имена двѣнадцати сестеръ-лихоманокъ, или прибѣгали къ другимъ столь же вѣроятнымъ средствамъ, каковы: змѣиный выползокъ (шкурка, оставленная змѣею) и сухая трава, которая растетъ въ лѣсу или на поляхъ въ костяхъ лошадиныхъ головъ. Со словъ одного изъ такихъ знахарей «Поденьшина» сообщаетъ слѣдующій суевѣрный разсказъ:

«Въ деревнѣ своей я былъ лѣсникомъ: должность наша та-«кая, чтобъ день спать, а ночь ходить по лѣсу. Въ деревняхъ «не одни крестьяне, но многіе и господа, а особливо пожилыя «старушки думаютъ объ насъ, что мы *не просты*, что намъ «непремѣнно надобно знаться съ лѣшими, такъ-какъ мельни-«камъ съ чертями. Иногда на пиру для лишняго стакана празд-«нишнаго или свадебнаго кислаго пива и разскажешь какое-«нибудь съ лѣшимъ свиданье или ссору, крикъ по лѣсу руса-«локъ и разные страхи: послѣ все это и разсказывается за «новость и для препровожденія времени госпожамъ. Иные са-«мымъ лучшимъ почитаютъ утѣшеніемъ, чтобъ слушать только «про колдуновъ и про мертвецовъ, и всему тому вѣрятъ... «Въ одинъ день бывши на праздникѣ, вечеръ и ночь я про-«спалъ, а проснувшись на разсвѣтѣ, чтобъ показаться прикащи-«ку, что я иду изъ лѣсу, взявъ свой топоръ, ножъ и рогати-«ну, которую имѣемъ мы для опасности отъ медвѣдей, пошелъ «я въ рощу. Идучи увидѣлъ на деревѣ сороку; хотя она мнѣ «никакой помѣхи не дѣлала, но только чтобъ позабавиться ея «вспорхомъ, ударилъ я обухомъ по дереву, на коемъ она си-«дѣла. Въ тотъ самой мигъ я окаменѣвъ повалился на зем-«лю... лежалъ безъ памяти, пока не разбуженъ былъ отъ «того нѣкакою старухою. Очнувшись, увидѣлъ я ее и подлѣ «кожу съ перьями, какъ будто только что содрана съ сороки. «Опомнись, не бойся, говорила старуха; хотя ты мнѣ и доса-«дилъ, но я на тебя не сержусь, зная, что это сдѣлалъ ты не

«вѣдаючи; однакожъ впередъ сорокъ не замай. — Помилуй, по- «щади меня, ваша милость могучая вѣдьма! говорилъ я ей въ «страхѣ и трепетѣ. — Не называй меня такъ, сказала она; это «имя намъ противно, а говори: знатоха или ворожея». Лѣсникъ повелъ вѣдьму въ свою хату. «Идучи разсказала мнѣ старуха, «что была она гдѣ-то на высокихъ горахъ, куда колдуньи со «всего свѣта всякую ночь, оборачиваясь въ сорокъ и воронъ, «слетаются, и пируютъ. Откуда летѣвъ назадъ, захотѣлось «ей отдохнуть; она сѣла на то дерево, по которому я ударилъ «и нечаянно попалъ на сукъ, а когда закроется сукъ какого- «нибудь дерева или доски, то никакая ворожейная сила тогда «не дѣйствуетъ, и отъ того-то упала она съ дерева и стала «опять человѣкомъ. Пришедши ко мнѣ домой, подчивалъ я ее «всѣмъ тѣмъ, что у меня сыскаться могло. Сидя за столомъ, «съ глазъ она не спускала молодую мою невѣстку, а та была «брюхата и почти на сносяхъ. У насъ часто случается, что «вѣдьмы ребятъ выкрадываютъ *); испугался того я и о своей «невѣсткѣ; выславъ ее на часъ вонъ, самъ повалился старухѣ «въ ноги, чтобъ пощадила она моего внука или внучку. Хлѣбъ- «соль твоя меня къ тому не допуститъ, сказала она; и не «только чтобъ самой что̀ сдѣлать, да и другихъ не допущу... «Поѣдемъ ко мнѣ, я на вѣкъ сдѣлаю тебя съ хлѣбомъ. — Тот- «часъ запрегъ я свою лошадь въ телегу и повезъ колдунью «къ ней домой. Тутъ-то натерпѣлся я страху отъ звѣрей, «змѣй и всякихъ гадовъ, которые мнѣ казались въ пустой «клѣти, куда она меня заперла. Однакожъ выучила она меня «заговаривать кровь, лѣчить шоптомъ всякія болѣзни, приво-

---

*) Ханжихина: «какъ шестнадцатымъ-то была я брюхата, такъ злые люди выкрали ребенка, а вложили камешекъ, и я помню, съ какимъ великимъ болемъ его родила, и теперь ношу его у себя за пазухой; каковъ ни есть, да милъ, такъ какъ и настоящее дитя». (Комед. «О, время!» — въ «Соч. Екатер. II», ч. 2, стр. 53.)

«рачивать людей, отгонять лихорадку и отпускать свадьбы, «безъ чего ежели случится обиженный какой-нибудь нашъ «братъ колдунъ, напримѣръ: обнесутъ его стаканомъ или «сдѣлаютъ другую какую досаду, то всю свадьбу оборотитъ «онъ волками. Сколько я видалъ такихъ оборотней волковъ и «волчицъ, бѣгающихъ цѣлыми стадами по полямъ, такъ что «смотрѣть на нихъ жалко, а пособить нельзя; надобно тому «же, кто ихъ оборотилъ, да и тотъ иногда уже не можетъ, «если онъ ихъ на вѣкъ сдѣлалъ такими... Сколько видѣлъ «я у ней приворотныхъ кореньевъ, двойчатокъ-орѣховъ, траву «о четырехъ листкахъ, которая ростетъ всегда о трехъ, а «наудачу такую находятъ, какая у ней. Траву и орѣхи даетъ «она многимъ за деньги носить для счастья... Объявляла о «силѣ своей надъ мѣсяцемъ, что она, когда захочетъ, можетъ «его свести съ неба и запереть къ себѣ въ коникъ съ своими «горшками... Получа знанія отъ вѣдьмы, дѣлалъ я великія «дѣла въ своей деревнѣ и во всемъ уѣздѣ, исцѣлялъ всякія «болѣзни и порченныхъ людей, находилъ пропажи и узнавалъ «кто укралъ, отгадывалъ напередъ, что съ кѣмъ сдѣлается, «кто сколько проживетъ, будетъ ли богатъ или счастливъ, «когда будетъ какая непогодь, да и самъ маленькія изморози «дѣлывалъ». Стали брать его и по господамъ; тогда лѣсникъ-знахарь отпросился на оброкъ и, таскаясь по многимъ городамъ, не могъ пожаловаться на свою добычу*).

Въ описываемое время большимъ довѣріемъ пользовалось

---

*) Стр. 36—49, 52—54. Татищевъ разсказываетъ: «я не весьма давно отъ одного знатнаго, но неразсуднаго дворянина слышалъ, яко бы онъ самъ нѣсколько времени въ медвѣдя превращался. Въ 1714 году... въ Украйнѣ заѣхалъ къ фельдмаршалу Шереметеву, и слышалъ, что одна баба за чародѣйство осуждена на смерть, которая о себѣ сказывала, что въ сороку и дымъ превращалась, и оная съ пытки въ томъ винилася».

гаданье на кофе. Гаданье это, по справедливому замѣчанію «Смѣси», не было извѣстно въ старину, ибо тогда не знали и не употребляли кофе. «Нынѣ же сей напитокъ служитъ къ «предсказанію, какъ у язычниковъ внутреннія части жертвъ, «приносимыхъ идоламъ. Тогда лгали жрецы, а теперь шатаю-«щіеся по свѣту бродяги находятъ въ кофейной гущѣ изобра-«женіе любовниковъ, предвѣщаніе счастія, видятъ похороны... «словомъ, разсказываютъ всякія нелѣпости. Слабые умы тому «вѣрятъ и платятъ деньги за то, чтобъ ихъ такъ безсовѣстно «обманывали. Сими отгадчиками бываютъ обыкновенно ста-«рухи, которыя, навѣдавшись отъ слугъ о домашнихъ об-«стоятельствахъ, смотрятъ въ кофе и предвѣщаютъ ихъ гос-«подамъ счастіе и несчастіе»*). Сборище такихъ побродягъ не любитъ кормиться честнымъ трудомъ и, не имѣя смѣлости что-либо похищать, чтобъ не понесть за то наказанія, обираетъ деньги у простодушныхъ суевѣровъ. Когда приказываютъ позвать гадальщицу, то обыкновенно предлагаютъ ей вопросы, «напримѣръ, *Скупягина* спрашиваетъ, кто укралъ «серебреную ложку? *Безплодова:* будетъ ли она имѣть дѣ-«тей? *Страстолюбова:* вѣрно ли любитъ ея полюбовникъ? «*Щеголихина*: скоро ли умретъ ея мужъ-картежникъ? и «такъ далѣе. Тогда должно сварить кофій, и сіе уже само по «себѣ разумѣется, что поднесутъ ей большія двѣ чарки вод-«ки, чтобы возбудить симъ въ ней болѣе предсказательнаго «духа. Потомъ нальетъ почти половину чашки густаго кофію, «и болтаетъ его кругомъ иногда съ важнымъ, а иногда съ про-«нырливымъ видомъ троекратно, чтобъ кофій внутри повсюду »присталъ. Между кофегадательницами есть еще въ томъ «несогласіе: надлежитъ ли послѣ троекратнаго болтанія дуть «въ чашку или нѣтъ... Послѣ сего ставитъ чашку оберну-

*) Стр. 383—4.

«тую на столъ, чтобы кофій изъ нея вылился, поворачиваетъ «ее еще два раза, дабы троекратнымъ движеніемъ ничего-«незначущій кофій вонъ выбѣжалъ, (и) чтобъ предсказатель-«ныя части кофія въ чашкѣ однѣ прилипшими остались». Потомъ «поднимаетъ чашку вверхъ и въ нее смотритъ. Вопро-«шающія особы стоятъ передъ сею отгадчицею, пребывая «между страха и надежды. Наконецъ открываетъ она ротъ «свой и предсказуетъ, напримѣръ: воръ, похитившій ложку, «имѣетъ чорные волосы. Вопрошающая отвѣчаетъ: такъ, это «правда; я знала ужь давно, что Ванька воръ. Чашкогада-«тельница получаетъ полтину, иногда рубль и болѣе, и по-«томъ уходитъ домой. По выходѣ гадательницы, вопрошав-«шая призываетъ Ваньку, приказываетъ принести плети и «батожье; спрашиваетъ его, куда онъ дѣвалъ ложку, и при-«казываетъ, чтобы онъ немедленно признался. Ванька бо-«жится, клянется и увѣряетъ ее, что онъ ложки не кра-«дывалъ: но божбамъ его не вѣрятъ. Боярыня его ругаетъ; «и лицо его, кажется ей, изобличаетъ его въ покражѣ. Ваньку «сѣкутъ безъ пощады; долго онъ терпитъ напрасное мученіе «и говоритъ правду; но наконецъ начинаетъ лгать; онъ при-«знается въ покражѣ ложки, сказываетъ, что ее продалъ и «пропилъ... Боярыня Ваньку своего еще наказываетъ отня-«тіемъ жалованья и кормовыхъ денегъ, чтобы возвратить свою «пропажу и то, что заплачено кофегадательницѣ. Ванька изъ «добраго человѣка по нуждѣ становится воромъ, окрадываетъ «свою госпожу, уходитъ, проматываетъ, попадается; его от-«даютъ въ приказъ; покраденое пропадаетъ, а Ваньку яко «вора посылаютъ на каторгу.»*)

Суевѣрныя повѣрья и примѣты тѣсно связываются, по преданію, съ народными праздниками и семейными церемоніями

---

*) «Живописецъ», ч. I (изд. 2), стр. 136—9.

при родинахъ, крестинахъ, свадьбахъ и похоронахъ. Чулковъ коснулся этихъ народныхъ праздниковъ и семейныхъ церемоній, и сообщилъ нѣсколько живыхъ и любопытныхъ этнографическихъ свѣдѣній въ своемъ журналѣ «И то и сё». Ему первому принадлежитъ счастливая мысль собрать народныя повѣрья и записать ихъ, хотя онъ и не предчувствовалъ, какъ мастерски воспользуется впослѣдствіи подобными матеріалами историко-филологическая критика, и какіе знаменательные сдѣлаетъ выводы о внутреннемъ бытѣ доисторической эпохи. Сообщимъ нѣкоторыя изъ собранныхъ Чулковымъ свѣдѣній, передаваемыхъ журналомъ «И то и сё» съ свойственною ему легкою насмѣшливостью.

Святки нераздѣльны съ гаданьями. На этотъ праздникъ, по захожденіи солнца, изъ разныхъ домовъ собираются дѣвушки въ одну, назначенную ими комнату, берутъ красное деревянное блюдо, покрываютъ его большою салфеткою, кладутъ на салфетку небольшой кусокъ хлѣба и уголь. Потомъ дѣвушки загадываютъ на перстняхъ, на кольцахъ, на запонкахъ и другихъ подобныхъ вещахъ, касаются ими краевъ блюда и кладутъ ихъ подъ салфетку. Затѣмъ усаживаются всѣ рядомъ и запѣваютъ *пѣснь хлѣбу*, а окончивъ пѣніе, ломаютъ хлѣбъ и дѣлятъ кусочки между собою. Эти кусочки завертываютъ онѣ въ рукавъ и послѣ спятъ съ ними, чтобъ пригрезились вѣщіе сны. Тогда начинаютъ пѣть подблюдныя пѣсни: «Идетъ кузнецъ изъ кузницы», «Сѣй, мати, мучицу, пеки пироги», и проч.*); за каждой пѣснію вынимаютъ изъ блюда вещи и, по значенію пѣсенныхъ словъ, гадаютъ о судьбѣ той, чья вещь вынулась. Окончили подблюдныя пѣсни — надо идти въ пустую комнату, гдѣ поставлено на столѣ зеркало, а по сторонамъ его зажжены свѣчи; дѣвушка садится передъ нимъ и загадываетъ:

---

*) Чулковъ напечаталъ при этомъ двадцать подблюдныхъ пѣсенъ.

«суженый, ряженый, покажися мнѣ въ зеркалѣ!»[1]) Зеркало начинаетъ тускнѣть, и дѣвушка протираетъ его нарочно-приготовленнымъ полотенцемъ. Наконецъ суженый явится и станетъ изъ-за ея плечъ смотрѣться въ зеркало; разсмотрѣвъ его черты, дѣвица кричитъ: «чуръ сего мѣста!» и нечистый пропадаетъ. Въ одномъ многолюдномъ селѣ у богатаго помѣщика справлялись святки. Хозяину вздумалось покататься на нечистыхъ, а это дѣлается такимъ-образомъ: дѣвушки берутъ воловью кожу, несутъ ее къ проруби, разстилаютъ и, очертивъ вокругъ нарочно-приготовленнымъ для того огаркомъ, садятся на нее. Изъ проруби должны выйти водяные и возить ихъ, сколько угодно. Хозяинъ, его полюбовница и еще одна дѣвушка усѣлись на кожу у проруби; минуты черезъ двѣ, откуда ни возьмись, выскочили четверо ребятъ, ухватили за кожу и начали таскать ее по всѣмъ сторонамъ. Поутру хозяина нашли въ лѣсу; голова у него болѣла и бока страдали. Возили его не водяные, а люди, подосланные его соперникомъ. Любовница его очутилась въ своей деревнѣ въ добромъ здоровьѣ и, припоминая этотъ случай, хохотала[2]).

Другіе народные праздники описаны Чулковымъ въ шуточныхъ стихахъ. Онъ начинаетъ съ святой недѣли и круглыхъ качель, на которыхъ вертится нашъ *непудреный* народъ:

Земля отъ топоту шатающихся стонетъ
И всякій мѣщанинъ въ винѣ и пивѣ тонетъ,
Тюльпаны красные на лицахъ ихъ цвѣтутъ
И розы на устахъ поблёклыя ростутъ.
Тутъ царствуютъ игры, пріятности и смѣхи;
Началомъ ихъ любви каленые орѣхи:

---

[1]) Или: собираютъ въ пустой комнатѣ два прибора для ужина, но безъ ножей; дѣвица зоветъ: «суженой-ряженой, приди ко мнѣ ужинать!»

[2]) Недѣли 47—50.

Бросаетъ Адонисъ съ качели ими внизъ,
Съ улыбкой говоритъ: сударушка, склонись;
А та отвѣтствуетъ ему пріятнымъ взоромъ.

Любовь подтверждена, и онъ уже качаетъ свою красавицу на качеляхъ и подчуетъ ее изюмомъ и клюквою. Въ толпѣ продирается пьяный *гражданинъ*, толкаетъ *дамъ* ладонью и кулаками, такъ-что имъ приходится приводить снова въ порядокъ свои платки, кофты и шугаи. Но является защитникъ и даетъ обидчику щедрые тузы.

Великая лежитъ яицъ въ народѣ куча;
Съ пригорка покатитъ веселый молодецъ,
Разбито яицо, добьетъ его въ конецъ;
По грязи безъ скорлупъ таскаютъ и мараютъ.
Куда же яицы сіи употребляютъ?...
О вкусѣ молодцы не разсуждаютъ строго,
Въ Санктпетербургѣ же воды гораздо много.

А вотъ кулачный бой:

...Мальчишки начинаютъ,
Другъ друга по щекамъ ладонями щелкаютъ;
Не въ зубы юноша, но мѣтитъ парня въ глазъ,
А отрокъ отроку даетъ получше разъ.
Въ минуту славное сраженіе явится,
Не рвется воздухъ тутъ и солнышко не тмится,
Щелканіе, тузы валятся такъ, какъ градъ,
Ланиты, нòсы, рты и зубы зазвенятъ.
Не огнестрѣльное оружіе пылаетъ,
Тутъ витязь кулакомъ противныхъ поражаетъ.

Съ побитыхъ валятся шапки; со всѣхъ сторонъ большая похвальба, кричатъ: взяла! взяла! «Пошелъ по брюху звонъ, какъ въ добрый барабанъ» и всѣ смѣшались.

Хоть послѣ пять недѣль отъ битвы отдыхаютъ,
Однакъ съ охотою опять въ битву вступаютъ;
Охотно мучатся, но если ночь наста,
Тогда и ихъ раздоръ, какъ прочихъ брань, преста.

Крылята, *Бузники*, московскіе герои,
Не здѣсь*) они, но тамъ (въ Москвѣ) бурлацки водятъ строи.

Семикъ описываетъ Чулковъ въ такихъ стихахъ:

Да что-жъ за крикъ такой народы затѣваютъ?
Неужто пѣсенки къ березкѣ припѣваютъ?
Вить только-что теперь во градѣ разсвѣло
И солнце изъ-за горъ недавно какъ взошло;
Я чаю многіе отъ сна не пробудились,
Которые вчерась по рощамъ веселились.
Трактирщики теперь еще ложатся спать;
Хоть цѣловальникамъ вы дайте, матки, встать.
Постойте, дѣвушки, вить рано забавляться;
Позвольте съ разумомъ и мнѣ, друзья, собраться.
Не слушаете вы, крича, разинувъ ротъ,
И вижу васъ идетъ ужасный короводъ.
Да что-же личики ужь ваши покраснѣли?
Конечно, отъ того, что рано вы запѣли.
Однако, осмотрясь, прощенія прошу
И извиненіе дѣвицамъ приношу:
Я бабъ почелъ за нихъ, не зная въ этомъ моды,
Что рано дѣвушки не ходятъ въ короводы...

Березка шествуетъ въ различныхъ лоскуткахъ,
Въ тафтѣ и въ бархатѣ и въ шелковыхъ платкахъ.
Вина не пьетъ она, однако пляшетъ,
И вѣтвями тряся, такъ какъ руками машетъ.
Предъ нею скоморохъ неправильно кричитъ.
Ногами въ землю онъ, какъ добрый конь, стучитъ,
Танцуетъ и пылитъ, иль грязь ногами мѣситъ,
Доколѣ хмѣль его совсѣмъ не перевѣситъ.
Тамъ дама голоситъ, сивухой нагрузясь;
Въ присядку пляшучи, валится скоро въ грязь;
Потомъ другая вмигъ то мѣсто заступаетъ,
Которая плясать вельми искусно знаетъ,
Танцуетъ *голубца*, танцуетъ и *бычка*...
Тамъ сдѣланъ огородъ, березки всѣ въ кругу,
Верхушки же у нихъ согнуты всѣ въ дугу;
Въ срединѣ столъ стоитъ, безъ скатерти поставленъ,

*) Въ Санктпетербургѣ.

Но только кушаньемъ казался мнѣ задавленъ.
Что хлѣбъ-соль хороша, тому свидѣтель я:
Ватрушки были тутъ, подовыя съ огня,
Оладьи, калачи, блины, пирогъ и пышки,
И можно такъ сказать, всѣ праздничны излишки.
Баханки[1]) таковы: попляшутъ, покричатъ,
Приступятъ ко столу и множество съѣдятъ;
Но только кушаютъ, казалось мнѣ, безъ вилки,
Однако съ помощью наполненной бутылки.
Частенько на кабакъ съ бутылкой посылаютъ,
Въ складчинку всѣ ее сивухой наполняютъ[2]).

Стародавнія черты находимъ и при отправленіи семейныхъ праздниковъ въ нѣкоторыхъ домахъ. «Позванъ я былъ на крестины (говоритъ издатель еженедѣльника «И то и сё») къ нѣ«которому приказному человѣку, знакомцу моему и хлѣбосо«лу. Во первыхъ разумѣлъ я это точно, что къ приказному «человѣку рѣдко ходятъ безъ денегъ, а въ такое время но«сятъ деньги и не къ приказному. Итакъ завернулъ я полтин«никъ въ бумажку, и изготовилъ его положить родильницѣ на «зубокъ, по древнему между нами обыкновенію, и притомъ «взявши съ собою мелкихъ двадцат пять копѣекъ бабушкѣ «на кашу, пошелъ праздновать на крестины. Въ воротахъ «дома моего хлѣбосола увидѣлъ я стоящаго человѣка, который «былъ хотя и не въ разодранномъ рубищѣ, однако имѣлъ на «себѣ платье похожее на то, то есть поношенное до дыръ. «Кафтанъ былъ на немъ французской малиноваго цвѣта, ко«торый, отъ строгости здѣшней суровой зимы, отъ частыхъ «дождей и снѣговъ и отъ неумѣреннаго солнечнаго сіянія, «весьма много полинялъ и казался двуличневымъ. Камзолъ «на немъ былъ зеленаго сукна, а штаны изъ синей канфы, «скворцовые гарусные чулки, и въ поношеныхъ башмакахъ

---

[1]) То есть вакханки.

[2]) Недѣл. 16—18, 22.

«видны были розныя пряжки. Снявши съ себя картузъ, говорилъ онъ мнѣ такъ: милостивѣйшій государь! не просительное ли дѣло имѣете вы до хозяина сего дома, то съ честію «вамъ объявляю, что сего числа оный вышерѣченный хозяинъ не имѣетъ производить никакихъ судебныхъ дѣлъ, хотя «бы оныя и къ рѣшенію подлежали, понеже онъ судьями уволенъ и секретаремъ отпущенъ, и оное его небытіе въ приказѣ помѣчено протоколистомъ, и въ дневномъ журналѣ «объяснено добропорядочно, понеже сего дня имѣются быть у «него крестины, и соблаговолятъ собираться въ компанію къ «нему патроны, чего ради во извѣстіе вамъ репортую, чтобы «вы втунѣ трудовъ своихъ не прилагали, а я имѣюся быть въ «повытьѣ его милосердія первымъ копіистомъ. Я ему отвѣчалъ, что иду въ гости, и былъ впущенъ наконецъ въ покои. «Родильница лежала тогда въ постелѣ, охала съ довольною «пріятностію, и была набѣлена и нарумянена негораздо слегка. Я съ ней поцѣловался и сказалъ въ поздравленіе слова «съ два-три, а складно или нескладно, то и самъ того не «помню, и подсунулъ подъ подушку обернутый въ бумажку «полтинникъ, по общему всѣхъ обыкновенію. Въ скоромъ времени прибыли изъ церкви кумъ и кума съ окрещеннымъ младенцемъ, и ни мало не медля зачали садиться за столъ кушать, а попросту обѣдать. Народу было много, а приборовъ «напротивъ того не весьма довольно, и такъ я видѣлъ самъ, «что въ концѣ стола попрашивали ножей и вилокъ другъ у «друга на подержанье, а хлебали двое и трое часто одною «ложкою; но правду выговорить, всѣ были довольны, а хозяинъ повторялъ часто сіи слова: кушайте, государи мои; «хлѣбъ-соль на столѣ. А чтобы болѣе имѣли гости охоты къ «кушанью, то весьма часто подносилъ онъ разные напитки, «то есть секретарямъ водку, канцеляристамъ и нижнимъ чинамъ вино простое, а дамамъ всѣмъ вообще мартовское пиво

«и домашнюю сдѣланную изъ пшена брагу, до которой иныя «дамы такія были охотницы, что каждую минуту выпивали «оной по доброму стакану, проговаривая къ тому, что это де «не хмѣльное. За столомъ ни одна дама не пила ни водки, ни «вина простаго, не смотря на то, что всѣ кавалеры каждую «чарку до дна осушали, и нѣкоторые, изъ усердія къ хозяи-«ну, выпивъ все до капли, опрокидывали чарки къ себѣ на «головы, изъявляя тѣмъ, что выпито все, и что они любятъ «хозяина отъ искренняго сердца, для чего ни капли и не оста-«вляютъ, а другіе опрокидывали выпитыя чарки къ хозяину на «подносъ. Какъ дамы, такъ и кавалеры говорили обо всемъ «вдругъ, и всякой всѣми силами старался заглушать другаго. «Нѣкоторые говорили о войнѣ, другіе о продажѣ товаровъ, «третьи о дѣлахъ приказныхъ, а четвертые негодовали на то, «что рано стала зима, ибо не имѣли они у себя ни шубъ, ни «епанечъ. Дамы напротивъ того разговаривали совсѣмъ о дру-«гомъ. Одна предлагала, чтобъ искоренить робронты и кар-«неты, а ввести въ моду куньи шапки и чепчики съ шишами; «другая на то не соглашалась и говорила, что всякая женщина «фигурнѣе можетъ быть въ разлетаѣ, повязанномъ платкомъ «италіанскимъ, и чтобы тотъ платокъ былъ синяго цвѣта съ «зелеными каймами. Третья, какъ будто по реэстру, прокри-«кивала своихъ соперницъ, всѣми силами старалася ихъ опо-«рочить и привести въ безславіе, и наконецъ, пришедъ въ «театральную пассію, бранила ихъ безъ милосердія; словомъ «сказать, въ короткое время сіе собраніе людей начало похо-«дить совсѣмъ на безпорядочную школу, въ которой за учени-«ческимъ крикомъ не слышно учителя, а за учительскимъ «толкомъ не слышно учениковъ. Наконецъ на бабушкиныхъ «рукахъ въѣхала каша, которая весьма много походила на «кутью; ибо изготовлена она была изъ сорочинскаго пшена и «съ изюмомъ. Въ сіе время приказано было выступить хозя-

«ину изъ комнаты, а по выходѣ его принялась одна свѣтская «дама за ложку, положила въ нее половину соли, третью «часть кутьи той или каши, а четвертую толченаго сахару, и «перемѣшавши все оное прикрыла тремя изюминами, и прика-«зала вступить хозяину. По повелѣнію всѣхъ гостей, выклю-«чая одного меня, принужденъ онъ смѣсь сію кушать; но, «глотая ее, поперхнулся и получилъ за сіе туза два-три са-«мыхъ добрыхъ отъ усерднаго гостя, чтобъ лучше та каша «прошла ему въ горло. Потомъ бабушка подносила всѣмъ; «всѣ выпивали рюмки и клали ей на подносъ мелкія деньги, «каждой по своей силѣ, напримѣръ, иной пять копѣекъ, дру-«гой двѣ копѣйки, нѣкоторые по деньгѣ и такъ далѣе; однако «совсѣмъ тѣмъ накопилося у ней съ рубль мѣсто и побольше. «Послѣ стола началася музыка, а на какомъ инструментѣ, «онаго я сперва не разобралъ, а какъ сталъ всматриваться «далѣе, то и увидѣлъ, что въ 1768 или девятомъ году приве-«зенныя изъ Украйны рыле передѣланы были въ скрипку, на «которой натянуты три струны и шипѣли весьма несогласно; «однако дамы наши стали танцовать въ четыре пары *бычка* и «*голубца*. Согласіе нашей чудоскрипки умножилося тогда, «когда кавалеры начали притопывать ногами, а дамы притя-«нули къ ней различными голосами. До одиннадцатаго часа «по полудни продолжалося веселіе наше безъ помѣшатель-«ства, а съ сего времени началъ я усматривать, что въ раз-«ныхъ углахъ различные люди задремали на стульяхъ. Иной «человѣкъ неосторожный падалъ на полъ, а другой и поневолѣ «ложился, потому что ноги ему болѣе не служили, а голова «не держалася на плечахъ»*).

«На прошедшей недѣлѣ свершился бракъ у моего знакомца. «Я былъ на ономъ первымъ гостемъ, и пишу оное для того,

---

*) Недѣл. 44.

«чтобы научились люди производить свадебные обряды. По «восходѣ солнца въ субботу пришелъ ко мнѣ мой знакомецъ и «началъ кланяться мнѣ гораздо ниже обыкновеннаго, а какъ «послѣ я о томъ узналъ, то должны кланяться такъ женихи. «Онъ просилъ меня на дѣвишникъ, которой долженъ былъ со- «вершиться того дня въ вечеру. По знакомству нашему не хо- «тѣлося мнѣ ему отказать, и такъ безъ отговорокъ на оное я «согласился, и далъ ему слово. Въ вечеру долженъ былъ я «пріѣхать къ нему, а какъ я прибылъ, то просили меня, «чтобы поклалъ я въ ящикъ порядочно новыя вещи, то есть: «башмаки, чулки, опахало и другія потребности, которыя «должно было везти къ невѣстѣ; я и отъ сего не отговорился «и сдѣлалъ то по просьбѣ многихъ. Потомъ всѣ люди при- «сѣли на часокъ и, вставши, поѣхали къ невѣстѣ. Вошедши «въ горницу, велѣли жениху невѣсту взять за руку, и поса- «дили ихъ за столъ; отца и мать посажоныхъ подлѣ ихъ, а «меня, какъ перваго гостя, первымъ по нихъ, и такъ далѣе. «Посажоной отецъ былъ отставной офицеръ, служащій въ гар- «низонѣ лѣтъ сорокъ или болѣ, слѣдовательно былъ онъ че- «ловѣкъ старинной и зналъ совершенно всѣ оные обряды. Во- «первыхъ сказалъ онъ жениху, чтобы оной во весь столъ дер- «жалъ за руку невѣсту и не покидалъ бы ее ни на часъ, «увѣряя его и всѣхъ гостей, что отъ опущенія руки слу- «чается часто великое несогласіе между мужемъ и женою, а «для лучшаго прикрылъ ихъ руки салфеткою. Онъ же былъ «раздавателемъ кушанья, а я не принимался за то, опасаяся, «что можетъ быть по обыкновенію ихъ ошибуся въ чемъ-ни- «будь, и не сдѣлаю имъ тѣмъ угожденія; да и правду сказать- «то бы я ошибся. Когда подали курицу, по ихъ названію, въ «похлебкѣ, то посажоной отецъ вытащилъ ее къ себѣ на та- «релку, и безъ помощи вилки искрошивъ ее въ мелкіе ку- «сочки, вывалилъ онъ въ чашу и приказывалъ всѣмъ таскать

«ее ложками; это-де будетъ безъдальняго труда; а я бы такъ «не сдѣлалъ, слѣдовательно, можетъ быть, было бы и не «угодно. Всякого кушанья бралъ онъ на вилку и, подавая же-«ниху, приказывалъ подчивать невѣсту, которой не велѣлъ «брать въ руки вилку, а принимать изъ жениховыхъ рукъ уст-«нами, сказывая, что и въ этомъ есть нѣкоторая задача,—чего «бы я сдѣлать также не догадался. Во все сіе время припѣ-«вали къ намъ дѣвушки пѣсни, а мы посылали къ нимъ по «стакану пива, въ которой опускала сваха по гривнѣ и больше «мѣдной монеты, которые стаканы онѣ выпивали, не смотря на «то, что деньги въ нихъ омывались. По окончаніи стола, ста-«руха, мать невѣстина, приполнила по чаркѣ водки, а дочерѣ «своей подала тарелку съ овощами и съ подаркомъ. Начали «всѣхъ дарить, и меня не обошли; выпивъ я рюмку и взявши «у невѣсты платокъ, кланялся ей много и положилъ его въ «карманъ; но отецъ посажоной выговорился мнѣ, что я пода-«рокъ принялъ не такъ, а должно, взявши съ тарелки, обте-«реть имъ губы, за что приневолили меня, чтобы я выпилъ «другую рюмку и обтеръ устнѣ мои подаркомъ... Овощей «насыпали мнѣ въ карманъ, а оные состояли изъ двухъ кус-«ковъ вяземской ковришки, изъ тверскихъ пряничныхъ орѣ-«ховъ, изъ нѣсколькихъ изюминъ, винныхъ ягодъ и черносли-«ву, между которыми проскакивали гвоздички и маленькіе «куски корицы для лучшаго запаху. Въ срединѣ стола, какъ «выпивалъ отецъ посажоной стаканъ пива, то прихлебнувъ «изъ него поставилъ и сказалъ: не очень, братъ, сладко; то «тотчасъ женихъ поцаловалъ невѣсту. А отецъ, прихлебнувъ «еще, поворотилъ (повторилъ) несладость; женихъ поцало-«валъ опять. Итакъ продолжалось оное съ полчаса и боль-«ше; а послѣ того дѣлали оное и всѣ, выключая меня. Послѣ «всего этого сказалъ отецъ посажоной: *время уже хлѣбъ-«соль величать;* я думалъ, что надобно пѣть, а у нихъ зна-

«читъ оное вставать изъ-за стола. Всѣ отвѣчали ему: воля «ваша, мы уже довольны. Итакъ онъ первой всталъ, а за «нимъ уже и всѣ. Когда уже мы со всѣми простились и при «многихъ чаркахъ и стаканахъ хотѣли выходить вонъ, то дѣ-«вушки-пѣвицы запѣли особливую пѣсенку, въ которой, на-«зывая невѣсту именемъ, говорили: возьми у своего сокола «ключи. Невѣста остановила жениха и просила у него клю-«ча, а какого, объ этомъ я прежде не зналъ и для того-то ка-«залось мнѣ сіе весьма чудно, а наконецъ провѣдалъ, что отъ «того ларчика, въ который клалъ я по порядку купленные же-«нихомъ невѣстѣ подарки. Посажоной отецъ присудилъ же-«ниху отдать тотъ ключь, но не меньше какъ за пятьдесятъ «поцалуевъ... и велѣлъ невѣстѣ цаловать жениха. Они ца-«ловались, отецъ считалъ, а мы стояли; а чтобы не пропу-«стить времени напрасно, то подмигивала мнѣ сваха и скло-«няла къ себѣ въ любовь, которая, правду сказать, была мо-«лода и недурна. Наконецъ вышли мы за вороты при громо-«гласномъ пѣніи дѣвицъ и при великомъ присутствіи различ-«ныхъ должностей народа. Отецъ посажоной, какъ человѣкъ немолодой и къ тому же слишкомъ подгулялой, садяся въ са-«ни, перекувырнулся черезъ нихъ вверхъ ногами, чѣмъ про-«извелъ ужасной смѣхъ между зрителями; а какъ не было въ «немъ больше силы бодрствовать, то положили его поперегъ «саней и повезли домой. Такимъ вступленіемъ гостины наши «кончились, и мы пріѣхали домой всѣ въ добромъ здоровьѣ, «выключая отца посажонаго по причинѣ той, что онъ больше «всѣхъ заботился, а особливо въ приказываніи, чтобъ подно-«сили вино и пиво почаще.

«Наступившее утро принесло намъ больше увеселенія, ибо «и я приглашенъ былъ къ свадебному столу. Отобранные къ «тому люди поѣхали за невѣстою и, купивъ за гривну ее ко-«су, привезли невѣсту въ церкву; тутъ обвѣнчались и при-

«были домой. Съ хлѣбомъ и съ солью принимали уже жени«ховы родители и послѣ посадили жениха и невѣсту въ пе«редъ на двѣ овчинныя и весьма косматыя шубы, а сіе значи«ло, чтобъ жить имъ богато. Во весь столъ подкладывали «жениху и невѣстѣ премножество кушанья, однако они и за «ложку не принимались, понеже у нихъ такое обыкновеніе, а «кормятъ ихъ тогда и то тайкомъ, когда поведутъ на подклѣтъ: «тамъ, сказываютъ, ѣдятъ они больше обыкновеннаго. Въ «срединѣ стола, или ко окончанію онаго, подошли ко мнѣ съ «подносомъ, на которомъ поставлено было стаканъ меду, ста«канъ пива и рюмка водки. Я, взявши медъ, выпилъ и поста«вилъ пустой стаканъ; но привязались ко мнѣ просить, чтобы «я выпилъ ихъ всѣ: это де просятъ князья молодые; однако «я отговаривался, что и для старыхъ сдѣлать мнѣ сего не «можно. Изъ почтенія ко мнѣ они отъ меня отвязались, а «другихъ приневолили всякого выпить тройку. По окончаніи «стола ѣздили бабы на кулькахъ, играли шемелою, скакали, «прыгали и всячески рѣзвились *)».

Къ этому описанію журнала «И то и сё» можно присоединить тѣ любопытныя черты, какія сохранены нашими старинными комедіями. Не смотря на слишкомъ-явное подражаніе драматической литературы нашей французскимъ образцамъ, екатерининскій вѣкъ въ нѣкоторыхъ комедіяхъ, конечно немногихъ, коснулся и нравовъ чисто-русскихъ. Вотъ почему исторія литературы тогда только получитъ надлежащую полноту и интересъ, когда станетъ обращать свои пытливыя розъисканія и на другія драматическія произведенія, нынѣ забытыя, а не станетъ ограничиваться однѣми комедіями фонъ-Визина. Въ комедіи: «Подражатель» (1779 г.) читаемъ такую характерную сцену, происходящую въ семьѣ дмитров-

*) Недѣля 43.

скаго купца Скопидомова. Мать, обращаясь къ дочери своей Евдокіи, говоритъ: «Дура! ужь ты нынѣ такъ извольничалась, что и чужихъ людей не стыдишься... (мужу) Пришелъ давича, мой батька, къ тебѣ изъ ратуши подьячей, а она тутъ же стоитъ, какъ пестъ, и не уйдетъ.

Скопидомовъ. А вчерась племяннику кланялась. Эдакая повѣса! Развѣ забыла ты, что надобно уйти тогда въ свою горницу, когда у насъ чужіе люди?

Евдокія. Я, сударь, только ему поклонилась, а не говорила съ нимъ.

Скопидомова. Еще бы ты и говорила! Я бывало въ дѣвкахъ только сквозь щелочку на чужаго человѣка смотрю, и то однимъ глазомъ. А буде по улицѣ кто идетъ, такъ изъ-за косяка выглядывала... И на Спиридона Агафоновича, когда ужь онъ сговоренъ со мною былъ, смотрѣла изъ подлобья... Такъ ли, душинька?

Скопидомовъ. Точно такъ, сердце мое! Этого-та дѣвушкѣ и учиться надобно, чтобы ни на кого не смотрѣть и ни съ кѣмъ не говорить. Сиди себѣ въ своей конурѣ, какъ медъ кисни.

Скопидомова. Помнишь ли, лапушка, какъ меня къ тебѣ на сговорѣ подвели, а я плакала? Ты меня приголубиваешь, а я тебя отталкиваю; лишь ты хочешь со мной заговорить, а я спрячусь... Учись у меня, Авдотьюшка.

Скопидомовъ. Намъ ужь полно ее учить... Слушай, дочка! я тебѣ выбралъ жениха, и онъ сейчасъ будетъ. Молодецъ состоятельной, табаку не пьетъ, волосовъ не корчитъ, уменъ, къ тому же и не глупъ. Въ Москвѣ въ Панскомъ ряду у него пять лавокъ, въ Суровскомъ лавки двѣ-три есть, да въ Гробовомъ торжокъ нарочитой имѣется. Наличныхъ круглевиковъ тысчняга друга-третья водится. Хотя онъ и строгъ, да тебя и нада держать въ ежовыхъ рукавицахъ, а то ты востренька не по природѣ.

Скопидомова. Забудешь тогда кланяться и стоять при чужихъ людяхъ... Ну кабы это при женихѣ было, вить бы стыдъ нашимъ головушкамъ!

Скопидомовъ (дочери). Какъ-же ты жениха-та встрѣтишь?

Евдокія. Какъ изволите приказать.

Скопидомова. А вотъ эдакъ, дѣвушка. Какъ онъ придетъ, такъ ты на него не смотри, закройся платкомъ, либо отворотись. Коли онъ станетъ съ тобой говорить, такъ ты молчи. Вотъ онъ и увидитъ, что ты честная дѣвица.

Скопидомовъ. Да и уйди отъ него.

Евдокія. По этому онъ заключитъ обо мнѣ, что я дура.

Скопидомовъ. Вотъ еще на! будто и велико дѣло, коли онъ подумаетъ, что ты дура! хоть дура, да смирна.

Скопидомова. Конечно! смиренье дѣвушкѣ ожерелье.

Скопидомовъ. А ну, какъ тебя къ вѣнцу повезутъ, такъ что ты тогда говорить станешь?

Евдокія. Ничего, для того что вы мнѣ нѣмою и слѣпою быть велите.

Скопидомова. Завралась, завралась, сударыня... Ты тогда завой, для того что которая дѣвушка сговоренная не воетъ, такъ житье будетъ дурно; завой вотъ такъ: благослови меня, государь-батюшка и государыня-матушка, мнѣ идти ко злату вѣнцу. А коли не поплачешь за столомъ, такъ наплачешься за столбомъ.

Скопидомовъ. Помни же наше родительское поученіе... Пойдемъ, жена, приготовимъ овощи къ сговору.

Скопидомова. Побѣлись еще, матка дѣвушка! Эдакое дитятко! не могу принудить бѣлиться, да зубы чернить. Вить у которой дѣвушки зубы чорны, та счастлива.

Скопидомовъ. Опусти голову-та пониже, да сложи руки... Стоитъ какъ манежная лошадь.

Скопидомова (дочери). Тихонько положи на порогъ за-

мокъ, и какъ женихъ перейдетъ черезъ порогъ, такъ ты замокъ замкни и спрячь. Это примѣта, чтобы женихъ отъ сватовства не отсталъ».

Въ другой сценѣ Скопидомовъ, разговаривая съ женихомъ, прибавляетъ: «для того-то я и выдаю дочь за своего брата купца. Много за нее и приказныхъ сваталось, да я на это ухо глухъ; у нихъ причуды велики. Они захотятъ, чтобъ даровъ и овощей не было, и чтобъ пѣсенъ ни на сговорѣ, ни на дѣвишникѣ не пѣли; имъ надобетъ музыка, а у насъ какъ дѣвки гаркнутъ, такъ што ихъ валтора»*).

Въ комедіи Пракудина: «Добродѣтель, увѣнчанная вѣрностью», изъ которой выше привели мы одну сцену, такъ разсуждаетъ вдова Суевѣрова, просватавшая свою племянницу:

Суевѣрова. Здравствуй, матушка, съ женихомъ я ужь по рукамъ ударила, и онъ скоро сюда будетъ.

Благоразумова. Какъ вамъ не стыдно, сударыня; она за него нейдетъ.

Суевѣрова. Полно, матушка, я сама за покойника-та своего по неволѣ была выдана; да мы, правду сказать, съ нимъ жили сорокъ лѣтъ, какъ у печки погрѣлись, да и вѣкъ прожили. Только досажалъ онъ мнѣ побоями; часто бивалъ, вить, бывало, чѣмъ ни попало; да полно я и сама была зубы...

Благоразумова. И вы имѣли терпѣніе съ нимъ жить...

Суевѣрова. Какъ же? было бы кому побить, да и пожаловать.

Благоразумова. Я, сударыня, сама замужемъ, и мы съ мужемъ никогда не бранимся, и онъ часто говоритъ свою пословицу: «когда жену бранить, то ея не любить, а коли бить, то съ ней не жить».

Суевѣрова. Это у васъ ныньче по новоманерному; а у насъ было не такъ.

---

*) Стр. 5—11, 15.

«Всячина» осуждала еще *вытье* по умершемъ. *Олимпіада Сердцекрадова* адрессовала къ редактору этого журнала такое посланіе: «Какъ мнѣ быть? я не знаю. У матушки есть зна«комая, отъ которой она видѣла много одолженія; у сей зна«комицы умерла дочь. Матушка вчерась велѣла мнѣ къ ней «ѣхать на похороны... и притомъ накрѣпко приказала пла«кать, кричать, биться и прочая, какъ водится, или водилось «изстари. Я же притворяться не могу; покойница мнѣ почти «незнакома была, и я ни мало не печальна... Я думаю при«гожѣе всего мнѣ упасть въ обморокъ. Я видывала, какъ «Татьяна Михайловна (Троепольская) на ѳеатрѣ обмираетъ сте«пенно; и упавъ такъ съ начала пролежу до конца, и тѣмъ «всѣхъ хлопотъ разомъ избавлюся».

Суевѣрные обычаи воспитывали въ своихъ приверженцахъ ту мнимую, ложную набожность, которая нерѣдко высказывалась съ непонятною для насъ наивностью, и противъ которой была направлена колкая сатира Кантемира, Сумарокова и періодическихъ изданій разсматриваемаго нами времени. Приведемъ выписки изъ двухъ сатирическихъ писемъ, напечатанныхъ въ изданіяхъ Новикова:

а) Племяннику моему Ивану здравствовать желаю! На послѣднее мое къ тебѣ письмо слишкомъ годъ дожидался я отвѣта, только и понынѣ не получилъ. Я безмѣрно удивляюся, откуда взялось такое твое о родственникахъ и о самомъ себѣ нерадѣніе. Мнѣ твое воспитаніе извѣстно: ты до двадцати лѣтъ своего возраста старанію покойнаго твоего отца соотвѣтствовалъ. Онъ изъ дѣтей своихъ на тебя всю полагалъ надежду, да и нельзя было не такъ: большой твой братъ, обучаяся въ кадетскомъ корпусѣ свѣтскимъ наукамъ, чему выучился? Ты знаешь, сколько онъ приключилъ отцу твоему раззоренія и печали. А ты, подъ присмотромъ горячо-любившаго тебя родителя, жилъ дома до двадцати лѣтъ, и учился

не пустымъ нынѣшнимъ и не приносящимъ никакой прибыли наукамъ, но страху Божію; книгъ, совращающихъ отъ пути истиннаго, никакихъ ты не читывалъ; а читалъ житія святыхъ отецъ и библію. Вспомнишь ли, какъ тебѣ тогда многіе наша братья старики завидовали, и удивлялися твоей памяти, когда наизустъ читывалъ ты многихъ святыхъ житія, разные акаѳисты, каноны, молитвы и проч.; и не только мы простолюдимы, но и священной левитской чинъ тебѣ завидовалъ, когда ты, будучи еще сущимъ птенцемъ, шестнадцати только лѣтъ, во весь годъ кругъ церковнаго служенія зналъ, и отправляти могъ службу? Куда это все дѣвалося? Всеконечно Создатель нашъ, за грѣхи отецъ твоихъ, отъялъ отъ тебя благодать свою и попустилъ врагу нашему злокозненному діаволу искушати тебя и совращати отъ пути, ведущаго ко спасенію. Ты стоишь на краю погибельномъ, бездна адской пропасти подъ тобою разверзается, отецъ діаволовъ, разинувъ челюсти свои и испущая изъ оныхъ смрадный дымъ, поглотить тебя хочетъ, аггели мрака радуются, а силы небесныя рыдаютъ о твоей погибели, — ежели то правда, что я о тебѣ слышалъ! Сказывали мнѣ, будто ты по постамъ ѣшь мясо, и, оставя увеселяющія чистыя сердца и духъ сокрушенный услаждающія священныя книги, принялся за свѣтскія. Чему ты научишься изъ тѣхъ книгъ? Вѣрѣ ли несомнѣнной, безъ нея же человѣкъ спасенъ быти не можетъ? Любве ли къ Богу и ближнимъ, ею же пріобрѣтается царствіе небесное? Надеждѣ ли быти въ райскихъ селеніяхъ, въ нихъ же водворяются праведники? Нѣтъ, отъ тѣхъ книгъ погибнешъ ты невозвратно. Я самъ грѣшникъ; вѣдаю, что беззаконія моя превзыдоша главу мою; знаю, что я преступникъ законовъ, что окрадывалъ государя, разорялъ ближняго, утѣснялъ сираго, вдовицу и всѣхъ бѣдныхъ, судилъ на мздѣ, и короче сказать — грѣшилъ, и по слабости человѣческой еще и

нынѣ грѣшу почти противу всѣхъ заповѣдей, данныхъ намъ чрезъ пророка Моисея, и противу гражданскихъ законовъ; но не погасилъ любве къ Богу, исповѣдываю его предъ всѣми творцомъ всея вселенныя... Сказано: постомъ, бдѣніемъ и молитвою побѣдиши діавола; я исполняю церковныя преданія, службу Божію слушаю съ сокрушеннымъ сердцемъ, посты, среды и пятки всѣ сохраняю, не только самъ, но и домочадцевъ своихъ къ тому принуждаю. Да я и не принужденно, но только по теплой вѣрѣ, и еще прибавилъ постовъ; ибо я и всѣ домашніе мои во весь годъ, окромѣ воскресныхъ дней, ни мяса, ни рыбы не ядимъ... Перестань знатися по вашему съ учоными, а по нашему съ невѣждами. Къ чему потребно тебѣ богопротивное умствованіе, какъ и изъ чего созданъ міръ? Вѣдаешь ли ты, что судьбы Божія неиспытанны, и какъ познавать вамъ небесное, когда не понимаете и земнаго? Помни только то, что *земля еси и въ землю отыдеши*. На что тебѣ учитися рѣченіямъ иностраннымъ? языкъ намъ данъ для прославленія величія Божія, такъ и на природномъ нашемъ можемъ мы его прославляти; но вы учитесь онымъ для того, чтобы читать ихъ книги, наполненныя расколами противу закона... *)

ѣ) Сыну нашему Ѳалалею Трифоновичу.. Пиши къ намъ про свое здоровье: таки такъ-ли ты поживаешь, ходишь ли въ церковь, молишься ли Богу, и не потерялъ ли ты святцовъ, которыми я тебя благословилъ. Береги ихъ; вить это не шутка: меня ими благословилъ покойникъ дѣдушка, а его отецъ духовной, Ильинской батька. Онъ былъ боленъ черною немочью и по обѣщанію ѣздилъ въ Кіевъ: его Богъ помиловалъ и кіевскіе чудотворцы помогли; и онъ оттуда при-

---

*) «Трутень» 1769 г., стр. 113—8; смотри еще стр. 69, 222-3, и «Смѣсь», стр. 75.

везъ этотъ канонникъ и благословилъ дѣдушку, а онъ его возомъ муки, двумя тушами свиными, да стягомъ говяжьимъ. Не тѣмъ-то покойникъ, свѣтъ, будь помянутъ! онъ ничего своего даромъ не давалъ: дѣдушкины-та, свѣтъ, грѣхи дорогоньки становились. Кабы онъ покойникъ поменьше съ попами водился, такъ бы и намъ побольше оставилъ... А ты, Ѳалалеюшка, съ попами знайся, да берегись; ихъ молитва до Бога доходна, да убыточна... Отпиши, Ѳалалеюшка, что у васъ въ Питерѣ дѣлается: сказываютъ, что великія затѣи. Колокольню строятъ, и хотятъ сдѣлать выше Ивана Великаго: статочное ли это дѣло? то дѣлалось по благословенію патріаршему, а имъ какъ это сдѣлать? Вѣра-то тогда была покрѣпче; во всемъ, другъ мой, надѣялись на Бога, а нынѣче она пошатнулась, по постамъ ѣдятъ мясо, и хотятъ сами все сдѣлать; а все это проклятая некресть дѣлаетъ: отъ нѣмцовъ житья нѣтъ! Какъ поводимся съ ними еще, такъ и намъ съ ними быть въ адѣ. Пожалуйста, Ѳалалеюшка, не заводи съ ними знакомства: провались они проклятые! Нынѣче и за море ѣздить не запрещаютъ, а въ кормчей книгѣ положено за это проклятіе. Нынѣче все ничего; и коляски пошли съ дышлами, а и за это также положено проклятіе; нельзя только взятки брать да проценты выше указныхъ: это имъ пуще пересола; а объ этомъ въ кормчей книгѣ ничего и не написано. На моей душѣ проклятія не будетъ: я и по сю пору ѣзжу въ зеленой своей коляскѣ съ оглоблями *).

Наконецъ прибавимъ, что сама императрица Екатерина Великая ратовала противъ ложной набожности, и въ превосходной своей комедіи: «О, время!», сочиненной въ 1772 году, создала типическое лицо *Ханжихиной*.

---

*) «Живописецъ» изд. 2, ч. I, стр. 105-8.

III.

Въ частной и общественной жизни высшихъ слоевъ общества у насъ въ XVIII столѣтіи, въ свѣтскихъ нравахъ и обычаяхъ, замѣчается сильное чужеземное вліяніе. Въ этомъ отношеніи особенно важно было знакомство наше съ французами. Современники екатерининской эпохи признавались, что нѣмцы, голландцы и англичане никогда бы не смягчили такъ нашихъ нравовъ, какъ смягчило ихъ частое обхожденіе съ французами и путешествія въ Парижъ.

Но какъ при первомъ знакомствѣ нашемъ съ Европою общество русское стояло на весьма невысокой ступени умственнаго и нравственнаго образованія, то понятны крайности и односторонность его увлеченій внѣшностію европейской жизни, свѣтскими условными приличіями и обыкновеніями. Что̀ въ разсадникъ истиннаго просвѣщенія, насажденный Петромъ Великимъ и его сподвижниками, вторглись разные плевелы, въ томъ виновата не западная цивилизація, виноваты мы сами, наша молодость и неразвитость. Медленно и съ трудомъ усвоивая себѣ богатыя свѣдѣнія по различнымъ отраслямъ наукъ и высоко-гуманныя идеи, вызванныя къ жизни европейскимъ образованіемъ, мы какъ дѣти бросились на то, что̀ кидалось намъ въ глаза и нравилось своею яркостію и блескомъ: на моды, роскошь и свѣтскія удовольствія. Подъ французскими кафтанами еще долгое время таились грубые старинные нравы; наружная утонченная вѣжливость очень часто прикрывала внутреннюю пустоту и мрачныя убѣжденія. Такія противорѣчія заставили Сумарокова и другихъ литераторовъ выступить съ обличительнымъ протестомъ. Сатирическіе журналы, со всею энергіей патріотическаго негодованія, наравнѣ съ темными явленіями старины, осмѣивали и крайности односторон-

няго увлеченія чужеземнымъ, и въ ихъ насмѣшкахъ замѣчается подчасъ желчное остроуміе.

На листкахъ «Кошелька» напечатано слѣдующее письмо защитника французскихъ нравовъ:

«Чортъ меня возьми! по чести моей, я объ васъ сожалѣю. Вы (г. издатель «Кошелька») родились въ такомъ вѣкѣ, въ которомъ великія ваши добродѣтели блистательны быть не могутъ: ваша любовь къ отечеству и къ древнимъ россійскимъ добродѣтелямъ не что иное, какъ, если позволено будетъ сказать, сумазбродство. Пріятель мой! вы поздно родились или не въ томъ мѣстѣ, гдѣ бы вы мнѣніями своими могли прославиться. Время отъ времени нравы перемѣняются, а съ ними и нравоучительныя правила... Перестаньте понапрасну марать бумагу; нынѣ молодые ребята всѣ живы, остры, вѣтрены, насмѣшливы, вить они васъ засмѣютъ со всею вашею древнею къ отечеству любовью. Вамъ было должно родиться давно, давно, то есть когда древнія россійскія добродѣтели были въ употребленіи, а именно: когда русскіе цари въ первый день свадьбы своей волосы клеили медомъ, а на другой день парились въ банѣ вмѣстѣ съ царицами и тамъ же обѣдали; когда всѣ науки заключалися въ однихъ святцахъ; когда разные меды и вино пивали ковшами; когда женилися, не видавъ невѣсты своей въ глаза; когда всѣ добродѣтели замыкалися въ густотѣ бороды; когда за различное знаменованіе... сожигали въ срубахъ или изъ особливаго благочестія живыхъ закапывали въ землю, словомъ сказать, когда было великое изобиліе всѣхъ тѣхъ добродѣтелей, кои отъ просвѣщенныхъ людей именуются нынѣ варварствомъ. Тутъ-то бы вы прославились! Я думаю, что вы бѣднымъ французамъ не дали бы и Нѣмецкой слободы въ Москвѣ; но всѣхъ бы ихъ выгнали изъ государства, или еще изъ особенной ревности приказали бы всѣхъ ихъ сжечь: то-то бы славное было дѣло! Но шутки въ

сторону; вы, государь мой, весьма смѣшной проповѣдникъ! Проповѣдуете пороки подъ именемъ добродѣтелей и хотите, чтобы вамъ вѣрили... Вы стараетесь привлекать людей къ тому, отъ чего съ превеликою трудностію ихъ отторгали: вы конечно худо поняли намѣреніе Ж. Ж. Руссо, съ которымъ онъ утверждалъ свою систему. Скажите мнѣ, не хочется ли вамъ, чтобы путешествіе въ Парижъ, молодыми нашими дворянами предпріемлемое для познанія свѣта и для просвѣщенія своихъ единоземцевъ, запретили? Не желаете ли, чтобы науки, въ Россію, помощію обращенія съ французами, съ великимъ трудомъ введенныя, опять изъ Россіи изгнаны были вмѣстѣ съ французами? Не того ли ищете, чтобы бросили французское платье, претворившее насъ изъ варваровъ въ европейцевъ? И если это такъ, такъ вы великую имѣете причину сожалѣть о старомъ платьѣ, ибо оно и красиво и покойно: въ которомъ платьѣ спишь, въ томъ можно и въ гости къ женщинамъ ходить... Ха, ха! какой вы чудакъ! Прославляя древнія русскія добродѣтели, вы, кажется мнѣ, не потрудились поискать о томъ извѣстія въ иностранныхъ о Россіи писателяхъ, но довольствовались утвердиться на словесныхъ объявленіяхъ старожиловъ, которые говорятъ: въ старину-то было хорошо жить; въ старину-то были люди богаты; въ старину-то хлѣбъ родился; въ старину-то были люди умны!»

Въ заключеніи письма высказано, что Россія только тогда можетъ назваться просвѣщенною страной, когда всѣ крестьяне наши будутъ разумѣть по-французски*).

Рядомъ съ этимъ письмомъ любопытно будетъ прочитать другое, подписанное *Люборуссовымъ*, на котораго уже избранный псевдонимъ указываетъ, какъ на защитника народности.

«Люблю я, говоритъ онъ, русскихъ, потому что происхожу

*) Стр. 52—80.

отъ русскихъ людей; люблю русскіе столы, ибо кажется мнѣ, что у нѣмцевъ для русскихъ желудковъ оные голодноваты; люблю по-русски ужинать, ибо не вѣрю, чтобъ испортился отъ того желудокъ, а полагаю, что тѣ, которые не ужинаютъ, стараются больше сберечь деньги, нежели ихъ здоровье. Щи, потрохъ, селянка, рубцы, говядина, дворовыя птицы и прочія русскія кушанья чрезвычайно мнѣ пріятны, а супсвъ, фрикасеевъ, рагу, дичи, биркесовъ, клюквы со сметаной, сыру съ червями и прочихъ иностранныхъ поваренныхъ выдумокъ хотя бы для меня и на свѣтѣ не было! ибо кажется мнѣ, что многія изъ нихъ выдуманы не для вкусу, а только для того, чтобы чѣмъ-нибудь (хотя и худымъ) набить свой желудокъ и сберечь хорошіе припасы для продажи и скопленія денегъ. Почитаю русскую одежду для того, что она проста и покойна, не такъ какъ иностранная, которая изобильна ненужными многочисленными прорѣхами*). Говорю я по-русски, а другихъ языковъ хотя нѣсколько разумѣю, но говорить на оныхъ не могу, да и не хочу; ибо кажется мнѣ, будто они противъ нашего недостаточны, да и расположеніе ихъ чудно...»

Въ приведенныхъ нами письмахъ высказались тѣ два противоположныя убѣжденія, которыя и послѣ долгое время слыша-

---

*) «Трудолюбивый Муравей», въ которомъ напечатано письмо Люборуссова (стр. 169—171), помѣстилъ на своихъ страницахъ статью: О старинномъ русскомъ платьѣ бояръ, дворянъ, приказныхъ, купцовъ и боярынь (стр. 97). «Всякая Всячина», насмѣхаясь надъ тѣми, которые даже на своихъ крестьянахъ желали видѣть нѣмецкіе кафтаны, напечатала письмо, гдѣ въ защиту народной русской одежды выставлялись ея пластичность, удобство и соотвѣтственность съ климатическими условіями. Къ этому письму редакторъ присоединилъ свое замѣчаніе, что русское платье сходнѣе съ холоднымъ климатомъ, но что всякая долгая одежда отнимаетъ проворство и поворотливость: еслибы къ французскому кафтану прибавить, что у него недостаетъ, или у русскаго платья убавить все лишнее, то можно бы составить одежду, приличную климату и согласную съ здравымъ разсудкомъ.

лись въ нашемъ обществѣ, заправляли литературными отзывами и служили неисчерпаемымъ источникомъ журнальной полемики. Обѣ стороны желали высказать истину, но, подъ угломъ болѣе или менѣе крайнихъ воззрѣній, не всегда достигали своей цѣли. «Какъ истребить, спрашивалъ Фонъ-Визинъ, два сопротивные и оба вредные предразсудка: первый, будто у насъ все дурно, а въ чужихъ краяхъ все хорошо; второй, будто въ чужихъ краяхъ все дурно, а у насъ все хорошо?» *Временемъ и знаніемъ*, отвѣчала Екатерина Великая. Необходимо, впрочемъ, замѣтить, что трудная задача объ отношеніяхъ народности къ общечеловѣческому образованію никогда не была разрѣшаема такъ *практично*, какъ въ сатирическихъ изданіяхъ 1769—1774 годовъ. Они не щадили темныхъ сторонъ русскаго быта, ни тѣхъ, какія наслѣдованы отъ до-петровской старины, ни тѣхъ, какія возникли вслѣдствіе слѣпаго пристрастія къ чужеземнымъ обычаямъ; нападая на ложь условныхъ приличій и неразборчивость нашу при выборѣ иностранныхъ гувернеровъ, они съ чувствомъ полнаго уваженія относились къ европейской наукѣ и ея представителямъ. Не мѣшаетъ указать на эту достойную подражанія черту тѣмъ изъ новѣйшихъ защитниковъ народности, которые далеко не воспитали въ себѣ подобной трезвости взгляда: теперь, когда серьёзнѣе стали мы смотрѣть на задачу просвѣщенія, когда несравненно полнѣй и отчетливѣй, нежели наши предки, познали блага, доставляемыя цивилизаціей, когда въ самомъ обществѣ почти исчезло крайнее увлеченіе иноземнымъ, — теперь, казалось бы, съ большимъ правомъ можно ожидать и терпимости и безпристрастія!

Въ высшихъ кружкахъ русскаго общества, въ прошломъ столѣтіи, воспитаніе дѣтей и юношей поручалось иностраннымъ дядькамъ, мадамамъ и учителямъ, наиболѣе охотно французамъ и француженкамъ. Если богатыя и знатныя фамиліи,

располагая огромными матеріальными средствами и усвоивъ себѣ европейскую образованность, безъ особенныхъ трудностей могли вызывать изъ-за границы учителей и гувернеровъ, дѣйствительно свѣдущихъ и достойныхъ; то для другихъ выгода эта была рѣшительно недоступна: при недостаточномъ образованіи самихъ родителей не легко было имъ выбрать добраго воспитателя, не говоря уже о препятствіяхъ, полагаемыхъ состояніемъ. Но духъ подражанія, владычество моды и примѣры большаго свѣта были слишкомъ сильны. Большинство стало принимать къ себѣ иностранныхъ учителей и гувернеровъ, не разбирая ни нравственныхъ ихъ достоинствъ, ни познаній; думали только о наружномъ лоскѣ и заботились, чтобы воспитаніе удовлетворяло принятымъ обыкновеніямъ и стало подешевле. Въ статьѣ о воспитателяхъ, напечатанной въ «Вечерахъ», по этому поводу сказано: «Можно признаться, что мы черезъ французскій языкъ, а не черезъ французскихъ учителей, новыя пріобрѣли знанія, возстановили хорошій вкусъ въ литературѣ... Но чѣмъ мы сей націи вподлинну обязаны, за то благодарить ее и почитать должно, не ослѣпляясь однако именемъ человѣка, который на Сенѣ родился. По какому-то непонятному пристрастію къ уроженцу парижскому или другаго городка древнихъ галловъ, мы надѣемся въ каждомъ изъ сихъ гостей, которые въ наше отечество втираются, находить сію великость духа, остроту разума и справедливость сердца, какимъ въ ученыхъ и преславныхъ французахъ дивимся... Желать открыть дорогу своимъ дѣтямъ къ новымъ познаніямъ черезъ французскій языкъ — похвально; но не имѣть попеченія о ихъ нравахъ, любви къ отечеству, любви къ ближнимъ — безбожно!»*) Толпы иноземцевъ, нисколько не приготовленныхъ къ важному дѣлу воспитанія, явились на

---

*) Ч. I, стр. 10—12 (изд. 2-е).

Руси съ предложеніемъ своихъ корыстныхъ услугъ, и имъ-то многіе родители стали неосторожно ввѣрять будущую надежду отечества. Насмѣшливый «Трутень», въ своихъ сатирическихъ вѣдомостяхъ, публиковалъ:

«*Кронштадтъ*. На сихъ дняхъ въ здѣшній портъ прибылъ изъ Бордо корабль; на немъ, кромѣ самыхъ модныхъ товаровъ, привезены 24 француза, сказывающіе о себѣ, что они всѣ бароны, шевалье, маркизы и графы, и что они, будучи несчастливы въ своемъ отечествѣ, до такой приведены крайности, что для пріобрѣтенія золота принуждены были ѣхать въ Россію. Они въ своихъ разсказахъ солгали очень мало, ибо, по достовѣрнымъ доказательствамъ, всѣ они природные французы, упражнявшіеся въ разныхъ ремеслахъ и въ должностяхъ третьяго рода; многіе изъ нихъ въ превеликой ссорѣ съ парижскою полиціей», которая и попросила ихъ выбраться изъ столицы. «Ради того пріѣхали они сюда и намѣрены вступить въ должности учителей и гофмейстеровъ молодыхъ благородныхъ людей» *).

Что дѣйствительно бывали подобные воспитатели, этотъ грустный фактъ засвидѣтельствовало самое законодательство. Въ именномъ указѣ 12-го января 1755 года, которымъ утверждено основаніе московскаго университета, сказано, что «у большей части помѣщиковъ жили на дорогомъ содержаніи учителя, изъ которыхъ многіе не только не могли преподавать науки, но и сами ничего не знали; оттого лучшее время для воспитанія пропадало даромъ. Иные же родители, не имѣя знанія въ наукахъ или по необходимости не сыскавъ лучшихъ учителей, принимали такихъ, которые лакеями, парикмахерами и другими подобными ремеслами всю жизнь свою препровождали». Въ замѣнъ такихъ невѣжественныхъ воспитате-

*) 1769 г., стр. 125—6.

лей необходимы, по словамъ указа, національные надежные люди для заведенія, при посредствѣ ихъ, училищъ по большимъ городамъ.

И современныя записки, и комедіи оставили намъ довольно характеристическихъ указаній, подтверждающихъ отзывы журналовъ*). Не останавливаясь однако на этихъ источникахъ, воспользуемся обильными матеріалами, записанными въ сатирическихъ изданіяхъ. Прежде всего приведемъ письмо Ѳомы Стародурова къ пріятелю, съ просьбою пріискивать для его внуковъ учителя, письмо, написанное съ такимъ же талантомъ, какъ и всѣмъ извѣстное письмо его превосходительства Дурыкина, принадлежащее перу фонъ-Визина.

«Ты знаешь (пишетъ Стародуровъ), что я уже человѣкъ пожилой, слишкомъ лѣтъ въ шестьдесятъ; итакъ нынѣшнія поведенціи кажутся мнѣ очень чудны, такъ что имъ не могу надивоваться, и онѣ же денежки очень таскаютъ. Дѣды наши были хотя и не такъ смышлены, какъ нынѣшніе молодчики, однако, сказать правду-матку, были они насъ гораздо покрѣпче да и побогатѣе; иноземскія прихоти были имъ незнакомы. Я про себя скажу, чтобы конечно не прежде, какъ лѣтъ въ двадцать пять, зачалъ я учиться россійской азбукѣ, еслибы не было у насъ государя императора Петра I, который дворянъ велѣлъ выгонять въ службу. Тогда и я попался на Сухареву башню и зѣло поученъ былъ въ арихметикѣ... Нынѣ же шестилѣтній ребенокъ болтаетъ по-французскому или по-нѣмецкому — хоть куда поди! Этотъ манеръ завелся и у деревенскихъ дворянъ, такъ что за инымъ не болѣе 300 душъ, а у него живетъ иноземецъ и деретъ съ него очень, очень порядочныя денежки. Мнѣ, правда, хочется, чтобы и

---

*) Записки Болотова («Отеч. Зап.» 1850, № 5, стр. 31), комедіи фонъ-Визина и Екатерины II.

мои внучаты нынѣшнимъ-то наукамъ поучены были, однако не могу найдти учителя по своему достатку, а бросать деньги даромъ я право не привыкъ: мнѣ всякая полушка пòтомъ приходитъ. Третьяго года хотѣлъ было я ихъ записать въ кадетскій корпусъ и поубавилъ имъ года по четыре съ небольшимъ, однако ихъ по лицу узнали, что они старѣе шести лѣтъ. Итакъ я принужденъ былъ учить ихъ дома русской грамотѣ, и они у пономаря моего выучились читать и писать. Послалъ бы ихъ въ Питеръ въ школу, да право нѣтъ силы, а притомъ боюсь, чтобъ они отъ иноземцевъ не научились ихъ отступничеству и не привыкли бы по постамъ ѣсть мясо. Однако, что дѣлать? надобно ихъ учить, а то нынѣ, сказываютъ, безъ наукъ-то немного получишь. Пожалуй, другъ мой, выпиши мнѣ изъ Питера какого добренькаго человѣчка, который бы взялся двухъ моихъ внучатъ учить по-французскому, по-нѣмецкому, егографіи, исторіямъ, иноземской пляскѣ, арихметикѣ и другимъ нынѣшнимъ наукамъ; только, пожалуй, поторгуйся съ нимъ хорошенько; а я уже, какъ быть! дамъ ему въ годъ рублей сорокъ, а особливо когда станетъ онъ у меня смотрѣть въ бѣдномъ моемъ домишкѣ за холопишками, за животиной, за хлѣбомъ и за сѣномъ. А то я уже становлюсь старъ, и за всѣмъ не усмотришь. Если за эти деньги найдти не можно, то, чтò дѣлать! хоть рубли по полтора и прибавить, а болѣе платить я право не въ состояніи. Вить при старости съ голоду умереть не хочется, да мнѣ же и стѣны всѣ станутъ смѣяться, если въ одинъ годъ употреблю на иноземца столько, сколько самому мнѣ не издержать и въ три года. Отъ двухъ тысячъ душъ не кстати тянуться за большими боярами и учить дѣтей нынѣшнимъ наукамъ... Пожалуй, другъ мой, постарайся поискать подешевле, а великая бы милость Божія, когда бы можно было сыскать рубликовъ за двадцать за пять или ровно за двадцать» *).

*) «Полезное съ Пріятнымъ», полумѣс. 2, стр. 23—7.

При общемъ недостаткѣ въ учителяхъ, *дешевые* воспитатели были конечно и самые негодные, отъ которыхъ нечего было ожидать добра. «Всячина» разсказываетъ, что въ одномъ домѣ такъ дорого платили порядочному учителю, что мать за нужное сочла отпустить его, чтобъ имѣть возможность прибавить повару лишнихъ сто рублей; а для сына былъ выбранъ другой наставникъ *подешевле*, изгнанный изъ своего отечества «съ напечатанiемъ герба распустившейся лилеи на спинѣ» и не знавшiй даже грамотѣ. Не посчастливилось ему и въ Россiи, ибо между имъ и полицiей возникло нѣкоторое недоразумѣнiе: полицiя доказывала, что онъ воровалъ, а наставникъ утверждалъ, что слово: «воровалъ» крайнимъ, невѣжествомъ выдумано. Когда этотъ дешевый учитель попалъ въ тюрьму, матушка очень сожалѣла: «Гдѣ мнѣ найдти другаго столько дешеваго?» говорила она. Однако она утѣшилась тѣмъ, что вскорѣ прибыли въ Москву кучеръ, поваренокъ, парикмахеръ и егерь французскаго посла, которые не захотѣли съ нимъ обратно ѣхать, а рѣшились заняться воспитанiемъ русскаго благороднаго юношества*). Можно ли, спрашивалъ сотрудникъ одного сатирическаго журнала, разсчитывать на нравственное развитiе ребенка, отданнаго на руки такого человѣка, достоинства котораго заключаются только въ томъ, что онъ родился во Францiи и дешево беретъ за ученiе? «Смѣхъ и жалость я чувствую, когда вспомню о томъ контрактѣ, какой видѣлъ я въ Москвѣ, между однимъ господиномъ и оборваннымъ французомъ, сдѣлавшимся изъ лотерейнаго разнощика учителемъ. Учитель показался не дорогъ, и контрактъ заключенъ съ нимъ такого содержанiя: 1) «Я Пьеръ де-Фаде обязуюсь получать отъ господина N N каждую недѣлю штофъ водки и каждый день по одной

*) Стр. 114—6.

бутылкѣ французскаго вина; 2) потому что я, де-Фаде, истинный норманскій дворянинъ, то мнѣ должно имѣть три раза въ недѣлю для выѣзда экипажъ съ кучеромъ и лакеемъ, которымъ иного дѣла не будетъ, какъ возить меня, де-Фаде, по всему городу къ моимъ товарищамъ; 3) когда я своихъ пріятелей посѣщаю, то естественно, что и они посѣщать меня будутъ, а для того имѣть мнѣ другіе три дни особый столъ... Жалованья мнѣ получать 500 рублевъ, а я, Пьеръ де-Фаде, обязуюсь обучать дѣтей помянутаго N N своему природному языку, благонравію и всему, что̀ я знаю.» Отецъ и мать плакали отъ радости, найдя такого учонаго мужа; стали *дѣтки* учиться, черезъ полгода позабыли русскую грамоту и плохо узнали французскую, черезъ годъ выучились въ банкъ и квинтичъ, скоро потомъ узнали биліардные дома и наконецъ промотали отцовское имѣніе*). И что другое могли дать подобные воспитатели? Сами чуждые основательнаго образованія, они много-много могли выучить своему родному языку. Науки оставались на второмъ планѣ, а то и вовсе до нихъ не было дѣла. Умѣніе одѣваться со вкусомъ, любезность, грація внѣшнихъ пріемовъ, ловкость въ танцахъ — вотъ главное, на что̀ обращалось особенное вниманіе гувернеровъ. О твердомъ нравственномъ воспитаніи, безъ сомнѣнія, не могли думать ни фонъ-визиновскій Вральманъ, ни мусье де-Фаде. Такая сторона современнаго воспитанія особенно мѣтко осмѣяна сатирическими статьями «Кошелька». Въ этомъ журналѣ между прочимъ напечатано было письмо одного марсельскаго ремесленника къ сыну:

«Ты находишься въ Петербургѣ, ты французъ, ты мой сынъ... Послѣ всего этого я не умру съ голода. Безъ сомнѣнія ты уже нашелъ въ Петербургѣ прибыточное мѣсто и

---

*) «Вечера» ч. I, стр. 12—15 (изд. 2).

имѣешь деньги; раздѣли же ихъ съ отцомъ твоимъ. Ты требовалъ, чтобъ я прислалъ тебѣ отсюда дворянскій паспортъ, но я не могъ достать онаго, и съ превеликою трудностію получилъ мѣщанскій: непорядочная твоя въ молодости жизнь тому причиною... Я сторговалъ было паспортъ послѣ одного бѣднаго капитана, умершаго скоропостижно, но, не могши достать денегъ, упустилъ оный, а купилъ его сынъ нашего сосѣда, бочара, и съ онымъ отправился въ Петербургъ, чтобы вступить въ военную службу.» По справкамъ, прибавляетъ издатель журнала, оказалось, что этотъ марселецъ на границахъ россійской имперіи произвелъ себя въ шевалье де-Мансонжъ и поступилъ въ С.-Петербургѣ къ одному знатному дворянину учителемъ его дѣтей за 500 рублей въ годъ, да сверхъ того получаетъ еще столъ, слугу и карету. Чтобы ближе познакомить публику съ этимъ мнимымъ шевалье, «Кошелекъ» напечаталъ два разговора его съ нѣмцемъ и съ русскимъ.

«— Скажите мнѣ, спрашиваетъ его нѣмецъ, — чему будете обучать поручаемыхъ вамъ воспитанниковъ? ибо между нами сказать, вы и сами, кромѣ французскаго языка, ничего не разумѣете, а въ этой наукѣ всякой французскій сапожникъ не менѣе вашего учонъ!

«— Что за нужда! отвѣчаетъ французъ. — За что-бъ ни давали мнѣ деньги, лишь бы я получалъ ихъ! Глупо дѣлаютъ родители, что поручаютъ воспитаніе дѣтей своихъ мнѣ, а я напротивъ того дѣлаю очень умно, желая получить деньги даромъ. Въ должность учителя я вступаю не для того, чтобъ учить моихъ воспитанниковъ, но чтобы запастись деньгами. А накопя нѣсколько денегъ и сойдясь съ молодыми людьми, сдѣлаюсь и учителемъ и купцомъ. Начну выписывать французскіе товары и постараюсь получать ихъ безпошлинно. Примѣчайте теперь, какъ они достанутся мнѣ дешево: пош-

лина не плачена, лавки для нихъ не нанимаю, купеческихъ поборовъ не плачу и никакихъ тягостей не несу. Товары мои стану распродавать знакомымъ молодымъ людямъ за наличныя деньги, а если въ долгъ, то стану приписывать въ счетахъ и брать векселя. Въ пять лѣтъ буду я имѣть нѣсколько тысячъ рублей, и ворочусь въ свое отечество. Межъ тѣмъ, какъ и самая справедливость того требуетъ, буду ругаться орудіями, служившими къ моему обогащенію, какъ варварами и невѣждами!»

Съ такими надеждами приступалъ шевалье де-Мансонжъ къ труднымъ занятіямъ воспитателя. Вѣрный своей методѣ, въ свободное время занимался онъ передѣлкою простаго рульнаго, тертаго табаку въ *розовый*, и продавалъ его по 5 и по 10 рублей за фунтъ[1]). О торговыхъ спекуляціяхъ французскихъ гувернеровъ упоминаетъ и «Адская Почта»[2]).

Согласно съ принятою системой воспитанія, богатые родители считали необходимымъ отпускать своихъ взрослыхъ сыновей за границу, чтобы, путешествуя по западной Европѣ, закончили они тамъ свое блестящее образованіе: мысль прекрасная! Польза такихъ путешествій, предпринимаемыхъ послѣ достаточнаго приготовительнаго воспитанія, велика и несомнѣнна. Еще «Всякая Всячина» настаивала, чтобы, отпуская молодыхъ людей въ чужіе края, опредѣляли предметъ, для изученія котораго они посылаются. По порученію императрицы, И. И. Бецкій въ 1782 году составилъ прекрасный планъ для путешествія молодыхъ людей за границей съ цѣлью образованія. Но юные недоросли, избалованные дома и привычкою къ роскоши, и окружавшею ихъ лѣнью, выросшіе подъ руководствомъ невѣжественныхъ гувернеровъ и отцовъ,

---

[1]) Стр. 138—144, 17—44.

[2]) Стр. 25.

мечтали не о трудахъ, а о наслажденіяхъ парижской жизни. Что̀ могли они вывезть прочнаго изъ-за границы, куда вырывались на полную свободу, и гдѣ на каждомъ шагу искали однихъ соблазновъ, гдѣ женщины были такъ увлекательны, а общественныя развлеченія такъ легко доступны, гдѣ роскошь въ то время являлась во всемъ изящномъ блескѣ? По отзывамъ современниковъ, они со страстію предавались праздной и шумной жизни, проматывали въ большихъ европейскихъ городахъ цѣлыя состоянія, и никогда не заглядывали въ тѣ мѣста, гдѣ обитали науки[1]). «Трутень» жаловался, что молодые люди вывозили изъ чужихъ земель только свѣдѣнія о томъ, какъ тамъ одѣваются, какія бываютъ зрѣлища и увеселенія, а никто не разскажетъ о правахъ, учрежденіяхъ и узаконеніяхъ просвѣщенныхъ народовъ[2]). Много смѣшнаго можно было подмѣтить въ этихъ путешественникахъ, и комедія не замедлила воспользоваться такимъ богатымъ источникомъ. Комедія у насъ постоянно шла объ руку съ сатирою, взаимно восполняя другъ друга и помогая одна другой. Подобно сатирѣ, комедія обратила самое тревожное вниманіе на воспитаніе, какъ на главный жизненный вопросъ. Фонъ-Визинъ посвятилъ этому вопросу три комедіи. Въ яркихъ, типическихъ образахъ и строго-комическихъ положеніяхъ, осмѣялъ онъ и недостатки того воспитанія, которое основывалось на букварѣ, и пустоту легкаго свѣтскаго воспитанія, подъ руководствомъ невѣжественныхъ гувернеровъ. Въ *Бригадирѣ*

---

[1]) «Адская Почта», стр. 193. «И то и се», недѣля 2, 4.

[2]) 1770 г., стр. 63—64. Сличи съ первою сатирой Кантемира. На подобныхъ путешественниковъ «Трутень» (1769 г., стр. 45—46) въ своихъ сатирическихъ вѣдомостяхъ напечаталъ слѣдующую злую замѣтку: «Молодаго россійскаго поросенка, который ѣздилъ по чужимъ землямъ для просвѣщенія своего разума, и который воротился уже совершенною свиньею, желающіе могутъ видѣть безденежно по многимъ улицамъ сего города.»

фонъ-Визинъ коснулся тѣхъ безплодныхъ, совершаемыхъ глупыми недорослями путешествій, о которыхъ въ другомъ мѣстѣ, обращаясь *къ уму своему*, онъ говоритъ:

Ты хочешь здѣшніе обычаи исправить,
Ты хочешь дураковъ въ Россіи поубавить,
И хочешь убавлять ты ихъ въ такіе дни,
Когда со всѣхъ сторонъ стекаются они,
Когда безъ твоего полезнаго совѣта
Возами ихъ везутъ со всѣхъ предѣловъ свѣта.
Когда бы съ дураковъ здѣсь пошлина сходила,
Одна бы Франція казну обогатила...
Но, видно, мы за то съ нихъ пошлинъ не сбираемъ,
Что сами сей товаръ къ французамъ отправляемъ, и пр. *)

Въ подобныхъ нападкахъ сатирическихъ писателей XVIII вѣка на французскихъ гувернеровъ и русскихъ баричей, странствовавшихъ въ Парижъ, нельзя не замѣтить нѣкоторой доли преувеличенія; сатира такъ легко переходитъ въ каррикатуру, а писатель, тревожно занятый интересами своей эпохи и возмущенный ея недостатками, съ большимъ насиліемъ для себя можетъ выдерживать хладнокровное безпристрастіе; обыкновенно овладѣваетъ имъ жажда безпощаднаго осмѣянія тѣхъ крайностей, въ которыхъ видится ему источникъ нравственнаго зла. Зло конечно существовало; это засвидѣтельствовано передовыми людьми прошлаго столѣтія, вовсе не староверами, а людьми, горячо преданными европейскому образованію, каковы: фонъ-Визинъ, Новиковъ и сама императрица. Но нападая на него, писатели не всегда выдерживали должную мѣру. Не все же были Вральманы; были изъ иноземцевъ и такіе, которые дѣйствительно научили нашихъ предковъ многому добру. Особенно рѣзкая односторонность

*) Въ 1774 году была напечатана при московскомъ университетѣ комедія: «Воспитаніе» (въ пяти дѣйствіяхъ), касающаяся того же вопроса.

замѣчается въ журнальныхъ обвиненіяхъ французскихъ гувернеровъ и учителей въ томъ, что они внушали своимъ воспитанникамъ презрѣніе къ отечественнымъ нравамъ и безконечное уваженіе къ французскимъ. Понятно, что люди, рожденные въ странѣ высшей цивилизаціи и привыкшіе къ инымъ, болѣе мягкимъ и человѣчнымъ нравамъ и обычаямъ, съ гордымъ сознаніемъ своего народнаго достоинства говорили о своемъ отечествѣ, и непривѣтливо смотрѣли на наши суровыя обыкновенія и откровенную грубость въ обхожденіи. Если фонъ-Визинъ, одинъ изъ замѣчательно-свѣтлыхъ умовъ своего времени, съ непріязненнымъ чувствомъ замѣтилъ, что во Франціи лакеи, сидя въ передней, не вскакиваютъ съ мѣстъ передъ господами, проходящими мимо этихъ *скотовъ;* если фонъ-Визинъ былъ непріятно пораженъ тѣмъ, что французскіе офицеры гуляли по улицамъ безъ слуги, то какъ должны были поражаться европейскими нравами люди, стоявшіе далеко ниже фонъ-Визина по уму, по образованію, и съ дѣтства воспитанные въ грубыхъ и не совсѣмъ человѣчныхъ убѣжденіяхъ? Съ другой стороны, какъ должны были поражать иноземцевъ, выросшихъ среди иныхъ обычаевъ, наше безцеремонное обращеніе съ подчиненными и слугами, наша барская спесь и семейная автократія! Передавая своимъ ученикамъ презрѣніе къ такимъ суровымъ нравамъ, они конечно дѣйствовали не совсѣмъ недобросовѣстно.

Въ воспитаніи дѣвицъ мадамами и гувернантками также главное вниманіе было обращено на внѣшній лоскъ и наружныя формы. Почти съ того дня, какъ разставались дѣвочки съ своими кормилицами, начинали ихъ наряжать, потомъ учили танцовать, выпрямливали станъ, заставляли голову носить предписаннымъ образомъ и поворачиваться по циркулю, подъ опасеніемъ не выйдти никогда замужъ, если не будутъ ходить, глядѣть и двигаться прямо; о томъ же, чтобы приго-

товить изъ нихъ добрыхъ хозяекъ, образовать ихъ умъ и сердце, почти совсѣмъ не заботились*). Приведемъ откровенное признаніе модницы, записанное «Трутнемъ»:

«Батюшка покойникъ, скончавшись третьяго года, избавилъ меня отъ ужасныхъ хлопотъ и безпокойства. Ты удивишься, какъ я тебѣ скажу; у васъ въ Петербургѣ и въ голову никому это не входило. Послушай, да не засмѣйся: уморишь, радость! Я принуждена была смотрѣть за курами, за гусями и деревенскими бабами — ха, ха, ха! Разсуди, радость, сносно ли благородной дворянкѣ смотрѣть за эдакою подлостью... Я знала только, какъ и когда хлѣбъ сѣютъ, когда садятъ капусту, огурцы, свеклу, горохъ, бобы и все то, что̀ нужно знать дураку прикащику. Ужасное знаніе! А того, что̀ дѣлаетъ нашу сестру совершенною, я не знала. По смерти батюшкиной, пріѣхала въ Москву, и увидѣла, что я была совершенная дура. Я не умѣла ни танцовать, ни одѣваться, и совсѣмъ не знала, что̀ такое мода. Повѣришь ли, мнѣ стыдно признаться, я такъ была глупа, что по пріѣздѣ только моемъ въ Москву узнала, что я хороша! Разсуди теперь, какъ меня приняли московскія щеголихи. Онѣ съ головы до ногъ меня засмѣяли, и я три мѣсяца принуждена была сидѣть дома, чтобы только выучиться по модѣ одѣваться. Ни день, ни ночь не давала я себѣ покоя, но, сидя передъ туалетомъ, надѣвала карнеты (чепчики), скидавала, опять надѣвала, разнообразно ломала глаза, кидала взгляды, румянилась, притиралась, налѣпливала мушки, училась различному употребленію опахала, смѣялась, ходила, одѣвалась, и словомъ въ три мѣсяца все то научилась дѣлать по модѣ. Мнѣ кажется, ты удивляешься, какъ могла я въ такое короткое время всему, да еще и сама, научиться. Я тебѣ это таинство открою:

*) «Всячина», стр. 124, 325—6.

по счастію попалась мнѣ одна французская мадамъ, которыхъ у насъ въ Москвѣ довольно. Она предложила мнѣ свои услуги, разсказала мнѣ, въ какомъ я нахожусь невѣжествѣ, и что она въ состояніи изъ меня сдѣлать самую модную щеголиху. Вотъ какое изъ насъ французы дѣлаютъ превращеніе! Изъ деревенской дуры въ три мѣсяца сдѣлать модную щеголиху — для человѣка невозможно, а французы дѣлаютъ...»[1])

Понятно, что при такомъ направленіи воспитанія, учители танцованія почитались наиболѣе необходимыми, и потому передъ всѣми другими учителями пользовались особеннымъ предпочтеніемъ[2]).

Въ жизни высшихъ общественныхъ кружковъ на первомъ планѣ стояла *мода*, а она требовала ловкости, свободныхъ пріемовъ и веселой, непринужденной болтовни. Нынѣ, жаловались сатирики, на все мода: одѣваются по модѣ, ходятъ по модѣ, говорятъ и думаютъ по модѣ, даже и бранятся по модѣ. Эти моды измѣнчивы и убыточны: не успѣла утвердиться одна, какъ ее вытѣсняетъ другая, готовая вскорѣ уступить третьей, и т. д. Въ такихъ превращеніяхъ уходитъ время, и что̀ сегодня было любимымъ, завтра будетъ называться старинннымъ. Петербургъ внимательно слѣдитъ за измѣненіями парижскаго вкуса, Петербургу подражаетъ Москва, а столицамъ — провинціи[3]).

По требованію моды, роскошь въ костюмахъ доходила до крайностей: бархатъ, кружева и блонды, серебреныя и золотыя украшенія считались необходимыми принадлежностями туалета. Кафтаны носились съ золотымъ шитьемъ или съ золотымъ галуномъ, и не имѣть такого кафтана для свѣтскаго че-

---

[1]) 1770 г. стр. 43—44.

[2]) «И то и сё», недѣля XIV.

[3]) «И то и сё», недѣля XXIX. «Смѣсь»., стр. 148. «Полезное съ Пріятнымъ», IV полумѣсяцъ, стр. 22, 29.

ловѣка значило быть осмѣяннымъ. Щоголь долженъ былъ имѣть такихъ богатыхъ кафтановъ и камзоловъ по нѣскольку, и какъ можно чаще перемѣнять ихъ, сообразуясь съ временемъ года и съ принятымъ модою цвѣтомъ. Шубы бывали бархатныя, съ золотыми кистями; на кафтанахъ тоже подлѣ петель привѣшивались иногда кисти, а на шпагѣ — ленточка; манжеты носились тонкія, кружевныя [1]). Щоголи заказывали себѣ платье у французскихъ портныхъ, которые продавали свое искусство весьма дорого и, возвращаясь на родину съ нажитымъ въ Россіи состояніемъ, сказывали, что нѣтъ лучшей дороги къ счастію, какъ быть французскимъ портнымъ въ Россіи, потому что тамъ за всякое платье даютъ вдвое и втрое, исключая то, что̀ догадливый портной сумѣетъ самъ украсть [2]). Франты прошлаго вѣка носили чулки со стрѣлками, башмаки съ красными или розовыми каблуками и большими пряжками; имѣли при себѣ лорнетъ, карманные часы, по нѣскольку золотыхъ, иногда осыпанныхъ бриллiянтами табакерокъ съ миніатюрными портретами красавицъ или съ изображеніемъ сердца, пронзеннаго стрѣлой, и другія драгоцѣнныя бездѣлки; на пальцахъ дорогіе перстни, а въ рукахъ трость [3]).

Но особенное вниманіе щеголей было обращено на головную уборку: завиваніе волосъ, пудру и парики. Убрать го-

---

[1])«Всячина», стр. 81. «Смѣсь», стр. 314. «Вечера», ч. II, стр. 172 «Поденьшина», стр. 24, 32—36. «Адская Почта», стр. 33, 61, 169. «И то и сё», недѣля 34.

[2]) «И то и сё», недѣля 24. Въ «Вечерахъ» (ч. II, стр. 242) напечатана похвальная эпистола *новому кафтану*; въ «Старинѣ и Новизнѣ» — стихи *на смерть закройщика Брокара* (ч. II, стр. 208), а въ «Щепетильникѣ» (стр. 147) — стихи *на смерть шляпорѣза Г. К.*

[3]) «Адская Почта», стр. 161. «Модное ежемѣсячное изданіе» 1779 г. ч. I, стр. 240. «Трудолюбивая Пчела» 1759 г., стр. 276—7. Комедіи Лукина.

лову согласно съ требованіями свѣтскихъ приличій и для мущинъ и для женщинъ было хлопотливое и нелегкое искусство. Волосы были завиваемы буколь въ двадцать и болѣе, и (по свидѣтельству «Трутня» щоголи просиживали за такимъ занятіемъ часа по три и по четыре[1]). Французскимъ парикмахерамъ платились большія деньги за прическу головы со вкусомъ, по всѣмъ правиламъ искусства. «Поденьшина» упоминаетъ о французѣ-парикмахерѣ, который жилъ у богатаго помѣщика и получалъ по 200 рублей, платье, столъ и экипажъ[2]). «Пустомеля» насмѣхается надъ тѣми, которые, гоняясь за богачами, три четверти своего дохода издерживали будто бы на одно завиваніе кудрей и пудру[3]). Пудра употреблялась разная, смотря по цвѣту волосъ: poudre grise, poudre blonde[4]). «До сихъ поръ, объявлялъ сатирикъ, завивали волосы и ставили кудри *на подобіе заливныхъ трубъ и винныхъ боченковъ*; я нынѣ упражняюся въ изобрѣтеніи новаго манеру. Выдумка моя состоитъ въ томъ, чтобы ставить кудри на подобіе цвѣтка розы и пропудривать волосы красною съ нѣкоторою бѣлизною пудрой»[5]). Журналы записали насмѣшливыя указанія на употребленіе париковъ и кошельковъ[6]).

Въ 1769 году между свѣтскими дамами вошло въ моду носить на башмакахъ высокіе каблуки и какъ можно выше подымать свои прически, что̀ послужило обильнымъ матеріаломъ для журнальныхъ нападокъ. По словамъ «Всячины», женщины всѣ выросли на пядень съ тѣхъ поръ, «какъ бока ихъ потеряли стремленіе выпячиваться, какъ прежде бывало», и появились

---

[1]) 1769 г. стр. 54. «Адская Почта», стр. 169.

[2]) Стр. 8—14.

[3]) Стр. 55.

[4]) «Смѣсь», стр. 26—7.

[5]) «И то и сё», недѣля 1, 2, 4.

[6]) «Всячина», стр. 284. «Кошелекъ», стр. 47. «Сочин. Сумарокова», ч. V, стр. 19.

высокія прически. Еслибъ это случилось съ мущинами, тогда пожалуй можно-бъ было догадаться, зачѣмъ стараются они прикрывать свои головы высокими прическами; но дамы!... Какъ не дивиться высокому зданію, поднятому на женской головкѣ! «Устоитъ ли это обыкновеніе или нѣтъ, неизвѣстно; но то правда, что кареты будутъ дороже. Каретники уже принялись дѣлать оныя выше, чтобы дамамъ можно было сидѣть прямо». Я, прибавляетъ сатирикъ, заказалъ въ своемъ домѣ всѣ двери сдѣлать выше, дабы дочь моя какъ-нибудь головою не увязла. «Лѣтъ съ двадцат назадъ, бывало, расширяй домы, двери, кареты и прочая — для фишбейновъ; а нынѣ возвышай домы. Въ Петербургѣ уже всѣ строенія, сооруженныя нынѣшнимъ лѣтомъ, не въ примѣръ выше тѣхъ, кои строили, когда носили большіе фишбейны; тогда и домы имъ повиновалися, и расли въ ширину поземисто, не подымая стропилъ до облаковъ... Прочитавъ это, быть можетъ, дамы позадумаются, а вышедши въ другую горницу, сядутъ убираться и скажутъ: дѣвка! повыше, пожалуй повыше!»[1]) Моду носить высокія прически осмѣяла сама императрица въ комедіи: *Имянины г.-жи Ворчалкиной*, представленной въ 1772 году на придворномъ театрѣ[2]). Въ «Модномъ ежемѣсячномъ изданіи, или Библіотекѣ для дамскаго туалета», на 1779 годъ, приложены любопытныя гравированныя изображенія дамскихъ головныхъ уборовъ, поражающихъ своею изысканностію и размѣрами, таковы: *шишакъ Минервинъ или по-драгунски*, *рогъ изобилія*, *чепецъ побѣды*, *уборъ а ла белль пуль*, и др. Мода эта прекращается въ восьмидесятыхъ годахъ: «Вечерняя Заря» (1782 г.) уже напечатала *эпитафію широкимъ накладкамъ и высокимъ прическамъ*[3]).

---

[1]) Стр. 390—2.

[2]) «Сочин. Екатерины II», ч. II, стр. 170, 160.

[3]) Ч. III, стр. 250, 243—6.

Румяна, бѣлила и мушки были необходимою принадлежностію щегольскаго туалета; къ нимъ прибѣгали не только женщины, но даже мущины. Въ праздничные дни щоголи, по словамъ Чулкова, ни о чемъ не думали, кромѣ нарядовъ и убранства:

Но только ото сна взглянувъ на свѣтъ очами,
Во первыхъ мажутся пахучими водами,
Гнутъ волосы въ крючки......
Потомъ касаются сурмилами бровямъ,
Румянъ и горсть бѣлилъ бросаютъ по щекамъ,
Сердечки изъ тафты желѣзомъ выбиваютъ,
И наклеивъ на перстъ, для моды прилѣпляютъ,
Который въ старину именовался *врачъ* *).

Но преимущественно украшенія эти, разумѣется, оставались за дамами, которыя бѣлились, румянились, налѣпливали на лица мушки разной величины и формы и часто перемѣщали ихъ съ одного мѣста на другое. Въ назиданіе щеголихъ «Полезное съ Пріятнымъ» публиковало статью о женскомъ уборѣ, въ которой между прочимъ сказано: «Хотя и все на свѣтѣ подвластно непостоянству времени, однако женскій головной уборъ всего скорѣе перемѣняется, и уже на нашемъ вѣку весьма много возвышался и понижался. Правда, нынѣ и мущины своими возвышенными верженами прибавляютъ себѣ росту; но что мы бѣдные можемъ учинить всклочиваніемъ своихъ волосъ противъ непостижимаго могущества женскихъ чепчиковъ, которые по пропорціи возвышаются на желаемые градусы?» Опутывая свою голову бахромками, блондами, кружевами и проволокою, испещряя лицо черными пятнами и за-

---

*) При этомъ стихѣ находимъ слѣдующее примѣчаніе: «О именахъ ручныхъ перстовъ справиться можно въ *Безстрашномъ гражданинѣ* (сатирическій романъ), который въ скоромъ времени печататься будетъ.» («И то и сё», недѣля 17-ая). «Всякина», стр. 145—6; «Живописецъ» (изд. 3) ч. II, стр. 49.

крашивая его румянами, дамы своевольно затмѣваютъ свою природную красоту: такова-то польза отъ ихъ уборовъ*)!

«Смѣсь» напечатала на своихъ листкахъ насмѣшливую статью подъ заглавіемъ: «Происхожденіе, польза и употребленіе опахала». Опахало, говоритъ авторъ, прекрасно и полезно. Оно исправляетъ должность зефира, отвращаетъ солнечные лучи, прикрываетъ нехорошіе зубы и непристойныя усмѣшки. При мнѣ одна пожилая вдова учила свою внучку: когда начнешь сердиться, покраснѣешь, станутъ напрягаться жилы и морщиться лицо; то ни мало не теряя времени, надлежитъ развернуть опахало и изо всей силы махаться, такъ чтобы слышны были: *кли, кли!*... Знающія свѣтъ женщины умѣютъ опахаломъ изображать разныя страсти: ревность, держа у рта свернутое опахало, не говоритъ ни слова; непристойное любопытство, сохраняя стыдливость, закрываетъ лицо развернутымъ опахаломъ и смотритъ на то сквозь кости опахала, на что̀ стыдно смотрѣть простыми глазами; а любовь играетъ опахаломъ, какъ младенцы игрушками. Не безъ причины опахало падаетъ изъ рукъ красавицы: это часто дѣлается для испытанія обожателей. Они всѣ за нимъ бросятся съ великою скоростію, и первый, кто, поднявъ, подастъ красавицѣ и поцѣлуетъ ея руку, получитъ побѣду надъ своими совмѣстниками; его благодарятъ за учтивость, и въ такомъ случаѣ прелестный полъ болѣе говоритъ глазами, нежели языкомъ. Опахало имѣетъ свои выраженія, которыя любовники легко познаютъ, какъ напримѣръ: будучи въ гостяхъ, красавица нарочно позабудетъ свое опахало, то ея любовникъ, конечно, отвезетъ его къ ней и симъ посредствомъ заведетъ знакомство, или по крайней мѣрѣ отошлетъ при любовномъ письмѣ

---

*) IV-й полумѣсяцъ, стр. 30—32. «Всячина», стр. 285. «Смѣсь», стр. 28—29.

или стихахъ, на что̀ всегда есть причина отвѣчать . . Теперь скажу о тѣхъ веселыхъ часахъ, въ кои волокиты говорятъ красавицамъ страстныя и пустыя рѣчи, то если вырвется словцо двоякаго смысла, тогда свернутымъ опахаломъ, на подобіе палочки, должно съ великою скоростію и умѣренною силою ударить по пальцамъ или по рукѣ такого смѣльчака, а послѣ сего усмѣхнуться и вымолвить: *перестань, пожалуй*! Такое пріятное словцо тронетъ самое нечувствительное сердце»[1]).

Въ 1772 году стали было, по свидѣтельству «Живописца», подражать англичанамъ[2]); но французская мода одержала верхъ, и ей долгое время суждено было властвовать надъ нашими петиметрами и свѣтскими дамами.

Свѣтское модное воспитаніе не обошлось безъ сильнаго вліянія на отечественный языкъ. Періодическія изданія, проникнутыя строгимъ сатирическимъ направленіемъ, горячо вступились за родное слово, которое въ большомъ свѣтѣ искажалось и передѣлывалось на французскую и нѣмецкую стать[3]): здѣсь создался свой особенный разговорный языкъ, съ странною примѣсью множества иностранныхъ словъ и оборотовъ[4]). По замѣчанію «Смѣси», въ большомъ свѣтѣ безъ французскаго языка и умнымъ прослыть было невозможно; хорошій тонъ требовалъ по крайней мѣрѣ примѣшивать къ рѣчи отборныя французскія слова. Разсуждая о такомъ пристрастіи къ французскому языку, «Кошелекъ» прибавляетъ: «Неоспоримая есть истина, что доколѣ будутъ презирать свой оте-

---

[1]) Стр. 3—8.

[2]) Ч. I (изд. 2), стр. 95.

[3]) «Всячина», стр. 290.

[4]) «И то и сё» напечатало цѣлый списокъ общепринятыхъ иностранныхъ словъ (авантажъ, амбиція, галантъ, консиль, реваншъ и пр.), съ объясненіями (недѣля 26-я).

чественный языкъ въ обыкновенномъ разговорѣ, дотолѣ и въ письменахъ не можетъ оный до совершенства дойдти»; почему издатель и его знакомые согласились постановить между собой такое правило, по силѣ котораго каждый за всякое иностранное слово, произнесенное имъ въ разговорѣ безъ крайней нужды, повиненъ заплатить пять копѣекъ въ пользу воспитательнаго дома, а вновь отысканныя или сочиненныя, по примѣру нѣмцевъ, коренныя россійскія слова сообщать для напечатанія къ пользѣ любителей россійскаго слова[1]). Вмѣстѣ съ иностранными рѣченіями, цѣликомъ взятыми, въ разговорномъ языкѣ моднаго свѣта замѣчалось и неумѣренное употребленіе буквально переведенныхъ французскихъ словъ и выраженій, противныхъ генію нашего языка, и постройка цѣлыхъ предложеній по правиламъ французскаго синтаксиса. Народный строй рѣчи былъ постоянно нарушаемъ; кореннымъ русскимъ словамъ нерѣдко придавался новый и странный смыслъ; самыя грамматическія формы подвергались нѣкоторымъ искаженіямъ, напримѣръ говорили: *увидаю*, *услыхаю*, *какъ ли ни*, и пр. Словомъ, говоря по-русски, модный свѣтъ думалъ по-французски[2]).

«Живописецъ» сообщаетъ интересные образцы подобныхъ искаженій въ статьѣ: «Опытъ моднаго словаря щегольскаго нарѣчія»:

Болванчикъ — ласкательное названіе, которое придавали другъ другу любовники, то-же что *idole de mon âme*: «Ахъ, мущина, какъ ты забавенъ! Ужесть, ужесть! Твои *гнилые* взгляды и томные вздохи и мертваго разсмѣшить могутъ. Ахъ, какъ ты славенъ, безподобный *болванчикъ!* Ну, еслибы сказала я тебѣ: люблю, такъ вить бы я пропала съ тобою.

---

[1]) Стр. 11—16.

[2]) «Смѣсь», стр. 150. «Трудолюб. Пчела», стр. 58—61, 225. «Пустомеля», стр. 15. «Сочиненія Сумарокова», ч. VII, стр. 368—370.

По чести, ты бы до смерти меня залюбилъ, не правда ли? Перестань, радость, шутить, это ни чуть не славно».

Маханье — волокитство; *махаться* — волочиться: «Ха, ха, ха! ахъ, монкёръ, ты уморилъ меня! Онъ живетъ три года съ женою, и по сю пору ее любитъ! Перестань, мущина, это никакъ не можетъ быть; три года имѣть въ головѣ своей вздоръ!... съ чужою женою и *помахаться* не смѣетъ, еще и за грѣхъ ставитъ! Прекрасно! Перестань шутить; по чести, у меня отъ этого сдѣлается тѣснота въ головѣ. Ахъ, какъ это славно! Они до смерти другъ друга залюбятъ. Ахъ, мущина, ты уморилъ меня!»

Безподобно и *безпримѣрно* въ особенномъ новомъ смыслѣ, напримѣръ: «*Безподобные* люди! она дурачится по-дѣдовски и тѣмъ *безподобно* его терзаетъ, а онъ такъ теменъ въ свѣтѣ, что по сю пору не примѣтитъ, что это ни чуть не славно и совсѣмъ не ловко; онъ такъ развязанъ въ умѣ, что никакъ не можетъ ретироваться въ свѣтъ»[1]). «*Безпримѣрное маханье!* Онъ посадилъ себѣ въ голову вздоръ, а у нея вѣчной въ головѣ безпорядокъ».

Частое употребленіе слова: *ахъ!* «Мущина, притащи себя ко мнѣ, я до тебя охотница. *Ахъ*, какъ ты славенъ! Ужесть, ужесть: я отъ тебя падаю... *ахъ!*...»[2])

Вотъ еще образчикъ моднаго нарѣчія: «Mon coeur, Живописецъ! пишетъ щеголиха. Ты, радость, безпримѣрный авторъ. По чести говорю, ужесть какъ ты славенъ! Читая твои листы, я безподобно утѣшаюсь; какъ все у тебя славно:

---

[1]) Переводъ: «Рѣдкіе люди! Она любитъ его постоянно, а онъ совсѣмъ незнающъ въ щегольскомъ обхожденіи, и не разумѣетъ того, что постоянная любовь въ щегольскомъ свѣтѣ почитается тяжкими оковами; онъ такъ глупъ, что и самъ любитъ ее равномѣрно».

[2]) Ч. I (изд. 2), стр. 69, 71, 74—6, 115—7. «Всячина», стр. 56. «Сочинен. Екатерины II», ч. II, стр. 172, 225.

слогъ разстеганъ, мысли прыгающи. Твои листы вѣчно меня прельщаютъ; клянусь, что я всегда фелитирую ихъ безъ всякой дистракціи... А притомъ ты всегда стараешься оказывать намъ учтивости, не такъ какъ нѣкоторый грубіянъ, сочиня комедію, одну изъ подругъ моихъ вытащилъ на театръ (намекъ на комедію императрицы Екатерины: «Имянины г-жи Ворчалкиной»): куда онъ много выигралъ! Я чаю, онъ надѣялся, что всѣ расхохочутся до смерти; анъ право никто изъ нашихъ сестръ и учтивыхъ мущинъ и не улыбнулся. Онъ хотѣлъ насъ одурачить, да не удалось. Ужесть какъ славно онъ забавлялся надъ бѣднымъ мальчикомъ *Фирлифюшковымъ:* со всѣмъ тѣмъ подобные ему люди останутся всегда у насъ въ почтеніи; а его *Дремовъ* никогда не выдетъ изъ дураковъ*). Еслибъ узнала я этого автора, то оттѣнила бы сама его безподобно. Я никакъ на него не сердита; онъ меня никакъ не тронулъ; однакожъ я и сама не знаю, за что̀ я его никакъ не могу терпѣть. Въ первой его комедіи («О, время!») я и сама до смерти захохоталась; ужесть какъ славно шпетилъ онъ нашихъ бабушекъ! а эта комедія такую сдѣлала дистракцію и такую грусть, что я поклялась на *имянины* не ѣздить. Правда, ты и самъ зацѣпился, но это шуткою... точь-въ-точь высказалъ ты дражайшаго моего папахина. Какой это несносный человѣкъ! Ужесть, радость, какъ онъ неловокъ выдѣланъ. По счастью, скоро выдали меня замужъ; я пріѣхала въ Петербургъ, подвинулась въ свѣтъ, разняла глаза, выкинула весь тотъ изъ головы вздоръ, который посадили мнѣ мои родители, и поправила опрокинутое мое понятіе. Но я никакъ не ушла отъ бѣды: мужъ мой влюбленъ въ меня до дурачества, а къ тому-жъ еще и ревнивъ. Фуй! какъ это не ловко: мужъ

---

*) *Фирлифюшковъ* и *Дремовъ* — дѣйствующія лица въ комедіи Екатерины II.

растрепанъ отъ жены; это, радость, гадко!.. Сказать ли, чѣмъ я отвязываюсь отъ этого несноснаго человѣка? Одними обмороками. Какъ привяжется онъ ко мнѣ со своими декларасіонами и клятвами, то я сперва говорю ему: отцѣпись! но онъ никакъ не отстаетъ; послѣ этого резонирую, что стыдно и глупо быть мужу влюблену въ свою жену, но онъ никакъ не вѣритъ. Итакъ остается мнѣ одно средство — взять обморокъ»[1]).

Модное нарѣчіе столичныхъ петиметровъ и щеголихъ отозвалось и въ провинціяхъ. Изъ Полтавы было прислано въ «Живописецъ» извѣстіе, что тамошніе молодые люди и дамы, произнося *новоманерныя петербургскія слова*, старались пришепетывать и картавить: такъ-де нѣжнѣе[2]). Современная комедія не разъ осмѣивала этотъ «новоманерный» языкъ. Императрица Екатерина, Сумароковъ, Лукинъ и фонъ-Визинъ оставили намъ живые памятники такого языка въ разговорахъ дѣйствующихъ лицъ своихъ комедій.

Воспитанные и одѣтые по модѣ, щеголи въ обращеніи старались подражать парижскимъ свѣтскимъ баловнямъ. Пустота легкаго, поверхностнаго образованія, праздная жизнь, полная различныхъ удовольствій, увеселеній, и увлеченіе внѣшними формами, искусственными, но блестящими и роскошными, отразились на ихъ характерѣ рѣзкими и яркими чертами. Вотъ какъ, по свидѣтельству сатирическихъ листковъ, проводилъ время модный человѣкъ, которому придавали тогда названія: *петиметра*, *щоголя* и *вертопраха*.

Проснувшись въ полдень или немного позже, онъ мажетъ лицо свое парижскою мазью, которая дѣлаетъ кожу мягкою и нѣжною, натирается разными соками и кропитъ себя паху-

---

[1]) «Живописецъ», ч. I (изд. 2), стр. 60—65.

[2]) Ч. II (изд. 1), стр. 301—2, и ч. I (изд. 2), стр. 147.

чими водами; потомъ набрасываетъ *пудреманъ* и понѣскольку часовъ проводитъ за туалетомъ, причесываясь, чистя зубы, румяня губы, подсурмливая брови и налѣпливая мушки, смотря «по погодѣ петиметрскаго горизонта». Какъ бы хорошо ни причесывалъ волосъ его собственный слуга, хотя бы ставилъ пукли на подобіе горлицыныхъ крылышекъ, а вержетъ бекасинымъ носомъ, но петиметръ ни за что не поручитъ ему собственной прически; его чешетъ, помадитъ, украшаетъ кудрями и осыпаетъ пудрою новомодный французскій парикмахеръ, за что̀ беретъ рублей 30 въ мѣсяцъ. Каждый день петиметръ переодѣвается въ различные кафтаны различныхъ цвѣтовъ, строго слѣдуя модѣ. По окончаніи своего туалета онъ садится въ маленькую манерную карету, на которой часто изображались купидоны со стрѣлами, и ѣдетъ вскачь, давя прохожихъ, изъ дома въ домъ; вездѣ онъ собираетъ и разглашаетъ новости, насмѣхается въ одномъ домѣ тому, что̀ видѣлъ въ другомъ, и прилыгаетъ то, чего не видалъ. Петиметръ непремѣнно долженъ усвоить себѣ счастливое дарованіе говорить обо всемъ и важно, и шутливо: ротъ его всегда долженъ быть открытъ для веселой болтовни и передачи безконечнаго числа глупостей и житейскихъ мелочей; онъ на все ищетъ противорѣчій, и на всякой случай запасается готовыми эпиграммами; онъ самолюбивъ, тщеславенъ, смѣлъ и даже дерзокъ, но веселъ, говорливъ, насмѣшливъ, и потому нравится женщинамъ. «Когда вы увидите молодаго человѣка, который говоритъ громко, съ безразсудною рѣзвостью, и поминутно хохочетъ, знайте навѣрное, что онъ — женскій временщикъ!» Съ своей стороны петиметръ все свое благополучіе полагаетъ въ томъ, чтобы услужить и угодить дамамъ, и для того старается быть какъ можно чаще въ ихъ обществѣ и не пропускаетъ ни одного публичнаго увеселенія. На Каменномъ островѣ, въ Екатерингофѣ, въ Лѣтнемъ саду, на

Дворцовой набережной и на балахъ — вездѣ онъ дамскій собесѣдникъ. Театръ онъ посѣщаетъ не для того, чтобы слѣдить за ходомъ піесы и игрой актеровъ, но чтобы бѣгать по ложамъ, услуживать красавицамъ, или помощію зрительной трубки разсматривать женскіе уборы. Всѣ усилія петиметра направлены на то, чтобы прослыть волокитою. Онъ почитаетъ «за нѣкоторый родъ честолюбія посѣщать женщинъ и говорить съ ними о любви». Только увидитъ незнакомую даму, какъ спѣшитъ съ ней познакомиться, сочинитъ ей мадригалъ и признаться въ любви: такое поведеніе обратилось въ необходимое условіе свѣтской жизни. Петиметръ такъ привыкъ говорить женщинамъ о своихъ чувствахъ, разсыпать передъ ними щедрыя похвалы и повторять французскіе стихи, въ которыхъ воспѣвается любовь, притворно восхищаться ихъ прелестями, и казаться страстно-задумчивымъ, что все это почитаетъ необходимою жертвою прекрасному полу. Въ разговорахъ его съ свѣтскими красавицами безпрестанно слышатся эти обычныя слова: *любовь*, *склонность*, *горячность*, *страсть*, и тому подобный бредъ, который, однакожъ, нравится женщинамъ *).

«Моя наука, разсуждаетъ петиметръ, состоитъ въ томъ, чтобъ умѣть одѣваться со вкусомъ, чесать волосы по модѣ, говорить всякія трогающія бездѣлки, вздыхать кстати, хохотать громко, сидѣть разбросану, имѣть пріятный видъ, плѣняющую походку, быть совсѣмъ развязану, словомъ дойдти до того, чтобы называли *шалуномъ* тѣ люди, которыхъ мы дура-

*) «Полезное съ Пріятнымъ», полумѣс. VI, стр. 17. «И то и сё», недѣл. 23-я. «Смѣсь», стр. 38, 77, 178, 249, 253, 262, 294. «Пустомеля», стр. 30, 35. «Трутень» 1769 г., стр. 77, 257, 261. «Кошелекъ», стр. 75—77. «Всячина», стр. 10, 347. «Вечера», ч. II, стр. 172, ч. I, стр. 184. «Трудолюбивый Муравей», стр. 138. «Сочин. Сумарокова», ч. V, стр. 272; ч. VII, стр. 35. «Сочин. Екатерины II», ч. II, стр. 384, 604. «Вечерняя Заря», ч. III, стр. 70—73.

ками называемъ. Въ бесѣдѣ со щеголихами бываю я воленъ до наглости, смѣлъ до безстыдства, живъ до дерзости: меня за это называютъ *рѣзвымъ ребенкомъ*, и хотя ударятъ меня по рукѣ и скажутъ: «перестань! ты очень дерзокъ», однакожъ я никогда отъ того не краснѣю. Слова: «я не могу владѣть собою!» меня въ такомъ случаѣ извиняютъ. Впрочемъ, всегда я долженъ быть вѣтренъ и злоязыченъ. Съ которою *машусь*, ту одну хвалю; въ ней одной всѣ нахожу совершенства, а въ прочихъ вижу только недостатки и пороки... Открытіе любви долженъ я дѣлать по новому обыкновенію и никогда не допускать, чтобы въ такіе разговоры вмѣшивалось сердце: это было бы дурачиться по-дѣдовски. По нашему надобно любить такъ, чтобы всегда отстать можно было. Открытіе дѣлаю я всегда какъ будто это ненарочно случилось; напримѣръ, разсказывая красавицѣ о какомъ ни-на-есть любовномъ приключеніи, вдругъ прерываю разговоръ: «Э! кстати, сударыня, сказать ли вамъ новость? вить я влюбленъ въ васъ до дурачества; вы своими прелестями такъ вскружили мнѣ голову, что я не въ своей сижу тарелкѣ!» — Шутишь, она мнѣ отвѣтствуетъ; ужесть какъ славно ты себя раскрываешь! «Безпримѣрно славно, сударыня! что мнѣ нужды, какъ вы это почитаете: рѣзвостью или дурачествомъ, только я вамъ говорю, въ настоящую, что я дурачусь. Пусть я не доживу до *мѣднаго таза*, ежели говорю неправду!» Послѣ такой клятвы бросаю на нее *гнилой* взглядъ, а между тѣмъ начинаю хвалить ее, и тутъ даю полную свободу языку моему. Она часто потупляется, будто стыдясь слушать себѣ похвалу; иногда усмѣхается, иногда удивляется и почасту говоритъ: «перестань шутить! вить не утѣшно слушать вздоръ». Послѣ этого я даю свободу рукамъ, мнѣ говорятъ: «это ужь и въ истинную глупость!» а я далѣе, далѣе, а наконецъ она и сама повѣритъ, что это была не шутка. Потомъ бываемъ мы нѣсколько дней

смертельно другъ въ друга влюблены, и это называется дурачиться до безумія. Мы располагаемъ дни такъ, чтобы всегда быть вмѣстѣ: въ *сѣринькой* ѣздимъ въ англійскую комедію, въ *пестринькой* бываемъ во французской, въ *колетца* — въ маскарадѣ, въ *мѣдный тазъ* — въ концертѣ, въ *сайку* смотримъ русскій спектакль, въ *умойся* — дома, а въ *красное* ѣздимъ прогуливаться за городъ [1]). Такимъ образомъ держу ее *болванчикомъ* до того времени, какъ встрѣтится другая» [2]).

Много времени уходило еще на карты и на заботы добыть взаймы денегъ. Пріѣзжая занимать, петиметръ входитъ съ надменнымъ видомъ, говоритъ о своемъ богатствѣ и проситъ денегъ, увѣряя честью, что въ назначенный срокъ непремѣнно заплатитъ. Если ему отказываютъ, то, оставляя надменность, онъ доходитъ до самой унизительной подлости, а когда получитъ деньги и выйдетъ за двери, тотчасъ возвращается къ нему и прежняя гордость [3]). Такимъ образомъ вся жизнь петиметровъ тратилась среди пировъ и увеселеній, на волокитство, занятія туалетомъ и пустую болтовню; трудъ считали они *подлымъ* [4]) и легко проматывали большія состоянія. Но и въ тотъ печальный періодъ, когда деревни были разорены или прожиты, и когда ни одинъ ростовщикъ не хотѣлъ давать взаймы денегъ, а купцы переставали вѣрить въ долгъ, петиметръ остается вѣренъ своему призванію. Онъ послѣдній свой кафтанъ перешиваетъ разовъ пять и увѣряетъ всѣхъ, что золотомъ обложенные кафтаны носить тяжело, и за границею-де они не въ модѣ [5]). Вотъ еще любопытная черта

---

[1]) Модныя названія дней недѣли.

[2]) «Живописецъ», ч. I (изд. 2), стр. 26—29.

[3]) «Вечера», ч. I, стр. 186.

[4]) «Всячина», стр. 252. «Смѣсь», стр. 14, 253, 318.

[5]) «И то и сё», недѣля 23-я.

истиннаго петиметра: онъ раскланивается учтиво изъ своихъ знакомыхъ только съ тѣми, которые одѣты по модѣ; прочимъ кланяется съ гордостью и съ нѣкоторымъ видомъ покровительства или и вовсе ихъ не узнаетъ [1]). Модные старички не отставали отъ молодежи, также волочились, нашептывали любезности, рыскали по баламъ, комедіямъ и гульбищамъ, и дѣлали шалости [2]). «Мы прежде, говоритъ «Смѣсь», походили на статуи, а теперь стали выпускными куклами, которыя кривляются, скачутъ, бѣгаютъ, повертываютъ головой и махаютъ руками» [3]).

Таковы петиметры прошлаго столѣтія. Въ ихъ характерѣ много общихъ сторонъ съ характеромъ львицъ того же времени, которыя въ сатирическихъ изданіяхъ называются «кокетками». Вліяніе этихъ послѣднихъ въ общественной жизни было весьма значительно. Черезъ нихъ выходили въ люди; онѣ внушали молодымъ людямъ понятія о модахъ и свѣтскомъ обращеніи и заправляли общимъ вкусомъ [4]). Свѣтская женщина высшею цѣлью поставляла нравиться мущинамъ; она одѣвалась щегольски, старалась умножить свою природную красоту искусствомъ и заслужить отзывъ: «ужесть какъ мила», постоянно посѣщала собранія, театральныя зрѣлища и маскарады [5]). День свой она проводила такъ:

Утро посвящалось туалету, при чемъ на долю служанокъ выпадала самая жалкая роль. Если тѣни на лицѣ свѣтской дамы были не такъ привлекательны, какъ наканунѣ, за это отвѣчали служанки; если ленточка, которую сама же она приколетъ,

---

[1]) «Адская Почта», стр. 125—6.

[2]) «Вечера», ч. I, стр. 39; ч. II, стр. 194—5.

[3]) Стр. 150—2.

[4]) «Живописецъ», ч. II (изд. 3), стр. 42—43. «Адская Почта», стр. 290.

[5]) «Смѣсь», стр. 101, 201. «Трутень» 1770 г., стр. 20, 41—42; 1769 г., стр. 129.

нейдетъ ей къ лицу — опять виноваты бѣдныя дѣвки и должны поплатиться за такую вину терпѣніемъ, а иногда и щеками. Однимъ словомъ, говоритъ сатирикъ, все время, посвящаемое щеголихою уборамъ, что̀ продолжается часовъ пять, кажется имъ ужасомъ; «да ежели и мужъ попадется въ это время, то и ему эти часы раемъ не покажутся»; но, Боже сохрани! если осмѣлится онъ упомянуть о домашней экономіи, о которой модная женщина считаетъ за подлость имѣть понятіе, — тутъ онъ пропалъ! Жена, вскрикнувъ: *ахъ*! упадаетъ въ обморокъ, потомъ, прійдя въ память, прольетъ изъ своихъ прекрасныхъ глазъ токи слезъ, начнетъ умирать, и бѣдный мужъ волей-неволей принужденъ будетъ просить прощенія. А жена и послѣ того продолжаетъ свою прежнюю жизнь съ тою прибавкой, что жалуется всѣмъ на нестерпимый нравъ своего мужа. Когда она одѣнется, тотчасъ же ѣдетъ въ гости, гдѣ злословитъ всѣхъ женщинъ, которыя имѣютъ несчастіе быть красивыми или живутъ не такъ, какъ предписываютъ уставы моднаго свѣта. Тамъ дожидается ея толпа молодыхъ людей, прельщенныхъ ея нарядами, и забавляетъ ее пріятною болтовней на языкѣ, вполовину русскомъ, вполовину французскомъ. Послѣ обѣда она отправляется на какое-нибудь публичное увеселеніе, ведетъ за собою цѣлую толпу обожателей, и «ни одного изъ нихъ не любя, ни у одного не отнимаетъ надежды»; того даритъ нѣжною улыбкой, другому скажетъ пріятное слово, и всякого старается привязать къ себѣ, ни къ кому сама не привязываясь. Въ обществѣ свѣтская женщина всѣми силами старается обратить вниманіе мущинъ на свою красоту; ни одного движенія не сдѣлаетъ даромъ: она поднимаетъ глаза свои вверхъ, чтобы примѣтили, какъ прекрасны они въ этомъ положеніи; протягиваетъ руку, чтобы дивились ея бѣлизнѣ; вотъ она какъ бы нечаянно уронила опахало и, наклонясь за

нимъ, открыла свою грудь болѣе чѣмъ принято; а подымая опахало, какъ будто не нарочно приподняла свою юпку, чтобы показать маленькую ножку. Нѣкоторыя дамы думаютъ даже притворными ужимками возвысить свои прелести; онѣ жеманятся, громко хохочутъ, бросаютъ на щеголей страстные взгляды и часто повторяютъ нескромный вопросъ: *хороша ли я?* — Далеко за полночь возвращается домой модная дама, и долго еще думаетъ о тѣхъ уборахъ, какіе видѣла у знакомыхъ львицъ, а кстати и о средствахъ, какъ бы выпросить у мужа денегъ на подобные же наряды [1]).

Свѣтское обращеніе прошлаго столѣтія допускало много вольности. Разговоры между дамами и мущинами преимущественно касались любовныхъ похожденій, страстныхъ признаній и сплетень двусмысленнаго содержанія о разныхъ знакомыхъ лицахъ; волокитство было и общимъ развлеченіемъ и цѣлью. При такой снисходительности всякая шалость, прикрытая модою, почиталась простительною. Нѣжная, предупредительная любовь между мужемъ и женою на языкѣ моднаго свѣта называлась смѣшнымъ староверствомъ. Сатирическія изданія жалуются на свѣтскихъ дамъ, которыя нарядами занимались болѣе, нежели хозяйствомъ, и чужіе дома любили больше своего [2]). Но торжество моды было, если мужъ и жена жили на двѣ раздѣльныя половины, и имѣли свой особенный кругъ знакомства, если жена была окружена роемъ обожателей, а мужъ содержалъ «метрессу», чтò конечно стоило большихъ суммъ [3]).

---

[1]) «Вечера», ч. I, стр. 187—9; ч. II, стр. 106—9. «Всячина», стр. 374. «Трутень» 1769 г., стр. 244. «Смѣсь», стр. 191, 242.

[2]) «Всячина», стр. 143, 158. «Трутень» 1769 г., стр. 47; 1770 г., стр. 106. «Смѣсь», стр. 191. «Адская Почта», стр. 238.

[3]) «Смѣсь», стр. 43. «Трутень» 1769, стр. 67. «Живописецъ», ч. I (изд. 2), стр. 123—4, 133; ч. II (изд. 3), стр. 62. «Адск. Почта», стр. 60, 140.

Эти характеристическія черты нравовъ и образа жизни моднаго свѣта уже достаточно поясняютъ источникъ общаго стремленія къ роскоши и великолѣпію, блеску которыхъ не можемъ не удивляться, читая дошедшія до насъ достовѣрныя описанія. И въ Парижѣ, и въ Петербургѣ, въ половинѣ XVIII столѣтія, роскошь являлась въ небывалыхъ размѣрахъ. Знать проживала огромныя богатства. Чего стоили одни торжественные обѣды? Вспомнимъ пиръ Потемкина, прославленный стихами Державина. Столъ П. А. Зубова, графини Броницкой и графа Н. И. Панина стоилъ по 400 рублей въ день каждому, кромѣ напитковъ, которые вмѣстѣ съ чаемъ, кофе, шоколадомъ стоили не менѣе 200 рублей. Безбородко издерживалъ громадныя суммы: въ квартирѣ своей онъ собралъ горы серебра и золота и осыпалъ себя брилліантами. Много надѣлали шуму праздники, данные имъ въ 1793 году по случаю заключенія мира съ Портою и въ 1796 году, во время пріѣзда шведскаго короля въ С.-Петербургъ. Въ торжественные праздники пріѣзжалъ онъ ко двору въ раззолоченной восьмистекольной каретѣ; андреевская звѣзда на немъ, погонъ для ленты, пуговицы на кафтанѣ, эфесъ на шпагѣ и пряжки на башмакахъ — были всѣ изъ брилліантовъ. Одной италіянской пѣвицѣ давалъ онъ въ мѣсяцъ по 2,000 рублей золотомъ, а при отпускѣ ея въ Италію подарилъ ей деньгами и брилліантами на 500,000 рублей. Когда извѣстная Сандунова отъ него отстала и вышла замужъ, онъ взялъ на ея мѣсто танцовщицу Ленушку, имѣлъ отъ нея дочь, которую выдалъ потомъ замужъ и далъ за нею въ приданое домъ въ 300,000 рублей да имѣніе, приносившее 80,000 руб. доходу. Графъ Остерманъ въ торжественные дни ко двору и на святой недѣлѣ подъ качели выѣзжалъ въ богато-вызолоченной каретѣ, съ большими по сторонамъ и спереди стеклами, на шести бѣлыхъ лошадяхъ; сзади стояли два гайдука въ казакинахъ съ серебряными шну-

рами, голубыхъ епанчахъ, высокихъ картузахъ съ перьями и серебряными бляхами. Передъ каретою шли два скорохода съ булавами и въ башмакахъ, не смотря ни на какую грязь [1]). А. А. Нарышкинъ славился роскошнымъ гостепріимствомъ; современныя вѣдомости сохранили для насъ интересное описаніе великолѣпнаго бала и маскарада, данныхъ имъ на собственной дачѣ, съ различными аллегорическими представленіями и чудесными фейерверками [2]).

Знати старалось подражать и все высшее, сколько-нибудь знакомое съ европейскими обычаями, общество. Журналы упоминаютъ, въ своихъ сатирическихъ нападкахъ, о золоченыхъ каретахъ, запряженныхъ шестерней дорогихъ коней молочнаго цвѣта. По словамъ «Трутня», были такіе щеголи, которые держали по шести каретъ и по шести цуговъ лошадей, кромѣ верховыхъ и санныхъ [3]); а «Смѣсь» разсказываетъ о такихъ, которые на одинъ столъ издерживали въ годъ по 14,000 рублей [4]). Красный кабачокъ, билліардные и игорные домы и клубы много отнимали времени и денегъ. Въ отвѣтахъ своихъ фонъ-Визину императрица замѣтила, что общества въ столицахъ перевелись между благородными «отъ размножившихся клубовъ». Впрочемъ журналы часто упоминаютъ о балахъ, маскарадахъ и визитахъ. Сверхъ того большой свѣтъ любилъ прогулки по петербургской набережной, по моднымъ лавкамъ и гостиному двору, гдѣ, разбирая новопривезенные товары и разные уборы, петиметры и щеголихи не забывали болтать, сплетничать и волочиться. Отъ такихъ прогулокъ по гостиному двору купцы, по свидѣтельству «Жи-

---

1) Записки о Екатеринѣ Великой, статсъ-секретаря Грибовскаго, стр. 60, 65, 72.

2) «Сѣверный Архивъ» 1827 г., ч. 27, № 11, стр. 261.

3) Стр. 219 (1769). «Смѣсь», стр. 77.

4) Стр. 185, 210.

вописца», получали большія прибыли, ибо у модныхъ дамъ въ такое время рождалось «превеликое желаніе покупать, или лучше сказать — брать всякіе нужные и ненужные товары»[1]). Всѣ эти чрезвычайные расходы должны были вести къ разстройству состояній и долгамъ. «Отчего всѣ въ долгахъ»? спрашивалъ фонъ-Визинъ императрицу. — Оттого, что проживаютъ болѣе, нежели дохода имѣютъ, отвѣчала она. За богачами тянулись и люди съ посредственными состояніями; за столицами — провинціи. По отзыву «Полезнаго съ Пріятнымъ», и простые люди при деньгахъ старались изъ тщеславія устраивать свои домы, экипажъ, столъ и гардеробъ также великолѣпно, какъ дѣлалось то у знатныхъ, и такимъ образомъ весь достатокъ, накопленный трудами ихъ отцовъ, безразсудно расточали неумѣренными расходами[2]). Въ «Смѣси» было напечатано такое письмо: «Хотя я живу не въ столич-

---

[1]) «Живописецъ», ч. I (изд. 2), стр. 37, 144—6. «Всячина», стр. 173. «Вечера», ч. II, стр. 109—110. Въ «Живописцѣ» отъ имени купцовъ напечатано: «Когда пріѣзжаютъ къ намъ любовникъ и любовница, мы наперехватъ стараемся звать ихъ къ себѣ въ лавки; не щадя трудовъ своихъ, стараемся показывать всякіе товары и перебиваемъ всѣ куски. Въ такомъ случаѣ господа любовники весьма мало съ нами торгуются, а госпожи любовницы хотя и говорятъ почасту: «ахъ, какъ это дорого! ужасно! нѣтъ, я этого не возьму; я бы хотѣла это купить, но это черезчуръ дорого», но мы не пугаемся такихъ отговорокъ. На любовномъ языкѣ это значитъ: ежели ты не скупъ, такъ заплати деньги. И мы такъ примѣнились къ такимъ двусмысленнымъ словамъ, что изъ требуемой цѣны ни копѣйки никогда не уступаемъ, говоря при томъ: это, сударыня, очень дешево; другому бы я за такую цѣну не уступилъ, а его чести уступаю для того, что онъ всегда соизволитъ покупать товары на готовыя деньги... повѣрьте, его милость копѣйки даромъ не броситъ! Тутъ мы всѣ трое усмѣхнемся, а господинъ тотчасъ станетъ увѣрять госпожу, что это не дорого и, заплатя деньги, скажетъ: онъ дѣтина совѣстный, обманывать не станетъ».

[2]) Полумѣсяцъ V, стр. 3—7.

номъ городѣ, но въ отдаленной отъ васъ губерніи; однако не думайте, чтобы здѣсь не имѣли понятія о пышныхъ вашихъ веселостяхъ... Наши балы и собранія подобны малымъ картинамъ, изображающимъ ваши маскарады и прочія веселости. Разстояніе тысячи верстъ не препятствуетъ новымъ модамъ доходить къ намъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ. Знаете ли, что петербургскій или московскій чепчикъ столько же здѣсь примѣчается, какъ Венерино прохожденіе мимо солнца наблюдается астрономами? Онъ долгое время составляетъ матерію всѣхъ женскихъ разговоровъ, переходитъ изъ рукъ въ руки, привлекаетъ общее вниманіе, производитъ удивленіе и стараніе сдѣлать ему подобный. Конечно, вамъ надлежитъ думать, что и здѣсь по модѣ одѣваются, когда высота нарядовъ на головѣ больше, нежели долгота лица»[1]).

Проживать доходы и проматывать имѣнія много помогала усиленная картежная игра. Въ 1763 году императрица писала къ московскому главнокомандующему графу Салтыкову: «До меня доходятъ непріятные изъ Москвы слухи о начавшейся по отъѣздѣ моемъ разорительной карточной игрѣ. Вы сами знаете, что такія неумѣренныя игры ни къ чему болѣе не служатъ, какъ только къ дѣйствительному разоренію старыхъ дворянскихъ фамилій и къ обогащенію деревнями фабрикантовъ». Сатирическіе журналы разсказываютъ о такихъ страстныхъ игрокахъ, которые дни и ночи просиживали за картами и спускали всѣ деньги вмѣстѣ съ экипажемъ и лошадьми, на которыхъ пріѣхали[2]). Грибовскій въ своихъ интересныхъ запискахъ упоминаетъ о статсъ-секретарѣ В. С. Поповѣ, что онъ много проживался на игру: часто выносилъ онъ изъ своего кабинета полную шляпу червонцевъ, которые

---

[1]) Стр. 305—6. «Живописецъ», ч. II (изд. 1-го), стр. 298—9.
[2]) «Смѣсь», стр. 77. «Адская Почта», стр. 32.

однакожъ никогда назадъ не возвращались*). Лукинъ въ предисловіи къ своей комедіи: «Мотъ, любовью исправленный» высказалъ откровенное признаніе, которое любопытно какъ характеристическая черта своего времени. «Мнѣ опытами извѣстно, говоритъ онъ, сколь много молодыхъ людей, завидными дарованіями отъ природы надѣленныхъ, губятъ время въ позорномъ мотовствѣ, и сколь многіе отъ того приходятъ въ бѣдность, отъ бѣдности въ крайность, отъ крайности въ дѣла предосудительныя. Многіе, коротко меня знающіе, свѣдомы, почему я толь подробно сужу о слѣдствіяхъ, могущихъ отъ мотовства случиться; а тѣмъ, кто меня не знаетъ, скажу не стыдясь, что я самъ въ ономъ ремеслѣ долго упражнялся: я игралъ... Игравши, видѣлъ я болѣе ста человѣкъ, не только совершенно промотавшихся, но и въ самую погибель пришедшихъ. Большею частію случалось сіе съ молодыми дворянами, присылаемыми отъ отцовъ своихъ съ глупыми дядьками или къ несмысленнымъ и безпечнымъ родственникамъ. Разорялися они обычайно ремесленными картежными игроками... Тогда было такое время и обычай, чтобы всѣмъ, то есть богатымъ и убогимъ, въ золото и щегольскія одежды наряжаться, но какъ не всѣ имѣли къ тому способы, то и старалися избирать къ обогащенію своему различныя дороги. Тѣ, кои ко взяткамъ не имѣли способности, а къ трудамъ и дѣламъ полезнымъ разума и знанія, пускалися въ игру и оною обогащались. Вообрази, читатель, толпу людей, нерѣдко больше ста человѣкъ составляющую; обычайно собираются оные *художники* въ большую палату... хитрѣйшіе изъ нихъ скопомъ условливаются ограбить простачковъ, вновь появившихся... Всѣ они съ однѣми приходятъ мыслями, дабы каждому у прочихъ отнять все до послѣдней полушки и лишить не только пропитанія, но и

---

*) Стр. 82.

самыя чести... Изъ сотни обыкновенно одинъ или двое, подобно Крезу и Мидасу, имѣютъ передъ собою золотыя горы, возвышенныя отъ иждивенія несчастныхъ противоборниковъ. Выигрывающіе богачи сидятъ кичливо, о столъ облокотяся, и, имѣя видъ веселый, изъявляютъ неописанное удовольствіе, грабя звѣрски свою братію. А злосчастные игроки, истощающіе послѣднія силы, разные имѣютъ виды. Иные подобны блѣдностію лицъ мертвецамъ, изъ гробовъ встающимъ; иные кровавыми очами ужаснымъ фуріямъ; иные унылостію духа преступникамъ, на казнь ведущимся... Бóльшая часть оныхъ мотовъ, пришедъ въ изступленіе, клянутъ день своего рожденія и родителей, бьютъ по столу, терзаютъ волосы, дерутъ карты!»[1]) На подобныя сцены намекаетъ и еженедѣльникъ «И то и сё»[2]). Роскошь, мотовство и высокая игра заставляли щоголей прибѣгать къ частымъ займамъ. Появились ростовщики, которые за свои услуги брали слишкомъ огромные проценты и втайнѣ скопляли большія богатства. Журналы не оставили безъ обличительной сатиры ни ростовщиковъ, ни тѣхъ господъ, которые, пользуясь своимъ общественнымъ положеніемъ, не платили долговъ и при всякой просьбѣ объ уплатѣ отвѣчали своимъ кредиторамъ вѣчное *завтра*[3]).

---

[1]) Сочиненія и переводы В. Лукина (С.-Петербургъ, 1765), ч. I, стр. V—XI.

[2]) Недѣля 29 и 50.

[3]) «Трутень» 1769 г., стр. 48, 72; 1770 г., стр. 5. «И то и сё», недѣля 34-я. «Парнасск. Щепетильникъ», стр. 8—9. «Вечера», ч. II, стр. 93—97. «Живописецъ», ч. II (изд. 3), стр. 49—50.

IV.

Начиная съ Петра Великаго, въ литературѣ нашей не переставало слышаться обличительное слово, направленное противъ лихоимства, ябеды, беззаконныхъ судей и приказныхъ. Противъ «*застарѣлой* неправды» рѣзко говорилъ Посошковъ въ своихъ проектахъ, гремѣла проповѣдь Ѳеофана Прокоповича, писалъ сатиры Кантемиръ, колко и откровенно выражались сатирическіе памфлеты Сумарокова и Нахимова, явился цѣлый рядъ комедій, между которыми встрѣчаемъ «Ябеду» Каписта и «Неслыханное диво или честный секретарь» Судовщикова. Ни императрица Екатерина II, ни фонъ-Визинъ не обошли этого общественнаго вопроса, и перо послѣдняго завѣщало намъ превосходныя «письма, найденныя по блаженной кончинѣ надворнаго совѣтника *Взяткина*»; сатирическія изданія прошлаго столѣтія съ самымъ живымъ, энергическимъ участіемъ возвышали свой голосъ противъ неправосудія и взятокъ, и это одна изъ самыхъ характеристическихъ сторонъ этихъ изданій. Невольно раждается вопросъ: почему же, не смотря на такое дружное литературное противодѣйствіе, «застарѣлая неправда» долго оставалась и — нечего таить — до сихъ поръ остается въ нашихъ нравахъ?

Справедливы ли жалобы на недостатокъ правосудія? спрашиваетъ «Всякая Всячина», журналъ, издававшійся статсъ-секретаремъ Екатерины II, Козицкимъ; справедливы ли эти жалобы теперь, когда честный гражданинъ долженъ признаться, что можетъ быть никогда правительство не имѣло болѣе заботы о своихъ подданныхъ, какъ въ настоящее время? Мы не можемъ сомнѣваться, что «великой государынѣ пріятно правосудіе, что она сама справедлива и что желаетъ въ самомъ дѣлѣ видѣть справедливость и правосудіе въ дѣйствіи

во всей ея обширной области. О томъ многіе изданные манифесты свидѣтельствуютъ, а наипаче Наказъ коммиссіи уложенія, гдѣ упомянуто, что никакой народъ не можетъ процвѣтать, если не есть справедливъ. Гдѣ же теперь болячка, на которую жалуются, то есть что правосудія нѣтъ? Источникъ этого зла кроется въ законахъ, судьяхъ и въ насъ самихъ. Законы представляютъ много запутанности; но можно надѣяться, что такая невыгода скоро будетъ устранена, ибо императрицею созвана вся нація для составленія новаго проекта узаконеній. Судьи, опредѣляемые обыкновенно изъ военныхъ или приказныхъ, не отличаются познаніями; но врождено ли въ нихъ чувство правды на столько, чтобы оно могло вознаградить недостатокъ свѣдѣній? того никакъ утверждать нельзя. Наконецъ въ самомъ обществѣ замѣчается постоянная наклонность къ тяжбамъ и ябедѣ» *).

Дѣйствительно, судьи прошлаго столѣтія не могли похвастаться образованіемъ ни умственнымъ ни нравственнымъ. Рѣдко даже знали они основательно тѣ указы, которыми должны были руководствоваться при разборѣ и рѣшеніи дѣлъ, что̀ впрочемъ при отсутствіи стройнаго, систематическаго свода законопостановленій и при накопленіи разнообразныхъ указовъ, не чуждыхъ сбивчивости и противорѣчій, было нисколько не удивительно. Нужна была долгая опытность, постоянное обращеніе съ дѣлами, чтобы помнить узаконенія и умѣть пріискать необходимыя въ данномъ случаѣ. Такими дѣльцами скорѣе другихъ могли сдѣлаться секретари, долго продержавшіеся на службѣ, — и какъ много было судей, которые, не входя въ разсмотрѣніе дѣла, прямо подписывали всѣ опредѣленія, подготовленныя секретаремъ! Рѣшеніе дѣла главнымъ образомъ зависѣло отъ такого

---

*) Стр. 276—8.

секретаря, и челобитчики уже напередъ старались задобрить его и склонить на свою сторону [1]). Еще ниже стояли приказные и подьячіе; сатирическая литература изображаетъ ихъ съ рѣзкою и колкою насмѣшливостію. Понадобилось мнѣ, разсказываетъ одинъ изъ корреспондентовъ «Трутня», чтобъ подписали въ Москвѣ мою подорожную; я пошелъ въ коллегію. «Сторожъ, отставной солдатъ, бывшій въ по-«ходахъ при первомъ императорѣ, ввелъ меня въ большую «комнату, гдѣ всѣ стѣны замараны чернилами и въ которой «навалено великое множество бумагъ, столовъ и сундуковъ. «Человѣкъ восемьдесятъ подьячихъ разнаго рода, и оборван-«ныхъ, и напудренныхъ, наполняли комнату. Многіе изъ нихъ «*драли другъ друга за волосы*, а прочіе кричали и смѣялись. «Столь странное зрѣлище привело меня въ удивленіе; я спра-«шивалъ: зачѣмъ тутъ такая драка? и насилу могъ довѣдать-«ся, что такъ *наказывали* приказныхъ служителей за разныя «неисправности» [2]). «Всячина» напечатала на своихъ листкахъ весьма характеристичныя «нравоучительныя заповѣди подьячимъ»:

1) Не бери взятокъ.

2) Не волочи дѣла, отъ тебя зависящаго.

3) Не сотвори крючковъ.

4) Не обходися грубо съ людьми.

5) Не говори челобитчикамъ: *завтра*.

6) Не дѣлай несправедливыхъ изъ дѣлъ и законовъ выписей.

7) Не давай наставленій въ ябедѣ.

8) *Не напивайся пьянъ*.

9) *Чеши всякой день голову, ходи чисто*.

---

[1]) «Трутень» 1769 г., стр. 260—1. «И то и сё», недѣля 48.

[2]) 1770, стр. 85. «И то и сё», недѣля 31.

10) Покинь трусость въ разсужденіи иныхъ и дерзость въ разсужденіи другихъ [1]).

Отъ такихъ судей и подьячихъ, конечно, не легко было добиться правды. Съ другой стороны, вредная страсть къ ябедѣ и тяжбамъ, крывшаяся въ разныхъ классахъ общества, много помогала судейскому произволу, и по справедливости заслужила то строгое обличеніе, съ какимъ выступили противъ нея передовые люди своего времени. «Все поглощаетъ ненасытное время! сказано въ «Вечерахъ», не исчезаютъ однѣ ябеды и крючкотворства; онѣ отъ потомства въ потомство переходятъ, ябеды узловатѣе становятся, крючки больше растутъ, подьячіе богатѣютъ!» [2]) Въ крестьянской отпискѣ къ помѣщику, напечатанной Новиковымъ, читаемъ: «Прикажи, государь, добиваться по дѣлу. *Нахрапцовъ* на насъ въ городѣ подалъ явочную челобитную, будто мы у него гусями хлѣбъ потравили, и потому его челобитью была за мною (старостою) изъ города посылка. Меня въ отчинѣ тогда не было; посыльные забрали въ городъ шесть человѣкъ крестьянъ въ самую работную пору, и я, государь, въ городъ ѣздилъ, просилъ секретаря и воеводу, и крестьянъ нашихъ выпустили; только по тому дѣлу стало міру денегъ шесть рублевъ, возъ хлѣба да пять возовъ сѣна. *Нахрапцовъ* попался намъ на дорогѣ и грозился насъ опять въ тюрьму засадить; секретарь ему родня... а воевода никакихъ дѣлъ не дѣлаетъ, ѣздитъ съ собаками, а дѣла всѣ знаетъ секретарь. Вступись, государь, за насъ своихъ сиротъ!» [3]) Другой случай: въ томъ же уѣздѣ, гдѣ мои деревни (жалуется одинъ помѣщикъ), живутъ въ отставкѣ два родные брата *Вертяевы*, извѣстные ябедники и

---

[1]) Стр. 376.

[2]) Ч. I, стр. 5. «Трудолюб. Муравей», стр. 172.

[3]) «Трутень» 1769, стр. 206.

грабители. Послѣ покойной родственницы моей досталась мнѣ деревнишка. Одинъ изъ этихъ господъ, провѣдавъ, что я человѣкъ нехлопотливый, приказныхъ дѣлъ не люблю, вздумалъ присвоить эту деревеньку себѣ. Чтобы имѣть какую-нибудь привязку, выискалъ онъ одну дуру, которая доводилась покойницѣ сродни, хотя и не имѣла никакого права на наслѣдство; привезъ ее въ городъ и взялъ съ нея купчую, по которой и сталъ отыскивать принадлежащей мнѣ деревни. Долго бы не избавился я отъ безпокойныхъ судебныхъ хлопотъ, еслибъ не защитилъ меня графъ Р*, мой благодѣтель, который писалъ по этому поводу къ губернатору. Спрашивалъ я одного сосѣда: какъ они могутъ жить съ такими ябедниками и душевредниками, каковы господа *Вертяевы*? Онъ отвѣчалъ мнѣ: «ваше приключеніе есть еще малый опытъ ихъ бездѣльничества! За нѣсколько лѣтъ передъ симъ одному небогатому старику-дворянину досталось по наслѣдству сорокъ душъ. Младшій *Вертяевъ* призвалъ этого дворянина къ себѣ и говоритъ: ты приказныхъ порядковъ не знаешь, и врядъ ли получишь свою деревеньку! Хочешь, для твоей бѣдности я на себя возьму хожденіе по дѣлу? только мнѣ стыдно быть за тебя повѣреннымъ, ты лучше дай мнѣ закладную; а я какъ выхлопочу деревню, закладную тебѣ назадъ отдамъ. Тотъ по простотѣ своей не разсудилъ дѣла, выдалъ ему закладную, по которой *Вертяевъ* и записалъ деревню за собою. А бѣдный старикъ съ печали переселился въ то жилище, въ которомъ чужихъ душъ никто не желаетъ... Подобные-то люди пріятную деревенскую жизнь напояютъ ядомъ!»*) «Вечера» публиковали *для извѣстія*: «Одинъ знающій всѣ законы наизустъ стряп«чій, котораго ни къ какому суду за ябедничество допускать «не велѣно, желаетъ вступить въ службу къ какому-нибудь

*) «Трутень» 1769, стр. 51—53. «Адская Почта», стр. 58.

«доброму помѣщику, съ тѣмъ обязательствомъ, что онъ помѣ-
«щиковымъ именемъ у всѣхъ его сосѣдей оттягаетъ луга, «лѣса и земли, и клянется совѣстію вскорѣ его обогатить, «ежели кто изъ сосѣдей не дастъ ему больше денегъ, нежели «сколько онъ отъ своего помѣщика получитъ. Въ противномъ «случаѣ онъ не отвѣчаетъ за то, останется ли его хозяинъ «при своей деревнѣ, и не продастъ ли онъ его самого»[1]).

Проволочка дѣлъ, чрезвычайная медленность въ ихъ рѣшеніи и взятки, по единогласному свидѣтельству литературныхъ памятниковъ, были обычными недугами XVIII вѣка у насъ. Тяжбы длились десятки лѣтъ; судьи и приказные подчивали докучливыхъ челобитчиковъ безконечнымъ *завтра*[2]). «Всячина» жаловалась, что трудно привести къ концу правдивое и ни мало незапутанное дѣло, хотя бы о ничтожной ссорѣ и личномъ оскорбленіи: «надобно тутъ много и крючковато писать, довольно бумаги и денегъ тратить, стряпчаго нанять и взять терпѣніе на годъ, на другой, *буде не станетъ это дѣло перевозиться съ мѣста на мѣсто*». У какого-то бѣдняка была пустошь съ семьею людей; ею насильно завладѣлъ нахальный сосѣдъ, и вотъ уже десять лѣтъ, какъ онъ судится, а толку нѣту: дѣло къ концу не подвигается за ябедами и пересылками изъ одного мѣста въ другое. Истецъ, по словамъ «Всячины», уже думаетъ самъ отстать отъ процесса, пока совсѣмъ не разорился[3]). У одного мясника увели быка. Какъ скоро узналъ мясникъ вора, онъ сейчасъ же отправился въ канцелярію, билъ челомъ секретарю и, вѣдая канцелярскіе обычаи, впустилъ ему въ руку два крестовика. Секретарь сдѣлалъ истцу приличный выговоръ: «я, другъ мой, не такой человѣкъ, чтобы взятки брать!» и опустилъ деньги въ карманъ.

---

[1]) Ч. I, стр. 173—4.

[2]) «Трутень», ч. II, стр. 86.

[3]) Стр. 274, 396—7.

Воръ былъ отысканъ и представленъ, но отдѣлался имперіаломъ, а мясника началъ секретарь допрашивать *по формѣ*, то-есть о чемъ не надобно, и «завелъ съ нимъ такую матерію, которой мужикъ не разумѣлъ. Онъ началъ дѣло почти отъ потопа. Мужикъ все отвѣчалъ не кстати, потому что не кстати его допрашивали. Наконецъ написано опредѣленіе, что мясникъ *въ рѣчахъ своихъ замѣшался*, и рѣшено его высѣчь за напрасное оклеветаніе своего ближняго». Мужикъ подалъ аппелляцію. Разсказывая этотъ случай, «Адская Почта» Эмина прибавляетъ: «Мало же добра будетъ мяснику, когда дѣло пошло на аппелляцію. Ежели онъ молодъ, лѣтъ двадцати — не больше, то можетъ статься, дождется конца своего дѣла» [1]). Чтобы дѣло *двигалось*, нужно было подмазывать колеса судебно-административной машины. «Иной скажетъ, зачѣмъ лихоимцу давать? Отвѣчаю, безъ того дѣла̀ продолжаютъ и пакостятъ, а чрезъ волокиту и неправое рѣшеніе челобитчики въ конецъ разоряются да не только спорными дѣлами, но и безспорными». Но и деньги надо было давать умѣючи. Нѣкоторые подьячіе хоть и брали взятки, но дѣло волочили по прежнему; и только погрози пожаловаться на нихъ за проволочку дѣла, подьячій сейчасъ отвѣтитъ: «изволь просить, а я скажу, что ты мнѣ деньги давалъ; а за то де *наказаніе одно, что плутулихоимцу, что доброму человѣку-просителю!*» [2]).

Сатирическіе журналы упоминаютъ о разнообразныхъ способахъ брать взятки; многіе изъ этихъ способовъ любопытны по той благовидности, какою старались прикрывать сущность дѣла. Въ одномъ кружкѣ разсказывалъ про свое горе выгнанный изъ службы воевода: «По отставкѣ изъ арміи опредѣлили меня на воеводство; я не поладилъ съ подьячими;

---

[1]) Стр. 48—50.

[2]) «Всячина», стр. 52, 306—8.

они подослали ко мнѣ одного челобитчика съ подарками: съ табакомъ, французскою водкой и сахаромъ, а сами за тѣмъ подсматривали. Смотрю, на другой день уже одинъ подьячій подалъ на меня доносъ во взяткахъ, и вотъ я по слѣдствію отрѣшенъ отъ мѣста и другой годъ скитаюсь по дворамъ съ женою и ребятишками». Въ отвѣтъ на эту жалобу кто-то изъ слушателей сказалъ ему: «то-то, братъ! говорится пословица: не учась въ попы не ставятся. Кабы ты бралъ съ умкомъ, такъ бы и по сю пору тамъ жилъ и дѣтямъ бы кой-что оставилъ!» — Какъ же брать-то? «А вотъ какъ: ты посадилъ бы просителя играть въ карты: онъ нарочно-бъ тебѣ проигралъ; или продалъ ему свою дешевую вещь за дорогую цѣну, или далъ ему порученіе купить что-нибудь на твой счетъ: это-бъ дѣло было какъ будто заемное, а тебѣ бы даромъ пришло; или промѣнялъ бы ему свою плохую вещь за его добрую, или наконецъ научилъ бы своего мальчика собирать съ просителей оброкъ, а еслибы началось дѣло — могъ бы его куда-нибудь сослать; да полно, слугамъ и безъ того не повѣрятъ въ случаѣ доноса на господъ! Это тѣ-же взятки, да въ руки другимъ путемъ попадаютъ!»*) «Адская Почта» почти тоже засвидѣтельствовала. «Хотя многіе указы, говоритъ этотъ журналъ, гласятъ, чтобъ приказные не брали взятокъ; но они увѣряютъ, что ничего не брать отъ просителей есть дѣло сверхъестественное... Теперь многіе изъ сихъ господъ выдумали средство воровать *политическимъ образомъ*, то есть сами взятокъ не берутъ, но надобно просителю сходить на поклонъ къ хозяюшкѣ, которая весьма ласково его приметъ. Прежде мужъ одинъ плутовалъ, а теперь съ женою. Есть и еще хитрѣе: нѣкоторые приказные грабятъ благороднымъ способомъ. Они того просителя, который въ нихъ имѣетъ нужду,

---

*) «Всячина», стр. 394—5.

попросятъ къ себѣ обѣдать, потомъ сядутъ съ нимъ играть въ карты; проигрывая, показываютъ видъ весьма сердитый, а выигрывая, чрезвычайно ласковый, и этотъ языкъ скоро сталcя просителямъ вразумителенъ; они въ угожденіе хозяина въ ломберѣ и три матедора сбрасываютъ и, проигравъ рублей съ 200 или сколько хозяину получить отъ нихъ прилично, на другой день получаютъ своему дѣлу рѣшеніе»[1]).

Взятка на подьяческомъ языкѣ называлась *акциденція* и *барашекъ въ бумажкѣ*[2]). Для объясненія этого послѣдняго термина «Барышокъ Всякой Всячины» предлагаетъ слѣдующій интересный разсказъ:

«Было у меня въ нѣкоторомъ приказѣ дѣло, по причинѣ котораго принужденъ я былъ почти ежедневно ходить и кланяться г. подьячему, у коего дѣло мое было. Онъ носилъ шпагу и парикъ, и для того былъ спѣсивъ... Всякое почти утро, нашедъ его въ приказѣ, подойду и низехонько поклонясь — милостивый государь! скажу ему, сдѣлайте милость, о чемъ я вчерась ваше благородіе просилъ. Онъ, сидя на стулѣ, имѣя въ рукахъ перо и предъ собою лежащую на столѣ бумагу, взглянетъ на меня изъ подлобья и кивнетъ головою, давая тѣмъ знать, чтобы я ему не мѣшалъ, будто бы онъ что ни есть сочиняетъ важное и о томъ думаетъ; а я мню, что онъ думалъ о томъ, какъ-бы лучше съ кого что̀ счистить. Погодя нѣсколько, опять къ нему подойду и еще того учтивѣе попрошу. Я хотѣлъ учтивостью моею его умилостивить; но послѣ узналъ, что подьячіе ни учтивостей, ни просьбъ не разумѣютъ, а его хоть брани, хоть высѣки, дай только деньги. Какъ раза три или четыре такимъ образомъ ему поклонюся, оборотясь съ сердцемъ скажетъ: ты думаешь, что твое дѣло

---

[1]) Стр. 218.

[2]) «Трутень» 1769, стр. 71. «Живописецъ», ч. I (изд.2), стр. 107.

у меня одно; скоро тебѣ захотѣлось, и *завтра* вить такой же будетъ день! — или, когда понравится его благоутробію, лаконическій отвѣтъ мнѣ дастъ, но обыкновенно съ грознымъ видомъ: *завтра!* Прошло нѣсколько недѣль, что онъ говорилъ мнѣ почти ежедневно: *завтра*... Узналъ я, что подьяческое *завтра* не похоже на то *завтра*, какое прочими употребляется. Пришелъ я еще его попросить, въ чаяніи — не назначитъ ли онъ дѣлу моему иного срока; но онъ съ превеликимъ сердцемъ закричалъ на меня: вить сказано тебѣ, что *завтра!* Оробѣвъ, я не смѣлъ его милости доложить, колиное число мѣсяцевъ состоитъ въ его *завтра;* но съ огорченіемъ отошелъ прочь, сѣлъ на стоящую въ томъ приказѣ порожнюю скамейку и повѣся голову размышлялъ, что̀ это за *завтра?* Одинъ незнакомый мнѣ отставной офицеръ, коего я часто тутъ видѣлъ, сжалясь надо мною, спросилъ меня: о чемъ я такъ грустенъ? Я разсказалъ ему про все. Офицеръ сказалъ мнѣ, что подьячіе имѣютъ два *завтра*: одно — денежное, а другое — безденежное; денежное *завтра* содержитъ въ себѣ нѣсколько мѣсяцевъ, больше или меньше, смотря по обстоятельствамъ и по деньгамъ, а безденежное *завтра* не ограничено временемъ. — Какъ же мнѣ сдѣлать, спросилъ я, чтобъ подьячій по моему дѣлу употреблялъ денежное *завтра?* «Принеси ему *барашка въ бумажкѣ.*» — Что̀ это такое за барашекъ, спросилъ я, и какъ обернуть его въ бумажку? — «Подьячіе, отвѣчалъ офицеръ, со всѣхъ берутъ деньги, и съ правыхъ и съ виноватыхъ; деньги эти челобитчики обертываютъ бумагою *благопристойности ради*... А чтобы выговоръ не столь тягостенъ показался ушамъ челобитчиковымъ, ежели подьячій потребуетъ у него денегъ, то выдумали они сіе слово: принеси мнѣ *барашка въ бумажкѣ!* Это оставляютъ они на догадку челобитчика, вѣдая, что кому есть нужда, тотъ и поневолѣ догадаться будетъ долженъ. Коли

тебѣ хочется, продолжалъ онъ, чтобы твое дѣло шло по ограниченному *завтра*, то встань поранѣе и поди къ подьячему на дворъ, а не въ приказъ, и снеси ему такого *барашка*, а безъ того и дѣти твои конца дѣлу твоему не дождутся». Поблагодаря офицера, пошелъ я домой. На другой день всталъ я въ такое время, въ какое добрые люди не встаютъ, не имѣя кровной нужды, и завернувъ двадцать рублей въ бумажку, поѣхалъ къ подьячему». Долго пришлось ожидать просителю, пока отперлась передъ нимъ калитка и достигъ онъ передней подьячаго. «Вышла баба въ сарафанѣ и босикомъ, и велѣла мнѣ войдти къ барину. Онъ сидѣлъ противъ топящейся печки и обуваясь охалъ; знать, что накануне носъ у него былъ *понасандаленъ*. Я вошелъ и, не сказавъ ни слова, поднесъ ему деньги съ низкимъ поклономъ. Подьячій, увидя деньги, вскочилъ со стула и, подбѣжавъ ко мнѣ, принялъ ихъ отъ меня съ учтивостью. На что̀ вы столько трудитесь? сказалъ онъ; право, это напрасно... Я началъ просить о моемъ дѣлѣ. — Знаю, знаю, говорилъ подьячій, оно по всѣмъ законамъ право; я буду стараться, чтобъ оно кончилось въ вашу пользу. — Слова эти привели меня въ сомнѣніе: ежели дѣло мое, думалъ я, по всѣмъ законамъ право, такъ о чемъ же ему стараться, чтобъ кончилось въ мою пользу? оно и безъ его старанія должно такъ рѣшиться; а стараться ему осталось только о томъ, чтобъ оно рѣшено было поскорѣе. Подьячій видно примѣтилъ, что я недогадливъ на ихъ подьяческіе обиняки, и для лучшей ясности спросилъ меня: были-ль вы у судьи? — Нѣтъ, не былъ. — Надобно и у него *также* побывать и его *также* попросить. Чрезъ повторенное въ послѣдней рѣчи слово *также* далъ онъ разумѣть, чтобъ я у судьи побывалъ не съ голыми руками, а также съ *барашкомъ*. Посидя немного, откланялся я подьячему и пошелъ. Подьячій проводилъ меня до сѣней; изъ того я заклю-

чилъ, что *барашекъ* мой ему понравился. Хотя онъ и не смотрѣлъ при мнѣ барашку въ зубы, но, видно, узналъ и по вѣсу, сколько ему отъ роду лѣтъ. Вотъ что дѣлаетъ прилежаніе и частое упражненіе во всякомъ дѣлѣ! думалъ я, ѣдучи отъ него; къ подьячему я свезъ барашка, такъ къ судьѣ надобно свезти телушку. Исполнилъ совѣтъ подьяческій. Дѣло мое скоро рѣшено въ мою пользу»[1]).

Былъ обычай, слѣдуя которому всѣ нуждавшіеся въ подьячихъ ходили къ нимъ на поклонъ въ дни семейныхъ ихъ праздниковъ, такъ напримѣръ: на родины, имянины и т. п., и приносили въ кулькахъ, бумагахъ, мѣшкахъ и мѣшечкахъ различные подарки[2]).

Въ «Трутнѣ» находимъ сатирическое описаніе обѣда, которымъ одинъ купецъ угощалъ приказныхъ. Въ трактиръ вошли два человѣка; одинъ былъ одѣтъ, какъ обыкновенно одѣваются городскіе купцы, а другаго можно было по платью признать, что онъ изъ приказнаго племени. Купецъ подошелъ къ трактирщику и спросилъ: «Что̀ возьмешь за обѣдъ, чтобы хорошенько накормить восемь человѣкъ?» — А кто будетъ обѣдать? «У его милости, отвѣчалъ приказный, завтра здѣсь обѣдать будетъ *правосудіе*; онъ вознамѣрился его потрактовать, понеже дѣло его имѣетъ быть въ скорости предложено къ слушанію; того ради и надлежитъ помянутое *правосудіе* трактовать весьма богато». Сторговались. На другой день купецъ цѣлые два часа стоялъ на крыльцѣ трактира, ожидая своихъ гостей. *Правосудіе* явилось въ образѣ нѣсколькихъ секретарей и приказныхъ служителей. Сѣли за столъ и началось угощеніе. Одинъ изъ подьячихъ налилъ себѣ рюмку вина, и только хотѣлъ выпить, какъ почувствовалъ, что *пра-*

---

[1]) Стр. 447—9.

[2]) «И то и сё», недѣля 30-я.

восудіе оскорбляется, ибо вмѣсто бургонскаго вина оказалось ординарное. Купецъ долженъ былъ перемѣнить ординарное вино на бургонское, и тѣмъ удовлетворилъ *правосудіе*. Послѣ того начали пить здоровье всѣхъ гостей шампанскимъ, венгерскимъ и прочими дорогими винами. Купецъ, подавая каждую бутылку, испускалъ вздохъ. По окончаніи стола, начали они играть на бильярдѣ алагеръ. «*Правосудіе* положило было съ каждой персоны по нѣскольку имперіяловъ своихъ денегъ; но случившійся тутъ приказный крючокъ тотчасъ сталъ тому противорѣчить, и сказалъ: понеже почтенный сей купецъ звалъ обѣдать на свой коштъ, того ради и сія игра должна по правосудію быть на его коштъ. Между тѣмъ купцу шепнулъ на ухо, что это самое удобное время. Купецъ согласился; они начали играть, а межъ тѣмъ почасту пили... Было замѣтно, что *правосудіе* начинало уже шататься»[1]).

Есть нѣсколько столь же колкихъ замѣчаній, въ періодическихъ изданіяхъ семидесятыхъ годовъ, и противъ лицъ, посягавшихъ на казенные доходы[2]): въ этомъ послѣднемъ отношеніи такъ называемыя *хлѣбныя* мѣста экономическихъ казначеевъ, управителей дворцовыхъ волостей, въ таможняхъ, при подрядахъ и поставкахъ, обратили на себя особенное вниманіе журнальной сатиры. «Адская Почта» представила злую характеристику *таможенной крысы*[3]); «Трутень» разсказалъ о *сутягѣ*, который непозволительными средствами нажилъ при откупахъ и подрядахъ большое состояніе[4]). Въ письмѣ дяди къ Ѳалалею читаемъ такое рѣзкое замѣчаніе: «Пріѣзжай, другъ мой Ѳалалеюшка! ты самъ увидишь, что тебѣ дома жить будетъ веселѣе петербургскаго. А буде не угодно,

---

[1]) 1769, стр. 268—272.

[2]) «Адская Почта», стр. 252, 300. «Смѣсь», стр. 117.

[3]) Стр. 58.

[4]) 1770, стр. 6—7.

то хоша туда просись, куда я тебѣ присовѣтую, сирѣчь къ приказнымъ дѣламъ, да только гдѣ похлѣбнѣе, наприкладъ, въ экономическіе казначеи, или въ управители дворцовыхъ волостей, или куда-нибудь къ подрядамъ, либо таможеннымъ дѣламъ. Въ такихъ мѣстахъ кому ни удалось побыть, такъ всѣ — Богъ съ ними! — сытехоньки стали. Иной уже теперь и въ каменныхъ палатахъ живетъ, а которые ни одной души за собою не имѣли, тѣ уже нажили сотни по двѣ и по три. Не въ проносъ сказать о нашемъ Авдулѣ Еремѣевичѣ: хотя онъ недолго пожилъ при монастырскихъ крестьянахъ, да уже всѣхъ дочекъ выдалъ замужъ. За одной, я слышалъ, чистыми денежками десять тысячъ далъ, да деревню тысячъ въ пять. А не совсѣмъ таки разорился, Богъ съ нимъ; про себя еще осталось! А кабы да его не смѣнили, такъ бы онъ и гораздо понагрѣлъ руки около нынѣшнихъ рекрутскихъ наборовъ. Знать, что тѣхъ молитва дошла до Бога, которые въ эту пору опредѣлились: не житье имъ, масляница! Я бы-ста и самъ не побрезговалъ пойдти въ эдакіе управители. Перепало бы кое-что и мнѣ въ карманъ... Я и понынѣ еще все старенькимъ живу. Кто передъ Богомъ не грѣшенъ? кто передъ царемъ не виноватъ? Не нами свѣтъ начался, не нами и окончается. Что̀ въ людяхъ ведется, то и насъ не минется. Лишь только подѣлись, Ѳалалеюшка, такъ и концы въ воду. Неужто всѣхъ станутъ вѣшать?»[1])

«Трутень» и «Адская Почта» записали любопытныя указанія на то, какими юридическими уловками старались въ то время обходить указъ, запрещавшій продажу крестьянъ въ рекруты[2]). Оканчивая свой разсказъ, «Почта» замѣтила, что приказные въ этомъ и другихъ случаяхъ «умѣютъ подбирать

---

[1]) «Живописецъ», ч. I (изд. 2-е), стр. 173—4.

[2]) «Трутень» 1769, стр. 199—200. «Адская Почта», стр. 10. См. эпиграмму въ изданіи «И то и сё», недѣля 12-я.

указы, какъ игроки карты» — выраженіе, прямо заимствованное изъ извѣстнаго указа Петра Великаго.

При такихъ условіяхъ, судейскій и приказный людъ могъ богатѣть очень скоро насчетъ просителей и подвѣдомственныхъ ему управленій. Нерѣдки бывали случаи, что дѣдъ топилъ въ приказѣ печи, а внукъ, сдѣлавшись секретаремъ, катался по городу на бо́рзыхъ коняхъ въ позолоченой каретѣ, что отецъ таскался въ приказъ въ китайчатомъ казакинѣ, а сынъ и дома надѣвалъ парчевой шлафрокъ*).

Вотъ какъ одинъ опытный дядюшка поучалъ житейской мудрости своего племянника:

«Увѣдомился я, что ты и по сіе время ни въ какую еще не опредѣлился службу... скажи пожалуй, что̀ ты съ собою задумалъ дѣлать? Я тебя не приневоливаю идти ни въ придворную, ни въ военную службу для сказанныхъ мнѣ тобою причинъ; пусть это будетъ по твоему, а притомъ и службы сіи никакой не приносятъ прибыли, а только разоренье. Но скажи пожалуй, для чего ты не хочешь идти въ приказную? Ежели ты думаешь, что она по нынѣшнимъ указамъ не наживна, такъ ты въ этомъ, другъ мой, ошибаешься. Правда, въ нынѣшнія времена противъ прежняго не придетъ и десятой доли; но со всѣмъ тѣмъ, годовъ въ десятокъ можно нажить хорошую деревеньку. Каково-жъ нажиточно бывало прежде, самъ разсуди; *нынѣшніе указы много у насъ отняли хлѣба!* Тебѣ извѣстно, что, по пріѣздѣ моемъ на воеводство, не имѣлъ я за собою больше шестидесяти душъ дворовыхъ людей и крестьянъ; а нынѣ, благодаря Подателя намъ всякихъ благъ, трудами моими и неусыпнымъ попеченіемъ нажилъ около трехъсотъ душъ, не считая денегъ, серебра и прочей домашней рухляди... Пожалуй, Иванушка, послушайся меня, просись

---

*) «И то и сё», недѣли 33 и 48.

къ намъ въ городъ въ прокуроры. Во всѣхъ дѣлахъ положися на меня, а ты — со стороны ни дай, ни вынеси — будешь брать жалованье; а коли будетъ умъ, такъ и еще жалованьевъ подъ десятокъ въ годъ получишь. Мы такъ искусно будемъ дѣлать, что на насъ и просить нельзя будетъ. А тогда, какъ мы наживемся, хотя и попросятъ, такъ бѣда будетъ невелика: отрѣшатъ отъ дѣлъ и велятъ жить въ своихъ деревняхъ. Вотъ-те на, какая бѣда! для чего не жить, коли нажито чѣмъ жить; то худо, какъ прожито чѣмъ жить; а ка́къ нажито? — этого никто не спроситъ. Пожалуста послушай меня, добивайся этого мѣста. Ты вѣдь уже не маленькій ребенокъ! можно о себѣ подумать, чѣмъ вѣкъ жить. Отцовское-то у тебя имѣніе стрень-брень съ горошкомъ, такъ надобно самому наживать»[1]).

Любопытно, къ какимъ діалектическимъ уловкамъ прибѣгали въ свою защиту любители скорыхъ благопріобрѣтеній. «Трутень», разсказывая объ одномъ правдивомъ судьѣ, котораго нельзя было подкупить ни деньгами, ни подарками, продолжаетъ: «Всѣ удивлялись его ополченію противъ искушателей, и наконецъ другіе судьи его правосудіе почли *гордостію*. Гордость его наказали отрѣшеніемъ отъ службы, а на его мѣсто посадили другаго судью, въ которомъ ни малой нѣтъ гордости»[2]). Въ письмѣ практическаго дядюшки, съ которымъ мы сейчасъ познакомились, высказанъ тотъ-же взглядъ: «Развѣ ты думаешь, пишетъ онъ племяннику, что когда не вступишь въ приказную службу, то уже и согрѣшить не можешь? Обманываешься, дружокъ: и въ приказной, и въ военной, и въ придворной, и во всякой службѣ и должности слабому человѣку не можно пробыти безъ грѣха. Мы бренное

---

[1]) «Трутень» 1769, стр. 12—16.

[2]) Ibidem, стр. 72.

сотвореніе, сосудъ скудельный, ка̀къ возможемъ остеречься отъ искушенія?... Змій, искусившій праотца нашего, не въ единомъ живетъ эдемскомъ садѣ; онъ пресмыкается по всѣмъ мѣстамъ. И не тяжкій ли это и смертный грѣхъ, что вы, молодые люди, дерзновеннымъ своимъ языкомъ говорите: за взятки надлежитъ наказывать, надлежитъ исправлять слабости... Вѣдаете ли вы, несмысленные, ибо сіе не припишу я злобѣ вашего сердца, но несмыслію — вѣдаете ли, что и Богъ не за всякое наказываетъ согрѣшеніе, но, вѣдая совершенно немощь нашу, требуетъ сокрушеннаго духа и покаянія? Вы твердите: я бы не бралъ взятокъ! Знаете ли вы, что такія слова не что иное, какъ первородный грѣхъ *гордость?* Развѣ думаете, что вы сотворены не изъ земли, и что вы крѣпче Адама? Когда первый человѣкъ не могъ избавиться отъ искушенія, то какъ вы, будучи въ толико кратъ его слабѣе, гордитеся несвойственною сложенію вашему твердостію? Какъ вамъ не быть тѣмъ, что̀ вы есть? Удивляюся, Господи, твоему долготерпѣнію! Какъ такихъ кичащихся тварей громъ не убьетъ, и земля, разверзшися, не пожретъ въ свое нѣдро, стыдяся, что таковыхъ въ свѣтъ произвела тварей, которыя вещество ея забываютъ! Опомнись, племянничекъ! и посмотри, куда тебя стремительно влечетъ твоя молодость! Оставь сіи развращающія разумы ваши науки, къ которымъ ты толико прилѣпляешься; оставь сіи пагубныя книги, которыя дѣлаютъ васъ толико гордыми, и вспомни, что гордымъ Господь противится, смиреннымъ же даетъ благодать»*).

Не менѣе убѣдительныя доказательства приводитъ отецъ Ѳалалея въ письмѣ, адрессованномъ къ издателю «Живописца»: «Слушай-ка, братъ! пишетъ онъ. На шутку что-ли я тебѣ достался? Не на такого ты наскочилъ! Развѣ ты еще

---

*) Ibidem, стр. 117—8.

не знаешь приказныхъ, такъ отвѣдай, потягайся. Вѣдомо тебѣ, что я передъ Владимірскою поклялся и снялъ ее матушку со стѣны въ томъ, что какъ скоро пріѣду въ Петербургъ, то подамъ на тебя челобитье въ безчестьѣ. Знаешь ли ты, молокососъ, что я имѣю патентъ, которымъ повелѣвается признавать меня за добраго, вѣрнаго и честнаго титулярнаго совѣтника?... А ты, забывъ законы духовные, воинскіе и гражданскіе, осмѣлился назвать меня якобы воромъ. Чѣмъ ты это докажешь? Я хотя и отрѣшенъ отъ дѣлъ, однакожъ не за воровство, а за взятки, а взятки не что̀ иное, какъ *акциденція*. Воръ тотъ, который грабитъ на проѣзжей дорогѣ; а я биралъ взятки у себя въ домѣ, а дѣла вершилъ въ судебномъ мѣстѣ: кто себѣ добра не захочетъ? А къ тому же я никого до смерти не убилъ. Правда, согрѣшилъ передъ Богомъ и государемъ: многихъ пустилъ по міру; да это дѣло постороннее, и тебѣ до него нужды нѣтъ. Какъ передъ Богомъ не согрѣшить? У кого же украсть, какъ не у царя? благодаря Бога, домъ у него какъ полная чаша; то хотя и украдешь, такъ не убудетъ. Глупый человѣкъ! да это и указами за воровство не почитается, а называется похищеніемъ казеннаго интереса. А похищеніе и воровство не одно: первое не что иное, какъ утайка; а другое — преступленіе противъ законовъ и достойно кнута и висѣлицы. Правда, бывали и такіе примѣры, что и за утайку сѣкали кнутомъ. При блаженной памяти, при ***, это случалось; но нынѣ, благодаря Бога, люди стали разсудительнѣе, и за рѣченную утайку сѣкутъ только тѣхъ, которые малое число утаятъ; да это и дѣльно: не заводи дѣла изъ бездѣлицы! Мнѣ кажется, братъ, что ты похожъ на постельную жены моей собачку, которая брешетъ на всѣхъ, и никого не кусаетъ; а это называется брехать на вѣтеръ. По нашему, коли брехнуть, такъ ужь и укусить, да и такъ укусить, чтобы больно да и больно было. Такъ-то и ты пишешь все пустое:

кто тебя послушается, или кто испугается, когда не слушаются и не боятся законовъ, опредѣляющихъ казнь за преступленіе?... Послушай, хотя ты меня и обидѣлъ, однакожъ я суда съ тобою заводить не хочу, ежели ты раздѣлаешься со мною добрымъ порядкомъ и такъ, какъ водится между честными людьми. Сдѣлаемъ мировую, заплати только мнѣ да женѣ моей безчестье, что̀ надлежитъ по законамъ; а буде не такъ, то по суду взыщу съ тебя все до копѣйки. Мнѣ заплатишь безчестье по моему чину, женѣ моей вдвое, тремъ сыновьямъ недорослямъ вполы противъ моего жалованья, четыремъ дочерямъ моимъ, дѣвицамъ, вчетверо каждой; а къ тому времени авось-либо Богъ опростаетъ мою жену и родитъ дочь, такъ еще и пятой заплатишь. Къ эдакимъ тяжбамъ мнѣ уже не привыкать; я многихъ молодчиковъ отбрилъ такъ, что однимъ моимъ, жены моей и дочерей безчестьемъ накопилъ тремъ дочерямъ довольное приданое. Что-жъ дѣлать, живучи въ деревнѣ, отставному человѣку? чѣмъ-нибудь надо промышлять. Многіе изволятъ умничать, что, живучи въ деревнѣ, можно-де разбогатѣть однимъ домостроительствомъ и хорошимъ смотрѣніемъ за хлѣбопашествомъ, да я эдакимъ вракамъ не вѣрю: хлѣбъ таки хлѣбомъ, скотина скотиною, а безчестье въ головахъ. Которая десятина земли принесетъ мнѣ столько прибыли, какъ мое безчестье?... Итакъ, разсудя хорошенько, послушайся меня и не заводи тяжбы, такъ мы и останемся пріятелями; а это ничего, что ты меня выбранилъ: брань на вороту не виснетъ, лишь бы деньги у меня были въ карманѣ»*).

Изъ послѣдняго письма видно, что приказный людъ готовъ былъ при всякомъ удобномъ случаѣ начать дѣло за безчестье. «Трутень» разсказываетъ объ одномъ чиновномъ господинѣ,

---

*) «Живописецъ», ч. I (изд. 5), стр. 105—112.

который задолжалъ купцу по векселю и нашелъ средство раздѣлаться съ нимъ безъ платежа. Случилось имъ быть вмѣстѣ въ гостяхъ: купецъ подпилъ, а чиновный господинъ не упустилъ поразгорячить его, хвастаясь тѣмъ, что долгу ему не заплатитъ, да если онъ и просить станетъ, такъ ничего не сыщетъ. Купецъ не вытерпѣлъ и отвѣчалъ бранью, а чиновный господинъ, обратясь къ присутствующимъ, сказалъ: *милости прошу прислушать!* и на другой день подалъ челобитную. Дѣло кончилось тѣмъ, что вмѣсто безчестья получилъ онъ обратно свой вексель съ надписью, что долгъ полученъ, да супругѣ своей къ зимѣ нехудой на шубу мѣхъ [1]).

Въ сатирическихъ журналахъ прошлаго столѣтія встрѣчаемъ и статьи, направленныя противъ пытокъ, какія самопроизвольно допускались тогда чиновниками при судебныхъ разбирательствахъ. И въ этомъ отношеніи журналы явились ревностными распространителями гуманныхъ идей, выраженныхъ самимъ правительствомъ [2]). Приведемъ интересный разсказъ, помѣщенный въ «Трутнѣ». У одного судьи пропали золотые часы; легко догадаться, что они были не купленные. Въ комнату, гдѣ часы лежали, входили двое: подрядчикъ и приказный, судейскій племянникъ. Послѣдній приходилъ поздравить дядю съ добрымъ утромъ и при этомъ укралъ часы. «Худой тотъ судья, который черезъ побои правду изыскиваетъ, а еще хуже тотъ, который всякія преступленія только низкой породѣ по предубѣжденію приписываетъ». Судья, хватившись часовъ и не находя ихъ, такъ разсуждаетъ: «Племянникъ мой не украдетъ, онъ человѣкъ благороднаго происхожденія, а пуще всего мой родственникъ; конечно, часы укралъ подрядчикъ, онъ человѣкъ *подлый*, да къ тому-жъ я

---

[1]) 1769 г., стр. 198—9. «Смѣсь», стр. 156—9.

[2]) «Адская Почта», стр. 347. «Живописецъ», ч. II (изд. 3), стр. 33

ему долженъ по векселю и не плачу!» Заключилъ, утвердился и опредѣлилъ предать подрядчика истязаніямъ. «Видно онъ никогда не заглядывалъ въ тѣ указы, кои безпристрастнымъ быть повелѣваютъ. О просвѣщеніе, даръ небесный! расторгни скорѣе завѣсу незнанія и жестокости для защищенія человѣчества! Уже страдаетъ подрядчикъ подъ побоями судейскими, и плети адское причиняютъ ему мученіе. Чѣмъ больше невинный старается оправдать себя клятвами и призываніемъ Бога во свидѣтели, чѣмъ больше проситъ, плачетъ и стонетъ, тѣмъ безжалостнѣе судья усугубляетъ мученіе». Будучи не въ силахъ болѣе терпѣть, бѣдный подрядчикъ вынужденъ былъ взять на себя небывалое воровство, и судья тотчасъ же сдѣлалъ ему такое предложеніе: «Если ты не согласишься изодрать моего векселя и не дашь мнѣ на себя другаго въ двухъ тысячахъ рублей, то попробуешь за воровство твое въ трехъ застѣнкахъ и будешь сосланъ на вѣчную работу въ Балтійскій портъ. А коли сдѣлаешь то, что̀ теперь я требую отъ тебя межъ четырехъ глазъ, то будешь свободенъ, и воровство твое не пойдетъ въ огласку; а для заплаты двухъ тысячъ рублей даю тебѣ сроку цѣлый годъ: видишь, какъ съ тобою человѣколюбиво и по-христіански поступаю! иной бы заставилъ тебя заплатить пять тысячъ да и въ самое короткое время». Истерзанный подрядчикъ, обливаясь слезами, снова клянется въ своей невинности, говоритъ, что признаніе въ кражѣ сдѣлалъ онъ ложно, не стерпя несноснаго мученія и увѣряетъ, что не въ силахъ заплатить двухъ тысячъ рублей. Судья, раздраженный этими словами, отсылаетъ подрядчика въ свой приказъ, яко пойманнаго и признаніе учинившаго вора. Весьма скоро рѣшаются дѣла въ тѣхъ приказахъ, въ которыхъ судьи сами истцами бываютъ: въ тотъ же день подписано всѣми присутствующими опредѣленіе, чтобы вторично допрашивать подрядчика подъ плетьми, и въ тотъ же самый день это

было бы исполнено, еслибъ, къ счастію подрядчика, не захотѣлось судьямъ обѣдать, и еслибъ на другой день не было вербнаго воскресенья, а потомъ страстной и святой недѣль, въ которыя присутствія не бываетъ. Подрядчика заклепали въ кандалы и бросили въ темный погребъ, вмѣстѣ съ разными злодѣями. Между тѣмъ судейскій племянникъ проигралъ украденные имъ часы въ карты; переходя изъ рукъ въ руки, часы эти достались наконецъ прокурору того приказа, въ которомъ было дѣло о подрядчикѣ. Праздники кончились; судьи съѣхались въ приказъ, и подрядчикъ былъ уже приведенъ, какъ прокуроръ, пріѣхавши послѣ судей и удивясь ихъ раннему съѣзду, вздумалъ посмотрѣть на свои часы. Судья-истецъ и другіе присутствующіе тутъ же признали украденные часы, «и безъ всякихъ справокъ положили, что подрядчикъ продалъ оныя той особѣ, отъ которой ихъ прокуроръ получилъ; а чтобъ подрядчика доказательнѣе въ воровствѣ обличить, то отправили секретаря взять у той особы росписку въ покупкѣ часовъ у подрядчика, коего между тѣмъ начали подъ побоями допрашивать: не былъ ли кто изъ богатыхъ купцовъ съ нимъ въ умыслѣ? не крадывалъ ли онъ и прежде сего? кому продавалъ краденыя вещи? и проч.» Разспросы эти дѣлались для того, чтобъ изъ бездѣлицы создать великое дѣло и чтобы припутать къ нему зажиточныхъ людей, съ которыхъ можно поживиться. Пока секретарь наводилъ справки, подрядчикъ насказалъ подъ ударами то, чего никогда не дѣлалъ, и допросы, едва умѣщенные на трехъ тетрадяхъ, ясно показывали, «что не всегда нужны побои къ изысканію злодѣянія, и что одинъ золотникъ здраваго судейскаго разсудка больше истины открываетъ, нежели плети, кошки и застѣнки». Удивились судьи, когда секретарь донесъ, что часы у дяди своего укралъ племянникъ, и *приказали:* «вора племянника, яко благород-

наго, наказать дядѣ келейно; а подрядчику при выпускѣ объявить, что *побои ему впредь зачтены будутъ* [1]).

Нападая на темныя стороны современной юстиціи, сатирики прошлаго столѣтія выставляли образованіе, какъ главное и вѣрнѣйшее исправительное средство противъ сутяжничества, взятокъ и лихоимства. «Я увѣренъ (читаемъ во «Всякой Всячинѣ»), что если къ должностямъ употребляемы будутъ люди съ воспитаніемъ и знаніемъ, менѣе услышимъ о корыстолюбіи. Человѣкъ, который съ молодыхъ лѣтъ привыкъ слышать и читать похвалу добродѣтелей и поношеніе пороковъ, несомнѣнно болѣе воздержанія имѣетъ отъ послѣднихъ и болѣе почтенія къ первымъ, нежели тотъ, который почти различія не знаетъ между пороками и добродѣтелями» [2]). «Трутень» совѣтовалъ во всѣ должности, большія и малыя, стараться выбирать людей просвѣщенныхъ; ибо только при посредствѣ такихъ людей могутъ быть водворены въ народѣ благоденствіе и добрые нравы. Быть добродѣтельными — нельзя приказать; для этого необходимы добрые примѣры, тщательное воспитаніе и науки [3]). Взглядъ этотъ оправдывался на самомъ дѣлѣ. Народное образованіе, насажденное Петромъ Великимъ и расширенное въ послѣдствіи, подъ вліяніемъ гуманныхъ предначертаній Екатерины II, уже тогда начинало приносить свои благотворные плоды.

Правительство сознавало необходимость требовать отъ чиновниковъ и общаго образованія и спеціальныхъ, по своей части, познаній; но оно далеко не имѣло возможности замѣстить всѣ должности лицами, получившими надлежащее воспитаніе, и прибѣгло къ слѣдующей мѣрѣ: для надзора за правильнымъ отправленіемъ дѣлъ и исполненіемъ законовъ оно старалось

---

[1]) 1769 г., стр. 97—104.

[2]) Стр. 200.

[3]) 1770 г., стр. 62.

установить постоянный контроль изъ людей образованныхъ и облеченныхъ властію, какими при императрицѣ Екатеринѣ II являются *прокуроры*. Понятно, что мѣра эта должна была вызвать ропотъ въ невѣжественной и развращенной толпѣ старинныхъ подьячихъ. Въ этомъ ропотѣ сказалось предчувствіе грядущаго паденія тѣхъ грубыхъ и своекорыстныхъ подьяческихъ нравовъ, надъ которыми такъ зло посмѣялась современная сатира. Еженедѣльникъ «И то и сё», разсказывая, что въ прошлый вѣкъ приказные не знали даже азбуки, драли со всякого акциденцію, а нынѣ ужь не то — начинаютъ учиться и понемногу отставать отъ лихоимства, приводитъ жалобу *крючкотворца* на новый вѣкъ: прежде, говоритъ подьячій,

Со всѣхъ сторонъ ходилъ ко мнѣ народъ;
Съ слезами милости моей они просили
И невозбранно мнѣ подарки приносили,
А нынѣ, о напасть! о случаи суровы! и т. д.[1]).

Престарѣлый судья, выключенный изъ службы, такъ жаловался на свое время, въ которое, по замѣчанію «Смѣси», взятки начинали становиться не въ модѣ[2]): «Что нынѣ услуги не награждаются — тому примѣромъ я... Я знаю всѣ указы наизустъ, умѣю ихъ толковать по своему желанію, но несмотря на то, меня отставили. Одинъ человѣкъ имѣлъ дѣло въ нашей коллегіи, и хотя, правду сказать, оно и неправильно было, но какъ онъ считался въ роднѣ одному большому барину, такъ мнѣ и захотѣлось сдѣлать услугу; товарищи-то мои были въ отпуску, я оставался одинъ и рѣшилъ, какъ хотѣлъ. А большой баринъ, свѣдавъ про то, предостерегъ *прокурора*; дѣло остановили, да къ тому-жъ войди на меня доносъ, что я кое съ кого деньжонки взялъ; анъ меня и отставили. Вѣдь

---

[1]) Недѣли 25 и 32.
[2]) Стр. 22.

кажется, все равно государству, что у меня деньги въ карманѣ, что у того, съ кого взялъ; да въ нынѣшнее время о томъ не разсуждаютъ!»[1]) О добромъ вліяніи на судопроизводство прокуроровъ, назначаемыхъ изъ людей, получившихъ образованіе, сохранились литературныя свидѣтельства. Въ наставительномъ письмѣ дяди къ племяннику читаемъ: «Тебѣ извѣстно, что по пріѣздѣ моемъ на воеводство нажилъ я около 300 душъ, не считая денегъ, серебра и домашней рухляди; да нажилъ бы еще и не то, ежели бы прокуроръ со мною былъ посогласнѣе, но за грѣхи мои наказалъ меня Господь такимъ несговорчивымъ, что какъ его ни уговаривай, только онъ какъ козьи рога въ мѣхъ не лѣзетъ; и ежели бы стараніемъ моимъ не склонилъ я на свою сторону товарища, секретаря и прочихъ, такъ бы у меня въ мошнѣ не было ни пула. Прокуроръ нашъ — человѣкъ молодой, и сказываютъ, что учоный; только я этого не примѣтилъ. Развѣ потому, что онъ въ бытность его въ Петербургѣ накупилъ себѣ премножество книгъ, а пути нѣтъ ни въ одной. Я одиножды перебиралъ ихъ всѣ, только ни въ одной не нашелъ, котораго святаго въ тотъ день празднуется память; такъ куда онѣ годятся? Я на всѣ его книги святцевъ своихъ не промѣняю... Онъ думаетъ, что всѣ дѣла надлежитъ вершить по наукамъ, а у насъ въ приказныхъ дѣлахъ какія науки? Кто правъ, такъ тотъ и безъ наукъ правъ, лишь бы только была у него догадка какъ приняться за дѣло. А судейская наука вся въ томъ состоитъ, чтобы умѣть искусненько пригибать указы по своему желанію»[2]). Въ крестьянской отпискѣ къ помѣщику, изъ которой выше приведено нами одно мѣсто, находимъ подобное же указаніе. «Отпиши, государь, (просятъ крестьяне) къ прокурору: онъ бояринъ добрый, ничего не беретъ, когда къ нему на по-

---

[1]) «Вечера», ч. II, стр. 174—5.

[2]) «Трутень» 1769 г., стр. 13—14.

клонъ придешь; авось-либо онъ за насъ вступится и секретаря уйметъ»[1]).

Умственное и нравственное образованіе, воспитывая въ народѣ чувство справедливости и человѣколюбія, несомнѣнно является главною и наиболѣе вѣрною мѣрой противъ всякого общественнаго зла, а вмѣстѣ съ тѣмъ, само собою разумѣется, противъ судейскаго произвола, подьяческихъ притязаній и духа ябедничества. Но образованіе, всегда и вездѣ, весьма медленно переходитъ въ народныя массы и дѣлается ихъ достояніемъ; необходима еще другая мѣра, чтобы успѣшнѣе дѣйствовать на устраненіе въ обществѣ «застарѣлой неправды»: это *гласность*. Сатирическая литература XVIII столѣтія не выяснила этой столько важной и знаменательной стороны вопроса. Сколько извѣстно, лишь одинъ фонъ-Визинъ поднялъ голосъ въ пользу судебной гласности, обратившись съ такимъ вопросомъ къ императрицѣ: «отчего у насъ тяжущіеся не печатаютъ тяжбъ своихъ и рѣшеній правительства?» Отвѣтъ Екатерины[2]) подалъ ему утѣшительную надежду, что размноженіе въ Россіи типографій послужитъ не только къ распространенію знаній, но и къ подкрѣпленію правосудія. «Способомъ печатанія тяжбъ и рѣшеній гласъ обиженнаго достигнетъ во всѣ концы отечества, говоритъ фонъ-Визинъ. Всякое дѣло, содержащее въ себѣ судьбу имѣнія, чести и жизни гражданина, купно съ рѣшеніемъ судившихъ, можетъ быть извѣстно всей безпристрастной публикѣ». Надежда эта не осуществилась; вмѣстѣ съ тѣмъ не прекращались и сатирическія нападки на ябеду, взятки, казнокрадство и неправосудіе. Литература честно совершала свое дѣло, обличая передъ всѣми общественные недуги, но она, по самому назначенію

---

[1]) Ibidem, стр. 206.

[2]) «Отъ того, отвѣчала государыня, что вольныхъ типографій до 1782 года не было».

своему, имѣла дѣло съ типическими сторонами народнаго быта; противъ отдѣльныхъ лицъ она не могла выступать съ обвинительными пунктами, и не выступала. А что̀ значатъ сатирическіе громы, хотя направленные противъ живаго зла, но имѣющіе дѣло съ лицами, созданными фантазіей писателя, что̀ значатъ подобные громы для тѣхъ господъ, которые не боятся самыхъ строгихъ наказаній, опредѣляемыхъ законами? Только то общественное осмѣяніе и сильно, и страшно, которое передъ глазами всѣхъ и каждаго падаетъ на дѣйствительнаго, служащаго взяточника и казнокрада, и падаетъ такъ, что не остается ему ни малѣйшей возможности *кивать украдкой на Петра;* только страхомъ неизмѣнно-грядущаго за всякимъ дѣйствіемъ общественнаго мнѣнія многіе удержатся отъ того, чего не страшатся дѣлать подъ непроницаемымъ покровомъ канцелярской тайны. Такое явленіе единственно возможно только при существованіи судебной гласности, о которой думала еще Екатерина.

Главная задача европейскаго образованія, перенесеннаго на русскую почву, заключалась въ умягченіи нравовъ общества и въ водвореніи тѣхъ гумманныхъ идей, которыя были выработаны энциклопедистами и которыя за каждымъ отдѣльнымъ лицомъ требовали признанія его человѣческаго достоинства. Ту-же задачу имѣла въ виду и журнальная сатира. Она съ строгими обличеніями выступила противъ вельможъ, гордыхъ своимъ высокороднымъ происхожденіемъ, а не личными заслугами, надменныхъ блескомъ своего богатства и готовыхъ оказывать незаслуженное презрѣніе къ нисшимъ классамъ. Еще Кантемиръ осмѣялъ эту боярскую спѣсь во второй сатирѣ; но предразсудки живучи! Надо было снова толковать, что всѣ сословія равно почтенны, что трудъ (каковъ бы онъ ни былъ) заслуживаетъ полнаго уваженія, а праздность, пожирающая плоды чужихъ усилій, — полнаго презрѣнія, что не порода, а

личныя достоинства и заслуги даютъ право на почетъ и вниманіе. Въ обществѣ еще встрѣчались такіе господа, какъ *Недоумъ*, характеръ котораго рѣзко очерченъ «Трутнемъ»: «онъ презираетъ всѣхъ тѣхъ, кои дворянства своего по крайней мѣрѣ за 500 лѣтъ доказать не могутъ; онъ ежечасно негодуетъ на судьбу, что опредѣлила его тѣмъ-же пользоваться воздухомъ, солнцемъ и мѣсяцемъ, которыми пользуется простой народъ; онъ презираетъ всѣ науки и художества, почитая ихъ безчестіемъ для всякой благородной головы. По его мнѣнію, всякой шляхтичъ можетъ все знать, ничему не учася; гербовники и патенты, едва отъ пыли и моли спасшіеся, суть однѣ книги, кои онъ безпрестанно по складамъ разбираетъ; александрійскіе листы, на которыхъ имена его предковъ росписаны въ кружкахъ, суть однѣ картины, коими весь домъ его украшенъ. Короче сказать, деревья, чрезъ которыя онъ происхожденіе своего рода означаетъ, хотя многія сухія имѣютъ отрасли, но нѣтъ на нихъ такого гнилаго сучка, каковъ онъ самъ». Размышляя о вредныхъ сторонахъ подобнаго характера, сатирикъ пришелъ къ тому справедливому заключенію, что похвальнѣе быть бѣднымъ дворяниномъ или мѣщаниномъ, полезнымъ государству, нежели знатной породы тунеядцемъ, извѣстнымъ только по глупости, дому, экипажу и ливреѣ*).

Блескъ роскоши и могущество власти, окружавшіе знать, и ея собственное легковѣрное тщеславіе должны были породить ту пріятную для слуха лесть, которую несли имъ въ дань люди мелочные и расчетливые. «Наука льстить или правила, по которымъ можно въ скоромъ времени приходить въ милость у большихъ бояръ», была постоянно преслѣдуема сатирическими изданіями; ибо язва ласкательства, по свидѣтель-

---

*) 1769 г., стр. 178—180.

ству «Трутня», распространилась не только въ прихожихъ, но и во внутреннихъ компатахъ случайныхъ людей[1]). Стоитъ попасть *въ случай*, какъ сейчасъ же явится стихотворецъ съ похвальною одою, въ которой произведетъ вашъ родъ, пожалуй, хоть отъ римскихъ императоровъ[2]), а пріемныя ваши комнаты, особенно по праздникамъ, станутъ наполняться кліентами, поспѣшающими отдать свой нижайшій поклонъ и ожидающими богатыхъ и великихъ милостей[3]).

По поводу этихъ сатирическихъ замѣтокъ появилось въ «Трутнѣ» письмо *Чистосердова*:

«Господинъ издатель! Въ вашемъ «Трутнѣ» печатаемыя со«чиненія многими разумными и знающими людьми похваляют«ся. Это хорошо; да то бѣда что многіе—испорченные нравы «и злыя сердца имѣющіе люди принимаютъ на себя осмѣивае«мыя вами лица, и критикуемые вами пороки берутъ на свой «счетъ. Это бы и не худо; ибо зеркало для того и дѣлается, «чтобы смотрящіеся въ него видѣли свои недостатки и оные «исправляли; и то зеркало почитается лучшимъ, которое вѣр«нѣе показываетъ лицо смотрящагося. Но дѣло-то въ томъ со«стоитъ, что въ вашемъ зеркалѣ видятъ себя и многіе знатные «бояре... Намнясь при мнѣ одинъ придворной господчикъ го«ворилъ о вашемъ «Трутнѣ»: не въ свои де этотъ авторъ садится «сани. Онъ де зачинаетъ писать сатиры на придворныхъ гос«подъ, знатныхъ бояръ, судей именитыхъ, на всѣхъ; такая де «смѣлость не что иное есть, какъ дерзновеніе... Въ старыя «времена послали бы де его потрудиться для пользы государ«ственной, описывать нравы какого ни-на-есть царства рус«скаго владѣнія; но нынче де дали волю писать и пересмѣ«хать и за такія сатиры не наказываютъ. Вѣдь де знатной

[1]) 1769 г., стр. 25, 157—8, 250—1.

[2]) «Адская Почта», стр. 222. «Курьеръ», стр. 170.

[3]) «Трутень» 1769 г., стр. 4. «Смѣсь», стр. 25.

«господинъ — не простой дворянинъ, что на немъ тоже взы-
«скивать, что и на простолюдимахъ... Гораздобъ было луч-
«ше, ежели бы де онъ обиралъ около себя и писалъ сказоч-
«ки, или что-нибудь посмѣшнѣе». Далѣе слѣдуетъ совѣтъ остерегаться наводить сатирическое зеркало на сильныхъ земли. «Я, говоритъ авторъ, слыхалъ слѣдующія разсужде-
«нія: въ положительномъ степенѣ или въ маленькомъ чело-
«вѣкѣ воровство есть *преступленіе* противъ законовъ; въ уве-
«личивающемъ степенѣ или средостепенномъ человѣкѣ во-
«ровство есть *порокъ*, а въ превосходительномъ степенѣ или
«человѣкѣ, по вѣрнѣйшимъ математическимъ исчисленіямъ,
«воровство не что иное, какъ *слабость*. Хотя бы и не такъ
«надлежало; ибо кто имѣетъ превосходительный чинъ, тотъ
«долженъ имѣть и превосходительный умъ и превосходитель-
«ныя знанія; слѣдовательно и преступленіе такого человѣка
«должно быть превосходительное... но полно, вѣдь вы знаете,
«что не всегда такъ дѣлается, какъ говорится». Посланіе свое Чистосердовъ оканчиваетъ желаніемъ, чтобы изданіе «Трутня» всѣмъ большимъ господамъ нравилось также, «какъ нравится оно семерымъ знатнымъ боярамъ, которыхъ онъ знаетъ: сіи господа читать сатиры великіе охотники, и читая оныя, никогда не краснѣютъ, для того что никогда не дѣлаютъ того, отъ чего краснѣть должно». Это упоминаніе о семи просвѣщенныхъ вельможахъ, сочувствовавшихъ требованіямъ образованія и правды, драгоцѣнно. Въ другомъ мѣстѣ «Трутень» прибавляетъ, что онъ можетъ указать, какъ на достойный подражанія примѣръ, — на знатныхъ: О... П... Н... С... В... Ш... Б... В...*). Любопытно было бы опредѣлить, кого означаютъ эти начальныя буквы? Мы знаемъ, что первая часть «Трутня» посвящена Л. А. Нарышкину въ

---

*) 1769 г., стр. 60—64, 254.

знакъ искренняго почтенія издателя къ его достоинствамъ; а вторая В. А. Всеволодскому, обращаясь къ которому Новиковъ говоритъ: «почтеніе мое къ вамъ велико и искренно; «однакожъ не знатность вашего чина во мнѣ оное производитъ, «но ваши добродѣтели; ибо знатный господинъ, неимѣющій «душевныхъ добродѣтелей, столь же малъ въ моихъ глазахъ, «какъ и послѣдній гражданинъ, неимѣющій оныхъ». «Живописецъ» упоминаетъ еще о Г. Г. Орловѣ, какъ о добромъ и человѣколюбивомъ помѣщикѣ. Представляя идеалъ вельможи, «Трутень» говоритъ, что истинный вельможа любимъ простымъ народомъ, не слушаетъ льстецовъ, старается о государственномъ благосостояніи болѣе, нежели о самомъ себѣ, защищаетъ бѣдныхъ и слабыхъ, не затворяетъ своего слуха къ ихъ просьбамъ и думаетъ о ихъ нуждахъ[1]). Если лица, на которыя указывалъ еженедѣльникъ Новикова, приближались къ этому идеалу; то они, конечно, имѣютъ все право на благодарное наше воспоминаніе.

Гуманное направленіе замѣчается въ большей части журнальныхъ статей избраннаго нами времени. Касаются ли онѣ военной службы, тотчасъ требуютъ отъ офицеровъ кроткаго и сообразнаго съ человѣческимъ достоинствомъ обращенія съ нижними чинами, требуютъ, чтобы солдата исправляли болѣе ласкою и примѣромъ, нежели безумною строгостію[2]). Касаются ли журналы состоянія и быта крестьянскаго населенія— они непремѣнно имѣютъ въ виду указать его нужды, возбудить участіе къ его судьбѣ и выяснить высокія требованія христіанской любви.

На обыкновенномъ языкѣ той эпохи нисшие общественные слои назывались *подлыми*; эпитетъ этотъ, по первоначальному

---

[1]) 1769 г., стр. 252. 1770 г., стр. 9—11.

[2]) «Трутень» 1769 г., стр. 5, 182. «Всячина», стр. 119. «Живописецъ», ч. II, стр. 263—4 (изд. 2-ое).

употребленію, не заключалъ ничего въ себѣ колкаго и оскорбительнаго и служилъ только для прямаго обозначенія нисшихъ классовъ народа; въ такомъ смыслѣ употребляло прежде это слово и самое законодательство. Но въ послѣдствіи тщеславная гордость стала употреблять его въ томъ презрительномъ смыслѣ, какой и теперь удержался за этимъ прилагательнымъ. Журналы немедленно возвысили свой голосъ противъ такого названія и рѣзко высказали по этому поводу свои правдивыя замѣчанія. «*Подлыми* людьми, говоритъ «Живописецъ», по справедливости должны называться тѣ, кото«рые худыя дѣла дѣлаютъ; но у насъ, не вѣдаю — по какому «предразсужденію вкралось мнѣніе почитать подлыми тѣхъ, «кои находятся въ низкомъ состояніи»[1]). «Трутень» убѣждаетъ, что не порода, а добродѣтели дѣлаютъ человѣка достойнымъ почтенія; что нельзя назвать человѣка *подлымъ* за то только, что родился онъ отъ честныхъ и добродѣтельныхъ мѣщанъ, какъ позволяютъ себѣ нѣкоторые невѣжды; что преступленія и худые поступки равно встрѣчаются и между благорожденными и между простолюдинами[2]). Осмѣивая безразсудное тщеславіе породою, сатирическія изданія не разъ напоминали гордецамъ, что всѣ люди имѣютъ одного общаго праотца — Адама, и совѣтовали имъ почаще разсматривать кости, оставшіяся по смерти простолюдина и боярина: не найдется ли между ними какого различія?[3]).

О нравственномъ и матеріальномъ положеніи крестьянскаго населенія новиковскіе журналы, «Смѣсь» и другія повременныя изданія представили нѣсколько превосходныхъ статей, проникнутыхъ истиннымъ чувствомъ любви къ человѣчеству и написанныхъ съ одушевленіемъ и остроуміемъ неподдѣль-

---

[1]) Ч. I (изд. 5), стр. 106.

[2]) 1769 г., стр. 30—31, 98.

[3]) «Трутень», ч. I, стр. 191. «Всячина», стр. 221. «Смѣсь», стр. 16.

ными. Мы только укажемъ эти статьи, не входя въ подробный ихъ разборъ... Въ «Живописцѣ» былъ помѣщенъ «Отрывокъ путешествія въ ***, соч. И*** Т***. Авторъ набросалъ здѣсь нѣсколько неотрадныхъ сатирическихъ картинъ, и въ противуположность имъ обѣщалъ въ послѣдствіи показать бытъ жителей «*Благополучныя* деревни»[1]). Еще въ пятомъ изданіи «Живописца» было повторено это обѣщаніе[2]), но осталось безъ исполненія. «Отрывокъ путешествія» написанъ нѣсколько рѣзко, и въ освѣщеніи и краскахъ не вездѣ соблюдена должная мѣра. Самъ издатель замѣтилъ о статьѣ И*** Т***, что блюдо это приготовлено очень солоно и горьковато для нѣжнаго вкуса благородныхъ невѣждъ; но что онъ рѣшился поподчивать имъ читателя, потому что Премудрость, возсѣдающая на престолѣ, покровительствуетъ истинѣ во всѣхъ дѣяніяхъ[3]). Сочиненіе это въ свое время вызвало разные бранчивые толки, въ опроверженіе которыхъ «Живописецъ» напечаталъ прекрасную статью подъ заглавіемъ: «Англійская прогулка»[4]) и которые такъ мастерски осмѣялъ этотъ-же журналъ въ письмѣ уѣзднаго дворянина къ Ѳалалею. Приводимъ небольшой отрывокъ изъ этого любопытнаго письма. «Меня (разсказываетъ уѣздный житель въ негодованіи своемъ «на новое время) отрѣшили отъ дѣлъ за взятки; процентовъ «большихъ не бери; такъ отъ чего же и разбогатѣть: вѣдь не «всякому Богъ дастъ кладъ, а съ мужиковъ... немного при«были. Я, кажется, таки и не плошаю, да что ты изволишь «сдѣлать... Пріѣхалъ къ намъ сосѣдъ *Брюжжаловъ* и при«везъ съ собою какіе-то печатные листочки и, будучи у ме«ня, читалъ ихъ. Что это у васъ, Ѳалалеюшка, дѣлается;

---

[1]) Ч. I (изд. 2), стр. 29—36, 98—102.

[2]) Ч. II, стр. 193.

[3]) Ч. I (изд. 2), стр. 36—37.

[4]) Ibidem, стр. 91—96.

«никакъ съ ума сошли всѣ дворяне? чего они смотрятъ? да я «бы ему проклятому и ребра живаго не оставилъ. Что за «Живописецъ» такой у васъ проявился? какой-нибудь нѣ«мецъ, а православный этого не написалъ бы... О коли бы «онъ здѣсь былъ! то-то бы потѣшилъ свой животъ: всѣ бы «кости у него сдѣлалъ, какъ въ мѣшкѣ! Что и говорить, дали «волю; тутъ небось не видятъ, и знатные господа молчатъ... «Да что ужь и говорить, и они свихнулись. Недалеко отъ «меня деревня Григорья Григорьевича Орлова; такъ знаешь «ли, по чему онъ съ нихъ беретъ? стыдно и сказать — по «полтора рубли съ души, а угодьевъ-та сколько! и мужики ка«кіе богатые! живутъ себѣ, да и *гадки* не маютъ, богатѣе «инаго дворянина. Ну, а ты разсуди самъ, какая ему отъ «этого прибыль... То-то, Ѳалалеюшка, не къ рукамъ едакое «добро досталось... Эхъ! перевелись старые наши бояре... «а нынѣшніе господа что за люди, и себѣ добра не хотятъ! «Что ужь и говорить: все пошло на нѣмецкой манеръ»[1]).

Въ «Трутнѣ» напечатаны двѣ любопытныя «Копіи съ крестьянскихъ отписокъ государю Григорью Сидоровичу» и «Копія съ помѣщичья указа»[2]): эти характеристическія статьи, отличающіяся вѣрностію изображенія, перепечатывались потомъ въ третьемъ, четвертомъ и пятомъ изданіяхъ «Живописца». Кромѣ того, въ «Трутнѣ» читатель найдетъ нѣсколько другихъ краткихъ замѣтокъ, если не столько выдержанныхъ и обработанныхъ, за то не менѣе интересныхъ по своему содержанію; таковы характеристики: *Змѣяна, Злорада, Безразсуда* и проч.[3]). Наконецъ въ «Смѣси» были помѣщены двѣ остроумныя статьи, облеченныя въ самую оригинальную форму и согрѣтыя живымъ чувствомъ состраданія къ меньшой братіи;

---

[1]) Ч. I (изд. 2), стр. 109—111.

[2]) 1769 г., стр. 203—8, 233—240.

[3]) Ibidem, стр. 41—2, 188—191, 199—200, 211—2, 283. Подобные разсказы попадаются и во «Всякой Всячинѣ» и въ «Адской Почтѣ».

это «Рѣчь о существѣ простаго народа» и сатирическое письмо, написанное отъ имени камчадала [1]).

Такова была журнальная сатира 1769—1774 годовъ. Требуя умственнаго и нравственнаго образованія, проповѣдуя человѣколюбіе и необходимость труда, она въ тоже время осмѣивала все, что противорѣчило общественному благу и вѣчной правдѣ. Конечно, эти колкія насмѣшки и смѣлыя нападки не могли всѣмъ нравиться. Если лучшая, образованная часть публики сочувствовала такому литературному движенію, то съ другой стороны масса, выросшая въ невѣжествѣ и привыкшая въ мутной водѣ ловить рыбу, не очень таила свою невольную досаду. Журналы записали и эти ходячіе толки. Едва появилась «Всячина», какъ уже стали подозрѣвать на ея листкахъ такія *тонкости,* о которыхъ и не снилось издателю. Въ одной бесѣдѣ вздумало нѣсколько человѣкъ разсуждать объ этомъ изданіи; старички, «соединясь за одно, говорили: оныя «де сочиненія ни къ чему не кстати; нынѣча де всякій себя «умнымъ ставитъ, а лучшебъ де было, еслибъ издали въ пе«чать разныя духовныя душеполезныя книги; а то де ребята «молодые нынѣча думаютъ только, какъ бы что помарать... «Если бы сочинитель не написалъ о понедѣльникахъ [2]) и о «прочемъ, почитая за суевѣріе самое благочестіе, то-бъ и мы «такъ горячо не вступались. Чему наши дѣды и отцы послѣ«довали, тому и мы должны» [3]). «Смѣсь» жаловалась, что ее многіе хулили за высказываемую правду, и смѣялась надъ тѣми, которые были убѣждены, что писатели ничего полезнаго для общества не дѣлаютъ: «диво, что ихъ за то не наказываютъ!» [4]) «Адскую Почту» обвиняли, что соль своего остро-

---

[1]) Стр. 193—8, 209—213.

[2]) Намёкъ на статью «Всячины», направленную противъ суевѣрія, будто понедѣльникъ — тяжелый день.

[3]) Стр. 6, 161—2.

[4]) Стр. 31, 118. «Трутень» 1770 г., стр. 89.

умія она смѣшиваетъ съ ядомъ беззаконія, что изображенія, нарисованныя ею, такъ колки, что должны быть всѣми почитаемы за обиду, какъ будто слѣдуетъ быть нѣжнымъ къ порокамъ. Издателя этого журнала нѣкоторые слишкомъ ревностные противники сатирическихъ сочиненій называли беззаконникомъ, и прибавляли, что такихъ дерзкихъ писателей надо выгонять изъ города[1]). Издатель «Трутня» также не избѣгъ злословія; объ немъ распускались слухи, что онъ человѣкъ опасный, что въ его изданіи встрѣчаются одни ругательства. Были и такіе обидчивые люди, которые готовы были принимать на свой счетъ всякую сатирическую статью. Разсуждая о своихъ читателяхъ, «Трутень» въ числѣ ихъ указываетъ и такихъ, которые «златой вѣкъ, въ коемъ позволено всѣмъ мыслить, называютъ желѣзнымъ»[2]). Честь и слава тѣмъ писателямъ, которые, не смотря на подобные возгласы, подвизались на избранномъ ими литературномъ поприщѣ съ искреннимъ желаніемъ добра, съ непритворною любовью къ отечеству, съ полнымъ уваженіемъ къ просвѣщенію и правдѣ и съ неослабною энергіею! Мы обязаны почтить ихъ труды благодарнымъ воспоминаніемъ тѣмъ болѣе, что положеніе писателя было въ ту эпоху несовсѣмъ-завидное. «Эхъ «судьба! восклицаетъ Чулковъ, для чего ты опредѣлила «быть мнѣ сочинителемъ; лучше бы быть мнѣ подьячимъ. «Ничего бъ я больше не дѣлалъ, какъ переписывалъ съ «чернаго на бѣло, но имѣлъ бы домъ, карету и лошадей; «плакали бы отъ меня люди, но я былъ бы спокоенъ... Откупщикъ отъ своей должности дѣлаетъ приращеніе своему «брюху, судья умножаетъ свои сундуки, безмозглый танцмей«стеръ отягощаетъ свои плеча разнымъ дорогимъ платьемъ; «а ты, который препровождаешь день и ночь за книгою, и ста«раешься сдѣлать нѣкоторую пользу твоимъ согражданамъ

¹) Стр. 203—8, 343.

²) 1769 г., стр. 142, 255, 275—7, 280—3.

«твоими нравоученіями, отъ неусыпности твоей тщедушенъ и «блѣденъ, и не только сундука, но и кармана полнаго никогда «не имѣешь; платье носишь коноплянnаго цвѣта, но и то отъ «четырехъ-лѣтняго употребленія поистаскалось и обветшало; «худо оно, но ты и перемѣнить его не имѣешь надежды!»[1])

Потребность чтенія была слишкомъ невелика, и сочиненія раскупались въ незначительномъ количествѣ экземпляровъ и медленно. «Нынѣ, говоритъ «Живописецъ», многія наилучшія «книги переведены съ разныхъ иностранныхъ языковъ и на-«печатаны на россійскомъ; но ихъ и въ десятую долю противъ «романовъ не покупаютъ... Что-жъ касается до подлинныхъ «нашихъ книгъ, то онѣ никогда не были въ модѣ и совсѣмъ «не расходятся, да и кому ихъ покупать? Просвѣщеннымъ на-«шимъ господчикамъ онѣ не нужны, а невѣждамъ и совсѣмъ «не годятся. Какой бы лондонской книгопродавецъ не ужас-«нулся, услышавъ, что у насъ двѣсти экземпляровъ напечатан-«ной книги иногда въ десять лѣтъ насилу раскупятся? Обо-«дряйтесь россійскіе писатели! сочиненія ваши скоро и со-«всѣмъ покупать перестанутъ»[2]). — Наконецъ въ обществѣ еще продолжалъ существовать нелѣпый предразсудокъ, признававшій званіе писателя постыднымъ[3]). «Нѣкоторые (по «свидѣтельству «Вечеровъ») думали, что дворянину стыдно «присвоивать себѣ имя писателя. Не стыдятся того вѣнчан-«ные главы, ни важные министры, о пользѣ государствъ пе-«кущіеся; а наши дворяне симъ титломъ гнушаются! Стыдно «быть писателемъ, но дурнымъ, разсѣвающимъ семена поро-«ковъ, осмѣивающимъ правду, честь и добродѣтели.. Да-«рованія людямъ природою напрасно не даются, и не даромъ это «сказано: *скрывый талантъ да будетъ проклятъ*!»[4])

---

[1]) «И то и сё», недѣля 48-я.

[2]) Ч. I (изд. 2), стр. 39—40.

[3]) Образчикъ такого мнѣнія представленъ въ «Живописцѣ», ч. I (изд. 2), стр. 180.

[4]) ч. I, стр. 7.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

1) «Всякая Всячина», съ такимъ объявленіемъ на первомъ листкѣ: «Симъ листомъ бью челомъ, а слѣдующія впредь изволь покупать», еженедѣльное изданіе, выходило листами по пятницамъ (за листъ 1½ коп.), Спб., 1769 г., въ 8-ю долю листа. Въ объявленіи объ изданіи «Барышка Всякія Всячины» на 1770 годъ сказано было, что изданіе это будетъ продолжаться, пока станетъ матеріаловъ прошлогодняго запасу (стр. 408). Краткія свѣдѣнія объ этомъ журналѣ были сообщены М. Макаровымъ въ «Отеч. Запискахъ» 1839 года, № 4, «Смѣсь», стр. 22—30. Во «Всячинѣ» помѣщались прозаическія статьи и оригинальныя и переводныя; издатель самъ замѣчаетъ, что переводы въ его журналѣ слабѣе оригинальныхъ сочиненій (стр. 295). Кромѣ статей сатирическихъ, здѣсь напечатаны: Слово Монтескьё, говоренное имъ въ 1728 году, при избраніи его въ члены французской академіи; переводы изъ Анакреона, Овидіевыхъ Превращеній, Тита Ливія, Еліана и Валерія Максима, письмо Плинія-младшаго къ Тациту о смерти дяди его, естествоиспытателя Плинія-старшаго, и нѣсколько стихотвореній; между ними: «Надпись къ статуѣ государя Петра Великаго», соч. А. Сумарокова (стр. 138). Имена двухъ сотрудниковъ «Всячины» на стр. 380 и 381 напечатаны навыворотъ — это: Григорій Кушалевъ и Михайло Жуковъ; г. Буличъ догадывается еще о двухъ сотрудникахъ этого журнала: И. Елагинѣ и А. Лобысѣвичѣ (См. Сумароковъ и соврем. ему критика, стр. 215—6). Объ издателѣ «Всячины», Г. В. Козицкомъ смотри: Essai sur la littérature russe, стр. 9; Опытъ историческаго словаря росс. писат. Новикова, стр. 101—2, Словарь русс. свѣтск. писа-

телей митрополита Евгенія, т. I, стр. 295—7 и Москов. Городск. Листокъ, стр. 112 (анекдотъ).

2) «И то и сё», съ объявленіемъ на первомъ листѣ: «Строками служу, бумагой бью челомъ, а обое вообще извольте покупать; купивъ же считайте за подарокъ для того, что небольшаго оное стоитъ», еженедѣльное изданіе, выходило полулистами по вторникамъ; всѣхъ полулистовъ 52, Спб. 1769 г., въ 8 д. л., стоило 1 р. 4 коп. Статьи, вошедшія въ этотъ журналъ, преимущественно сатирическія; кромѣ того, здѣсь напечатаны стихотворенія (элегіи, эпиграммы, мадригалы, загадки, эпитафіи), переводы изъ нѣмецкаго стихотворца Даніила Каспера Логенстейна и Геллерта, краткое исчисленіе именъ боговъ, богинь, полубоговъ и героевъ (въ томъ числѣ указаны и божества славянскія) и списокъ иностранныхъ словъ, употребляемыхъ русскими. «Трутень» (1769 г. на стр. 95—96) указываетъ на заимствованія журнала «И то и сё» изъ итальянской Венероніевой грамматики. Издателемъ этого журнала въ Московск. Телеграфѣ (1827 г., XVIII, стр. 82, журналистика) и въ Росписи книгъ Смирдина ошибочно показанъ Семенъ Башиловъ; въ Опытѣ историческаго словаря Новикова (стр. 17—18) и въ Словарѣ русск. свѣтск. писателей митрополита Евгенія (т. 1, стр. 31—32) сказано только, что Башиловъ написалъ нѣсколько сатирическихъ писемъ, напечатанныхъ въ журналѣ: «Ни то, ни сё». Настоящимъ издателемъ журнала: «И то и сё» былъ М. Д. Чулковъ (надв. совѣтн., скончался 1793 г.), о которомъ смотри: «Опытъ истор. слов.», стр. 243—4, Словарь митроп. Евгенія, т. 2, стр. 242—5 и Булича «Сумароковъ», стр. 253, примѣчаніе. Мнѣніе это мы основываемъ на положительномъ показаніи Новикова и на собственныхъ словахъ издателя журнала «И то и сё», который самъ о себѣ говоритъ, что онъ приготовляетъ поэму: «Плачевное паденіе стихотворцевъ» (недѣля 41).

Сверхъ того, въ этомъ періодическомъ изданіи встрѣчаемъ описанія простонародныхъ обрядовъ и повѣрій, а Чулковъ извѣстенъ, какъ первый собиратель этнографическихъ матеріаловъ. Въ журналѣ Чулкова участвовалъ Михайло Поповъ, помѣстившій здѣсь (недѣли 7, 12, 18—21, 31) разныя стихотворенія; сличи съ первою частью «Досуговъ или Собр. сочин. и переводовъ М. Попова, Спб., 1772». О Поповѣ см. «Опытъ истор. слов.», стр. 170—1, и Слов. митрополита Евгенія, т. 2, стр. 133—4.

3) «Ни то, ни сё», въ прозѣ и стихахъ, ежесубботное изданіе на 1769 г., съ эпиграфомъ: «Maxima de nihilo nascitur historia. Propertius. Пространнѣйшая изъ ничего родится повѣсть. Проперцій». Выходило полулистами съ 21 февраля по 11 іюля включительно, Спб., въ 8-ю д. л. Всѣхъ полулистовъ было 20. Здѣсь напечатаны: 1) въ переводахъ: LXXXII-е письмо Сенеки о суетахъ сего міра и смерти, и его же разсужденіе: «О Провидѣніи», перевелъ С. Б. (Семенъ Башиловъ?), изъ Овидіевыхъ Превращеній и Элегій (одна подписана буквою Р. — Рубанъ?), разговоръ дикаго съ баккалавромъ изъ Вольтера, «Должности общежитія», ода Томаса, переведена В. П. (Василіемъ Петровымъ; смотри въ Сочиненіяхъ В. Петрова, Спб., 1811, ч. I, изд. 2-го, стр. 194; послѣдняя строфа здѣсь передѣлана); 2) ода: «Деньги», переводъ изъ Горація (въ стихахъ) о серебрѣ и золотѣ, и соглашеніе этихъ двухъ стихотвореній; 3) стихотворенія: «Рокъ», изъ «Амстердамскаго Гонца» (курьера), надписи, эпиграммы и другія; нѣкоторыя изъ нихъ подписаны буквами В. Р. (Рубанъ); иныя принадлежатъ М. Попову. Одна эпиграмма заимствована изъ «Голландской Пчелы»; 4) разсказы: «Покрывало, скинутое вѣтромъ съ лица одной женщины, было причиною смерти одного султанскаго сына», «Зависть одной женщины противъ своей сестры открываетъ путь къ консульству», и проч.

(съ француз. Ил. Дебольцовъ), «Омаръ, восточная повѣсть» (перев. Ѳ. Лазинскій), «Великодушіе дикаго человѣка» (пер. съ нѣмецкаго изъ «Берлинскаго Магазина» Ѳ. Л. — Лазинскій?); два письма (о вспыльчивости), перев. съ нѣмецкаго студентъ Яковъ Хорошкевичъ, и сатирическія вѣдомости — съ нѣмецк. И. Пырскій. Въ 1771 году вышло въ Сп-бургѣ второе изданіе журнала «Ни то, ни сё», въ 8 д. л.; на заглавномъ листѣ сказано: «съ исправленіемъ противъ прежняго»; но всѣ исправленія состоятъ въ томъ, что на первомъ листѣ втораго изданія выкинуты названія журнала на другихъ языкахъ и слѣдующее стихотворное объявленіе о цѣнѣ: «Всякъ кто пожалуетъ безъ денежки алтынъ, тому «Ни то, ни сё» дадутъ листокъ одинъ». Болѣе исправленій нѣтъ; напротивъ, второе изданіе перепечатано съ перваго строка въ строку. Объ издателѣ В. Г. Рубанъ (кол. сов.) смотри «Опытъ истор. слов.» Новикова, стр. 191—2 и Словарь митрополита Евгенія, т. 2, стр. 151—3; о Петровѣ — въ Опытѣ Новикова, стр. 162—3, у м. Евгенія, т. 2, стр. 117—9. По свидѣтельству Новикова (Опытъ, стр. 17—18) и митрополита Евгенія (т. I, стр. 31—32) въ журналѣ «Ни то, ни сё» помѣстилъ нѣсколько сатирическихъ писемъ (развѣ полемическихъ? потому что собственно сатирическихъ статей здѣсь не встрѣчаемъ) Семенъ Башиловъ.

4) «Смѣсь, новое еженедѣльное изданіе», началось 1-го апрѣля 1769 года, Санктпетербургъ, въ 8-ю д. л., всѣхъ листовъ 40, цѣна 1 рубль. Второе изданіе подъ заглавіемъ: «Смѣсь или собраніе разныхъ философическихъ и критическихъ сочиненій и переводовъ, въ стихахъ и въ прозѣ, еженедѣльное изданіе на 1769 годъ», напечатано было въ 1771 году, въ 8 д. л., въ Спб. На заглавномъ листѣ сказано, что это изданіе «со многими прибавленіями»; въ самомъ же дѣлѣ ко второму изданію прибавленъ только одинъ листъ, заключающій въ себѣ переводъ «Письма Каина къ Мегалѣ,

его супругѣ, соч. Костарда» и стихи: «Несчастный», и имѣющій свою особенную нумерацію страницъ; другихъ прибавленій нѣтъ. Напротивъ, второе изданіе перепечатано съ перваго страница въ страницу, съ опущеніемъ только «Предувѣдомленія», въ которомъ читаемъ: «Я, набравшись чужихъ мыслей и видя нынѣ много періодическихъ изданій, вздумалъ писать Смѣсь, о которой вольно всячески судить« и проч. Между переводами встрѣчаемъ здѣсь статьи изъ сочиненія «Portraits et caractères». Въ числѣ стихотвореній, помѣщенныхъ въ «Смѣси», отмѣтимъ здѣсь: «Оду на побѣду, одержанную россійскимъ воинствомъ надъ турками подъ Хотиномъ 19 апрѣля» (листъ 7, стр. 49). Изданіе «Смѣси» приписываютъ Новикову, но едва ли справедливо.

5) «Трутень», еженедѣльное изданіе на 1769—1770 года, Спб., въ 8-ю д. л. «Трутень» на 1769 годъ былъ посвященъ шталмейстеру Льву Александровичу Нарышкину и заключаетъ въ себѣ 36 листовъ (цѣна 1 р. 25 к.), а «Трутень» на 1770 годъ, посвященный оберъ-прокурору сената Всеволоду Александровичу Всеволодскому, состоитъ изъ 17 листовъ, потому что журналъ продолжался только по май мѣсяцъ; стоилъ 75 коп. «Трутень» имѣлъ большой успѣхъ и покупался болѣе другихъ періодическихъ листовъ, почему вслѣдъ за первымъ вышло второе его изданіе; сверхъ того, многія статьи были въ послѣдствіи перепечатаны отсюда въ «Живописецъ». Между прочими сочиненіями въ «Трутнѣ» 1769 года находимъ: «Надпись къ рощѣ его превосходительства Льва Александровича Нарышкина» (листъ XIV, стр. 105), «Надгробную Ломоносову» (л. XX, стр. 160), «Стихи Александру Андреевичу Беклешову на смерть брата его подполковника Арсенія, убитаго при одержанной россійскимъ войскомъ надъ турками побѣдѣ у Хотина августа 29-го дня» (л. XXII, стр. 169), соч. Василія Майкова; его же стихи: «Примѣръ (Примьеръ)-

маіору Юрью Богдановичу г. Бибикову» (л. XXIII, стр. 171); а въ «Трутнѣ» 1770 года: «Стихи на смерть Өедора Александровича Эмина, россійской исторіи писателя, послѣдовавшую въ Санктпетербургѣ 18 апрѣля 1770 года, писанные къ его другу» (л. XVI, стр. 126) и извѣстіе о мраморномъ памятникѣ, воздвигнутомъ въ честь Ломоносова канцлеромъ графомъ М. Л. Воронцовымъ. Объ издателѣ «Трутня» Н. И. Новиковѣ, смотри въ Словарѣ митр. Евгенія, т. 2, стр. 103—6, въ «Словарѣ достопамятн. людей русск. земли» Д. Бантыша-Каменскаго (1836 г. М., ч. IV, стр. 26—29), въ сочиненіи Вейдемейера: «Дворъ и замѣчат. люди во второй половинѣ XVIII столѣт.» (ч. 2, стр. 115—9), въ Русскомъ Вѣстникѣ 1857 года № 19: «Новиковъ и Шварцъ», статья г. Лонгинова, изданная и отдѣльно въ 1858 г.; № 21: «Нѣсколько дополнительныхъ замѣтокъ къ статьѣ: Новиковъ и Шварцъ», соч. г. Ешевскаго; въ томъ-же журналѣ 1858 г. №№ 15 и 22 (статьи Лонгинова); въ Сборникѣ, издаваем. студентами имп. спб-го университета, вып. 1-й, стр. 321—335: «Матеріалы для біографіи Н. И. Новикова»; въ «Библіогр. Запискахъ» 1858 г. № 6: «Н. И. Новиковъ», біографич. очеркъ, и 1859 г. № 3 — статью Н. Рябова; въ «Московскомъ Городск. Листкѣ (1847, №№ 43—46) статью подъ заглавіемъ: «Н. И. Новиковъ», составленную Н. Билевичемъ. И Бантышъ-Каменскій, и Вейдемейеръ годъ перваго изданія «Живописца» указываютъ ошибочно; о другихъ же изданіяхъ Новикова вовсе умалчиваютъ. Г. Билевичъ ограничился указаніемъ на то вліяніе, какое имѣлъ Новиковъ въ литературно-общественномъ отношеніи на современное ему общество; но выполнилъ эту задачу неудовлетворительно. Въ его статьѣ слишкомъ-много ошибокъ; такъ журналъ «И то и сё» приписанъ Башилову; «Поденьшина» переименована въ «Поденщика»; «Ежемѣсячныя Сочиненія», окончившіяся 1764 годомъ, пока-

заны изданіемъ, одновременнымъ «Трутню»; «Всякая Всячина» названа жалкимъ изданіемъ, тогда какъ это былъ одинъ изъ лучшихъ журналовъ своего времени; о «Трутнѣ» также несправедливо сказано, что онъ издавался отъ нечего дѣлать. «Парнасскій Щепетильникъ», издававшійся Чулковымъ, приписанъ Новикову; объ «Адской Почтѣ» сдѣлано замѣчаніе, что въ полемическихъ состязаніяхъ журналовъ она нападала на «Трутня», тогда какъ, напротивъ, она защищаетъ его положенія; статья о городѣ Солунѣ, напечатанная въ «Щепетильникѣ», отнесена къ «Трутню», и проч. Въ любопытныхъ замѣткахъ, напечатанныхъ въ Сборникѣ спб-хъ студентовъ, о «Кошелькѣ», переданы весьма сомнительнаго достоинства разсказы Макарова. — Въ «Трутнѣ» участвовали В. Майковъ, Аблесимовъ (см. «Сумароковъ» Булича, стр. 235) и Мих. Поповъ, эпиграмму котораго находимъ въ «Трутнѣ» 1769 года на стр. 27—29 (сличи: «Досуги», ч. I, стр. 27). О Майковѣ смотри: Essai sur la littérature russe стр. 8, Словарь митрополита Евгенія», т. 2, стр. 41—2 и «Опытъ историческаго словаря», стр. 133—5; объ Аблесимовѣ — въ тѣхъ же изданіяхъ. О «Трутнѣ» были сообщены краткія свѣдѣнія М. Макаровымъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 года (№ 8, смѣсь, стр. 26—32).

6) «Адская Почта или переписка хромоногаго бѣса съ кривымъ, ежемѣсячное изданіе 1769 года. Издалъ въ свѣтъ я, напечатано здѣсь». Спб. въ 8-ю д. л. Журналъ этотъ начался съ іюля и продолжался до окончанія года; всѣхъ выпусковъ шесть; у Сопикова и Смирдина ошибочно показано: семь. Каждый мѣсяцъ «Почты» продавался по 20 коп. и заключалъ въ себѣ нѣсколько писемъ бѣсовъ, а въ концѣ адскія вѣдомости, въ которыхъ, между прочимъ, встрѣчаемъ любопытныя статьи касательно тогдашней политики (о Турціи, Франціи и Польшѣ). Вѣроятно, въ томъ-же 1769 году «Адская

Почта» или по крайней мѣрѣ первый ея выпускъ имѣлъ второе изданіе, въ чемъ убѣждаетъ насъ слѣдующая видѣнная нами на одномъ экземплярѣ «Почты» за іюль мѣсяцъ прибавка: напечатано здѣсь *вторымъ тисненіемъ.* Кромѣ того, было еще одно изданіе этого журнала, безъ раздѣленія на мѣсяцы, подъ новымъ заглавіемъ: «Курьеръ изъ ада съ письмами, сочиненіе Ѳедора Эмина» — вышло въ Спб. 1788 года, въ 12-ю д. л. Но въ это послѣднее изданіе многихъ писемъ не вошло; другія сокращены (именно письма подъ №№ 39, 43, 51, 69, 83, 90, 91, 94, 100 и 103); самый слогъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ нѣсколько измѣненъ-а статьямъ адскихъ вѣдомостей придана форма писемъ. Изъ статей «Адской Почты» въ «Курьеръ» не вошли: обращенія издателя ко «Всякой Всячинѣ» и читателямъ, всѣ полемическія статьи противъ другихъ журналовъ, цѣлый выпускъ за мѣсяцъ августъ, да изъ другихъ выпусковъ письма подъ №№ 1, 5, 40, 41, 52, 53, 55, 81, 88, 89, 95, 96, 100, 112; извѣстія «изъ-за рѣки Косита» (въ іюльской и сентябрьской книжкахъ) и замѣтки объ адскихъ вѣдомостяхъ въ октябрьской и декабрьской книжкахъ. Объ издателѣ этого журнала Эминѣ смотри «Опытъ истор. слов.», стр. 253—8 и Словарь митрополита Евгенія, т. 2, стр. 214—225. По примѣру «Адской Почты» Крыловъ выдавалъ въ 1789 г. «Почту Духовъ»; въ 1792 г. была издана въ Москвѣ: «Переписка двухъ адскихъ вельможъ Алгабека и Алгамека, находящихся по разнымъ должностямъ въ старомъ и новомъ свѣтѣ, содержащая въ себѣ сатирическія,критическія и забавныя произшествія, повѣсти и проч., переведенныя съ арапоеврейскаго языка грекояпонскимъ переводчикомъ въ 1791000 году». Г. Буличъ въ своемъ сочиненіи: «Сумароковъ и современная ему критика» говоритъ о вліяніи на «Почту» Эмина сочиненія: «Lettres persanes» и о сходствѣ ея съ Lettres Juives» (стр. 101 и 247).

7) «Поденьшина, или ежедневныя изданія», съ эпиграфомъ: «Labor omnia vincit. Improbus et duris urgens in rebus egestas. Virg. Трудами все преодолѣвается. Непріятенъ и къ труднымъ вещамъ понуждаетъ недостатокъ. Вирг.» Спб. 1769 года, въ 12-ю д. л., всѣхъ страницъ 134. Первыя 22 страницы были выпущены 1-го марта; потомъ, черезъ недѣлю, съ 8-го марта «Поденьшина» выходила ежедневно по 4 апрѣля включительно, выдавая каждый разъ по два листка. Въ предисловіи къ этому журналу читаемъ: «Пользуясь блаженствомъ «настоящаго времени, въ которое между безчисленными для «благополучныхъ россіянъ выгодами и изданіе каждому въ «печать трудовъ своихъ безпрепятственно дозволяется, пред«пріялъ я издавать гражданству сіи ежедневные листочки... «Въ нихъ описываны будутъ мои собственныя и заемныя мы«сли» (стр. 3—4). Здѣсь помѣщены: разсужденія о магіи, живописи, архитектурѣ и музыкѣ, «переводъ изъ мнѣній графа Оксенштерна — О смѣхѣ», переводъ двухъ басень («Волкъ и Барашекъ» и «Двѣ Лисицы») и «Искусство украшать лицо изъ *дѣлъ* (твореній) Овидіевыхъ»; листокъ «Поденьшины», выпущенный 1-го апрѣля, наполненъ рѣченіями изъ разныхъ восточныхъ языковъ, которыя на слѣдующихъ листкахъ были сравнены съ русскими словами, но въ сближеніяхъ этихъ много произвольнаго, напримѣръ *счастіе* авторъ производитъ отъ *щи ясть*, а *нищета* отъ выраженія: *нечего считать*. Въ Словарѣ митрополита Евгенія этотъ журналъ неправильно названъ: «Поденьщикъ». Объ издателѣ В. Тузовѣ смотри «Опытъ истор. словаря», стр. 228, и Словарь митроп. Евгенія, т. 2, стр. 227.

8) «Полезное съ Пріятнымъ, полумѣсячное упражненіе» 1769 года, издавалось при императорскомъ сухопутномъ шляхетскомъ кадетскомъ корпусѣ, Спб. въ 8-ю д. л. Всѣхъ

полумѣсяцевъ или книжекъ — 12. У Сопикова этотъ журналъ обозначенъ неправильно.

Продажа журнальныхъ листовъ 1769—1774 годовъ производилась у переплетчика Веге.

9) «Парнасской Щепетильникъ», ежемѣсячное изданіе 1770 г. Спб. въ 12-ю д. л., всѣхъ выпусковъ восемь. Журналъ этотъ издавался съ мая по декабрь включительно, по 25 коп. за выпускъ. У Сопикова, Плавильщикова, Смирдина и въ «Московск. Телеграфѣ» (1827 г. ч. XVIII, стр. 83, и 1828 г. ч. XXIV, стр. 227) издателемъ «Щепетильника» несправедливо названъ Новиковъ. Митрополитъ Евгеній издателемъ этого журнала называетъ Чулкова («Словарь свѣтск. писат.», т. 2, стр. 243; сличи съ «Опытомъ словаря русс. писателей» Новикова, стр. 243); справедливость этого показанія засвидѣтельствована въ самомъ «Щепетильникѣ». Здѣсь напечатано письмо, адрессованное къ издателю, въ которомъ неизвѣстный авторъ говоритъ: «земляки мои прошлаго года получали ваше еженедѣльное «И то и сё» (стр. 271—3). Итакъ «Щепетильникъ» имѣлъ одного редактора съ журналомъ: «И то и сё». Вмѣстѣ съ сатирическими статьями на стихотворцевъ въ «Щепетильникѣ» находимъ: переводы изъ Овидіевыхъ Превращеній и элегій; переводъ о децемвирахъ въ Римѣ (изъ книги: «Essai sur les grands événemens par les petites causes»); разсужденія Агриппы фонъ-Нетсгейма о стихотворствѣ (изъ книги «О суетѣ наукъ») и о картежной игрѣ; статьи объ упражненіяхъ древняго римскаго гражданства, о разности между любовью и дружбою; Мемнонъ или премудрость человѣческая (изъ Вольтера); экономическія примѣчанія о пользѣ огородныхъ кореньевъ, и мелкія стихотворенія. Кромѣ того, здѣсь находимъ слѣдующія статьи: 1) «Древнія русскія простонародныя загадки» (стр. 46—8): всѣхъ 15, безъ отгадокъ; 2) «Описаніе города Солуня, называемаго именемъ

Салоники (по лат. Thessalonika), учиненное тамо бывшимъ россійскимъ путешественникомъ Василіемъ Григоровичемъ, гражданиномъ кіевскимъ, во время странствованія его по свѣту чрезъ 25 лѣтъ, которое имъ описано и у многихъ въ манускриптѣ хранится» (стр. 119—130). Путешествіе это относится къ 1725—6 годамъ. Здѣсь описаны: мѣстоположеніе, зданія, пристань, произведенія и проч. Къ «Описанію» присоединены имена архипелажскихъ островов, на которыхъ живутъ христіане, и указаніе на разстоянія нѣкоторыхъ мѣстъ. О Григоровичѣ смотри «Опытъ истор. словаря», стр. 53. Любопытенъ фактъ, передаваемый Григоровичемъ, что греки питали надежду съ помощью Петра В. избавиться отъ турецкаго ига. 3) «Надгробная надпись россійской исторіи писателю Никитѣ Иванову, умершему генваря 26 дня 1770 года въ Москвѣ» (стр. 143—4). 4) «Открытіе соли въ Азіи случилось при ханѣ татарскомъ, который уронилъ кусокъ мяса на землю» (стр. 152—3). 5) «Описаніе рощи, находящейся при приморской его превосходительства Льва Александровича Нарышкина мызѣ, именуемой Левендаль, въ одиннадцати верстахъ отъ Санктпетербурга по петергофской дорогѣ», въ стихахъ, соч. В. Р. (Василія Рубана) (стр. 183—5). 6) «Побѣдительная пѣснь на торжественное двукратное пораженіе и разогнаніе многочисленныхъ оттоманскихъ силъ, собравшихся на сей сторонѣ Дуная, россійскими императорскими войсками, подъ предводительствомъ главнокомандующаго генералъ-фельдмаршала и разныхъ орденовъ кавалера графа Петра Александровича Румянцова, іюля 7 и 21 дней 1770 года», соч. Василія Рубана (стр. 186—196). 7) «Эпитафія оберъ-егермейстера и кавалера Семена Кириловича Нарышкина сыну, конной гвардіи вахмистру Петру Семеновичу Нарышкину», соч. студентъ Иванъ Посниковъ (стр. 288). 8) «Историческія извѣстія польскихъ писателей о провинціяхъ и го-

родахъ россійскихъ, бывшихъ нѣкогда во владѣніи польскомъ, и потомъ опять россіянами взятыхъ, принадлежащія къ россійской исторіи» (о Финляндіи, княжествахъ сѣверскомъ и кіевскомъ, Смоленскѣ и запорожскихъ казакахъ), переводъ съ польскаго (стр. 290—319). 9) *a*) «О изображеніи монеты россійской временъ царя Ивана Васильевича» (московской, новгородской, тверской и псковской) (стр. 319—321; *b*) «Государственные чины тогожъ времени» (стр. 321—2); *c*) «О думномъ боярскомъ совѣтѣ, бывшемъ при дворѣ царя Ивана Васильевича» (стр. 322), переведено съ латинскаго.

10) «Пустомеля», ежемѣсячное сочиненіе на 1770 годъ. Санктпетербургъ, въ 16-ю д. л., весьма-рѣдко. Журналъ этотъ продолжался два мѣсяца: іюнь и іюль; первый выпускъ посвященъ Николаю Алексѣевичу Ладыженскому, а второй — Никитѣ Акинфовичу Демидову, о которомъ въ посвященіи сказано: «Есть люди богатствомъ васъ превышающіе, но они «душевными свойствами передъ вами толико бѣдны, колико «богаты стяжаніемъ. Они столько дѣлаютъ вреда обществу, «колико дѣлаете вы пользы; тѣ за малое у подобныхъ себѣ «людей похищаютъ свободу, а вы великія раздаете суммы къ «ихъ искупленію. Не я это говорю, а повсемѣстно взываютъ «искупленные вами отъ поноснаго ига неволи, а воніютъ тѣ «юноши, которые по причинѣ ихъ бѣдности лишены были то«лико нужнаго человѣчеству и полезнаго обществу воспитанія, «но по счастію содержатся и воспитываются вашимъ иждиве«ніемъ» (стр. 62—64). Имя издателя неизвѣстно. Г. Буличъ говоритъ: «есть извѣстіе, что издателемъ «Пустомели» былъ Аблесимовъ» («Сумароковъ», стр. 272), но откуда это извѣстіе — не сказано. Всѣхъ страницъ въ обоихъ выпускахъ 112; цѣна за экземпляръ была 25 коп. Между прочимъ, въ этомъ журналѣ помѣщены слѣдующія статьи: 1) «Историческое приключеніе», неоконченная повѣсть, въ которой встрѣ-

чаются Добронравъ, Добросердъ, Миловида, Осторожна. Въ ней есть нѣкоторые намёки на тогдашніе модные нравы (стр. 25, 30, 31—2, 35); повѣсть эта написана, чтобъ доказать слѣдующую истину: «часто бываетъ, что люди впадаютъ въ пороки по одному добросердечію, но среди самыхъ преступленій праводушіе ихъ сіяетъ и великость духа оказывается». 2) Загадки (сатирическаго содержанія). 3) «Завѣщаніе Юнджена китайскаго хана къ его сыну» (1735 г.). 4) «Епиграмма г. Кондратовича къ г. издателю Трутня», по поводу напечатаннаго въ «Трутнѣ» 1769 года (стр. 48) объявленія о воеводѣ, продающемъ свою совѣсть. Эпиграмма написана тяжелыми стихами; на кого она была направлена — мы не знаемъ.

11) «Трудолюбивый Муравей, еженедѣльное изданіе 1771 года съ послѣдней половины», издавалъ Василій Рубанъ, Санктпетербургъ, въ 8-ю д. л.; всѣхъ нумеровъ 26; продавался, вмѣстѣ съ другими журналами, у переплетчика Миллера, за листъ по 4 коп. Здѣсь напечатаны переводы — изъ Вольтера: «Жанотъ и Колинъ», «О украшеніи города Кашемира, разговоръ въ царствѣ мертвыхъ» (Периклъ, грекъ и россіянинъ); изъ Ѳеофрастовыхъ Характеровъ, изъ Лукана («Діогенъ и Александръ», разговоръ въ царствѣ мертвыхъ, пер. Рубана); «Разговоръ разсудка и любви» о противорѣчіи ихъ между собою (съ французскаго), прощальное письмо Константіи къ Ѳеодосію (съ нѣмецкаго), эклога изъ сочиненій Сенстона, повѣсть о султанѣ Кудбединѣ и о прекрасной дѣвицѣ Журлулѣ (съ нѣмецкаго); о жертвоприношеніяхъ древнихъ язычниковъ, Балакиревы вѣдомости, извѣстіе о карлѣ безрукомъ (въ Лубнахъ) и др. Для насъ болѣе любопытны теперь слѣдующія статьи и стихотворенія: 1) «Мадригалъ на прибытіе графа Алексѣя Григорьевича Орлова изъ Архипелага въ Санктпетербургъ въ 1771 году», соч. В. Майкова (№ 1, стр. 8); 2) «Похвальное слово Петру I, императору и самодержцу

всероссійскому въ достоинствѣ члена парижской академіи наукъ, говоренное г. Фонтенелемъ 1725 года» (№ 2, стр. 9; № 3, стр. 17; № 4, стр. 25; № 5, стр. 33; № 6, стр. 41): краткія свѣдѣнія о заслугахъ Петра I. Переводъ съ французскаго; подлинникъ можно читать въ «Description de l'empire Russien» Страленберга, т. 1, стр. 335 (изд. въ Амстердамѣ MDCCLVII). 3) «Извѣстія польскихъ историковъ о Валахіи и Молдавіи, бывшихъ нѣкогда во владѣніи польскомъ» (№ 7, стр. 49), переводъ съ польскаго. 4) «Елегія къ библіотекѣ преосвященнаго Стефана Яворскаго, митрополита рязанскаго и муромскаго, сочиненная имъ самимъ предъ кончиною своею», переводъ съ латинскаго (№ 7, стр. 54). 5) Два стихотворенія «на прибытіе преосвященнаго Гавріила Кременецкаго, митрополита кіевскаго, галицкаго и Малыя Россіи въ предписанную епархію въ 1771 году», сочинены кіевской академіи студентомъ Михайловскимъ (№ 7, стр. 56). 6) «Описаніе мѣстоположенія и разстоянія городовъ полуострова Крыма» (№ 8, стр. 57). 7) «О крымской коммерціи», соч. Р. (Рубанъ?) Содержаніе: инородцы, торгующіе въ Крыму; отправленіе Петромъ Великимъ посла Емельяна Украинцова въ Царьградъ по вопросу о крымской коммерціи; покореніе Крыма (№ 8, стр. 59). 8) «О старинномъ русскомъ платѣ» бояръ, дворянъ, подьячихъ, купцовъ и женщинъ (№ 13, стр. 97). 9) «Вседневное моленіе московскихъ жителей» о прекращеніи язвы (№ 14, стр. 104) — стихи. 10) «Письмо его сіятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову, на отбытіе его изъ Санктпетербурга въ Москву, во время заразительной въ ней болѣзни, для истребленія оныя» — стихи Майкова (№ 14, стр. 106). 11) «Стихи на день поминовенія православныхъ воиновъ и всѣхъ за вѣру и отечество на брани убіенныхъ, чинимаго ежегодно августа 29 числа въ православныхъ церквахъ во всей Россіи» (№ 18, стр. 142).

12) «Надгробная надпись преосвященнымъ московскимъ: архіепископу Платону Малиновскому и митрополиту Тимоѳею Щербацкому, погребеннымъ въ Москвѣ въ Чудовѣ монастырѣ, изъ которыхъ первой 14 іюля 1754, а второй 18 апрѣля 1767 года преселилися на вѣчную жизнь», соч. архимандрита Дмитрія Грозинскаго (№ 18, стр. 144). 13) «Надпись на благополучное возвращеніе его сіятельства графа Григорія Григорьевича Орлова изъ Москвы съ Санктпетербургъ декабря 1771 года», соч. В. Р. (Василій Рубанъ). Въ это время въ Москвѣ была чума (№ 20, стр. 160). 14) «Письма» *Люборуссова* о происхожденіи нѣкоторыхъ словъ (№ 22, стр. 168; № 26, стр. 201). 15) «Рѣчь императора Петра Великаго къ россійскимъ генераламъ, произнесенная послѣ торжества за морскую побѣду и по принятіи имъ на себя адмиральскаго чина въ 1714 году» (№ 25, стр. 199). Сличи съ стр. 372—4, т. IV «Дѣян. Петра В.», соч. Голикова. 16) (Двѣ) «надписи на покореніе Крыма и другихъ татарскихъ ордъ II-й арміи главнымъ предводителемъ генераломъ и кавалеромъ княземъ Васильемъ Михайловичемъ Долгоруковымъ россійской державѣ въ 1771 году» (№ 25, стр. 200).

12) «Вечера», еженедѣльное изданіе, 2 части: 1-я 1772 года (цѣна 1 р.), 2-я 1773 г., Санктпетербургъ, въ 8-ю д. листа, съ изображеніемъ на заглавномъ листѣ сатира. Изданіе 2-е, безъ перемѣнъ, въ Москвѣ, въ типографіи компаніи типографической, 1788 г. (1-я часть) и 1789 (ч. 2-я), въ 12-ю д. листа. 1-ое изданіе выходило полулистами, которые назывались *вечерами*; такихъ вечеровъ въ 1-ой части было 26. Здѣсь находимъ статьи: 1) «О россійскихъ предкахъ» (ч. 1, стр. 97 перваго изд. и 105 2-го изд.), то есть о происхожденіи русскаго народа, о разселеніи славянъ и призваніи варяговъ. 2) «Стихи графу Ѳедору Григорьевичу Орлову 1772 года февраля 3-го дня» (ч. 1, стр. 48 1-го изд. и 53

2-го изд.). 3) «Стихи къ дачѣ его сіятельства князя Александра Алексѣевича Вяземскаго» (ч. 2, стр. 70 2-го изд.). 4) «Стихи на дачу Александра Александровича Нарышкина, которая состоитъ изъ многихъ островковъ» (ч. 2, стр. 72 2-го изд.). 5) «Стихи на Крестовскій островъ Кирила Григорьевича Разумовскаго» (ч. 2, стр. 73 2-го изд.). 6) Переводы изъ Овидіевыхъ Превращеній, идилій Геснера и Юнговыхъ Ночей, поэмы Фетри: «Гробницы», стихотвореній Іоанна II Еврарда («Поцѣлуи» — съ латинск.), одного мѣста изъ «Ромео и Юлія» и монолога изъ трагедіи Аддисона: «Катонъ»; изъ Вольтера: «Колинъ и Лиза»; изысканіе объ амазонкахъ и ихъ республикѣ; путешествіе въ города Глупость и Роскошь и мѣстечко Пустословіе; героида: «Електра къ Оресту»; «Несчастная португалка» (письмо въ стихахъ); «Подражаніе царству Зазиридовъ или геніевъ»; письмо (въ стихахъ) «Габріеллы де-Вержи къ графинѣ де-Рауль, сестрѣ Рауля де-Куси», въ которомъ говорится о любовницѣ, накормленной сердцемъ милаго, и др. Кромѣ того, въ «Вечерахъ» печатались многія эпиграммы, эпитафіи, эклоги, стансы, мадригалы, сонеты, анакреоническія оды, загадки, басни и переложенія псалмовъ. Въ этомъ изданіи принимала участіе жена Хераскова (урожденная Неронова Елизавета Васильевна); ей принадлежитъ стихотвореніе «Потопъ», напечатанное въ первой части «Вечеровъ» (на стр. 175. — Смотри: Москвит. 1844 г., № 1: «Записки И. И. Дмитріева», стр. 252). О Херасковой находимъ краткія извѣстія въ словаряхъ Новикова, стр. 235, и м. Евгенія, т. 2, стр. 235. Въ «Вечерахъ» встрѣчаемъ еще стихи князя Ѳедора Козловскаго (о которомъ смотри: «Опытъ ист. словаря» Новикова, стр. 102—6, и Словарь Евгенія, т. 1, стр. 279) и переводъ г-жи Звѣнигородской.

13) «Живописецъ», еженедѣльное изданіе, Санктпетербургъ, въ 8-ю д. л., 1772 года, 2 части, каждая въ 26 листовъ;

послѣдніе листы второй части были выпущены уже въ 1773 году, потому что въ нихъ находимъ статьи, вызванныя событіями этого года. Первая часть имѣла въ 1773 году второе изданіе въ Санктпетербургѣ, въ 8-ю д. л.; изданіе это перепечатано съ перваго, съ опущеніемъ письма подъ № XXX (стр. 133 перваго изд.) и стиховъ подъ № XLVI и LI (стр. 185 и 208 перваго изд.). Въ 1775 году въ Санктпетербургѣ явилось новое (третье) изданіе обѣихъ частей подъ заглавіемъ «Живописецъ, еженедѣльное сатирическое сочиненіе, вновь пересмотрѣнное, исправленное и умноженное», въ 12 д. листа; въ предисловіи издатель замѣтилъ: «я въ журналѣ моемъ многое перемѣнилъ, иное исправилъ, другое выключилъ и многое прибавилъ изъ прежде-выданныхъ моихъ сочиненій». Изданіе четвертое вышло въ Москвѣ, печатано въ университет. типографіи у Н. Новикова, 1781 года, въ 8-ю д. л. Третье и четвертое изданія — лучшія; они совершенно сходны. Пятое вышло въ Санктпетербургѣ, при императорской академіи наукъ, 1793 года, въ 12-ю д. л.; оно перепечатано съ третьяго или четвертаго изданія, но хуже ихъ, потому что въ немъ исключены нѣкоторыя мѣста изъ «Сатирическихъ вѣдомостей». Въ третье, четвертое и пятое изданія вошли многія наиболѣе интересныя сатирическія статьи изъ «Трутня», именно: Письма къ племяннику, Лѣчебникъ, Смѣющійся Демокритъ, Сатирическія вѣдомости, Крестьянскія отписки и помѣщичій указъ, и разсказъ объ украденныхъ у судьи часахъ. Показанія Сопикова о двухъ первыхъ изданіяхъ — невѣрны. Наконецъ первая часть «Живописца» вышла шестымъ изданіемъ въ Москвѣ, въ вольной типографіи Пономарева, 1829 года, въ 12-ю д. л. Изданіе это перепечатано съ перваго, съ весьма большими пропусками. Нѣсколько статей изъ «Живописца» были потомъ перепечатаны въ «Московскомъ Собесѣдникѣ», ежемѣсячномъ изданіи на 1806 годъ, именно: Письма отъ

отца, матери и дяди къ Өалалею (ч. 1, стр. 175, 189, 197, 203), «Отрывокъ путешествія въ *** И. Т.» (И. П. Тургенева? — ч. 2, стр. 163) и «Слѣдствія худаго воспитанія» (ч. 2, стр. 456). Журналъ «Живописецъ» былъ посвященъ Екатеринѣ Великой. Первоначально продавался онъ по 4 коп. за листъ. Въ первомъ, второмъ и шестомъ изданіяхъ «Живописца» встрѣчаемъ слѣдующія сочиненія, невошедшія въ остальныя изданія: 1) «Письмо о пользѣ наукъ! и о воспитаніи во оныхъ юношества, писанное покойнымъ профессоромъ Поповскимъ къ его превосходительству Ивану Ивановичу Шувалову при случаѣ заведенія московскаго университета, въ 1756 году» (ч. 1, листъ 8, стр. 57 перваго изд. и 53 втораго изд.; въ шестомъ изд. стр. 72). 2) «Переводъ съ письма господина Доминика Діодати, изъ Неаполя 1771 года октября 7-го дня писаннаго къ россіянину, пославшему къ нему въ подарокъ Наказъ ея императорскаго величества, данный коммиссіи о сочиненіи проэкта новаго уложенія» (ч. 1, л. 12, стр. 90 перваго изд. и 84 втораго изд.; въ шестомъ изд. стр. 116). 3) «Письмо къ ея сіятельству графинѣ Прасковьѣ Александровнѣ Брюсовой» — стихи (ч. 1, л. 14. стр. 111 перв. изд. и 103 2-го изд.; въ шестомъ изд. стр. 143). 4) «Письмо къ его сіятельству графу Григорью Григорьевичу Орлову, отъ нѣкотораго духовнаго лица изъ Москвы поздравительное съ новымъ 1772 годомъ, и благодарительное за его ревность и усердіе, принятое къ отвращенію бывшей въ Москвѣ моровой язвы 1771 года» (ч. 1, л. 16, стр. 127 1-го изд. и 118 2-го изд.). 5) «Переводъ съ письма его величества короля прусскаго, писаннаго къ ея императорскому величеству Екатеринѣ Великой изъ Потсдама отъ 26 ноября 1767 года» — о Наказѣ (ч. 1, л. 22, стр. 170 1-го изд. и 157 2-го изд.; въ 6-мъ изд. стр. 148). 6) «Переводъ съ письма графа Сольмса къ его сіятельству графу Панину отъ 5 декабря

1767 года» (ч. 1, л. 22, стр. 175 1-го изд. и 160 2-го изд.). 7) «Надпись на положеніе Екатериною Великою предъ надгробіе Петра I флага, взятаго у турокъ въ Архипелагѣ августа 29 дня 1772 года» (ч. 1, л. 23, стр. 177 1-го изд. и 161 2-го изд.). 8) «На день рожденія его императорскаго высочества 20 сентября 1772 года» — стихи В. Р. (Вас. Рубанъ — ч. 1, л. 24, стр. 185 1-го изд.). 9) «Ея величеству государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ самодержицѣ всероссійской на пріобрѣтеніе Бѣлыя Россіи 1772 года» — ода, соч. П. П. (ч. 1, л. 26, стр. 201 1-го изд. и 182 2-го изд.). 10) «На день коронованія ея императорскаго величества Екатерины II, императрицы и самодержицы всероссійскія 22 сентября 1772 г.» — стихи В. Р. (Рубанъ — ч. 1, л. 26, стр. 208 изд. 1-го). 11) «Рѣчь къ ея императорскому величеству, говоренная епископомъ Анатоліемъ, возвратившимся изъ Архипелага, 1772 года октября 7-го дня» (1-го изданія: ч. 2, л. 1, стр. 211). 12) «Слово на выздоровленіе его императорскаго высочества государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича 1771 г.», сочиненіе фонъ-Визина (ч. 2, л. 3, стр. 226). Смотри въ «Полн. собр. сочин. фонъ-Визина», изд. Смирдина, стр. 688—699. Въ предисловіи къ этому «Слову» приведены слова цесаревича: «мнѣ мучительно, что народъ безпокоится моею болѣзнею». 13) «Надпись къ рѣкѣ Волгѣ, сочиненная въ Вѣнѣ на латинскомъ языкѣ г. Колларомъ, вивліотекаремъ книгохранительницы цесарской 1772» (ч. 2, л. 4, стр. 240). 14) «Рѣчь къ ея императорскому величеству, говоренная преосвященнымъ Георгіемъ, епископомъ могилевскимъ, мстиславскимъ и оршанскимъ, марта 10 дня 1773 года въ Санктпетербургѣ, въ придворной церквѣ» (ч. 2, л. 19, стр. 357). 15) «Стихи его сіятельству графу Петру Александровичу Румянцову на воздвиженіе въ честь побѣдъ его обелиска предъ императорскимъ домомъ въ Цар-

скомъ селѣ», соч. В. Р. (Рубанъ), и ему-же стихи на новый годъ, соч. В. Р. (ч. 2, л. 19, стр. 363). 16) «Письмо въ отвѣтъ къ господину генералъ-маіору и кавалеру Евдокиму Алексѣевичу Щербинину, находящемуся со властію губернатора въ слободской губерніи, о заведеніи типографіи гражданской при харьковскихъ училищахъ» (можетъ быть, Новикова— ч. 2, л. 20, стр. 365). 17) «Надгробная надпись іеромонаху Симеону Полоцкому, именовавшемуся въ жизни Петровскимъ, сочиненная іеромонахомъ Заиконоспасскаго монастыря строителемъ Сильвестромъ Медвѣдевымъ, и на камнѣ надъ гробомъ его въ Заиконоспасскомъ монастырѣ вырѣзанная» (ч. 2, л. 20, стр. 368). 18) «Переводъ съ письма его величества короля прусскаго къ генералъ-поручику Бибикову, командукщему въ Польшѣ» (ч. 2, л. 20, стр. 371). 19) «Стихи, сочиненные на случай, когда благородныя дѣвицы 4-го возраста, воспитывающіяся въ Новодѣвичьемъ Воскресенскомъ монастырѣ, по девятилѣтнемъ своемъ пребываніи въ домѣ воспитанія, въ первый разъ явилися въ общество и гуляли въ саду лѣтняго ея императорскаго величества дворца 1773 года мая 20 дня» (ч. 2, л. 24, стр. 397). 20) «Стихи госпожамъ дѣвицамъ 1-го возраста, воспитываемымъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ, на присутствіе ихъ въ первый разъ въ саду лѣтея гоня императорскаго величества дома сего 1773 года мая 20 числа» (ч. 2, л. 24, стр. 402). 21) «Ода ея величеству Екатеринѣ Великой императрицѣ и самодержицѣ всероссійской» (ч. 2, л. 25 и 26, стр. 408). Сверхъ того, въ первыхъ двухъ изданіяхъ находимъ переводъ изъ «Утреннихъ размышленій», соч. короля прусскаго; переводъ VIII-й сатиры Буало на человѣка (эта сатира помѣщена и въ 6-мъ изд.) и X-й сатиры на женщинъ; переводъ отрывка изъ второй части III-го тома Энциклопедическихъ Записокъ, въ которомъ говорится объ императрицѣ Екатеринѣ II (ч. 2, л. 25 и 26,

стр. 406—7); передѣлка поэмы: «Торгъ семи музъ» и пѣсня, соч. архангелогородскимъ купцомъ Алекс. Ѳоминымъ, о которомъ смотри Словарь митр. Евгенія, т. 2, стр. 289—290. (Пѣсня эта напечатана и въ 6-мъ изд.)

14) Митрополитъ Евгеній въ «Словарѣ свѣтск. писат.» (т. 2, стр. 151) говоритъ, что В. Рубанъ въ 1772—3 годахъ издавалъ еженедѣльникъ: «Старина и Новизна», но такое показаніе несовсѣмъ-вѣрно. «Старина и Новизна, состоящая изъ сочиненій и переводовъ прозаическихъ и стихотворныхъ» издавалась В. Рубаномъ *почастно*, то есть частями, которыхъ вышло двѣ: первая въ 1772 г., а вторая въ 1773 г. въ С. Петербургѣ, въ 8-ю д. л. Хотя это изданіе въ каталогахъ и называется журналомъ, однако оно не имѣло журнальнаго характера, а представляло альманахъ или сборникъ различныхъ статей для чтенія. Въ первой части «Старины и Новизны» помѣщены слѣдующія статьи: 1) «Выпись изъ дневныхъ записокъ одного россійскаго путешественника изъ Балтійскаго въ Средиземное моря въ 1769 и 1770 году» — краткое обозначеніе переѣздовъ (стр. 18). 2) «Слово въ похвалу Санктпетербурга и его основателя государя императора Петра Великаго, говоренное предъ лицемъ сего монарха преосвященнымъ Гавріиломъ Бужинскимъ, епископомъ рязанскимъ и муромскимъ, бывшимъ тогда префектомъ и оберъ-іеромонахомъ флота, при поднесеніи его величеству первовырѣзаннаго на мѣди плана и фасада Петербурга» (стр. 49). Здѣсь кратко упоминается о стрѣлецкомъ бунтѣ, путешествіи Петра В., его побѣдахъ, учрежденіи флота и о важности основанія С. Петербурга и его укрѣпленій. Слово это напечатано и въ собраніи поучительныхъ словъ Гавріила Бужинскаго. 3) «Письмо поздравительное со взятіемъ турецкаго города Бендеръ къ его сіятельству генералу-аншефу и разныхъ орденовъ кавалеру, графу Петру Ивановичу Панину отъ нѣкотораго духов-

наго лица изъ Бѣлагорода, отъ 24-го сентября 1780 года» (стр. 75). 4) «Увѣщаніе отъ святѣйшаго правительствующаго синода члена, преосвященнаго Гавріила, архіепископа с. петербургскаго и ревельскаго, къ народу по причинѣ установленныхъ молитвъ о утоленіи тлетворнаго недуга въ Москвѣ 1771 года» (стр. 78). 5) «Надгробная надпись преосвященному Амвросію, архіепископу московскому и калужскому, умершему 6-го сентября 1771 года въ Москвѣ и погребенному въ Донскомъ монастырѣ, октября 4-го числа» (стр. 80) — стихи Рубана. 6) «Вычисленіе, сколько находится народу въ знатнѣйшихъ городахъ Европы и во всемъ свѣтѣ, учиненное примѣрно въ Варшавскомъ Адрессъ-календарѣ 1772 года» (стр. 107). Во второй части «Старины и Новизны», посвященной генералъ-прокурору князю Александру Алексѣевичу Вяземскому, напечатаны: 1) «Историческія извѣстія о первыхъ славяно-греко-латинскихъ въ Россіи: кіевскомъ и московскомъ училищахъ» (стр. 107). Въ этой любопытной статьѣ говорится: «О первоначальномъ основаніи кіевскихъ училищъ»; «О привилегіяхъ королевскихъ въ бытность Кіева подъ Польшею, и о грамотахъ государскихъ по возвращеніи его подъ Россію, данныхъ кіевскимъ училищамъ» (съ 1629 по 1766 г. включительно) — заимствовано изъ кіевскихъ земскихъ книгъ и урядной выписки; «Точная копія сочиненной въ 1726 году отъ справщика Θедора Поликарпова вѣдомости о начатіи греколатинской (Заиконоспасской) академіи въ Москвѣ» (время основанія, учители, братья Лихуды, типографія, число учениковъ, вражда противъ Лихудовъ Θедора Шакловитаго и Сильвестра Медвѣдева, «или паче рещи лѣснаго медвѣдя»). Затѣмъ слѣдовало «Дополненіе, учиненное преосвящен. епископомъ смоленскимъ Гедеономъ Вишневскимъ» объ академіи съ 1701 по 1728 г. Обѣщано было продолженіе статьи, но обѣщаніе это осталось безъ исполненія. 2) «Рѣчь преосвящен-

наго Феофана Прокоповича, говоренная при бракосочетаніи ихъ высочествъ голстейнъ-готторпскаго герцога Карла Фридерика съ россійскою цесаревною Анною Петровною, дщерію Петра Великаго 21-го мая 1725 года» (стр. 130). 3) «Списокъ бояръ, окольничихъ, думныхъ дворянъ, дьяковъ, стряпчихъ съ ключемъ, и другихъ государственныхъ чиновъ съ 1548 по 1707 годъ, взятый изъ книгохранительницы его сіятельства дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, сенатора и кавалера князя Петра Никитича Трубецкаго» (стр. 133). 4) «Духовное завѣщаніе, учиненное покойнымъ генералъ-адмираломъ и кавалеромъ графомъ Ѳеодоромъ Матвѣевичемъ Апраксинымъ въ 1728 году» (стр. 156) — актъ весьма-любопытный, въ которомъ упоминаются многія извѣстныя фамиліи: Голицыныхъ, Долгорукихъ, Головнина, Остермана, Сиверса и друг. 5) «Чинъ облаченій и прочихъ принадлежностей по сану патріарховъ, архіересвъ и другихъ духовныхъ лицъ» (стр. 173). 6) «Письмо генералъ-фельдмаршала графа Петра Александровича Румянцова къ генералъ-поручику Евдокиму Алексѣевичу Щербинину о смерти его сына, гвардіи измайловскаго полку поручика, убитаго на сраженіи съ турками при Силистріи 18-го іюня 1773 года (стр. 177). 7) «Списокъ грамоты, какова послана съ Аѳанасьемъ Порусуковымъ въ 185 (1677) году къ цареградскому патріарху о смерти царя Алексѣя Михайловича, и о восшествіи на престолъ царя Ѳеодора Алексѣевича» (стр. 180). 8) «Рѣчь къ пресвѣтлѣйшему польскому королю Станиславу Августу, говоренная на латинскомъ языкѣ епископомъ бѣлорусскимъ грекороссійскаго исповѣданія Георгіемъ Конискимъ въ Варшавѣ іюля 27/16 дня 1765 года» (стр. 185) — любопытна по смѣлому тону и сказана въ защиту православія. 9) «Рѣчь государынѣ императрицѣ Екатеринѣ Алексѣевнѣ, говоренная преосвященнымъ Георгіемъ Конискимъ, епископомъ бѣлорусскимъ, сентября 29 дня 1762 года въ Москвѣ» (стр. 182) — произнесена по случаю коронованія

императрицы и любопытна по отношенію къ событіямъ того времени. 10) «На обрученіе ихъ императорскихъ высочествъ государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича и благовѣрныя государыни великія княжны Наталіи Алексѣевны 16 августа 1779 года» (стр. 210). 11) «На день рожденія его императорскаго высочества благовѣрнаго государя цесаревича и великаго князя Павла Петровича 20 сентября 1773 года» (стр. 211). 12) «На день коронованія ея императорскаго величества государыни императрицы Екатерины II, самодержицы всероссійской, 22 сентября 1773 года» — стихи (стр. 212). 13) Двадцать-одна надпись — къ портретамъ: Гавріила, архіеписк. санктпетербургскаго, Иннокентія, архіеписк. псковскаго, Платона, архіеписк. тверскаго, П. Д. Еропкина, князя В. В. Долгорукаго, княгини Е. Н. Вяземской; по случаю тезоименитствъ: М. Г. Спиридова, Д. А. Чичерина, архіеписк. Платона; на рожденіе: фельдмаршала князя А. М. Голицына и княжны В. А. Вяземской; на возвращеніе графа Ѳ. Г. Орлова изъ Архипелага въ Санктпетербургъ 1772 г.; на пожалованіе чинами, орденами и званіями: графа Г. Г. Орлова, князя А. А. Вяземскаго, Л. А. и Д. Л. Нарышкиныхъ, князя Д. М. Голицына и Н. И. Неплюева; на смерть гвардіи поручика Щербинина, и «Къ рѣкѣ Волгѣ» по случаю путешествія Екатерины В. (стр. 179, 193, 213). 14) Стихи Спиридова: «На смерть академіи наукъ проповѣдника катехизиса, учителя и ценсора іеромонаха Кирила 1773 г. 29 августа» (стр. 207). 15) Стихи княжнѣ Катеринѣ Сергѣевнѣ Урусовой и Михайлу Матвѣевичу Хераскову, и проч. Кромѣ того, въ «Старинѣ и Новизнѣ» печатались различные переводы: «О древнихъ и новыхъ титулахъ европейскихъ, изъ сочиненій славнѣйшаго нынѣшняго времени писателя»; преданіе объ индѣйскомъ браминѣ, «О церемоніяхъ или обрядахъ» и «Исторія путешествій Скармантадовыхъ, писанная имъ самимъ» (изъ Вольтера), разныя краткія и пра-

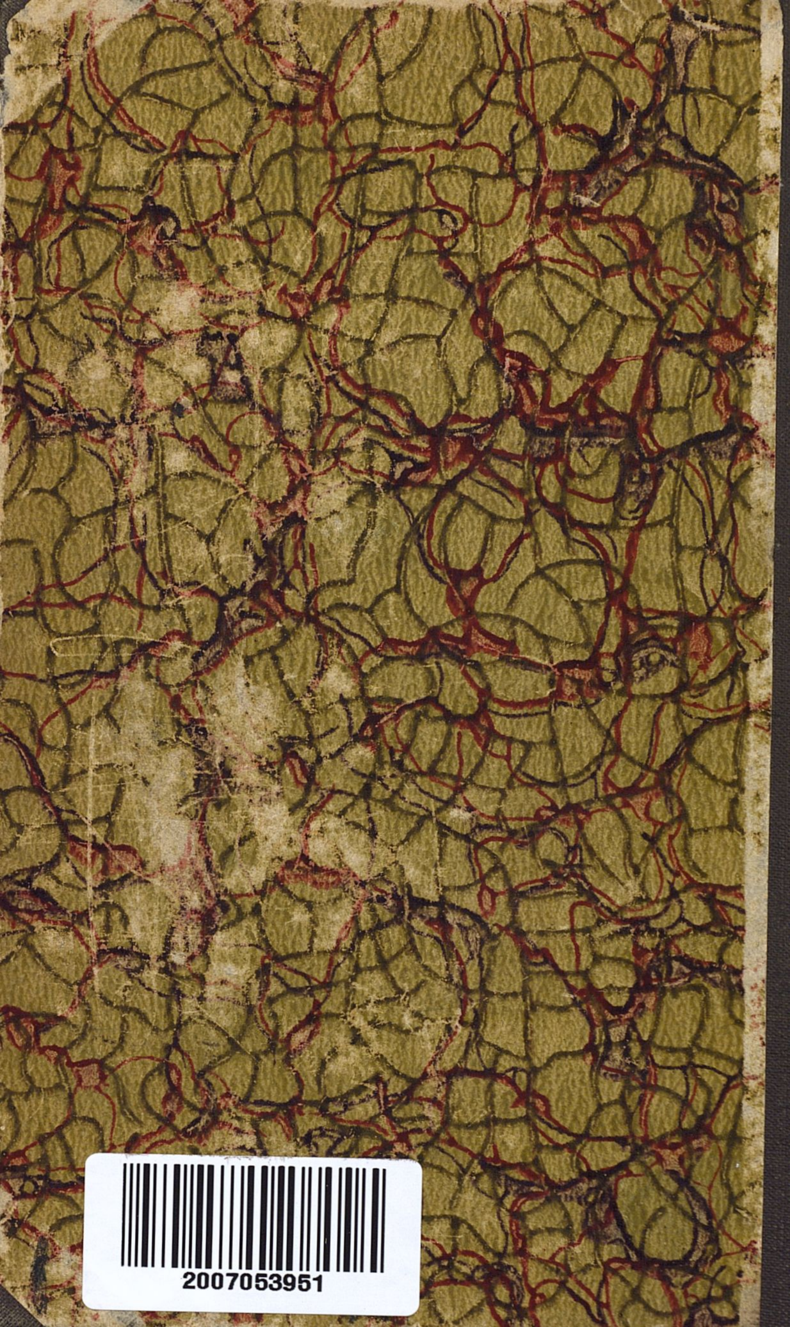
воучительныя повѣсти и анекдоты, переведенные съ французскаго, гимны изъ Омира, разговоръ Ариста и Акроталя въ защиту философовъ, и др. Надъ переводами для «Старины и Новизны» трудились Спиридовы (Матвѣй и Алексѣй), а стихотвореніе: «Торжество дурачества надъ любовью», по указанію Макарова, сочинилъ Михаилъ Веревкинъ, о которомъ смотри въ «Опытѣ» Новикова», стр. 30—31, и Словарь м. Евгенія, т. 1 стр. 73—74; о М. Спиридовѣ смотри у м. Евгенія т. 2, стр. 176. О «Старинѣ и Новизнѣ» Макаровъ напечаталъ статью, съ значительными выписками, въ Московскомъ Наблюдателѣ (1837 г. сентябрь, кн. 2, стр. 204—233) подъ громкимъ заглавіемъ: «Жизнь и приключенія всѣхъ россійскихъ періодическихъ изданій отъ самаго начала ихъ появленія на землѣ русской и до нашего времени».

15) «Ме(ѣ)шенина Катоноскарроническая, сочиненіе періодчческое въ стихахъ, выходящее въ свѣтъ для забавы покровителей наукъ, знатоковъ и охотниковъ. Post festum!» и проч.— на 1773 годъ, Санктпетербургъ, въ малую осьмушку; весьма рѣдка. Извѣстенъ только одинъ экземпляръ, поступившій отъ г. Полторацкаго въ императ. публичную библіотеку. Въ Московскомъ Телегр. 1828 г., ч. XVIII, стр. 184 (журналистика) изданіе это переименовано «Мѣщаниномъ»; вѣроятно, къ такому измѣненію подала поводъ опечатка, встрѣчаемая у Сопикова, гдѣ вмѣсто: «Мѣшенина» напечатано «Мѣщанина». Журналъ этотъ издавался какимъ-то иностранцемъ, весьма плохъ и безграмотенъ; вышло всего только два листа или нумера (32 страницы). Смотри статью г. Лонгинова въ Соврем. 1856 г., № 2, смѣсь, стр. 143—148.

16) «Кошелекъ, еженедѣльное сочиненіе 1774 года», Санктпетербургъ, въ малую осьмушку, стоило 90 коп. Журналъ этотъ былъ посвященъ отечеству и издавался листами; всѣхъ листовъ — девять. Въ статьѣ, напечатанной въ Московскомъ Городскомъ Листкѣ (стр. 178) сказано, что «Кошелекъ» былъ

прекращенъ за рѣзкія сужденія, но едвали это справедливо; «Кошелекъ» возставалъ только противъ французскаго вліянія и представлялъ изданіе вполнѣ-патріотическое. Редакторомъ журнала былъ Новиковъ. Въ самомъ «Кошелькѣ» на стр. 62 упоминается о немъ, какъ объ издателѣ «Вивліоѳики». Кромѣ статей сатирическаго содержанія, здѣсь напечатаны: 1) комедія въ одномъ дѣйствіи: «Народное игрище»; Макаровъ приписываетъ ее и Новикову, и Шувалову, но безъ всякихъ доказательствъ; комедія весьма слаба; лучшее мѣсто въ ней слѣдующій монологъ слуги Василія: «Право перестану пить... «(взглянувъ на бутылку) эту бутылку пожаловалъ мнѣ самъ «господинъ, такъ ее не грѣшно выпить... Ну быть такъ... «Напьюсь въ послѣдній разъ. (Подходитъ къ столу и говорить, какъ-будто бы былъ самъ-другъ). Василій Кондратье«вичъ, пожалуй, садись безъ чиновъ, я подчивать не люб«лю... — Со всею охотою, государь мой, я и самъ люблю «по-просту обходиться. (Садится) — Это очень хорошо: въ де«ревнѣ какіе чины! Пожалуй-ка, налей рюмку... — Со всею «охотою (наливаетъ). — Вы налили, такъ вамъ и выпить долж«но... — А! нѣтъ, я этого не сдѣлаю: вы хозяинъ, такъ вы «прежде должны выпить... — Опять пошли чины; ну, инъ, «я выпью безъ чиновъ: ваше здоровье! (выпиваетъ, потомъ «наливаетъ другую и говоритъ:) Выпивайте-же и вы... — «Со всею охотою; покорно благодарствую. (Выпивъ за друга«го, потомъ наливаетъ еще и говоритъ:) А, вы человѣкъ «благодарный, я люблю благодарныхъ. Выпьемъ за здоровье «благодарныхъ людей. (Выпиваетъ двѣ рюмки, одну за себя, а «другую за другаго)» (стр. 100—2). 2) «Ода Россіи на одержанныя ею въ 1770 году побѣды, на совершенное истребленіе турецкаго флота, на разбитіе татарскаго хана и пашей, а потомъ и самаго верховнаго визиря, и на взятіе Бендеръ и прочіихъ городовъ, сочиненная А. Б.» (стр. 145—164). Въ примѣчаніяхъ къ этой одѣ разсказаны два анекдота о графѣ П. А. Румянцовѣ. У Сопикова этотъ журналъ означенъ неправильно. О «Кошелькѣ» напечаталъ свѣдѣніе Макаровъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1839 г., № 1 (смѣсь, стр. 28—39), но въ вѣрности нѣкоторыхъ его указаній можно сомнѣваться.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

2007053951